

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИРЯ

ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

The Editorial Board

R. N. Krivko (*Austria*); A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech Republic*);

R. Marti, B. Wiemer (*Germany*);
A. Zoltán (*Hungary*); M. Garzaniti
(*Italy*); J. Schaeken (*Netherlands*);

E. I. Kislova, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,

T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-
Major, T. Subotin-Golubović
(*Serbia*); A. Timberlake, W. Veder,
A. Zholkovsky (*USA*)

Редакционная коллегия

Р. Н. Кривко (*Австрия*); А. Николов
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);

М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил Желтов,
Е. И. Кислова, М. М. Макарецев,

Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,

Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, А. Тимберлейк,
У. Федер (*США*); М. Михалевич,
М. Капович (*Хорватия*); В. Чермак
(*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 15

Nº 1

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: **<http://slovene.ru/>**
E-mail: **editorial@slovene.ru**

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Vinogradov Russian Language Institute of the RAS,
Moscow

T. I. Afanasyeva, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS

E. I. Kislova, HSE University, Moscow

A. O. Burtseva, Russian State University for the
Humanities, Moscow

R. Marti, Saarland University, Saarbrücken

D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies of the
RAS, Moscow

M. N. Saenko, Institute for Slavic Studies of the RAS,
Moscow

Managing Editors

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova,
L. M. Orlova-Gimon, M. N. Saenko

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

T. I. Afanasyeva, A. O. Burtseva, E. I. Kislova

English Language Copy Editor, Proofreader

A. A. Andreev

Layout Editor M. N. Tolstaya

Design (2012) I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва

Т. И. Афанасьева, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Е. И. Кислова, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики», Москва

А. О. Бурцева, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва

Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен

Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

М. Н. Саенко, Институт славяноведения РАН,
Москва

Редакторы выпуска

Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева, Е. И. Кислова,
Л. М. Орлова-Гимон, М. Н. Саенко

Технические редакторы

А. О. Бурцева, А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

Литературные редакторы, корректоры

(русский язык) Т. И. Афанасьева, А. О. Бурцева,
Е. И. Кислова

Литературный редактор, корректор

(английский язык) А. А. Андреев

Верстка М. Н. Толстая

Дизайн (2012) И. Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 15. № 1. — Москва: Институт
славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2026. — 306 с.

Номер издан при поддержке компании Брусника и Фонда инновационных научно-образовательных
программ “Современное Естествознание” в рамках проекта “Лаборатория ненужных вещей”.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons “Attribution-NoDerivatives”
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2026

© Authors, 2026

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Статьи / Articles

- 7 В. В. Напольских, О. Д. Сурикова (Екатеринбург). *Еще раз об этимологии «этнонима» хинова*
V. V. Napolskikh, O. D. Surikova (Yekaterinburg). Revisiting the Etymology of the Quasi-Ethnonym *Hinova*
- 31 Е. В. Буденная (Москва). *Гипокористические имена на -ец- в древнерусском языке*
E. V. Budennaya (Moscow). Hypocoristic Names Ending with -ec- in Old Russian
- 68 Т. И. Афанасьева (Москва). *Литания всем святым и ее бытование у православных славян в эпоху средневековья*
T. I. Afanasyeva (Moscow). The Litany of the Saints and Its Usage among Orthodox Slavs in the Middle Ages
- 94 Е. С. Евдокимова (Москва). *Наблюдения за семейными поминовениями во вкладных и кормовых книгах Иосифо-Волоколамского монастыря: коллективный вклад и имянаречение*
E. S. Evdokimova (Moscow). Observations on Family Commemorations in the Donation and *Kormovye* Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery: Collective Contribution and Name Giving
- 117 А. Л. Грязнов (Вологда), Н. В. Башнин (С.-Петербург). *От иконника Дионисия до Кутузовых: синодик Ферапонтова монастыря начала XVI в.*
A. L. Gryaznov (Vologda), N. V. Bashnin (St. Petersburg). From the Iconoclast Dionysius to the Kutuzovs: The Synodic of the Ferapontov Monastery from the Beginning of the 16th century
- 150 К. А. Кочегаров (Москва). *Заказ гетманом И. Самойловичем литургического прибора и оклада Евангелия в мастерских Московского кремля. 1685–1686 гг.*
K. A. Kochegarov (Moscow). Hetman Ivan Samoylovich's Order of a Liturgical Set and a Treasure-Binding of the Gospel in the Workshop of the Moscow Kremlin. 1685–1686
- 174 А. Н. Першкина (Москва). *Выставка крокодилов в Пассаже в 1864 году: к истории текстов «Крокодил» и «Нечто личное» Ф. М. Достоевского*
A. N. Pershkina (Moscow). Crocodiles in St. Petersburg's Passage Department Store in 1864: Towards the History of Fyodor Dostoevsky's *The Crocodile* and *Something Personal*
- 193 Д. М. Цыганов (Москва). *«Учитесь у величайших гениев проклятого прошлого»: Идеи «классики» и «классического» в эстетической теории и литературной практике пролетарской культуры 1920-х годов*
D. M. Tsyganov (Moscow). "Learn from the Greatest Geniuses of the Cursed Past": The Ideas of "Classics" and "Classical" in the Aesthetic Theory and Literary Practice of the Proletarian Culture in the 1920s

- 227 В. А. Плунгян, А. Д. Подгорная (Москва). *Глагол бросать: парадоксы лексической и аспектуальной семантики*
V. A. Plungian, A. D. Podgornaia (Moscow). *The Verb *brosat'* 'throw': Lexical Semantics and Aspectual Properties*

Заметки/Notes

- 253 Д. С. Крылов (Москва), М. А. Соколов (Таллин). *Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою?*
D. S. Krylov (Moscow), M. A. Sokolov (Tallinn). *Re-reading the Birchbark Letter 141 from Novgorod: Where Did Griška and Kosta Go?*
- 266 И. В. Фролов (Нефтеюганск, Сургут), И. Д. Горшков (Нефтеюганск, Сургут), О. Е. Кузькокова (Нефтеюганск). *«Пречестный отец архимандрит Феофан, благословения вашего святого прошу...»: письмо из археологических раскопок Якутского острога*
I. V. Frolov (Nefteyugansk, Surgut), I. D. Groshkov (Nefteyugansk, Surgut), O. E. Kuz'kokova (Nefteyugansk). *"Reverend Father Archimandrite Feofan, I, Your Humble Servant, Humbly Ask for Your Holy Blessing...": A Private Letter from the First Third of the 18th Century Discovered during Archaeological Excavations of the Yakutsk Fortress*

Рецензии/Reviews

- 290 Е. И. Кислова (Москва). *Возвращение Сумарокова*
[Рец.: Сумароков А. П. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1: Торжественные оды, похвальные слова, надписи и другие панегирические произведения. 1739–1776. Ред. Н. Ю. Алексеева, Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. Москва; С.-Петербург, 2026]
E. I. Kislova (Moscow). *The Return of Sumarokov*
[Rev. of: A. P. Sumarokov. *Complete Works: in 8 volumes. Vol. 1: Solemn Odes, Eulogies, Inscriptions, and Other Panegyric Works. 1739–1776.* Ed. by N. Yu. Alekseeva, N. D. Kochetkova, S. I. Nikolaev. Moscow; St. Petersburg, 2026]
- 299 Д. Ю. Ващенко (Москва). *Традиции русско-белорусско-польского пограничья: новые данные*
[Рец.: О. В. Белова, А. Б. Мороз, М. В. Ясинская. Слово устное и письменное в языке этнокультурного пограничья. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. 440 с.]
D. Yu. Vashchenko (Moscow). *Traditions of the Russian-Belarusian-Polish Borderland: New Data*
[Rev. of: O. V. Belova, A. B. Moroz, M. V. Yasinskaya. *Oral and written word in the language of the ethnocultural borderland.* Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. 440 p.]

Еще раз об
ЭТИМОЛОГИИ
«ЭТНОНИМА»
*хинова**

**Владимир Владимирович
Напольских**

Уральский федеральный университет;
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

**Олеся Дмитриевна
Сурикова**

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия;
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Revisiting the
Etymology of the
Quasi-Ethnonym
Hinova

Vladimir V. Napolskikh

Ural Federal University;
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Olesya D. Surikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia;
Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Авторы благодарны А. А. Гиппиусу и А. В. Савельеву за ценные замечания.

Цитирование: Напольских В. В., Сурикова О. Д. Еще раз об этимологии «этнонима» *хинова* // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 7–30.

Citation: Napolskikh V. V., Surikova O. D. (2026) Revisiting the Etymology of the Quasi-Ethnonym *Hinova*. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 7–30.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.01

Резюме

Статья посвящена проблеме значения и этимологии лексемы *хинова* — это знаменитый гапакс из «Слова о полку Игореве», употребленный в памятнике трижды и имеющий неясную семантику. Считается, что это слово является этнонимом — и в смысле референции, и этимологически. Начиная с XIX в. предлагалось множество версий его интерпретации; наиболее удачные из них (*хинова* — это гунны, венгры, половцы-куманы) критически разобраны в этой статье. Авторы статьи полагают, что более продуктивный путь — видеть в лексеме *хинова* не этноним, а апеллятив-атрибутив, не номинирующий конкретный народ, а характеризующий инородцев, врагов вообще. В таком случае можно связать *хинову* с обширным гнездом русской диалектной лексики на *хин-*, которая восходит к праслав. **хунити* 'обманывать' (< **хубати* 'качаться, колебаться, двигаться', 'ошибаться'). Др.-рус. **хынѣ* могло бы означать 'лукавый, обманщик, лжец', производная от него форма им. п. мн. ч. *хынове* — 'лукавые, нечестивые', что вполне вписывается в известную модель номинации инородцев. Авторы полагают, что лексема *хинова* употребляется в «Слове» в двух разных, но взаимосвязанных значениях — широко ('лукавые, нечестивые, неверные народы — о врагах в целом') и узко ('половцы как конкретные представители нечестивых народов'). В статье, кроме того, приводится интересная иранская параллель — осет. *xīn* 'хитрый, лукавый, колдовство' < иран. **hīnu* 'колдовство, заклятие' < **hā(y)* 'связывать'. Авторы не исключают, что соответствующее аланское слово могло повлиять на употребление др.-рус. **хын-* в «Слове»: *xīn* могло употребляться аланами в отношении половцев, о чем знал автор «Слова», который поэтому использовал в своем тексте сходную по звучанию и значению русскую лексему. Это могло бы объяснить гапаксный характер лексемы *хинова* в «Слове».

Ключевые слова

древнерусский язык, славянские языки, иранские языки, этимология, языковые контакты, диалектная лексика, этнонимия, «Слово о полку Игореве»

Abstract

The article examines the problem of meaning and etymology of Old Russian *хинова*. It is a well-known hapax from *The Tale of Igor's Campaign*, which appears thrice in the text and has an unclear meaning. It was considered to be an ethnonym (both, referentially and etymologically). Since the 19th century, numerous interpretations have been proposed; the most plausible of them (*хинова* refers to the Huns, Hungarians or Cumans) are critically reviewed in this article. The authors are inclined to consider *хинова* not an ethnonym, but rather an appellative that does not name a peculiar nation, but is a characteristic of aliens and enemies in general. This allows to connect *хинова* with a vast lexical group in Russian dialects with the stem *хин-* < Proto-Slavic **хунити* 'to deceive' < **хубати* 'to swing; to make mistake'. Thus, Old Russian **хынѣ* could mean 'cunning, deceiver' and its derivate (Nom. Pl.) *хынове*—'deceivers; wicked' (Russ. *нечестивые*, lit. 'without honor') and this fits into the a well-known model of naming the aliens. The authors suppose that *хинова* is used in the *Tale* in two related meanings: the wide one ('wicked; infidel' peoples—about

the enemies in general) and the narrow one (the Cumans as a representatives of the wicked peoples). In addition, the article suggests an interesting Iranian parallel: Ossetian *xīn* 'insidious; cunning; witchcraft' < Iran. **hīnyā* 'witchcraft; spell-binding' < **hā(y)* 'to bind'. The authors do not rule out a possibility that the Alanic word may have influenced the use of Old Russian **хын-* in the *Tale*: *xīn* may have been used by the Alans to refer to the Cumans, a fact known to the author of the *Tale*, who therefore used the Old Russian word similar by meaning and by sound. This could, besides, explain why *хинова* in the *Tale* was a hapax.

Keywords

Old Russian language, Slavic languages, Iranian languages, etymology, language contacts, dialectal lexis, ethnonyms, *Tale of Igor's Campaign*

Хинова — гапакс из «Слова о полку Игореве», употребляющийся в этом памятнике дважды, а вместе с производным от него прилагательным — трижды:

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ, тѣмоу ся поволокоста и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста **хинови**.

Тѣми тресну земля, и многы страны — **Хинова**, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужныи.

О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши **хиновъскыя** стрѣлки на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? [СОПИ 1950].

Это слово и его дериваты (*хинове (поганыи)*; *хиновя*, *поганые татаровя*; *хинела*; *поганий Мамай хиновин*; *шеломы хиновския / хиновѣския / хыновския / хыновскыи / хиновские*) также неоднократно встречаются в разных редакциях «Задонщины» (см. с контекстами ниже), но, вероятнее всего, они возникли в «Задонщине» не самостоятельно, а под влиянием «Слова» (что для многих параллельных мест в этих памятниках убедительно показал А. А. Зализняк [2008]), поэтому *хинову* следует все же считать гапаксом одного источника, из чего в дальнейшем мы исходим.

Форма *хинова*, вынесенная в заглавие нашей статьи, — своего рода дань традиции: именно в таком виде лексема чаще всего фигурирует в литературе, посвященной «Слову о полку Игореве» (в том числе в лингвистических трудах). На самом деле финаль *-а*, придающая слову облик собирательного существительного, — это, вероятнее всего, поздняя (XV–XVI вв.) замена окончания *-ове*: более древняя форма реконструи-

руется в виде *хы(и)нове* [Зализняк 2008: 241; Добродомов 1978], с ударением на первый слог [Николаев 2020: 512]. А. А. Зализняк объясняет такую замену контекстным грамматическим уподоблением: «В ряду *Литва, Ятвязи, Деремела* и *Половци*, где попеременно представлены собирательные и словоформы и. мн., словоформа *Хинове* была бы вполне на месте; а ее замена на *Хинова* легко объясняется влиянием следующего слова *Литва*. Трактовка *Хинова* как замены для *Хинове* находит прямую поддержку в тексте “Задонщины”, где мы находим *Хинове* (И-1), *Хиновя* (У)» [Зализняк 2008: 333]. Грамматически форма *хынове* представляет собой им. п. мн. ч., падежная форма *хынови* («великое буйство подаста хынови») надежнее всего трактуется как дат. п. ед. ч. от незафиксированного в древнерусском языке существительного на **й* — **хынъ* ‘?’ [Зализняк 2008: 333; Добродомов 1978: 102]¹. Далее, рассуждая о возможных истоках загадочной лексемы *хынове*, мы будем для удобства говорить об основе **хын-*, а не о прямом производящем **хынъ* и не о его грамматических формах.

Лексема *хинова* очень интересовала исследователей «Слова» начиная по крайней мере с XIX в., и к настоящему моменту о ней есть большая литература — более или менее подробный обзор попыток интерпретации *хиновы* (хотя и не всех, но, по крайней мере, самых обстоятельных и/или цитируемых) дан в соответствующей статье в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» [Гузов, Творогов 1995], к которой мы и отсылаем читателя. Почти все интерпретаторы отталкиваются от идеи, что *хинова* — это некий загадочный этноним, и дальнейшие поиски (и этимологические, и исторические) направлены на обнаружение конкретного народа (и его имени), который этим словом обозначен (в числе редких исключений — Д. А. Расовский [1936], предположивший оттопонимное происхождение лексемы *хинова*, трактуемой, таким образом, как катойконим).

¹ С. Л. Николаев предлагает видеть в форме *хинова* собир. ж. р., для формы *хынови* он предлагает эмендацию *хиновъ* — дат. п. ед. ч. от *хинова* [Николаев 2020: 151]. Однако, по всей видимости, собирательные этнонимы на *-ва* от именных основ — это поздняя инновация, для древнерусского языка не характерная. Обычно *хинова*, трактуемая как собир. сущ., помещается в ряд этнонимов *литва, морава, мордва, норова, лотва, дайнава, татарва*, но этот ряд, как мы показали в статье [Напольских, Сурикова 2024], мнимый. Формы *норова, морава, литва, лотва, дайнава* (все балтизмы, кроме *моравы*) были заимствованы в древнерусский язык целиком (они реализуют отгидронимную модель в этнонимии и содержат балтославянский гидронимный формант *-(V)va). *Татарва* — очень поздний (XIX в.) украинизм. Форма *мордва*, как видится, возникла в рамках парадигмы склонения существительных на **-й* из первоначального этнотопонима **морды*: **морды* (*mordy*) > **мордовъ* (*mordъvъ*) > *мордва* [Ibid.]. Таким образом, для XII в. *хинова*, понимаемая как форма собир., была бы изолированной. Кроме того, принятию собирательной формы *хинова* противоречит, по-видимому, и реконструируемое С. Л. Николаевым ударение на первом слоге.

Мы не будем здесь разбирать маргинальные и очевидно неудачные версии (связь с *финнами* по Вс. Ф. Миллеру, с названием города *Кинов* у Идриси по Д. А. Расовскому, с китайской династией *Цзинь* по Л. Н. Гумилеву или европейским названием Китая индийско-персидского происхождения типа нем. *China* и т. п.) — см. обо всем этом еще [Добродомов 1978]. Однако две гипотезы заслуживают рассмотрения.

Во-первых, это предположение П. Г. Буткова, подкрепленное затем авторитетами А. А. Потебни и А. И. Соболевского [Гузов, Творогов 1995] о связи **хын-* с названием *гуннов*. Действительно, европейские названия гуннов (греч. *Οὐννοι, Χουννί*, лат. *Hunni, Huni* др.-в.-нем. *Hûn*) вкуче с восточными данными (согд. *хwn*, сир. *hûn*, санскр. *hūna-*) и китайской реконструкцией (匈奴 *xīōngnú* < **xiawŋ-nə*) [Golden 1992: 57–58] указывают на корневое **û* в этом этнониме (самоназвании?), которое закономерно должно было дать **у* (> др.-рус. *ы*) в праславянском [Sobolevskij 1909: 474]. Проблема заключается в том, что, помимо др.-рус. **хын-* в «Слове», гипотетическое праслав. **хуп* ‘гунны’ не отражено более ни в одном славянском языке или письменном памятнике (это существенно, если считать слово праславянским, а только таким может быть заимствованное не позднее IV в. название гуннов), в том числе и в русских. Приводимые для доказательства его существования топонимы типа чеш. *Chýně, Chýnov, Chýnice* и т. п. [Соловьев 1964: 368] аргументами не являются, поскольку эти поздние ойконимы (фиксируются с XIII–XIV вв.) имеют славянскую (от **хунити* ‘обманывать’ — см. ниже) или другую этимологию, в частности в связи с производными от монгольского (татарского) *хан* [Profous 1949: 82–85], и к гуннам никакого отношения не имеют². Конечно, «Слово» богато на такие этноисторические гапаксы («вѣчи Трояни», «готскія дѣвы», «время Бусово» и др.), но тем не менее полное отсутствие параллелей при неясности значения в контекстах требует с осторожностью отнестись к данной этимологии.

Отчасти по этой причине — чтобы объяснить внезапное появление забытого названия древнего народа в «Слове» — была предложена гипотеза (впервые, видимо, Р. Якобсоном и М. Шефтелем, подробнее см. [Moravcsik 1960], далее [Менгес 1979: 168–170]³) о том, что под

² Благодарим редакцию журнала «Словѣне» за указание на цитируемую работу. Ср. здесь еще российские ойконимы, упоминаемые в [Зимин 2006] и подтверждаемые материалами [НКРЯ]: д. *Малая Хиновка* на Ярославщине (1501), с. *Хиновское* в Рязанской земле (1567–1568). Кроме того, ср. еще гидронимы — оз. *Хиновка* и р. *Хиновка* в Невельском р-не Псковской обл. (https://yandex.ru/maps/10926/pskov-oblast/geo/ozero_khinovka). Без исследования этих топонимов в контексте местных топонимов уверенно говорить об их этимологии невозможно, соответственно, их не стоит использовать как аргументы в решении проблемы *хиновы*.

³ К. Менгес поспешно принял гипотезу Д. Моравчика, но, видимо, чувствовал ее слабость, вследствие чего писал: «...вероятно, не в каждом отдельном примере

«гуннами» — **хын* — в памятнике, скрываются венгры, которых в европейских источниках с X в. действительно называли «гуннами». Проблему упоминания в «Слове» наряду с **хын* в значении ‘венгры, венгерский’ и обычного *угорский* («угорскими иноходцы», «горы Угорьские») Д. Моравчик решает, полагая, что *угорский* используется в «Слове» в географическом смысле (в случае с «угорскими иноходцами» такое объяснение выглядит не очень убедительно). Кроме того, он расширил топонимический аргумент, приведя этноним *Χούναβοι* и название епископства *Χούναβία* в районе Дурреса в византийских источниках — якобы след пребывания на Балканах ранних венгров, именовавшихся «гуннами» [Moravcsik 1960: 71–72]. Данные ономастики, однако, и здесь никакого значения не имеют: то, что *Χούναβοι* — название каких-то маргинальных балканских венгров, является ничем не подкрепленным предположением Моравчика, славянское происхождение данного балканского онима не доказано.

В общем венгерская версия не улучшает позиции гипотезы о связи **хын* с названием гуннов, поскольку в силе остается главный контраргумент: отсутствие этого слова где-либо еще в русских источниках и в других славянских языках. Причем контраргумент этот выглядит для венгерской версии даже сильнее: отсутствие воспоминаний о давно исчезнувших гуннах еще можно понять, но уникальное употребление такого названия в отношении хорошо известных венгров просто необъяснимо. Следует еще иметь в виду, что путаница имен гуннов и венгров в иностранных источниках — явление, характерное для ученых текстов, и, вероятно, если такую путаницу предполагать в древнерусском, ее также следовало бы ожидать скорее в летописях и т. п. (где **хын*-отсутствует), нежели в поэтическом «Слове».

Не указывают на венгров и контексты. Непонятно, как пленение половцами новгород-северского князя могло порадовать венгров («великое буйство подаста хинови») — половцы представляли угрозу на юго-восточных границах Венгерского королевства, и их успехи не были бы на руку венграм. В отличие от ятвягов, литвы и половцев венгры вряд ли когда-нибудь склоняли головы перед Романом Мстиславичем Галицким («Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и половци сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша под тыи мечи харалужныи») — напротив, Андраш II некоторое время номинально правил Галичем, а позднее неоднократно помогал сыну Романа Даниилу в борьбе за

слово *хынъ* обозначает венгров; иногда оно употреблялось в том же самом смысле, что и этноним гуннов [...] или даже *Σχόδαи* [Менгес 1979: 169]. Хотелось бы, конечно, узнать, к какому из трех случаев употребления в «Слове» относится это «иногда», но так или иначе это весьма симптоматичное высказывание практически ликвидирует смысл гипотезы Моравчика.

Галич, и когда венгров из Галича изгоняли, то делал это отнюдь не Роман Мстиславич.

Таким образом, этимология **хын* от имени гуннов фонетически вполне приемлема, но не имеет никаких подтверждений в источниках и в живых языках, в силу чего остается чисто гадательной, хотя и формально опровергнута быть не может. У предположения о том, что под **хын* в «Слове» скрываются венгры, оснований еще меньше.

Вторая гипотеза, которую можно упомянуть, принадлежит И. Г. Добродомову [1978]. Вообще, его статья — едва ли не лучшее из всего, написанного по интересующему нас вопросу. Приведя разумные доводы против отождествления **хын* с гуннами и венграми, Добродомов предложил выводить это слово из названия восточного племенного объединения кыпчаков, *куны* (*qūn*) [Добродомов 1978: 105–106]. Эту его гипотезу раскритиковал К. Менгес [1979: 169–170], обвинив Добродомова в непонимании трудов тюркологов, поскольку тот допускал переход **q > x* в кыпчакских языках, в которых такого перехода не было. Это замечание справедливо в отношении ранней короткой рецензии [Добродомов, Улукханов 1966: 118], с которой был знаком Менгес, но в цитируемой здесь работе (ее Менгес не мог учесть) Добродомов, оставляя пассаж о переходе **q > x* в кыпчакских языках [Добродомов 1978: 106], предлагает другую возможность: переход **q > x* в болгарском и проникновение **qūn* в древнерусский через болгарское посредство [Ibid.: 126].

Действительно, переход **q > *x* в болгарском довольно ранний (в волжско-болгарских эпитафиях XIII–XIV вв. уже достоверно *x*: *هير* [*hir*] ‘дочь’ ~ чув. *xər* ~ Z-тюрк. *qyz*, *خرخ* [*xərx*] ‘сорок’ ~ чув. *xərax*, Z-тюрк. *qyrq* [Erdal 1993: 114–120]), но едва ли синхронный праславянскому переходу **ū > *y*: в болгарских заимствованиях в венгерском (V–IX вв.) **q* обычно передается через *k*, и только в нескольких словах возможно отражение **x* (венг. *harang* ‘колокол, колокольчик’, *homok* ‘песок’ и др.) [Gombocz 1912: 83–84, 165–166; Agyagási 2019: 70]. Проблема была тщательно рассмотрена А. В. Дыбо, которая пришла к выводу об относительно позднем происхождении слов с тюрк. **x > венг. h* из языка кумано-печенежского типа, где такой переход (вопреки Менгесу) все же имел место. Но это верно для IX–XII вв., а никак не для праславянского времени (которое подразумевает развитие **ū > *y* в **хын*). Что касается праславянского, то болгарские заимствования в нем системно отражают формы до спирантизации **q > *x* (**kovъčegъ*, **korgiъ* ‘ястреб’, **kvarъ* ‘вред’) — так же, как в венгерском [Дыбо 2014]. Кроме того, хронологические проблемы вызывают и исторические обстоятельства: название *кунов-половцев* вряд ли могло быть актуально для славян (да и для болгар) раньше XI в., особенно если учитывать, что *куны* — это восточные

группы половцев (тем более невероятно это для праславянского времени), и предполагать для столь позднего периода переход **ǫ > *y* в славянском оснований нет. Следовательно, заимствование этнонима **qǫn* дало бы в праславянском **kǫnъ* (но по историко-географическим соображениям было невозможно), а в более позднюю эпоху при болгарском или печенежском посредстве — **хипъ*, и искомую форму **хын* получить по версии Добродомова невозможно.

Таким образом, обе заслуживающие внимания гипотезы отэтнотимического происхождения **хын* оказываются неудовлетворительными, и исследование на этом пути заходит в тупик. Как видится, имеет все же смысл не искать непременно конкретно-отэтнотимную этимологию *хиновы* из «Слова о полку Игореве», а подумать об апеллятивном ее этимоне — и, возможно, о не слишком конкретном референте. Иными словами, перспективным кажется направление поисков, когда мы предполагаем, что слово *хинове* в памятнике имеет не ономастический статус (и называет один-единственный народ), а апеллятивный, возможно, даже выполняет функцию эпитета, — и производящая основа **хын-* также не имеет отношения к этнонимии. Сразу оговоримся, что подобная мысль уже высказывалась прежде, но не получила ни достаточной проработки, ни должного внимания в последующей исследовательской традиции.

Так, еще в 1882 г. Д. И. Прозоровский писал: «...надлежит заключить, что название *Хин* не было народным или племенным, а означало народов полудиких, преимущественно тех, которые тревожили Русь набегами» [Прозоровский 1882: 62]. Прозоровский рассматривал интересующую нас лексему как обобщающую характеристику ряда народов, но не этноним («Хиновы племена: Половцы, Литва, Ятвяги, Деремела» [Ibid.: 28]), реконструируя текст «Слова» следующим образом: «и многи страны Хинова: Литва, Ятвязи, Деремела и Половци» [Ibid.: 44]⁴. Хотя предложенная Прозоровским связь **хын* с греч. *χῆν, χῆνός* ‘гусь’ вряд ли приемлема, следует отметить, что он, по-видимому, впервые привлек для объяснения **хын* русскую диалектную лексику: великолуцкое *хинарный* ‘лукавый’ [Ibid.: 62–63].

В 1955 г. Н. К. Гудзий мельком, не вдаваясь в подробности, комментирует лексему *хинова* в издании «Слова о полку Игореве»: «*Хинова* — в древнерусском языке собирательное имя для обозначения “поганных басурман”» [СОПИ 1955: 76; цит. по: Соловьев 1964: 367].

Авторы статьи «Хин(ова)» в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» В. Г. Гузев и О. В. Творогов, проанализировав сумму основных

⁴ Пунктуация Прозоровского здесь перекликается с пунктуацией первого издания «Слова»: «тѣмъ тресну земля и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя повръгоша» [Слово 1800: 32].

этимологий, предлагавшихся для *хын-, подводят такой итог (не предлагая конкретных лингвистических решений): «Все это побуждает допустить предположение, что под Х[иновой] не скрывается какой-то определенный народ, а корень хин указывает лишь на враждебную русским силу. [...] Поэтому значение ‘враг, противник, неприятель’, как представляется, в наибольшей степени соответствует всем контекстам, в которых Х[инова] употребляется в “Слове”. Предлагаемое значение снимает затруднение, возникающее при истолковании контекста, в котором словоформа Х[инова] предшествует перечислению врагов» [Гузев, Творогов 1995: 182]⁵.

Поиск связей *хын- с апеллятивной лексикой древнерусского языка результатов не дает: в словарных материалах, уже опубликованных на сегодняшний день (в том числе в [НКРЯ]) и пока являющихся архивными⁶, старые слова с основой хын- (включая приставочные образования) не обнаруживаются. Ту же картину, судя по всему, демонстрирует лексикон берестяных грамот⁷. Однако это не является непреодолимым препятствием, ср. замечание А. А. Зализняка: «Постоянная лингвистическая ошибка [...] состоит в презумпции [...], что если слово не встретилось в дошедших до нас древнерусских памятниках, то его не было в древнерусском языке и что если оно не встретилось, например, ранее XVI века, то оно и появилось в языке лишь в этом веке или чуть раньше. В настоящее время уже совершенно ясно, что это глубокое заблуждение. [...] Несмотря на значительный общий объем, дошедший до нас фонд древнерусских памятников не имеет никаких шансов охватить всю лексику древнерусского языка — прежде всего ввиду ограниченности своей тематики» [Зализняк 2008: 206]. Благодаря богатому русскому диалектному материалу, опубликованному к настоящему времени, и в особенности сводным данным, содержащимся в 50–52-м томах «Словаря русских народных говоров» (на букву Х), которые увидели свет в 2017–2021 гг., наши эвристические возможности расширяются.

Так, в [СРНГ] находим обширный ряд русских диалектных слов разной частеречной принадлежности и с разным аффиксальным оформле-

⁵ Далее, однако, авторы вновь возвращаются к мысли об этнонимной природе *хиновы*: «Сказанное не противоречит предположениям о том, что слово Х. когда-нибудь могло быть обозначением какой-либо группы населения (в том числе и этнонимом): вполне допустимо, что название конкретного народа, находившегося во враждебных отношениях с русскими княжествами, могло превратиться в нарицательное существительное, в обозначение любого противника, посягающего на русские земли» [Гузев, Творогов 1995: 182].

⁶ Мы благодарим Я. В. Пенькову за помощь в ознакомлении с картотекой [СЛРЯ XI–XVII вв.].

⁷ За консультацию благодарим А. А. Гиппиуса.

нием с основой *хин*-⁸. Их можно разделить на несколько групп, в которых реализуется разная (негативная) семантика:

1) 'наклонять, кренить': пск., твер., смол. *хинуться* 'наклониться, накрениться' [СРНГ, 50: 133], смол. *нахину́ть* 'нагнуть, наклонить' [СРНГ, 20: 259], смол. *похи́нуть* 'погнуть, наклонить что-л.' [СРНГ, 30: 347];

2) 'нечто искривленное, слабое, болезненное, бесполезное': перм. *хи́нять* 'слабеть от долгой болезни, хиреть' [СРНГ, 50: 135], морд. *хинóз-ный* 'хилый, больной' [СРНГ, 50: 133], арх. *хи́нушка* 'сосна, растущая на болотистой местности' [СРНГ, 50: 134], орл. *хинь*, курск., орл., тул., калуж. *хи́ня* 'что-л. ничтожное, пустяковое, бесполезное' [СРНГ, 50: 134, 135], дон. *хи́нья-позаты́нья* 'о бесполезных, бестолковых действиях кого-л.' [СРНГ, 50: 135];

3) 'исчезновение, неудача; смерть, болезнь': смол. *хинь* 'погибель' [СРНГ, 50: 134], орл. *хинóм пропасть* 'пропасть без следа' [СРНГ, 50: 133], ряз. *в хинь пойти, пролететь хинью* 'пропасть полностью, без какой-л. ощутимой пользы', курск., брян., калуж., ряз., дон., краснояр. *пойти (идти) хинью* 'истратиться, испортиться, пропасть полностью без какой-л. ощутимой пользы', орл., дон. *пройти (проходить) хинью* 'то же', смол. *разойтись хинью* 'окончиться ничем, провалиться (о деле)', смол. *хинь* междом. бран. 'пожелание, обращенное к кому-л., вызывающему раздражение: сгинь, исчезни' [СРНГ, 50: 134–135], возможно, также зап.-брян. *хинтя* 'лихорадка' [СРНГ, 50: 133];

4) 'обман, лукавство': пск. *хинáрничать* 'хитрить, лукавить', пск. *хинáрный* 'хитрый, лукавый' [СРНГ, 50: 132]⁹;

5) 'брань, хула; злая насмешка': *хи́нить* арх., влг., сев.-двин., перм., твер., олон., карел., беломор., иван., казан. 'ругать, хаять кого-л., осуждая его действия, и тем самым порочить, чернить кого-л., арх. 'давать плохую оценку чему-л., хулить', арх. 'обвинять кого-л. в чем-л.', арх. 'в свадебном обряде — петь насмешливые песни про сватов или жениха, если они плохо одаривают подружек невесты', олон. *хини́ться* 'смеяться' [СРНГ, 50: 133], арх. *хи́нивать* 'неоднократно бранить, осуждать кого-л.' [СРНГ, 50: 132], арх. *хиня́ть* 'порицать, ругать', арх. *хи́ня* 'тот, кто ругается, бранится' [СРНГ, 50: 135], сев.-двин. *захи́нить* 'охулить, опорочить' [СРНГ, 11: 147], арх. *нахи́нуть* 'опорочить, охаять кого-л.' [СРНГ, 20: 259], арх. *охи́нить* 'дурно отзываться о ком-л., опорочить

⁸ По понятным причинам исторического развития фонетики для диалектных материалов, зафиксированных в XIX–XX вв., которые преимущественно содержатся в [СРНГ], облик основы **хын*- не характерен.

⁹ Словообразовательно ср. *бондарь* — *бондарный* — *бондарничать*, *токарь* — *токарный* — *токарничать* и мн. др., предположительно от незафиксированной формы сущ. с суф. деятеля **хинарь* 'тот, кто обманывает, живет обманом'.

кого-л.; охаять' [СРНГ, 25: 30], арх. *похѣнуть* 'сказать что-л. с осуждением, похаять', арх. *похѣнѣть*, 'выражать недовольство чем-л., пенять, ругать, хулить', арх. *похѣнка* 'порицание, хула' [СРНГ, 30: 347]¹⁰.

Нетрудно заметить, что значения (1) и (4) реализуются скорее в западном диалектном ареале, значение (3) — в основном в южных русских говорах, значение (5) — преимущественно на Русском Севере. Но это не мешает считать соответствующие лексемы продолжениями одной основы. К тому же некоторые из перечисленных семантических возможностей имеют славянские параллели, ср.:

- 'наклонять, кренить': польск. диал. *chynąć* (*się*) 'зашататься, закачаться, потерять равновесие, наклониться' [SGP, 11: 218], блр. *хінáць* 'наклонять', *похінуць* 'наклонить', *хінуцьца*, *похінуцьца*, *схінуцьца* 'наклоняться, клониться', *хінáнне* 'нагибание, наклонение' [Носович 1870: 678], укр. *хібнути* 'покачнуть, наклонить', 'наклониться' [Гринченко, 4: 396; цит. по: Варбот 1984: 148];

- 'нечто искривленное, слабое, болезненное': польск. диал. *chynięty* 'о человеке: с рождения искривленный на один бок', 'больной грыжей' [SGP, 11: 218];

- 'неудача; болезнь': польск. диал. *chynąć* 'ухудшаться, хиреть' [SGP, 11: 218], возможно, укр. *хиндя* 'лихорадка' [Гринченко, 4: 398], укр. *хібнути* 'не удался' [Гринченко, 4: 396; цит. по: Варбот 1984: 148];

- 'обман, лукавство': ср. серб.-ц.-слав. *хынити* 'обманывать', *хына* 'обман', с.-х. *хынити* 'фальшивить, лицемерить', словен. *hiniti* 'то же' [Фасмер, 4: 238], с.-х. (диал.) *hin* 'лживый', *hinac*, *hinjac* 'обманщик', *hina* 'обман, ложь' [Skok, 1: 667], серб.-ц.-слав. *пръхынити* 'обмануть' [Matzenauer 1881: 8].

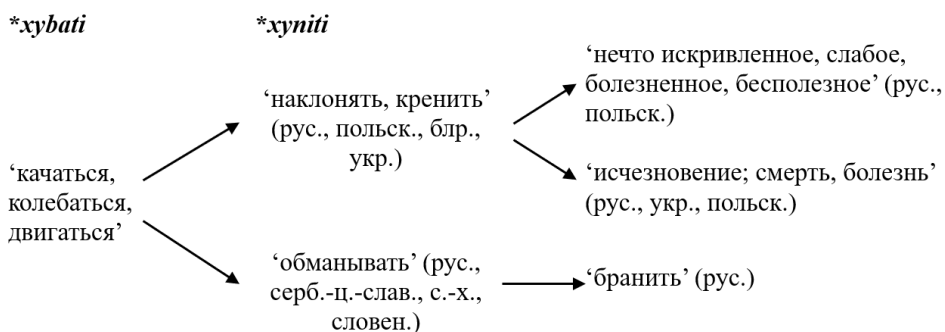
Все эти значения надежно связываются этимологией, предложенной А. Маценауром [Matzenauer 1881: 8–9] и затем дополнительно обоснованной Ж. Ж. Варбот [1984: 148–149]: п.-слав. **xyniti* — **xynōti* < **xybnōti* < п.-слав. **xybati*, **xybēti*, **xybiti* 'качаться, колебаться, двигаться', 'ошибаться', 'недоставать'¹¹. Маценаур в качестве аргумента

¹⁰ Отметим, что задолго до публикации [СРНГ, 50–52], в 1994 г., вышла замечательная книга В. В. Виноградова (1894–1969) «История слов» — посмертная публикация разрозненных материалов ученого. В статье «Ахинея» по первоисточникам приводится множество русских диалектных слов на *хин*, реализующих выделенные нами семантические линии, а также восстанавливается их общеславянский фон. В. В. Виноградов предлагает отнести к гнезду *хинить*, *хинуть* 'порицать, хаять', 'гнуть, наклонять' также общепольское слово *ахинея*, убедительно сравнивая его с диал. *хинь* 'пустяки и проч.' [Виноградов 1994].

¹¹ Эта версия не единственная: гораздо более известна этимология Э. Бернекера [Berneker, 1: 413], поддержанная М. Фасмером [4: 237–238]: о связи рус. диал. *хѣнуть* (ся) 'наклонить(ся)', *хѣнить* 'хулить, осуждать, порицать' с гнездом рус. *хилый* < праслав. **xylъ* (**xyliti*). Недостатки этой этимологии указаны в [Варбот 1984: 148], отверг ее и О. Н. Трубачев в 1981 г. в очередном выпуске ЭССЯ [8:

связи **хунити* ‘обманывать’ и **хубати* ‘качаться’ приводит ц.-слав. *подъхыба* ‘лесть’ *подъхыбънь* ‘лстивый’, с.-х. диал. *podhiban* ‘лукавый’ [Matzenauer 1881: 8–9], Ж. Ж. Варбот указывает еще словообразовательные и семантические параллели из других гнезд: словен. *hlíniti* ‘бросаться’ и *hlíniti se* ‘лицемерить’; рус. *кидать(ся)* и *прикинуться*; словен. диал. *rošinjén* ‘горбатый’ и ‘лицемер, ханжа’; слав. **šibati* ‘бить, толкать’ (откуда рус. *ошибка*) и **šīnōti* (откуда польск. *szynąć* ‘склонить, опустить’) [Варбот 1984: 148–149].

Для приведенного спектра славянской (и, в частности, русской диалектной) лексики из праслав. **хубати* > **хунити* логика развития значений реконструируется следующим образом:

157–158] (ранее, комментируя Фасмера, Трубачев еще не имел возражений против версии Бернекера). О. Н. Трубачев [Ibid.] предложил возводить праслав. **хунити* ‘обманывать, притворяться’ < **хун-* к и.-е. **skū-n-* (ср. др.-инд. *skunāti*, *skunōti* ‘покрывать’, греч. *σχυία* мн. ‘брови’, ср.-в.-нем. *schüne*, нем. *Scheune* ‘сарай’ < ‘*кров’, др.-исл. *skaun(n)* ‘щит’ < и.-е. **(s)keu/*(s)kū* ‘покрывать’, без славянских данных [IEW: 951–953]), не приводя в этом гнезде дериватов **хунити* со значениями ‘наклонять; кривой; болезнь и т. п.’ (см. выше) и никак не объясняя такое игнорирование (учет этих значений существенно ослабил бы этимологию от и.-е. **(s)keu* ‘покрывать’). Возможно, данное обстоятельство как раз связано с отрицанием связи **хунити* с **хулъ*, **хылити*, но согласиться с таким подходом нельзя. Заметим еще, что предложенные в ЭССЯ [8: 115–116, 155–156] решения для **хулъ*, **хылити* мало проясняют дело. Вообще, сильная контаминационная активность продолжений праслав. **хул-*, **хун-*, **хуб-* и **хут-*, по крайней мере в восточнославянских языках, бросается в глаза: эти основы часто дают лексику с одинаковой словообразовательной структурой и похожей (или идентичной) семантикой. Конечно, во многом это связано с экспрессивным характером начального **ху-* [см.: Шарифуллин 1998: 385–387], но, полагая, аргумент фоносемантики не может быть здесь исчерпывающим. Этот вопрос требует отдельного исследования (см. в связи с этим: «польск. *chynąć* фонетически совпадает с <с.-х.> *hinititi*, но семантически это то же, что <с.-х.> *hiliti*. Таким же образом праславянская основа *hy-* расширена в *hiliti* формантом *l*, в *hinititi* формантом *l*» [Skok, 1: 667]; в статье «*Hinititi*» П. Скок приводит также лексику на *him-*: *himben* ‘фальшивый, ложный’, *himbenica*, *himbenjak*, *himbenost* и др. [Ibid.]). В новейшем «Этимологическом словаре хорватского языка» Р. Матасович возвращается к этимологии праслав. **хунити* от и.-е. **(s)keh*, *u-* ‘скрывать, покрывать’ [ERN], 1: 325].

Смысловым шагом, реализованным специфически в севернорусском анклаве, является только звено ‘обман, клевета’ → ‘брань’. Но для лексики соответствующих семантических полей (обозначающей в широком смысле агрессивное речевое поведение) связь возможна и в нашем случае не уникальна, см. на русском диалектном материале [Хелемндик 2007: 67; Кучко 2017: 160–161].

Вернемся к интересующей нас форме *хынове* из «Слова о полку Игореве». Если встраивать производящее для нее сущ. ед. ч. **хынъ* в описанное гнездо апеллятивной лексики из праслав. **хунити* (др.-рус. **хынити*, рус. *хинить, хинуть*), то современная русская диалектная лексика дает четкую словообразовательную параллель — отглагольное существительное муж. р. **хин* (орл. *хином пропасть* ‘пропасть без следа’), ср. также сущ. ж. р. *хинь* (смол. *хинь* ‘погибель’ и др.), сущ. общ. р. курск. *хиня* ‘ничтожество’ (цит. по [Виноградов 1994]) и др. В содержательном плане, ориентируясь на смысловые линии, которые реализуются в гнезде, для **хынъ* можно предполагать сравнительно широкую негативную семантику. Однако логика ксеномотивации, чаще всего присваивающая инородцам характеристики не просто негативные, но принижающие, «обличительные» [см. подробно: Березович 2007: 112–136; 404–466], заставляет обратить особое внимание на слова с основой *хин-*, имеющие семантику ‘обманывать, лукавить’ (тем более что это значение зафиксировано во всех группах славянских языков, и — особенно важно — в сербском изводе церковнославянского¹²). **Хынъ* в таком случае могло означать условно ‘лукавый, обманщик, лжец’ — это реализация весьма распространенного мотива номинации инородцев, ср. современные данные: рус. пск. *омазу́риться* ‘стать бесчестным человеком, мошенником’ [СРНГ, 23: 196; цит. по: Березович 2007: 412], укр. *підпускати, підвозити москаля* ‘лгать, надувать, обманывать’, болг. *влашки циганин* ‘лжец’, англ. *Irish evidence* ‘ложное свидетельство’, нем. *türken* ‘действовать нечестно, обманывать’ [цит. по: Березович 2007: 413, 445]; ср. также в севернорусских былинах (Мезень): *сорочина злолукавая, сорочина прехитрая, сорочина прехитра премудрая*¹³ [Былины: 364].

Из старых русских эпитетов врагов наиболее близко к тому, о чем мы говорим, определение *нечестивый*. В. Н. Рудаков сделал тонкие наблюдения относительно содержания понятия «нечестивость» и его связи с лукавством и обманом в древнерусском языке: «...такие

¹² Интересно, что современные русские диалектные материалы дают фиксацию этого значения только в псковских говорах [СРНГ, 50: 132]. В связи с этим напомним о позиции А. А. Зализняка [2008] относительно северо-западного происхождения «Слова о полку Игореве», в уточнении С. Л. Николаева [2020: 245–250] — торопецко-селижаровского.

¹³ За пример благодарим Е. Л. Березович.

качества, как “лѣстивость”, использование “лести” (ср. значения слов *лѣстивый*, *лѣстный* в древнерусском языке: ‘коварный’, ‘являющийся хитростью’, ‘имеющий целью обман’, ‘лживый’, ‘обманчиво влекущий’, ‘таящий в себе опасность’, ‘пагубный’ и даже ‘антихрист’) должны были порождать у читателей достаточно четкие ассоциации с примерами нечестивого поведения вообще, а также с качествами “нечестивых” народов. В частности, в текстах Священного Писания, знакомство с которыми столь охотно демонстрирует летописец [Ипатьевской летописи], лѣстивость, коварство — суть неотъемлемые черты тех, кого называют “нечестивыми” (ср.: “уста его (‘нечестивого’. — В. Р.) полны проклятия, коварства и лжи; под языком его мучение и пагуба”, во время прихода в город “нечестивого” “обман и коварство не сходят с улиц его”, “человек лукавый, человек нечестивый ходит со лживыми устами”, “помышление праведных — правда, а замыслы нечестивых — коварство”...» [Рудаков 2014: 77]. Эпитет *нечестивые* в отношении главных врагов — татар — употребляется уже в Ипатьевской летописи [Ibid.: 75–78] и является устойчивым в древнерусской книжности и фольклоре — наравне с такими определениями, как *безбожные*, *беззаконные*, *бесчестные*, *окаянные*, *поганные* и др. [Ibid.] (причем важно, что одни и те же характеристики присваиваются разным «актуальным» врагам — например, ранее половцам и позднее татарам).

Не исключено, что в ряд этих и подобных им пейоративов могло бы встроиться и определение **хинов*¹⁴, *хиновский* ‘лукавый, лживый’, связанное с сущ. **хин* (**хынъ*) ‘лукавый, обманщик, нечестивый’. О возможности выражения признакового значения с помощью имени в ксеномотивационных контекстах в древнерусском языке свидетельствует, во-первых (в качестве промежуточного этапа), довольно частотное употребление прил. в знач. сущ. (ср.: «казнить нас Богъ нахоженьемъ *поганныхъ*», «*безбожнии* со лживым миром живуше, велику пакость землям творять, еже и zde много зла створиша» (Лавр.), «Чада, не оубоимся о прельщнии от *нечестивых* и не приемь си во оумъ тленънаго сего и скоро миноующаго житья» (Ипат.) [цит. по: Рудаков 2014: 65, 69, 78] и под.), во-вторых (и в-главных), образование существительных типа **поган* < *поганые*: «не томими ли есмы на всякъ день от *безбожныхъ* и *нечистыхъ поганъ*?» (Правило Кюрила митрополита Русского, 1274, цит. по [Рудаков 2014: 60]).

И форма, и содержание контекстов, в которых **хын-* употребляется в «Слове о полку Игореве», также не мешают нам видеть в этой лексеме не конкретный этноним, а апеллатив-атрибутив (контекст «хиновъскыя

¹⁴ Желание «допустить существование» прилагательного **хиновъ* ‘вражеский’ возникает и у авторов «Энциклопедии “Слова...”» [Гузев, Творогов 1995: 182].

стрѣлки» может читаться: «стрелы, принадлежащие нечестивцам / неверным»; контекст «великое буйство подаста хинови» читается как «великую радость подал нечестивому (врагу)». Единственный фрагмент из трех, где для *хын- можно заподозрить конкретно-этнонимическое функционирование, — это список покоренных народов: «Тѣми тресну земля, и многы страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половцы сулицы своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тьи мечи харалужныи». Однако напомним здесь уже обсуждавшийся аргумент Д. И. Прозоровского: *хинова* (Зализняк: **хинове* — см. выше) в этом списке занимает первое место и может расцениваться как родовой термин (обобщающая характеристика) по отношению к последующим этнонимам (в таком случае предлагается чтение вроде «и многие страны-нечестивцы / неверные: литва, ятвязи, деремела и половцы»). Такая интерпретация *хын- снимает противоречие, возникающее, если видеть в этой лексеме номинацию половцев (как это неоднократно предполагалось): почему один народ упомянут в одной синтагме дважды — сначала под именем *хинова*, затем — *половцы*? [см. еще: Добродомов 1978: 108 *passium*].

Но для двух других фрагментов с участием *хын- «половецкая версия» вполне адекватна, см.: «Во всех трех случаях речь идет о врагах Руси, которые радуются поражению Игоря, боятся могущества отдельных князей и стрѣлки которых ветер нес на русских воинов. В первом и последнем случае такими врагами могли быть только половцы: половцы обрадовались поражению Игоря, половецкие стрелы летят на русских воинов» [Добродомов 1978: 108]. Указанная Добродомовым нестыковка в чтении трех фрагментов «Слова» легко устраняется, если выдвинуть простое предположение, которое, насколько нам известно, до сих пор почему-то пропускалось исследователями (хотя оно логично и лежит на поверхности): *хын- в памятнике употребляется в двух разных значениях — в широком (‘лукавые, нечестивые, неверные народы — о врагах в целом’) и в узком (‘половцы как конкретные представители нечестивых народов’). Семантическая деривация ‘негативная характеристика’ → ‘конкретный народ, которому она приписывается’ вполне типична и особенно ожидаема, когда речь идет о главных врагах в конкретной историко-политической обстановке (ср. выше летописные контексты с участием эпитета *поганые*, затем **поганы* в функции имени; на современном материале см. [Березович 2007: 112–136]).

Дополнительным аргументом для этого предположения может служить характер функционирования *хын- в «Задонщине». Словами с этой основой в «Задонщине» обозначены татары (актуальный враг,

пришедший на смену половцам периода создания «Слова»), и контексты с участием **хын-* делятся на несколько категорий¹⁵:

1) существительное с **хын-* — единственная (заместительная) номинация татар во всем фрагменте, употребляется без эпитетов: «Уже бо възскрипели телегы меж Доном и Непром, идут *хинове* в Русскую землю» (И-1, л. 218);

2) существительное с **хын-* употребляется в роли этнонима, сопровождается другим постоянным эпитетом татар и соседствует с прямым указанием на татар в том же фрагменте: «от него же родися *Хиновя, поганые татаровя, бусормановя*» (И-1, л. 171), «Уже бо скрипели телеги между Доном и Непром, а идут *хинове поганьи* к Руской земли. И притекоша серые волцы от уст Дону и Непра и, ставши, воют на реке, хотя на Мечи поступите в Рускую землю. И то были не серые волцы, придоша *поганые татаровя*, хотят пройти, воюючи, всю Рускую землю» (У, л. 178); «Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ, идеть *хинела*¹⁶ на Русскую землю. Серие волци воють, то ти были не серие волци, придоша *поганые татарове*, хотят пройти, воюючи, взяти всю землю Рускую» (К-Б, л. 125об.), «Вжо, брате, възскрипели телегы *татарския* межю Дона и Днебра, идут *хинове* и в Рускую землю» (С, л. 38об.), «Стреляй, князь великий, по всем землям, стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною *поганого* Мама *хиновина* за землю Рускую, за веру христьянскую» (И-1, л. 223);

3) прилагательное с **хын-* (относительное или притяжательное) соседствует в пределах фрагмента (часто в отношениях синтаксического параллелизма) с постоянным эпитетом татар или прилагательным *татарский*: «Уже бо те соколе и кречеты за Дон перевезлися и наехали рустии сынове на силную рать *татарьскою*, ударишася копии хараужничьными о доспехы *татарскыя*, възгремели мечи булатныя о шеломы *хиновския* на поле Куликове на речки Направде» (И-1, л. 217об.), «То ти наехали руские князи на силу *татарскую* и удариша копье фараужными о доспехи *татарские*, възгремели о доспехи *татарские*, възгремели мечи булатныя о шеломы *хиновские* на поле Куликове на речке Напряде» (У, л. 180об.), «То ти съступалися рускии сынове с *погаными татары* за свою обиду, а в них сияють доспехы золочеными, гремели князи руския мечи о шеломы *хыновскыя*» (И-1, л. 219об.), «Гремят мечи о шеломы *хиновъския*, *поганыи* покрыва руками главы своа. Тогда *погании* отступиша назад. Стязи ревуть, отступишася от великого князя, *погании*

¹⁵ Учитываются все списки «Задонщины», цит. по. [Зимин 2006], курсив наш.

¹⁶ Относительно формы *хинела* см. разумное предположение А. В. Соловьева [1964: 369] (о контаминации лексем *хинова* и *деремела*), несправедливо раскритикованное А. А. Зиминим [2006], который настаивал на первичности этого варианта, сравнивая его с летописными фактами *земигола* и *летьгола*.

бежать» (И-1, л. 222), «И нукнув князь Владимир, гораздо скакаше по рати *поганым*, златым шеломом посвечиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы *хыновские*» (И-1, л. 222об.).

Судя по частой эквивалентности **хын-* = *татары, татарский* в разных списках «Задонщины», по постоянному соседству с устойчивым эпитетом *поганые* (в том числе в роли имени), по частеречной и словообразовательной вариативности слов с **хын-*, по варьированию фрагментов текста, в которых употребляется **хын-*, для переписчиков «Задонщины» лексика на **хын-* еще могла сохранять функцию атрибутива (а значит, прозрачную внутреннюю форму или по крайней мере «ощущение» пейоративности): ничто не указывает на то, что в «Задонщине» **хын-* — это «слепой» дезтимологизированный этноним, механически перенесенный из «Слова». Напротив, похоже, что **хын-* здесь еще «плавает» между двумя значениями, сформулированными нами для «Слова» — широким (негативная характеристика) и узким (народ, которому негативная характеристика приписана, в «Задонщине» — татары).

Итак, мы предполагаем, что **хын* в «Слове о полку Игореве» — это не имеющий этнонимических истоков апеллатив со значением ‘нечестивый, лживый’, в качестве атрибутива применяемый к врагам Руси и восходящий к основе праслав. **хунѣти* — **хунѣти* ‘наклонять, сгибать’, ‘обманывать; бранить’ < **хубнѣти* ‘сбиться, ошибиться’ < **хубати* ‘качаться, колебаться, двигаться’, ‘ошибаться’. В принципе это объяснение представляется вполне достаточным, однако следует еще указать, что развитие семантики ‘нечестивцы, враги’ для др.-рус. **хын-* могло быть спровоцировано внешним, неславянским влиянием.

По-видимому, именно упомянутые выше упорные поиски непременно этнонимической интерпретации для **хын* помешали исследователям увидеть интересную параллель: осет. ирон. *хѣн*, диг. *хѣнæ* ‘хитрость (злостная), лукавство, козни; хитрый, лукавый, плут; колдовство’. В. И. Абаев предполагал, что осет. *хѣн(æ)*, заимствованное также в карач.-балк. *хѣнă* ‘хитрость, колдовство’, «этимологически идентично с *кѣнæ* ‘мести’ из др.-иран. **kaina*» (~ перс. *kin, kina* ‘злоба, ненависть’, ср.-перс. (пазенд) *хѣн*, ав. *kaena* ‘мести’). Далее Абаев связывал осет. *хѣн(æ)* с рус. (диал.) *хинарный* ‘лукавый’, *хинарничать* ‘лукавить’ < **хинарь* ‘тот, кто занимается кознями (*хинами*)’ (суффиксация как в *звонарь, косарь* — см. выше) и с *прохиндей* < **хиндей* ‘занимающийся кознями, плутовством (*хин*)’ (словообразовательно аналогично, с одной стороны, рус. *чародей, злодей*, а с другой — осет. *хѣндæнæг* ‘колдун’, букв. ‘делающий *хѣн*’¹⁷). При этом Абаев не ставил вопроса об истоках сходства

¹⁷ По-видимому, действительно приемлемая этимология для *прохиндей* — связь этого слова с рассматриваемой здесь основой: ср. несколько иначе — из **прохиней*

русских и осетинского слов [ИЭСОЯ, 4: 201–202]. По мнению И. Гершевича, этимология от **kaēna* ‘месть’ не годится по семантическим причинам и плоха фонетически: в *xīn(æ)* в обоих диалектах *ī*, а иронскому *kīnæ* ‘месть’ в дигорском соответствует *kenæ*. Поэтому он предложил кажущуюся нам более удачной альтернативу из иран. **hīnyā* ‘колдовство, заклятие’ (Гершевич предлагает изначальное значение ‘(spell-)binding’, что можно понимать и как ‘плетение заклятия’, и как ‘связывание заклятием’, и это очень удачная реконструкция) < **hā(y)* ‘связывать’. При этом осетинское слово, по его мнению, следует отделять от ср.-перс. (пазэнд) *xīn*, (маних.) *ху(y)n* (**xēn*) ‘ненависть, злоба, вражда’ [Gershevitch 1971: 287].

Гершевич имел в виду основу, отраженную в ав. *hā(y)* ‘связывать, привязывать’, с превербом *ā* ‘принуждать, заставлять насильно’ (> *hīnav* ‘связь, связка, оковы’) ~ перс. *gušāyad* ‘открывает’ и др. (с реверсивным превербом **vi*), др.-инд. *syāti* ‘связывать, сковывать’ (см. [KEWAI, 3: 549–550]) [Bartholomae 1904: 1800–1801, 1814]. Ср. еще хот.-сак. *hīyā* ‘связанный’ < иран. **hai-/hi-* ‘связывать’ (< ПИЕ **sej-/si-* ‘связывать’ [IEW: 891–892]) [Bailey 1979: 483]. Версия Гершевича представляется безупречной как в фонетическом, так и в семантическом плане, и осет. *xīn(æ)*, таким образом, имеет надежную иранскую и праиндоевропейскую этимологию.

Фонетическая и семантическая близость рус. **хын* в значении ‘обман, лукавство’ (< п.-слав. **хун-*) и осет. *xīn(æ)* ‘хитрость, лукавство; колдовство’ очевидна и может быть неслучайной, при этом заимствование из славянских в осетинский исключено, если иметь в виду хорошую иранскую этимологию Гершевича. Поэтому осмелимся предположить обратное направление влияния. Аланское слово могло быть заимствовано еще в праславянский. Однако этому мешает то обстоятельство, что *xīn* скорее отразилось бы в праславянском как **šin*. Поэтому, вероятно, речь должна идти о более поздних контактах Руси и аланов¹⁸, и здесь открываются интересные эвристические возможности. Как бы ни решалась проблема автора «Слова» (последняя и, по-видимому, наиболее обоснованная диалектологическая версия — [Николаев 2020: 245–248]), не подлежит сомнению его высокая информированность о реалиях жизни южных степных соседей Руси и наличие в его лексиконе весьма

с вставным *д*, и далее родственно *хинить*, *хинарный*, *хинь* — в [Львов 1970: 85], с чем был солидарен и О. Н. Трубачев [Фасмер, 3: 385].

¹⁸ О взаимоотношениях аланов и Руси (к XII в. ставших вполне устоявшимися, подкреплявшимися престижными браками и под.), аланов и половцев (в XII в. еще достаточно враждебных, а в начале XIII в. отмеченных предательством половцев в столкновении с монголами) см. подробно с литературой [Кузнецов 1992], свод источников см. в [Алемань 2003].

представительного корпуса «восточных элементов» [Менгес 1979]. Возможно, использование эпитета **хын* в отношении половцев (с дальнейшим распространением его на других врагов Руси) отражает аналогичное употребление слова *xīn* аланами: зная, что такое определение аланы (ясы) использовали применительно к половцам, автор «Слова» употребил сходное по звучанию и значению древнерусское слово¹⁹. До некоторой степени это похоже на замеченную В. И. Абаевым параллель между *синим вином* во сне Святослава в «Слове» и осет. *c'æx araq* 'синий ара́к' [Абаев 1985], только в последнем случае перед нами простая калька, а в нашем — калька, дополненная и фонетическим сходством древнерусского и осетинского слов²⁰. Здесь, чтобы быть понятыми правильно, мы специально хотим подчеркнуть: мы не рассматриваем **хын* в «Слове» как аланское заимствование, а предполагаем влияние аланской (сходной и фонетически, и семантически) лексемы на выбор автором «Слова» славянского **хуп* для характеристики врагов Руси. Предлагать эту довольно сложную гипотезу нас заставляет возможность с ее помощью объяснить два важных обстоятельства. Во-первых, предлагаемый сценарий мог бы быть причиной гапаксного характера эпитета **хын* в «Слове»: в таком случае он может рассматриваться как продукт личного опыта и языкового творчества одного автора. Во-вторых, поскольку осетинское слово, не осложненное суффиксацией (кроме, естественно, исторического изафета на -у), функционирует и как существительное, и как прилагательное, это могло бы объяснять еще и специфическое использование форм существительного **хынъ* в «Слове» — там, где в древнерусском языке ожидался бы скорее адъектив.

В заключение обратим внимание читателя на интересный сюжет, разворачивающийся вокруг слов на *хын-* (< **хунити*) в древнерусском и затем русском языке. В поле зрения литературного языка оказываются буквально три продолжения этой основы, причем они настолько далеки друг от друга семантически и стилистически, что не воспринимаются как родственные ни рядовыми носителями языка, ни даже лингвистами: это гапакс *хынове* (*хинова*) из «Слова о полку Игореве» (XII в.), признававшийся этнонимом; лексема *ахиня*, для которой предлагалась этимология из греческого [см.: Виноградов 1994] (фиксации слова

¹⁹ В качестве возможной специальной параллели к *хиновъскыя стрѣлки* в плаче Ярославны ср. осет. *xīny k'alīw* 'колдовская ветка': о человеке, пораженном болезнью, говорят, что его настигла чья-то колдовская ветка (благодарим за консультацию Ю. А. Дзицойты). К более широко распространенным идиоматическим конструкциям принадлежит осет. *xīn mītæ — jæ fat* 'хитрые дела как стрелы' (два вхождения в [ОНК]).

²⁰ О других возможных связях «Слова» с осетинским языком и фольклором с библиографией см. [Дзицойты 2024].

с XVIII в. [НКРЯ]); и просторечное слово *прохиндей* (фиксации слова с начала XX в. — [НКРЯ]). При этом диалекты русского языка знают множество слов с **хин-* разной частеречной принадлежности, с разнообразным словообразованием, которые реализуют разные семантические линии праслав. **хуп-*. Видимо, специфически диалектная стратификация на русской почве свойственна этой основе на протяжении уже тысячелетия.

Библиография

Источники

Былины

Свод русского фольклора. Былины. Т. 5: Север Европейской России. Былины Мезени, Горелов А. А., отв. ред., С.-Петербург, Москва, 2006.

Гринченко, 1–4

Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина», 1–4, Гринченко Б. Д., ред., Киев, 1907–1909.

ИЭСОЯ, 1–5

Абаев В. И., *Историко-этимологический словарь осетинского языка*, 1–5, Ленинград, Москва, 1958–1989.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

ОНК

Осетинский национальный корпус (<http://corpus.ossetic-studies.org>).

Носович 1870

Носович И. И., *Словарь белорусского наречия*, С.-Петербург, Москва, 1870.

Слово 1800

Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие, Москва, 1800.

СлРЯ XI–XVII вв., 1–32–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–32–, Бархударов С. Г., гл. ред., Москва, 1975–.

СОПИ 1950

Слово о полку Игореве, Адрианова-Перетц В. П., ред., Москва, Ленинград, 1950.

СОПИ 1955

Слово о полку Игореве, Москва, 1955.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, 1–52–, Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А., ред., Москва, Ленинград, С.-Петербург, 1965–.

Фасмер, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, Трубачев О. Н., пер. с нем. и доп., Москва, 1964–1973.

ЭССЯ, 1–52–

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд, 1–39–, Трубачев О. Н., Журавлев А. Ф., Варбот Ж. Ж., ред., Москва, 1974–.

- Bailey 1979
Bailey H. W., *Dictionary of Khotan Saka*, Cambridge, 1979.
- Bartholomae 1904
Bartholomae Ch., *Altiranische Wörterbuch*, Strassburg, 1904.
- Berneker 1908–1913
Berneker E., *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, 1, Heidelberg, 1908–1913.
- IEW
Pokorny J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Bern, Wien, 1959.
- KEWAI, 1–4
Mayrhofer M., *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, 1–4, Heidelberg, 1976.
- Matzenauer 1881
Matzenauer A., Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu, *Listy filologické a paedagogické*, 8, 1881, 1–48.

Литература

- Абаев 1985
Абаев В. И., Parerga 1. «Синее вино» в «Слове о полку Игореве», *Вопросы языкознания*, 6, 1985, 40–41.
- Алемань 2003
Алемань А., *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*, Москва, 2003.
- Березович 2007
Березович Е. Л., *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва, 2007.
- Варбот 1984
Варбот Ж. Ж., *Праславянская морфонология. Словообразование и этимология*, Москва, 1984.
- Виноградов 1994
Виноградов В. В., Ахинея, *История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных*, Шведова Н. Ю., отв. ред., Москва, 1994, 41–54.
- Гузев, Творогов 1995
Гузев В. Г., Творогов О. В., Хин(ова), *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*, 5, Творогов О. В., отв. ред., С.-Петербург, 1995, 179–183.
- Дзиццойты 2024
Дзиццойты Ю., «Слово о полку Игореве» æмæ Ирыстон, *Актуальные вопросы осетинского языкознания*, 2, 2024, 32–116.
- Добродомов 1978
Добродомов И. Г., О половецких этнонимах в древнерусской литературе, *Туркологический сборник — 1975*, Кононов А. Н., отв. ред., Москва, 1978, 102–129.
- Добродомов, Улуханов 1966
Добродомов И. Г., Улуханов И. С., [Рец.:] Čiž'evska T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague: Mouton and Co., 1966, *Вопросы языкознания*, 6, 1966, 116–121.
- Дыбо 2014
Дыбо А. В., Булгарские заимствования в венгерском: проблема отражения *Q-, *Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: материалы международной конференции*, Салаев Б. К., отв. ред., Элиста, 2014, 86–93.
- Зализняк 2008
Зализняк А. А., «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста, Москва, 2008.

Зимин 2006

Зимин А. А., *Слово о полку Игореве*, С.-Петербург, 2006.

Кузнецов 1992

Кузнецов В. А., *Очерки истории алан*, изд. 2-е, доп., Владикавказ, 1992.

Кучко 2017

Кучко В. С., *Семантико-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров*: дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 2017.

Львов 1970

Львов А. С., Врач. Существует ли приставка *тре* в русском языке? Прохиндей, *Русская речь*, 1, 1970, 82–85.

Менгес 1979

Менгес К. Г., *Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»*, Ленинград, 1979.

Напольских, Сурикова 2024

Напольских В. В., Сурикова О. Д., Еще раз об этимологии этнонима *мордва*, *Вопросы ономастики*, 21/3, 2024, 9–40.

Николаев 2020

Николаев С. Л., *«Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста*, Москва, С.-Петербург, 2020.

Прозоровский 1882

Прозоровский Д. И., Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве», *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества*, 3, 1882, 211–292.

Расовский 1936

Расовский Д. А., Хинова, *Seminarium Kondakovianum*, 8, 1936, 301–306.

Рудаков 2014

Рудаков В. Н., *Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв.*, Москва, 2014.

Соловьев 1964

Соловьев А. В., Восемь заметок к «Слову о полку Игореве», *Труды отдела древнерусской литературы*. Т. 20: *Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков*, Лихачев Д. С., отв. ред., Москва, Ленинград, 1964, 365–385.

Хелемендик 2007

Хелемендик А. В., *Генетическая характеристика лексико-семантического поля «ругать(ся)» в русском языке*: дис. ... канд. филол. наук, Москва, 2007.

Шарифуллин 1998

Шарифуллин Б. Я., *Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (Экспрессивный фонд языка)*: дис. ... докт. филол. наук, Красноярск, 1998.

Agyagási 2019

Agyagási K., *Chuvash historical phonetics*, Wiesbaden, 2019.

Erdal 1993

Erdal M., *Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften*, Wiesbaden, 1993.

ERNJ

Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1, Matasović R., ur., Zagreb, 2016.

Gershevitch 1971

Gershevitch I., Iranian words containing *ān*, *Iran and Islam. In memory of the late Vladimir Minorsky*, Bosworth C. E., ed., Edinburgh, 1971, 268–291.

Golden 1992

Golden P. B., *An introduction to the history of the Turkic peoples. Ethnogenesis and state-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*, Wiesbaden, 1992.

Moravcsik 1960

Moravcsik Gy., Zur Frage der *хуннове* im Igor-Lied, *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 3, 1960, 69–72.

Profous 1949

Profous A., *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny*, 2, Praha, 1949.

SGP, 11

Słownik gwar polskich, 4/2 (11), Reichen J., kier., Kraków, 1991.

Skok 1971

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1: A–J, Zagreb, 1971.

Sobolevskij 1909

Sobolevskij A., Altrussisches *хуннъ*, *Archiv für slavische Philologie*, 1909, 30, 474.

References

Abae V. I., Parerga I. "Sinee vino" v "Slove o polku Igoreve", *Voprosy jazykoznanija*, 6, 1985, 40–41.

Agyagási K., *Chuvash historical phonetics*, Wiesbaden, 2019.

Aleman A., *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh*, Moscow, 2003.

Berezovich E. L., *Iazyk i traditsionnaja kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia*, Moscow, 2007.

Dzitsoity Yu., "Slovo o polku Igoreve" æmæ Iryston, *Aktual'nye voprosy osetinskogo iazykoznanii*, 2, 2024, 32–116.

Dobrodomov I. G., O polovetskikh etnonimakh v drevnerusskoi literature, *Tiurkologicheskii sbornik — 1975*, Kononov A. N., ed., Moscow, 1978, 102–129.

Dobrodomov I. G., Ulukhanov I. S., [Rev.:] Čiževska T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague: Mouton and Co., 1966, *Voprosy jazykoznanija*, 6, 1966, 116–121.

Dybo A. V., Bulgarskie zaimstvovaniia v vengerskom: problema otrazheniia *Q-, *Aktual'nye problemy sovremennoho mongolovedeniia i altaistiki: materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, Salaev B. K., ed., Elista, 2014, 86–93.

Erdal M., *Die Sprache der wolgalbolgarischen Inschriften*, Wiesbaden, 1993.

Gershevitch I., Iranian words containing *ān*, *Iran and Islam. In memory of the late Vladimir Minorsky*, Bosworth C. E., ed., Edinburgh, 1971, 268–291.

Golden P. B., *An introduction to the history of the Turkic peoples. Ethnogenesis and state-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*, Wiesbaden, 1992.

Guzev V. G., Tvorogov O. V., Khin(ova), *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve"*, 5, Tvorogov O. V., ed., St. Petersburg, 1995, 179–183.

Kuznetsov V. A., *Očerki istorii alan*, 2nd. ed., Vladikavkaz, 1992.

Lvov A. S., Vrach. Sushchestvuet li pristavka tre v russkom iazyke? Prokhindei, *Russkaia rech'*, 1, 1970, 82–85.

Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D., *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*, 1, Matasović R., ur., Zagreb, 2016.

Menges K. G., *Vostochnye elementy v "Slove o polku Igoreve"*, Leningrad, 1979.

Moravcsik Gy., Zur Frage der *хуннове* im Igor-Lied, *International journal of Slavic linguistics and poetics*, 3, 1960, 69–72.

Napol'skikh V. V., Surikova O. D., Revisiting the Etymology of the Ethnonym *Mordva*, *Voprosy Onomastiki*, 21/3, 2024, 9–40.

Nikolaev S. L., "Slovo o polku Igoreve": *rekonstruktsiia stikhotvornogo teksta*, Moscow, St. Petersburg, 2020.

Profous A., *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny*, 2, Praha, 1949.

Rasovsky D. A., Khinova, *Seminarium Kondakovianum*, 8, 1936, 301–306.

Rudakov V. N., *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov srediny XIII–XV vv.*, Moscow, 2014.

Skok P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1: A–J, Zagreb, 1971.

Solovyev A. V., Vosem' zametok k "Slovu o polku Igoreve", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. T. 20: *Aktual'nye zadachi izucheniia russkoi literatury XI–XVII vekov*, Likhachev D. S., ed., Moscow, Leningrad, 1964, 365–385.

Varbot Zh. Zh., *Praslavianskaia morfonologija. Slovoobrazovanie i etimologija*, Moscow, 1984.

Vinogradov V. V., Akhineia, *Istoriia slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi sviazannykh*, Shvedova N. Yu., ed., Moscow, 1994, 41–54.

Vinogradov V. V., Akhineia, *Istoriia slov: okolo 1500 slov i vyrazhenii i bolee 5000 slov, s nimi sviazannykh*, Shvedova N. Yu., ed., Moscow, 1994, 41–54.

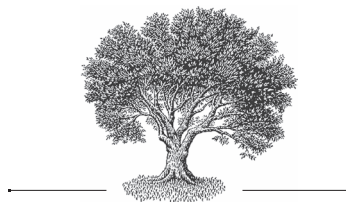
Zaliznyak A. A., *“Slovo o polku Igoreve”: vzgliad lingvista*, Moscow, 2008.

Zimin A. A., *Slovo o polku Igoreve*, St. Petersburg, 2006.

Владимир Владимирович Напольских, доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник
Уральского федерального университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51;
главный научный сотрудник
Института истории и археологии
Уральского отделения РАН
620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
Россия / Russia
vovia.nap@ya.ru

Олеся Дмитриевна Сурикова, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Уральского федерального университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51;
научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
121019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
surok62@mail.ru

Received August 21, 2025

Гипокористические имена на *-ец-* в древнерусском языке*

**Евгения Владимировна
Буденная**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия

Hypocoristic Names Ending with *-ec-* in Old Russian

Evgeniya V. Budennaya

HSE University;
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье анализируются древнерусские антропони́мы с суффиксом *-ец-*, изначально выражавшие значение ‘меньше, чем X’. Диахронический корпусный анализ памятников XI–XVII вв. показывает, что в древнерусских источниках этот суффикс не обладал ингерентной пейоративностью, однако адгерентная пейоративность прослеживается четко. Для летописных памятников до XV в. выделены два основных типа употребления антропони́мов на *-ец-*: 1) персонажи с очевидной негативной авторской оценкой; 2) лица с более низким социальным или коммуникативным статусом. Метафорический переход от значения ‘уменьшительности’ к пейоративности типологически распространен в языках мира, однако в древнерусском языке *-ец-* не является единственным маркером таких значений: негативная оценка могла дополнительно усиливаться лексически (*живый владыка Феодорец*). В летописных текстах и берестяных грамотах также была обнаружена корреляция

* Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0006, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Цитирование: Буденная Е. В. Гипокористические имена на *-ец-* в древнерусском языке // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 31–67.

Citation: Budennaya E. V. (2026) Hypocoristic Names Ending with *-ec-* in Old Russian. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 31–67.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.02

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

между формой на *-ец-* и пациентивностью персонажа. Кроме того, в отношении форманта *-ец-* у антропонимов данные берестяных грамот и эпиграфики показали статистически значимое преобладание семантики низкого статуса над прямой негативной оценкой. Дальнейшее сопоставление с более поздними официально-деловыми текстами XVI–XVII вв. отразило, что если в XV в. суффикс *-ец-* свободно применялся преимущественно к третьим лицам низкого социального статуса (слуги, должники, дети), то в XVI в. он становится частью официально-делового этикета (самоуничижение адресантов в челобитных, а также формы имен послухов-свидетелей в финальных формулах купчих, данных, меновных и духовных грамот). В XVII в. *-ец-* уже вытесняется другими гипокористическими суффиксами и постепенно выходит из употребления. Таким образом, использование суффикса *-ец-* в антропонимах XI–XVII вв. определялось комплексом факторов: семантикой, прагматикой, синтаксисом и социальной динамикой, эволюционировавшей вместе с языковыми нормами.

Ключевые слова

древнерусский язык, антропоним, гипокористика, семантический переход, отрицательная оценка, социальный статус, прагматика

Abstract

The article examines Old Russian anthroponyms with the suffix *-ec-*, originally conveying the meaning ‘less than X’. A diachronic corpus study of 11th–17th-century texts reveals that while this suffix lacked inherent pejorative connotations in Old Russian sources, contextual (adherent) pejoration is clearly observable. For pre-15th-century chronicles, two primary usage patterns are identified—1) characters with explicit negative evaluation, and 2) individuals of lower social or communicative status. The metaphoric shift from diminutive to pejorative meaning aligns with cross-linguistic typological patterns, though in Old Russian, *-ec-* was not an exclusive marker of such meanings: lexical intensifiers could reinforce negative evaluation (e.g., *lživyj vладыka Feodorec* ‘the deceitful Bishop Feodorec’). Chronicle texts and birchbark letters further demonstrate a correlation between *-ec-* forms and patientive roles of referents. Quantitative analysis of epigraphic materials shows statistically significant prevalence of lower-status semantics over direct pejoration. Comparative analysis of the later (16th–17th century) official documents reveals an evolutionary trajectory: while 15th-century texts freely applied *-ec-* to participants of lower status (servants, debtors, children), by the 16th century it became institutionalized in legal documents—appearing in self-deprecating petitions (*čelobitnye*) and witness formulas in legal deeds (sales, exchanges, wills), along with other hypocoristic derivatives. By the 17th century, *-ec-* was gradually supplanted by other hypocoristic suffixes (*-kol-ka*, *-ško/-ška*). Thus, the usage of *-ec-* in 11th–17th-century anthroponyms was governed by a complex interplay of semantic, pragmatic, syntactic, and sociolinguistic factors that evolved alongside language norms.

Keywords

Old Russian, anthroponym, diminutive, semantic shift, negative evaluation, patientivity

Введение

Древнерусские тексты располагают большим инвентарем гипокористических имен (*Иванец, Грихно, Михалко, Жирошка* и др.). Функционирование подобных форм в древнерусских текстах очевидным образом отличается от современной ситуации, в которой употребление гипокористики зачастую сопряжено с семантикой уменьшительности, ласкательности, фамильярности, более низким социальным статусом персонажа, а также стилевыми и региональными особенностями [Суперанская et al. 2007; de Klerk and Bosch 1996; Dickey 2007; Kennedy 2015]. Ряд исследователей отмечает, что для древнерусских гипокористических имен XI–XIV вв. нередко не удается выделить какой-либо четкой уменьшительной или пейоративной семантики [Селищев 2003: 408–409; Зализняк 1986: 147; Литвина, Успенский 2006: 131], что отражается в изобилии данных форм в самых разных источниках в отношении как положительных героев с высоким социальным статусом (князя, посадники), так и рядовых персонажей²:

- (1) *Въ лѣто 1097³ слепленъ бысть Василко⁴ (НПЛ, л. 6 за 1097 г.);*
- (2) *Томъ же лѣтъ прѣставися Мирошька, посадникъ новгородьскыи, постригъся у святого Георгия; и по том даша посадницъство Михалку Степаницю (НПЛ, л. 64 за 1205 г.);*
- (3) *Грамота от Жироцька и от Тъшька къ Въдъвиноу. Млви Шильцеви: Цемоу пошибаеши свиньи цюжи? (БГ-954, XII в.)*

Долгое время функции древнерусских гипокористических форм оставались за кадром системных исследований. Однако в ряде недавних работ [Буденная 2021; Буденная et al. 2023], см. также [Литвина, Успенский 2006: 133–134] была выявлена их нейтрализующая функция в контексте адаптации иноязычных христианских имен раннедревнерусских князей, а также отыменных названий древнерусских городов и календарных праздников. В корпусном исследовании [Страхова, Флейшер 2023] был выявлен ряд сопоставительных особенностей гипокористических имен на *-ята* и на *-ила*, объясняющий постепенную утрату первых и распространение последних. Тем не менее выбор многих гипокористических форм в древнерусских памятниках до сих пор не имеет однозначного объяснения.

Данная работа ставит своей целью выявить факторы, стоящие за выбором одной из распространенных ономастических словообразо-

² Все цитаты приводятся по Национальному корпусу русского языка, если не указано иное.

³ Здесь и далее цифры приводятся в современной арабской передаче.

⁴ Здесь и далее примеры даются в упрощенной орфографии, выделение мое.

вательных моделей, а именно гипокористических антропонимов на *-ец-* (др.-рус. *-ьц-ь*): *Федорец, Иванец, Неженец* и др. В отличие от прочих суффиксов, *-ец-* упоминается в ряде работ как пейоративный и имеющий уменьшительно-уничижительное значение [Ивакин 1901: 265; Селищев 2003: 416]. Однако в других работах он фигурирует лишь как один из частотных древнерусских антропонимических суффиксов [Væcklund 1959: 74–75; Зализняк 1986: 149]. А. А. Литвина и Ф. Б. Успенский отмечают, что «в значительной части текстов [...] грамот (например, в завещаниях) решительно невозможно усмотреть негативной окрашенности в его употреблении» [Литвина, Успенский 2006: 131]. С типологической точки зрения, экспрессивное значение диминутивных суффиксов нередко стирается и утрачивается при слишком частой реализации конкретной формы (ср. формы типа *садик* ‘детский сад’, *внушка, девушка* и др.) [Фуфаева 2020: 155–158]. Тем не менее данные процессы очевидно нельзя применить к антропонимам на *-ец-*: какого-либо вытеснения производящих имен подобными дериватами в истории русского языка не наблюдалось. В ряде работ по истории языка (см., в частности, [Шейдаева 1998; Фуфаева 2020]) суффикс *-ец-* рассматривается в общем контексте диминутивных суффиксов, без отдельного выделения антропонимов. Таким образом, вопрос о семантике и функциях антропонимов на *-ец-* в истории русского языка остается дискуссионным. В этой связи в данной работе на материале панхронического корпуса Национального корпуса русского языка⁵ будут прослежены основные функции антропонимов на *-ец-* (др.-рус. *-ьц-ь*), с целью прояснить статус данного суффикса в древне- и старорусском антропонимиконе в диакронической перспективе, на этапе с XI по XVII в.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 будет прослежена семантика древнерусского суффикса *-ец-* и основные семантические переходы, сопровождавшие его в ходе развития. Раздел 2 посвящен фактическим результатам исследования, полученным на древнерусских источниках периода до начала XVI в. (*НПЛ, Лавр., Ипат.*; берестяные грамоты и эпиграфика; *ПГ*). Раздел 3 посвящен деловым документам конца XV — XVII в. (меновные, купчие, духовные и жалованные грамоты). В Заключение подведены итоги исследования.

1. Исторический экскурс

1.1. Теоретические основы

Древнерусский суффикс *-ьц-ь*, давший современную форму *-ец-* после падения редуцированных гласных и отвердения конечного согласного,

⁵ Далее НКРЯ.

восходит к праславянскому *-ьс-* [Варбот 1984] и имеет параллели во многих современных славянских языках, обозначая лиц, предметы, места, а также оформляя широкие классы диминутивов [Вендина 1985: 58–65; Eadem 1988: 199–203]. Будучи продуктивным в древне- и старорусском языке, в современном русском *-ец-* был вытеснен на периферию другими суффиксами (*-чик* < *-ьс-ik*, *-ик-* и др.), сохранив лишь экспрессивную семантику при образовании некоторых нарицательных имен (*супец*, *рассказец*, *куртец*) и практически полностью исчезнув в качестве антропонимического суффикса (подробнее см. [Фуфаева 2020]; из употребительных форм в современном русском языке, по данным НКРЯ, представлена фактически только форма *Юрец*, являющаяся гипокористикой от *Юрий*).

Можно полагать, что экспрессивный пренебрежительный оттенок этого суффикса, отмечаемый некоторыми исследователями на древнерусских данных, является результатом семантического перехода от более абстрактного значения ‘малое’ или ‘меньше, чем X’. Подобный метафорический перенос, по-видимому, является языковой универсалией [Jurafsky 1996: 535]⁶. Корпусные данные подтверждают этот тезис: первые вхождения диминутивов на *-ьц-ь* в истории русского языка встречаются, по НКРЯ, уже в XI–XII вв. в значении ‘меньше, чем производящий предмет X’ (4–5); тогда же можно видеть и первые деривативные топонимы с аналогичным суффиксом в том же значении (6), а также антропонимические вхождения с очевидной семантикой отрицательного отношения автора (7–8).

- (4) *то понѣ оузьрю ли си лице брѣтѣца моего мѣньшааго глѣба якоже иу-сифѣ вениамина* (Сказание о Борисе и Глебе по Успенскому сборнику, вторая пол. XI в.);
- (5) *старѣишина же ту абие повелѣ отрокомъ оуготовати корабльцѣ* (Нестор Печерский. Сказание о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику, вторая пол. XI в.);
- (6) *Кнѣзь же Волѣ^ммерѣ, въ кнѣженіи свое^м мнѣгы города зроуби по ѿци свое^м. зроуби Берестіи . и за Берестіемъ зроуби горѣ^д на поусти^м мѣстѣ нарицаемѣ^м Лѣстнѣ, и наре^чи мѣ^м емоу Каменецѣ, зане бы^е камена землѣ* (Ипат., л. 305 за 1289 г.);

⁶ В данном исследовании фигурирует семантический переход ‘ребенок’ > ‘малое/меньше, чем X’ > ‘презрение’, и эта реконструкция стала объектом развернутой критики в ряде диахронических работ (см., в частности, [Тагабилева 2016; Фуфаева 2020]); в настоящий момент более правомерным представляется подход, выделяющий в качестве исходного значения более абстрактную семантику ‘малое’/‘меньше, чем X’ [Фуфаева 2020: 128], впоследствии развившую экспрессивную пейоративную коннотацию субъективной уменьшительности путем метафорического сдвига.

- (7) *Ярополкъ же [...] прободенъ бѣи ѿ проклѣтаго Нерадьца ѿ дьявола наоученья и ѿ злыхъ члвкъ* (Лавр., л. 69 за 1086 г.);
- (8) *будетъ проклѣтъ . тако и съ Февдорець* (Лавр., л. 118 за 1164 г.).

В отличие от антропонимов, среди древнерусских апеллятивов на -ец- практически не выявилось явных примеров, в которых можно было бы выделить исключительно отрицательную семантику без дополнительной семантики малого размера, что может быть в целом связано с жанровыми особенностями древнерусской литературы (книжный стиль, не ориентированный на разговорную лексику, подробнее см. [Живов 2017]) и узостью корпуса бытовых данных. Тем не менее показательным кажется пример (9)⁷, представляющий собой ответ князя Владимирка Володаревича боярину Петру Бориславичу. Согласно летописному тексту, ранее Владимирко поклялся передать князю Изяславу Мстиславичу несколько городов, но не выполнил своих обязательств. Узнав об этом, посол Изяслава Петр Бориславич, присутствовавший при присяге Владимирка, потребовал от того передачи обещанных городов, но получил прямой отказ, после чего между Петром и Владимирком состоялся следующий диалог:

- (9) *и рече ему Петръ кѣже крѣтъ еси кѣ брату своему . кѣ Изяславу и кѣ королеви цѣловалъ . яко ти все оуправити . и с ними бѣити . то ти оуже еси съступилъ крѣтнього цѣлования и рече володимиръ . Сии ли крѣтнѣ малыи . рече володимиру петръ . кѣже аче крѣтъ малъ . но сила велика его естъ . На нбси и на земли* И сказал ему Петр: «Княже, ты целовал крест к своему брату Изяславу и к королю [венгерскому королю Гезе. — Е. Б.], {подразумевая,} что все исполнишь и с ними будешь». И сказал Владимир: «Этот ли малый крестик?» — и ответил Владимиру Петр: «Княже! Хотя крест и мал, но сила его велика на небесах и на земле» (Киевская летопись по Ипат., л. 166об. за 1152 г.).

Несмотря на то что под *крестцом* в (9), очевидно, подразумевался предмет, меньший по размеру, чем исходный *крест* (что дополнительно подчеркивается сопутствующим прилагательным *малый*), совершенно очевиден общий пренебрежительно-насмешливый тон и соответствующее фокусное выделение в реплике князя Владимирка. Можно полагать, что в (9) мы имеем дело с объединенной семантикой малого размера и отрицательной оценки, т. е. в древнерусских данных за XII в. уже наглядно присутствует соответствующий семантический переход.

Как представляется, ярче всего развитие отрицательно-оценочного значения с явной семантикой презрения можно проследить на

⁷ Автор выражает благодарность Ф. Б. Успенскому, обратившему внимание на этот пример.

древнерусских антропонимах. В них, в отличие от апеллятивов, практически не встречается явная семантика малого по сравнению с исходной формой, что может быть в целом связано с общей затрудненностью подобных словоупотреблений в языке и особенностями древнерусского антропонимикона (в частности, запрет на наречение сына именем отца, если последний был еще жив [Литвина, Успенский 2006: 267–322]). Однако семантика отрицательной оценки и презрения в антропонимах представлена достаточно широко. Хронологически самые ранние вхождения антропонимов на *-ец-* с явной отрицательной семантикой датируются в корпусе XI в. (4–5), что приблизительно на 100 лет позже первых нарицательных диминутивных существительных с семантикой малого и вписывается в общую картину постепенного семантического перехода от малого к отрицательно характеризуемому.

1.2. Замечания по отбору данных

При отборе данных для исследования учитывалось, что многие персонажи древнерусских текстов теоретически могли иметь по крайней мере два имени (личное некалендарное и христианское, полученное при крещении)⁸, а после XIV в., с развитием христианской двуименности и постепенным появлением прозвищ, и более двух (подробнее о многоименности на Руси см. [Литвина, Успенский 2020]). Тем не менее в анализируемых данных не встретилось случаев, когда один и тот же персонаж имел бы более одного имени и оба они содержали бы суффикс *-ец-*: во всех встретившихся вхождениях, где фигурировало несколько⁹ именований в отношении конкретного персонажа, только одно из них могло быть представлено формой на *-ец-*. Все подобные случаи двуименности в анализируемой выборке были достаточно редкими и относились к одной из следующих моделей:

1. *Личное имя на -ец- + прозвище: Сидорец Глазок Лопатин с женою* (Духовная кн. Андрея Федоровича Голенина, 1470–1482 гг.), *Яковец немчин* (Духовная память Дмитрия Александровича Белеутова, 1540–1544 гг.);

2. *Личное имя + форма на -ец-: Кафилат Селезенец (Ипат., л. 293 за 1280 г.), Олекса Колбинец (БГ-389, XIV в.), Андрѣи Воротынец (ПГ-435, XVI в.), Wasilus Ziemec 'Василий земец' (ПГ-396, XVI в.).*

Вторая модель в отношении форм на *-ец-* представляет собой своего рода «серую зону», поскольку статус подобных форм зачастую неясен и теоретически может быть как некалендарным именем (особенно

⁸ Ср.: «рабу Божию, нареченну сущу в крещении Иосиф, а мирскы Остромир...» (ОЕ, 1056 г.).

⁹ Более двух именований в анализируемых текстах не встретилось.

в ранних памятниках), так и прозвищем. Разграничение некалендарных личных имен и прозвищ составляет отдельную проблему [Тупиков 2005/1903: 73; Зализняк 2004: 205], которую не представляется возможным решить для лиц, упомянутых в древнерусских текстах в подавляющем большинстве случаев лишь один раз. Тем не менее для персонажей, оставивших в литературе более заметный след и функциональное распределение имен которых удастся проследить, отмечается общий принцип: «если то или иное лицо называется двумя именами, то прозвищное имя обычно ставится на втором месте» [Чичагов 1959: 29]. Формально одного этого признака недостаточно, чтобы признать все вторые именованья модели 2 прозвищами: теоретически, они могут быть и нехристианскими именами¹⁰. Тем не менее, в отличие от личного имени, прозвище всегда обладает более конкретными признаками, которые указывают на происхождение лица, род занятий, черту характера или внешность [Тупиков 2005/1903: 74].

Анализируя все встретившиеся вхождения модели 2, можно видеть, что во вторых именованьях с помощью суффикса *-ец-* как раз обозначаются происхождение, род занятий, а также свойства конкретного лица, которые в восточнославянских языках вновь могут маркироваться суффиксом *-ец-* [Вендина 1985: 58–59], однако данная семантика исторически не имеет связи с пейоративным и уменьшительным значениями данного суффикса. В силу этого в отношении многих примеров модели 2 уже с XIV в. можно с достаточным основанием предполагать именно прозвищный характер второго антропонима. Так, элементы *Колбинец* у *Олексы Колбинца* и *Воротынец* у *Андрея Воротынца*, по-видимому, представляют собой прозвища-демонимы, связанные с происхождением персонажа (топоним *Колбино* засвидетельствован в различных древнерусских текстах [Зализняк 2005: 539], о *Воротынске* как столице Воротынского княжества, входившего в земли Великого Княжества Литовского, известно еще из послания Витовта магистру Ордена 1427 г. [Рыбаков 1974: 99]), а также более ранних летописных данных *Ипат.* за 1155 г. [Никольская 1978: 118]. *Земец* же, в случае *Василия земца*, указывает на род занятий (о *земцах/земьянах* как о непривилегированных землевладельцах см. [Хорошкевич 2015: 397–399; Аракчеев 2020]). Дискуссионной является природа вторых антропонимов на *-ец-* для двух более старых персонажей второй половины XIII в. (*Кафилат Селзенец* и *Борко Оловянец* (*Ипат.*, л. 293–295 за 1280–1282 гг.); тем не менее, учитывая явным образом выделяющиеся нарицательные корни

¹⁰ Нам, однако, встретилось только одно вхождение, где второе из двух идущих подряд христианского и нехристианского именованний одного человека достоверно представляло собой его исконно славянское некалендарное имя, а не прозвище: князь *Никола Святъславъ* (УГ-1137).

вторых антропонимов и очевидно более абстрактные корни первых, можно предположить, что с помощью *-ец-* здесь также маркировалась особая характеристика внешности и/или занятия этих персонажей, более уместная для прозвища.

В силу этих факторов модели вида 2, с иной семантикой суффикса *-ец-* и иным (преимущественно прозвищным) характером антропонима, не привлекались к исследованию. Все проанализированные в работе вхождения представляют собой, таким образом, или первый из антропонимов в модели вида 1 (имя на *-ец-* + прозвище), или самостоятельно употребленный единичный антропоним (имя на *-ец-*). Нельзя исключать, что во втором случае в выборку теоретически могло попасть и небольшое количество прозвищ; тем не менее, за исключением единичных форм XII в. *Уец* (32, 43), *Нерадец* (22) и дискуссионной формы *Талец* (28), все встретившиеся антропонимы на *-ец-* представляют собой или дериваты от христианских имен, или аналогичные образования от очевидных исконно славянских имен, широко представленных во многих других древнерусских памятниках.

2. Употребление суффикса *-ец-* в памятниках XI — конца XV в.

Во всем корпусе летописных данных, а также берестяных грамот и эпиграфики до XV в. было выявлено 2 основных вида вхождений антропонимов на *-ец-*:

- один и тот же персонаж называется как полной литературной формой имени, так и производной формой на *-ец-* (как в одном памятнике, так и в разных);
- персонаж называется только формой на *-ец-* (как правило, один раз).

Контексты первого типа были характерны в первую очередь для летописей, тогда как второго — для грамот и эпиграфики.

2.1. Данные летописей

2.1.1. Персонажи с дихотомией полной формы имени и производной гипокористики на *-ец-*

Среди всех персонажей древнерусских текстов до XIV в. были обнаружены только два героя, в именах которых присутствовала вариативность (полная форма vs. дериват на *-ец-*). Таковыми оказались 1) Ярослав/Ярославец Святополкович (1076/1077–1123), князь владимирово-волынский и муж Рогнеды Мстиславны, развод с которой привел к военному конфликту с ее дедом Владимиром Мономахом; 2) ростовский епископ Феодор/Феодорец (?–1176), претендовавший на митрополичий престол во Владимире и известный своим конфликтом с Андреем Боголюбским,

закончившимся жестоким судом и казнью [Виноградов, Желтов 2019]. К обоим персонажам прослеживается очевидно отрицательное отношение летописца и/или других героев нарратива:

- (10) *и потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославца не терпаче злобъ его* (Поучение Вл. Мономаха; Лавр., л. 78);
- (11) *В то же лѣтъ чюдо створи Бѣ и сѣая Бѣа новое в Володимери городъ изгна бо Бѣ и сѣая Бѣа Володимерьская злаго и пронзырливаго и гордаго лествца лжого влдку Феодорца из Володимера ѿ сѣзая Бѣа црѣве Златовержия и ѿ всея землѣ Ростовьскыя (Ипат., л. 119 за 1169 г.).*

Однако только у Феодор(ц)а последовательно разграничиваются контексты *Феодор* vs. *Феодорец* в рамках одного нарратива (*Феодорец* коррелирует с негативно окрашенными эпитетами и/или глаголами в *Ипат.*, тогда как *Феодор* фигурирует в нейтральном лексическом окружении в единственном употреблении в *Лавр.*):

- (12) *бѣиѣ тѣлѣ про то велико предъ бѣговѣрнѣмъ княземъ Андрѣемъ . [и] предо вѣсѣми людьми . и оупрѣ ѣго влдка Феодоръ* (Лавр., л. 118 за 1164 г.)
- (13) *видѣ бо видѣ озлобленѣю людию своихъ сихъ кроткѣхъ Ростовьскыя землѣ . ѿ звѣроядиваго Феодорца погыбающихъ ѿ него .* (Ипат., л. 118 за 1164 г.)

Что касается Ярослава Святополковича, то этот князь трижды упоминается как *Ярославец* в Суздальской летописи по *Лавр.* (15–16, 18), а также в Поучении Владимира Мономаха¹¹ (10). Тем не менее в той же Суздальской летописи наравне с формой *Ярославец* присутствуют и два контекста с формой *Ярослав* (14, 17). Эти фрагменты являются последовательными и принадлежат перу одного и того же писца, монаха Лаврентия. Теоретически нельзя исключать, что они могли относиться к источникам, которыми пользовался сам Лаврентий, и не атрибутируются конкретно ему; однако в этой связи примечательно, что Радзивилловская летопись, содержащая параллельные записи соответствующих фрагментов, в формах имени Ярослава Святополковича не содержит каких-либо разночтений с *Лавр.*, обнаруживая в них аналогичную дистрибуцию *Ярослав/Ярославец*. Можно полагать, таким образом, что выбор конкретной формы имени способен колебаться в пределах одного и того же текста конкретного автора:

- (14) *Ходи Ярославъ сѣъ Стополчъ . на Ятьвагъ второе . и побѣди я .* (Лавр., л. 96об. за 1113 г.).

¹¹ Далее «Поучение...».

- (15) *Ходи Володимеръ на Ярославца Стополч[и]ча к Володимерю и оумири-
ся с ним (Лавр., л. 96об. за 1118 г.);*
- (16) *Бъжа Ярославъ Стополчичъ из Володимера в Ляхъ (Лавр., л. 97 за
1119 г.);*
- (17) *Ярославъ ходи на Половци за Донъ . и не вбрътъ ихъ вороти^{с-а} иплатъ
(Лавр., л. 97об. за 1123 г.);*
- (18) *в се же лѣтъ оубѣнь бѣи Ярославъ Стополчичъ оу Володимера города
(Лавр., л. 97об. за 1123 г.).*

Можно видеть, что только в «Поучении...» форма *Ярославец* коррелирует с очевидно отрицательным отношением автора к персонажу, тогда как в нарративном тексте Суздальской летописи, относящейся к Ярославу Святополковичу, описание каких-либо очевидно отрицательных действий и/или характеристик этого князя отсутствует; единственным предположительным маркером негативного отношения к нему является выбор летописцем формы *Ярославец*. В явном виде о негативных поступках Ярослава Святополковича читатель узнает только из других источников — «Поучения...», *Ипат.* и Московско-Академической летописи¹². При этом, однако, в *Ипат.* он фигурирует исключительно под формой *Ярослав*, даже в очевидно отрицательных контекстах — при предательстве им князя Ярослава Ярополковича (19), при отказе бояр поддерживать его (20) и при описании его чрезмерной гордыни (21), приведшей, согласно летописи, в итоге к смерти:

- (19) *Того же мѣца на исходѣ перьлѣсти Ярославъ Стополчичъ Ярослава
Ярополчича ятъ и на Нури и приведе къ вѣю Стополку . и иковаша и
(Ипат., л. 94об. за 1102 г.);*
- (20) *Въбѣже Ярославъ Стополчичъ из Володимера Оугръ . и бояре его . и
вступиша ѿ него (Ипат., л. 106об. за 1118 г.);*
- (21) *И тако оумре Ярославъ . единъ оу толцѣ силѣ вои за великую гордость
его понеже не имѣаше на Г Бѣ надежи но надѣяшеться на множество
вои (Ипат., л. 107–107об. за 1123 г.).*

В этой связи интерес представляет МАС, где Ярослав Святополкович в 10 из 15 вхождений выступает под формой *Ярославец* и в оставшихся 5 — как *Ярослав*. Однако здесь можно полагать, что выбор двух разных форм с большой вероятностью атрибутируется разным источникам, лежащим в основе МАС. Так, все сведения в МАС о Ярославе Ярополковиче, где он фигурирует под формой *Ярослав*, полностью отсутствуют в *Лавр.* и Радзивилловской летописях и, наоборот, имеют практически идентичные параллели в *Ипат.* (ср., напр., (20–21) и (22–23)).

¹² Далее МАС.

- (22) *и выбѣже Ярославъ Святополчич из Володимеря въ Угры, и бояре его отступиша от него* (МАС, л. 31 за 1118 г.);
- (23) *И тако убьенъ бысть Ярославъ, един в толицѣи силѣ, за великую его гордость, поне же не уповаше на бога, но надѣяшася на множество вои* (МАС, л. 32об. за 1123 г.).

В остальных же фрагментах МАС, частично пересекающихся с *Лавр.* (25), а также в некоторых случаях с *Ипат.* (но всегда с несколько иными формулировками, ср., напр., (19) и (24)), а также содержащих дополнительные подробности о жизни Ярослава Ярополковича, отсутствующие в других памятниках, князь последовательно представлен как *Ярославец* (25–26).

- (24) *Выбѣже Ярославъ Ярополчич из Киева октября 1; Ярославецъ же Святополчич обольстив ятъ его на Нуръ и приведе и къ отцу, и оковаша его* (МАС, л. 26 за 1102 г.);
- (25) *Ходи Ярославци, сынъ Святополчъ, на Ятвягы второе и побѣди ихъ* (МАС, л. 30 за 1112 г.);
- (26) *Ярославъ Святополчич отсла от себе жену свою, дщерь Мъстиславлю, внуку Володимерю* (МАС, л. 31 за 1118 г.);
- (27) *Ярославъ же разгордѣвся подѣхъ под град толико сам трети, рано в недѣлю, и прѣтяше князю Андрѣю и людемъ градскимъ, глаголя: «то есть град мой; аще ся не отворите, то узрите завтра, како избудете из руку моею»* (МАС, л. 32об. за 1118 г.).

Суммируя эти данные, можно полагать, что в летописных источниках, относящихся к XI–XII вв., выбор автором форм на *-ец-* в отношении высокопоставленных лиц является одним из возможных маркеров негативного отношения, который по желанию автора для усиления эффекта может дублироваться дополнительными оценочными лексическими средствами. Последнее наиболее явно прослеживается на примере князя *Ярославца* в «Поучении...», презрение к которому выражает непосредственно сам Владимир Мономах, находящийся с ним в ссоре, последовательных фрагментах МАС в отношении того же князя (26–27), а также епископа *Федорца* в *Ипат.* Параллельно с этим в одном и том же тексте одного автора возможны колебания между исходной формой имени и дериватом на *-ец-* (*Ярослав* vs. *Ярославец*), что видно на примере Суздальской летописи по *Лавр.* (14–18) и аналогичных фрагментов Радзивилловской летописи за соответствующие годы.

В ряде случаев (с большой долей вероятности, в МАС) такие колебания могут быть связаны с гетерогенным характером летописи, восходящей к разным источникам. Однако во фрагментах Суздальской

летописи по *Лавр.*, где подобного компилятивного характера в явном виде не наблюдается, можно обратить внимание, что в примерах (14) и (17)¹³, где князь фигурирует под полной формой имени, он является агентивным субъектом, контролирующим ситуацию, тогда как в (15) и (18), наоборот, он выступает в роли контрагента и жертвы, соответственно, а в (16) совершает вынужденное действие, каузируемое внешним участником, тем самым во всех трех случаях сближаясь с прото-ролью пациенса по [Dowty 1991]. В работах по лингвистической антропологии неоднократно отмечалась культурно обусловленная положительная интерпретация агентивности, ассоциируемой с контролем и социальным одобрением [Duranti 2004: 456; Vorhölder 2024]. Рефлексы этого можно видеть и на древнерусском материале: при общей отрицательной оценке персонажа в связи с экстралингвистическими факторами, его неагентивность и пациентивность в конкретном высказывании могла дополнительно способствовать выбору рассказчика формы на *-ец-*.

Общее соотношение встретившихся в *Лавр.* и *Ипат.* моделей представлено в Таблице 1:

Таблица 1

Соотношение исходных форм имени и дериватов на *-ец-* у Ярослав(ц)а Святополковича и епископа Федор(ц)а

Персонаж		«Пouchение...»	<i>Лавр.</i>	<i>Ипат.</i>
Ярослав(ец)	Форма на <i>-ец-</i>	+	+/- (3 формы на <i>-ец-</i> и 2 исходные формы)	—
	Дополнительные негативно окрашенные лексические средства	+	—	+
Федор(ец)	Форма на <i>-ец-</i>	N/A	—	+
	Дополнительные негативно окрашенные лексические средства	N/A	—	+

¹³ В данном примере, хоть поход и не заканчивается победой, как в (13), князь все равно выступает волитивным агентивным участником, самостоятельно принимающим решение как о походе, так и о возвращении — что подтверждается выбором соответствующей лексики (*воротитися*, а не *бъжати*).

Таким образом, в раннедревнерусский период можно выделить три степени отрицательной оценки с семантикой презрения, эксплицитно выражаемой применительно к антропонимам:

1. Степень I (нейтральная оценка): исходная форма имени (*Фе(о)-дор, Ярослав* и др.), без дополнительной оценочной лексики;
2. Степень II (умеренная отрицательная оценка, выражаемая одним из вариантов ниже):
 - а) исходная форма имени + дополнительная оценочная лексика,
 - б) форма на *-ец-* без оценочной лексики;
3. Степень III (наиболее сильная отрицательная оценка): форма на *-ец-* + дополнительная оценочная лексика (*лживый владыка Федорец*).

В рамках одного текста, атрибутируемого единому автору, нам не встретилось колебаний между степенями I и III в отношении одного и того же персонажа. Однако колебания между степенями I и II, по-видимому, естественны и могут обуславливаться прагматикой ситуации.

2.1.2. Персонажи, фигурирующие только под гипокористиками на *-ец-*

Общий корпус имен, представленных в гипокористической форме на *-ец-* в летописных источниках (*НПЛ, Лавр., Ипат.*), крайне невелик. Среди князей и высокопоставленных лиц, чей нарратив занимает основной объем летописного повествования, имена на *-ец-*, помимо ранее упомянутых *Ярославца Святополковича* и *Феодорца*, не встречаются. Можно полагать, что исходная семантика малого, заключенного в формах на *-ец-*, с формальной точки зрения противоречила высокому социальному статусу подобных персонажей и в этой связи употребление форм на *-ец-* по отношению к ним, очевидно, свидетельствовало уже о семантическом переходе в сторону отрицательной оценки.

Тем не менее восемь периферийных летописных персонажей фигурируют под формами на *-ец-*. К ним относятся *Талец, Нерадец, Дедилец* (*Лавр., Ипат.*); *Янец* (*Ипат.*); *Гаврилец, Душилец, Андреец, Гостилец* (*НПЛ*)¹⁴. Ниже контексты их употребления будут проанализированы более подробно.

Наиболее ранними (XI в.) летописными вхождениями антропонимов на *-ец-* являются формы *Талец* и *Нерадец*. Эти персонажи являются убийцами князей Бориса Владимировича и Ярополка Изяславича соответственно. Летописец не скрывает своего явно отрицательного

¹⁴ В Галицкой летописи по *Ипат.* также фигурируют иностранец Тибрец (Табрец), воин венгерского короля, и некий Бойко Оловянец, и нет однозначного мнения, идет ли речь об одном человеке с именем и прозвищем или же о двух разных [Лихачева 1997: 513]. В силу этой неоднозначности, а также очевидного иностранного происхождения, созвучного с русским суффиксом [Волощук 2010: 171], данные имена не были включены в анализируемую выборку.

отношения к ним, называя первого из убийц *законопреступником*, а второго *проклятым* (28–29):

- (28) *суть же имена симъ законопреступникомъ . Путъша . и Талець . Словить Ллшъко . ѿць же ихъ сотона (Лавр., л. 46 за 1015 г.);*
- (29) *Ярополкъ же съде Володимери . и пересъдед мало дѣи . иде Звенигороду . и не дошедшу къму града . и прободенъ бысѣ ѿ проклѣтаго Нерадьца . ѿ дьявола наоученья . и ѿ злыхъ члвкъ [...] бѣжа Нерадецъ трѣкртъзи Перемъшилю к Рюрикови (Лавр., л. 69 за 1086 г.).*

В этой связи примечательно, что среди убийц князя Андрея Боголюбского в известном граффито на Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском [Гиппиус, Михеев 2020] также фигурирует персонаж на *-ец-* (*Фролец*), очевидно осуждаемый автором (30):

- (30) *Петръ (Фралъвичь), Амбалъ, Якъ[мъ] Куцковичь, Офрѣмъ [Моу]зичь, Добры[н]а М[и]житичь, Ур..., Микита, Петр[ъ] Иванковичь, Фрольць, Миръшья, Пѣтръко, Стырята — си суть убици великаго князя Анѣдрѣя . Да будутъ проклѣти и въ с...*

Последующие вхождения имен на *-ец-* в летописных данных относятся уже к событиям конца XII — первой половины XIII в. Среди них *Дѣдилец*, *Душилец*, *Андреец* и *Гостилец* являются горожанами, ставшими жертвами военных действий и внутренних беспорядков. При этом также очевидно отрицательное отношение автора к некоторым из них. Так, *Дѣдилец* — рязанский посол, которого послушали высокопоставленные жители Владимиро-Суздальского княжества и позвали на престол Мстислава и Ярополка Ростиславичей, тем самым нарушив крестное целование Юрию Долгорукому и обещание держать на престоле его младших детей Михаила и Всеволода (31). В результате этого происходит междоусобная война, в ходе которой победу одерживает князь Всеволод, а Дедильца, наряду с рязанским князем Глебом и его войском, берут в плен. Летописец не скрывает своего одобрения, называя эти события великой победой (32):

- (31) *а крѣтнаго цѣлования забывше цѣловавши къ Юрью князю на мѣньшихъ князехъ на дѣтехъ . на Михалцѣ и на братѣ его . преступивъше крѣтное цѣлование . посадиша Анѣдрѣя . а мѣньшая выгнаша нѣ послѣдѣ по Анѣдрѣи поманушася по слуха Дѣдилця . и Бориса . Рязанскую послу (Ипат., л. 210 за 1175 г.);*
- (32) *Всеволодъ же князь погна в слѣдѣ ихъ со всею дружиною . ѿвѣи стѣкуще ѿвѣи влжюще . и ту самого Глѣба яша руками . и сна ѿго Романа . и шюрина ѿго Мстислава Ростиславича . и дружину ѿго всю изыма-*

ша . и думци юго извлаз вст . и Бориса Жидиславича . и Шлѣстина . и Дръдилца . и инѣхъ множество . а поганѣи Половци избиша вѣружѣмъ <...> поможѣ Бѣ и стѣя Бѣя Всеволоду . князю . в понедѣлнѣ . Ѡеодоровѣ недѣли . и вѣзвратисѣ с побѣдою великою в Володимерь (Лавр., л. 130 за 1177 г.).

Владычный столпник *Андреец* и липинский староста *Душилец* — представители новгородской знати первой половины XIII в., ставшие жертвами народного восстания 1228–1229 гг.: двор первого горожане разграбили, а второго, помимо разграбления, также хотели убить (33). Летописец называет произошедшее злом и большим мятежом, отдельно описывая предпосылки восстания — и неурожай 1228 г., и высокие цены, и крайнее недовольство горожан союзными с князем Ярославом боярами (подробнее см. [Янин 2003: 198–199]), против которых и разразился бунт.

(33) и поидоша съ вѣца въ оружии на тысячьского Вяцеслава, и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и *Андреичевъ*, владычня стольника, и Давыдокъ Софийскаго, и Судимировъ; а на *Душильця*, на Липньскаго старосту, тамо послаша грабитъ, а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водять»; и бысть мятежъ въ городъ вѣликъ (НПЛ, л. 106об. за 1228 г.).

Тем не менее, в отличие от предыдущих персонажей на -ец-, к носителям подобных имен в НПЛ особого отрицательного отношения летописца не прослеживается. Напротив, автор явно осуждает действия «простой чади», которая, движимая «окайным дьяволом» (НПЛ, л. 149об. за 1228 г.), прежде чем разграбить боярские дворы, выгнала «аки злодѣя пѣхающе в шию» (Ibid.) архиепископа Арсения, «мужа кротка и смирена» (Ibid.). В этой перспективе Душилец и Андреец выглядят лишь последующими жертвами восставших, и к действиям последних летописец питает очевидную антипатию.

Более отчетливое авторское сочувствие персонажу с именем на -ец- проявляется в отношении *Гостильца* — новгородца, убитого наряду с другими горожанами в ходе сражения князя Ярослава с литовцами на Дубровне в 1234 г. Летописец прямым текстом призывает об упокоении его души в раю:

(34) А новгородѣцъ ту убиша 10 мужъ: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣггутина на Лубяници, Нѣжилу серебряника, *Гостильца* на Кузмадемьяни улицы, Федора Ума княжъ дѣцкои, другое городищанинъ, и инѣхъ 3 мужи; а покои господи душа ихъ въ царствии небеснѣмъ, пролившихъ крѣви своя за святу ю Софью и за кровь христьяньскую (НПЛ, л. 118об.–119 за 1234 г.).

Жертвой также становится галицкий боярин *Янец*, захваченный в плен галицким князем Даниилом Романовичем и боярином Глебом Зеремеевичем. Никаких других сведений об этом персонаже летописец не приводит; неясна даже его национальность:

(35) *тое же ноци оуверноуша^е Данилъ и Глѣбъ Зеремѣвичъ яста Янѣца* (Ипат., л. 250 за 1213 г.).

Последний персонаж в выборке, *Гаврилец Милятинич*, — новгородский боярин XIII в. Летописец прямо называет его крестопреступником в числе четырех перебежчиков от князя Мстислава Мстиславича к его врагу князю Ярославу Всеволодовичу. Среди них также упоминается его тезка — некий Гаврила Игоревич (36). Можно полагать, что суффикс *-ец-* в некоторых случаях выступал также как маркер разграничения тезок, с дополнительной семантикой общей отрицательной оценки:

(36) *Поиде князь Мъстиславъ на зять свои, на Ярослава с новгородци, а в четверток побѣгоша къ Ярославу преступници кресту: цѣловали бяху крестъ честный ко Мъстиславу со всеми новгородци, вѣзмъ одинако быти, Володиславъ Завидовиць, Гаврила Игоревиць, Юрьи Олексѣйниць, Гаврилиць Милятиниць* (НПЛ, л. 83об. за 1216 г.).

Таким образом, все встретившиеся летописные вхождения деривативных имен на *-ец-* принадлежат к одной из следующих категорий: 1) преступники (убийцы *Талец*, *Нерадец*); 2) горожане, ставшие жертвами военных действий и внутренних беспорядков (новгородцы *Дѣдидец*, *Андреец*, *Душилец*, галичанин *Янец*); 3) лица высокого социального статуса, к которым очевидно выражено отрицательное отношение автора («злой» князь *Ярославец*, «лживый» владыка *Феодорец*, крестопреступник *Гаврилец Милятинич*). Можно видеть, что в отношении антропонимов суффикс *-ец-*, имеющий исходную семантику малого, уже к XI–XII вв. развил как значение отрицательной оценки, так и метафорическое значение зависимого, подчиненного положения (неагентивные персонажи-жертвы). В некоторых случаях эти значения могли присутствовать одновременно (15, 32), однако чаще явным образом фигурирует какое-либо одно из них (28, 33–35). При этом стоит отметить, что далеко не все персонажи, чье имя приобретает подобную семантику как с точки зрения содержания (жертвы событий), так и в синтаксическом плане (контрагенты и пациенсы), маркируются в летописи суффиксом *-ец-*; зачастую летописный нарратив содержит целую серию однородных сочиненных вхождений, где герой на *-ец-* — лишь один из перечисляемого списка (28, 32, 35, 36). Можно видеть, что данный суффикс выступал в качестве дополнительного показателя пациентивного и/

или отрицательного значения в контекстах, требующих разграничения тезок (36), и в целом несколько чаще выбирался для имен (в том числе производных) с основой на *-л* (*Талец, Фролец, Гаврилец, Гостилец, Душилец, Дьдилец*, всего 6 из 10 встреченных вхождений в летописях и граффито (30)). Все встретившиеся вхождения имен на *-ец-* упоминались в летописях за период до середины XIII в.

Для расширения выборки и проверки выводов, полученных по летописным данным, были также проанализированы берестяные грамоты и эпиграфические памятники XI–XV вв. Все источники были взяты из Исторического подкорпуса НКРЯ.

2.2. Данные берестяных грамот и эпиграфики

В берестяных грамотах встретилось 32 вхождения имен на *-ец-*, причем количество их в целом равномерно представлено во всем исследуемом периоде XI–XV вв. Для всех обнаруженных форм прослеживаются следующие категории носителей имени:

1. Должники и зависимые крестьяне, с которых причитался натуральный оброк (37–38):

(37) *у глѣбѣцѣ :ѣѣ: гривѣни* ‘У Глебца [долга] 12 гривен’ (БГ-919, XII в.);

(38) *у обакунцѣ ѣ кад ржи у максимцѣ ѣ кад ржи* (БГ-161, XV в.) ‘У Обакунца 2 кади ржи, у Максимца 2 кади ржи’;

(39) *ѡ дѣмѣка : кѣ сновидови попѣтаи оуѣча ю ли тоуѣ мои дѣлѣженикѣ* ‘От Домка к Сновиду. Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник?’ (БГ-1047, XII в.).

2. Адресаты, от которых отправитель требует выполнения тех или иных действий (40–41):

(40) *о словѣтъ грамота кѣ гюрѣцѣви выведѣ отрокѣ на микѣулоуѣ и на лѣшилѣнѣ възѣми полѣ питѣ грѣнѣ* ‘От Словяты грамота к Гюрцу. Выведа (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на лесных жителей ({менее вероятно:} на Лешана), возьми четыре с половиной гривны’ (БГ-1050, XII в.);

(41) *ѡ олофоромѣ к доманцуѣ и ко лахнуѣ и ко евануѣ и ко олексе секите сукѣо много а ржи много* ‘От Олфоромея к Доманцу, Лохну, Ивану и Олексе. Вырубайте большую подсеку ({букв.:} рубите много сучьев), а ржи много ...’ (БГ-391, конец XIII — начало XIV в.).

3. Посыльные, упоминаемые в 3-м лице (42–43):

(42) *ѡ тереньтеѣ кѣ михалю пришьлѣть лошакѣ сѣ ѡковѣцем[ѣ]* ‘От Терентия к Михалю. Пришлите коня с Яковцем’ (БГ-69, конец XIII — начало XIV в.);

- (43) *гну ѡлизару много челомъ бию послалъ ѡмъ гнѣ к тебѣ с лариѡнь(цѣм)[ѡ 100] клещеѡъ* ‘Господину Елизару челом бью. Я послал к тебе, господин, с Ларионцем 100 лещей’ (БГ-964, XIV в.).

4. Правонарушители (44–45):

- (44) *(ѡ) ...ора к оксѣньѣ ѡжъ алъ будъ матѡѡѣца добръ скуеть* ‘От Микифора (?) к Оксеньѣ. Если поймал {(не указано, кто)} Матфейца, хорошенько его закуйте’ (БГ-411, конец XIII в.);
- (45) *ѡн(л)и оу мене сел(и)ванке да михеике да ѡковѣ[цѣ] болдыкине кон в три рубль седло в полтину вотола в полтора торокех* ‘Отняли у меня Селиванко да Михейко да Яковец Болдыкин коня ценой в три рубля, седло в полтину, вотолу (род верхней одежды) в полтора [рубля и такие-то вещи в] тороках’ (БГ-521, XV в.).

5. Личности, вызывающие неприятие (46):

- (46) *[гѣу с]воѡму михаилу юреѡви[ч]у [хрест]ани твоѣ [·] череншани чело бию те што ѡси ѡдода деревенеку климѡцу ѡпарину а мы ѡго не хѡтимо не сусѡднѣи чѡловѡко* ‘Господину своему Михаилу Юрьевичу крестьяне твои черенщане (жители села Черенское) бьют челом. Ты отдал деревеньку Климцу Опарину, а мы его не хотим: не соседний человек’ (БГ-311, XV в.).

6. Слуги и работники (лица, находящиеся ниже автора грамоты в социальной иерархии) (47):

- (47) *А в дѡль на люде^x серебра у григорѡѡца по³тиⁿ у остаѡѡѡца по³тиⁿ оу бѡлка по³тиⁿ у семенѡца по³тиⁿ оу сидора по³тиⁿ у мосѡѡѡца по³тиⁿ оу остоѡѡца по³тиⁿ* ‘А «в деле» за слугами денег: у Григорьеца полтина, у Остафьеца полтина, у Белка полтина, у Семенца полтина, у Сидора полтина, у Мосейца полтина, у Осейца полтина’ (БГ-Мос. 3, XV в.).

7. Участники судебных разбирательств (нередко неявившиеся) (48):

- (48) ... [н]а суд[ѡ]и не ста филипецъ ... (пос)лахомъ грамоту бесудну(ю) ‘... [был вызван] на суд и не стал [на суд] Филипец; [тогда] мы послали грамоту бессудную’ (БГ-137, XIV в.).

8. Прочее («серая» зона, где контекста недостаточно для установления каких-либо признаков упоминаемого лица) (49–50):

- (49) *ѡ кѡснѡтина къ жѡданѡѡ запла[ти] стѡпанѡѡцу к[ѡ] ро[жествѡ]ѡѡ* ‘От Коснятина к Ждану. Заплати Степанцу к Рождеству (БГ-241, XII в.);
- (50) *отъ оуѡѡца к[ѡ]* ‘От Уйца к...’ (БГ-1046, XII в.).

С формальной точки зрения нельзя исключать негативного отношения к персонажу в примерах типа (49), однако бесспорных признаков подобного в грамотах нет. Примечательным также выглядит пример (50), выбивающийся из всей выборки: он является единственным, где формой на *-ец-* себя называет именно отправитель, однако в силу крайне малой сохранившейся части грамоты какого-либо объяснения выбору этой формы предложить нельзя. Тем не менее обращает на себя внимание граффито (51) в Софии Киевской, где фигурирует *Дедилец-касожич*, пишущий также от первого лица:

(51) *Дѣдильце ѱ касожичъ Тѣмоторокан(ю) ида ѿ свѣтыхъ азъ бо Ги чаю прити къ тебѣ на възкрѣшенъе ох дѣе моя* ‘Дедилец-касог писал, направляясь в Тмутаракань, идя от святых. Ибо я, Господи, надеюсь прийти к тебе на воскрешение. Ох, душа моя!’ (перевод и чтение даны по [Дробышева 2025])

Можно полагать, что в данном граффито выбор формы на *-ец-* обусловлен интенцией обращения к Богу, перед которым обращающийся чувствует себя предельно малым (ср. «раб Божий»). Однако вряд ли подобный контекст может быть реконструирован для примера вида (50). Учитывая, что имя *Уец* встретилось лишь в двух грамотах (39) и (50) и в них явно идет речь об одном и том же человеке [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 148], который в (39) является должником, можно предположить, что выбор данной формы в (50) также был обусловлен пониманием отправителя своего зависимого статуса — и, возможно, далее в грамоте могло идти обращение к господину.

За исключением примера (51) и ранее обсуждавшегося применительно к схожим летописным данным (30) (см. раздел 2.1.1), вхождений антропонимов на *-ец-* в эпиграфических памятниках не встретилось. Однако единичное вхождение антропонима на *-ец-* в нелитературных памятниках представлено также в Псковской пергаменной грамоте XIV в. в отношении должника *Нездильца*, которого требуют выдать от рижан поручившемуся за него псковичу Ивану Голову:

(52) *От посадника Сидора, и от Рагуила, и от всѣхъ сътѣскихъ, и от всѣхъ плѣсковицъ къ рѣтѣманомъ въ Ригу и къ всѣмъ рижаномъ. Здѣ тировалъ Нездильце вашъ во Плѣсковѣ съ дѣтѣми, тѣрговалъ съ Кумордою и не доплатилъ Куморде 20 гривеньъ серебра и полутретье гривне серебра, а Ивана Голова, человека нашего, взвелъ въ поруку. [...] Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправимъ въ Плѣскове на вашей братии, а вамъ повѣдаемъ (ГВНП-332, XIV в.).*

Общее соотношение всех деривативных антропонимов на *-ец-* представлено в *Таблице 2*.

Таблица 2

Дистрибуция антропонимов на *-ец-* в памятниках бытового и делового регистра XI–XV вв. применительно к носителям имени различных временных периодов

	XII	XIII – 1-я пол. XIV	2-я пол. XIV – XV	Всего
Должники	3	3	4	10
Адресаты, от которых отправитель требует выполнения конкретных действий	2	1	0	3
Посыльные (в 3-м лице)	0	3	2	5
Правонарушители	1	1	2	4
Личности, вызывающие неприятие	0	0	1	1
Слуги и работники	0	0	6	6
Ответчики на суде (как правило, неявившиеся)	0	1	2	3
Проч.	4	2	0	6
Всего	10	11	17	35

Исходя из анализа всех встретившихся групп носителей, представленных в *Таблице 2*, видно, что с точки зрения содержания их можно разделить на две основные подгруппы: 1) лица, в отношении которых по умолчанию подразумевается контекстуальная отрицательная оценка, связанная с осуждением конкретного поступка или поступков (правонарушители, ответчики в суде и неприятные по контексту личности); 2) лица, находящиеся ниже по статусу в различных видах иерархии, как социальной, так и ситуативно обусловленной коммуникативной (должники; слуги и работники; посыльные; адресаты, в отношении которых автор грамоты выступает с четким требованием конкретных действий, без дополнительных этикетных формулировок). Можно видеть, таким образом, что ситуация в грамотах и эпиграфике XI–XV вв. близка к ситуации в летописях аналогичного периода — в обеих группах источников данного периода выделяются два отдельных макрозначения суффикса *-ец-*, а именно: 1) негативной оценки и 2) более низкого социального или коммуникативного статуса по сравнению с автором грамоты. Оба этих значения засвидетельствованы в языках мира в качестве возможных семантических переходов от изначальной единицы с семантикой ‘меньше, чем X’ [Jurafsky 1996: 535–536; Фуфаева 2020: 150].

Сравнивая более ранние и более поздние данные, можно видеть, что количество вхождений антропонимов на *-ец-*, маркирующих лиц

более низкого статуса, всегда стабильно выше числа антропонимов с явной отрицательной оценкой конкретного персонажа (Рис. 1); относительно общего числа вхождений разница оказывается статистически значимой (биномиальный критерий, $p\text{-value} < 0,05$).

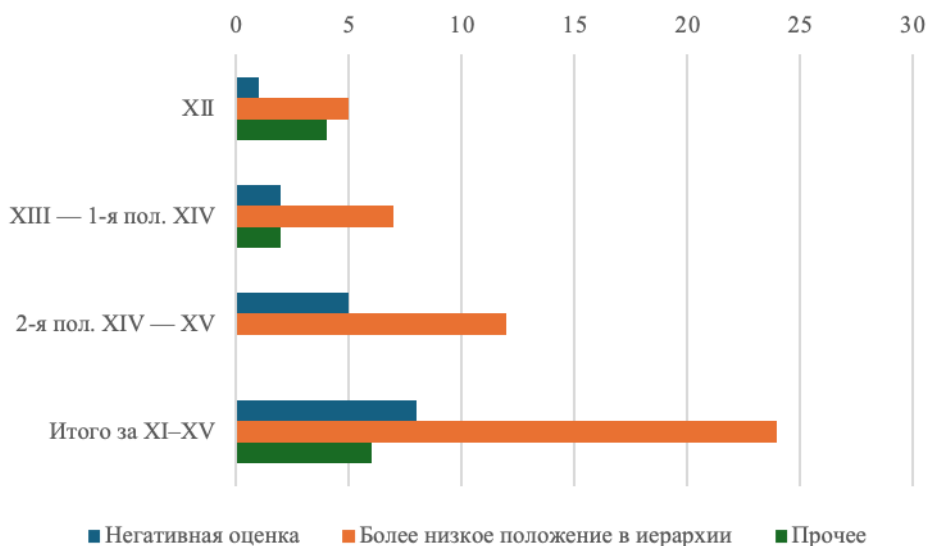

Рис. 1. Дистрибуция вхождений антропонимов на *-ec-* с общей семантикой негативной оценки и с семантикой более низкого иерархического статуса в данных XI–XV вв. (число вхождений)

Тем не менее качественный анализ показывает, что, несмотря на стабильно сохраняющееся доминирование более низкого иерархического статуса в качестве семантики суффикса *-ec-* у производных антропонимов, с течением времени некоторые частные значения данного суффикса все же претерпевают изменения. Так, фактически сходит на нет категория «прочее», маркирующая «серую» зону, и явный рост показывает наличие суффикса *-ec-* у слуг и работников. Можно предположить, что к XV в. данный суффикс уже показывает тенденцию к маркированию преимущественно более низкого социального (а не коммуникативного) статуса персонажа (Рис. 2).

Для сравнения с новгородскими данными и преимущественно более поздними данными Московской Руси также был рассмотрен материал полоцких грамот середины XV — начала XVI вв.

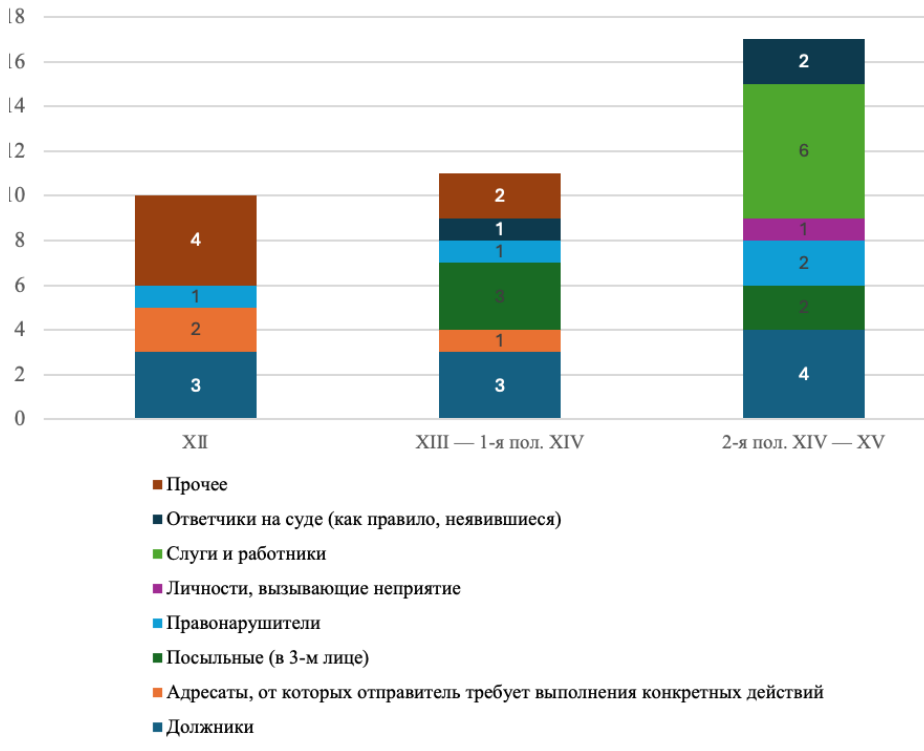

Рис. 2. Дистрибуция вхождений антропонимов на *-ец-* с более дробной семантикой негативной оценки и низкого иерархического статуса в данных XI–XV вв. (число вхождений)

2.3. Данные полоцких грамот

Всего в сборнике полоцких грамот середины XV — начала XVI в. (ПГ) было обнаружено 15 вхождений антропонимов на *-ец-*. Их дистрибуция в зависимости от статуса упомянутого лица представлена на Рис. 3; при этом категория слуг и работников рассматривалась в широком понимании: к ней относились лица, как непосредственно названные слугами, так и эксплицитно характеризуемые как подданные великого князя, так называемые «господарские люди» (1 вхождение), а также лица, обязанные служить конкретному человеку (3 вхождения, см. пример 46).

Рис. 3. Дистрибуция антропонимов на *-ец-* в Полоцких грамотах XV — начала XVI в. (число вхождений)

Можно видеть, что общая ситуация с антропонимами на *-ец-*, сложившаяся в полоцких документах середины XV — XVI вв., близка новгородским данным XV в.: 13 из 15 встретившихся вхождений обозначают либо лиц более низкого статуса в социально-общественной иерархии (категория слуг и работников, которая оказывается доминирующей в полоцких грамотах, см. примеры (53–54)), либо в коммуникативно-прагматической (должники, ответчики в суде, грабители, см. примеры (55–56)). Примечательно, что в одной из грамот (53) имя слуги представляет собой дериват на *-ец-* от имени его хозяина-немца, очевидно образованный на русской почве с помощью форманта, уже ставшего конвенциональным для обозначения персонажей подобного статуса:

- (53) Торговали, дѣи, есмо з немцом з Ганусом Тимофѣевым з рижанином на поплѣлѣ. [...] А давали есмо вѣцю его Тимофѣю а служѣ его Ганусцю, а подлугѣ приказанѣа того Гануса Тимофеевича (ПГ-184, 1468 г.);
- (54) В тыхъ листехъ выписано, што жѣ его м(и)л(о)сть подавалѣ ему люди в Полоцкомѣ повете, Себежского пригона три службѣ, на имѣ Симона Сидоровича, а Семенѣа Михалковича, а Семенѣа Ивнича, а чловека з невелискою землею Сысоиѣа (ПГ-293, 1492 г.);
- (55) А в томѣ же селѣ на Тоуловѣ на сѣбрѣхъ на Семенѣу съ дѣтѣми полѣ-четверта рубли, на Угафонѣу с дѣтѣми полѣтретья рубли, на Щетинѣу полтина (ПГ-135, 1452–1458 гг.);

- (56) *Жаловалъ намъ полочанинъ Иевко на Якубца Кгинивиловича, пограбилъ, деі, его невинно, взалъ оу него солью, грошми всего на пятнадцать рублей за Балагура (ПГ-149, 1461 г.).*

Один из персонажей ПГ, городской слуга Мартин Проселок, фигурирует в 9 различных грамотах как под полной формой имени, так и в варианте *Мартинец*. При анализе этой дихотомии обнаруживается, что гипокористический дериват на *-ец-* представлен исключительно в контекстах, где данный персонаж последовательно фигурирует в качестве ответчика в суде (57), тогда как в остальных случаях он упоминается под полным именем и либо является собственно автором грамоты и по совместительству наследником земли в Полоцком повете (ПГ-279А, ПГ-280, ПГ-338, см. пример (58)), либо упоминается наряду с другими лицами, купившими землю (ПГ-428), либо фигурирует в качестве лица, на действия которого жалуются в частном порядке (59), однако не присутствует в суде и не является официальным ответчиком. Можно предположить, что в официально-деловом стиле Великого княжества Литовского *-ец-* постепенно оформлялся как формант, маркирующий преимущественно формализуемый более низкий статус в социально-общественной иерархии.

- (57) *Билъ намъ чоломъ боярин полоцкии Богданъ Устафъевичъ, што ж есмо судили его з Мартинцом Федковымъ сыном. Искал он того Мартинца за непохожого слугу. И тот Мартинец мовил перед нами, што ж утца его Устафеи дал ему листъ свои, и подлугъ листа утца своего Богдан Устафъевичъ свои листъ на то ему дал. [...] И мы в том межи ними досмотревши, и того Мартинца есмо вправили и приказали есмо Богдану Устафъевичу, абы ему в том дал впокои, вол(ь)но ему, кому хочет(ь), тому служит(ь) (ПГ-280, 1492–1496 гг.).*
- (58) *Билъ намъ чоломъ Проселокъ з братомъ своимъ з Марътиномъ, и положили перед нами листъ боярына полоцъкого пана Устафъевъ Васил(ь)евича, што ж, утходъ з сего св(е)та, дал имъ землю на имъ Фалеевъщину и зъ людми на Устровне (ПГ-279Б, 1492–1496 гг.);*
- (59) *Жаловала намъ боярыни полоцъкаа Проселковая на дивера своего на Марътина Проселъка, што жъ, как мужъ ей вмеръ, и онъ ей з ыменья его з дельницы ее выгналъ вонъ и з детьми (ПГ-366, 1500 г.).*

Лишь в одном случае в полоцких документах встретилось вхождение антропонима на *-ец-*, однозначное толкование которому предложить не удастся. Данное вхождение относится к некому землевладельцу *Филицу* (60). Тем не менее, учитывая наличие в антропониме форманта *-ец-*, можно предположить, что его носитель не принадлежал к городской знати, а мог быть, например, городским или путным слугой, т. е.

входить в одну из категорий служилого сельского населения Великого княжества Литовского, которые могли владеть землей [Хорошкевич 2015: 398–399].

(60) *А тоуто же по рѣдоу коупилъ есмѣ | селце оу Филипча оу Храпчина брата, а далъ есмѣ два | рубли (ПГ-135, 1452–1458 гг.).*

Таким образом, ситуация с антропонимами на *-ец-* в полоцких грамотах XV — начала XVI в. оказывается близкой новгородским грамотам аналогичного периода: в обоих источниках *-ец-* маркирует преимущественно носителей более низкого социального статуса, тогда как семантика субъективной негативной оценки человека фактически отсутствует. Последнее может дополнительно объясняться более официальным характером полоцких документов по сравнению с новгородскими берестяными грамотами.

3. Употребление суффикса *-ец-* в памятниках XVI–XVII вв.

3.1. Общие сведения

В отличие от ряда других гипокористических суффиксов, которые после XV в. постепенно утрачиваются (*-ята-* [Страхова, Флейшер 2023]; *-хно-* и др.), модели на *-ец-* в период XVI–XVII вв. продолжают активно использоваться в старорусской деловой письменности — как Московской Руси, так и Великого княжества Литовского, — постепенно сходя на нет к рубежу XVI–XVII вв. [Никонов 1971: 269; Полонский 2012: 96–97]. В XVI–XVII вв., вплоть до отменяющего указа Петра I от 1701 г., складывается устойчивый протокол формуляра русских челобитных, предполагающий употребление личного имени отправителя в форме так называемого полуимени, или «в «уничижительно-пренебрежительной форме» [Волков 2006: 40], с «суффиксами субъективной оценки» [Ibid.: 83]. По сути, подобная форма представляла собой регламентированное эпистолярное этикетное самоуничижение адресанта перед адресатом [Полонский 2012: 83]. В качестве данных полуимен активно использовались дериваты с различными диминутивными суффиксами (*-к-*, *-ик*, *-юк*, *-иш(е)к-* и др. [Азарх 1984: 68–69; Полонский 2012: 94–96]), среди которых также активно использовался употребляемый ранее *-ец-* (см. примеры (57–58)). Можно полагать, что возникшая ранее семантика более низкого социального или прагматического статуса у данного суффикса послужила дополнительным толчком к его употреблению в челобитных более позднего периода.

- (61) *Государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси холон твой, государь, Феодорец Хованской челом бьет* (Грамота из Муромы наместника князя Феодора Хованского за 1489 г.);
- (62) *Бьет челом государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси Иванец Еганов* (Челобитная Ивана Яганова, 1533.12.11–1534.06).

По данным исследования Д. Г. Полонского, формы на *-ец-* в качестве полуимен челобитчиков активно использовались в эпоху Василия III и Ивана IV, а далее постепенно замещаются другими формами: «...вместо А(О)лександрец — А(О)лександрик либо А(О)лександр(ь)ко, вместо Иванец — Ивашка, вместо Федорец — Фед(ь)(т)ка. В челобитных русских подданных времени Годунова такие производные антропонимы еще существуют параллельно, но в царствование Михаила Романова употребление суффиксов на *-ец-* в полуименах мужчин радикально сокращается, причем независимо от социального положения челобитчика» [Полонский 2012: 96]. Можно видеть, что к XVII в. *-ец-* постепенно вытесняется универсальным формантом *-к-* (в ряде случаев с дополнительным сокращением или другой гипокористикой основы); первый суффикс к этому времени, возможно, оставался конвенциональным диминутивом для существенно меньшего количества имен и в силу этого постепенно вышел из употребления.

Тем не менее за пределами челобитных антропонимы на *-ец-* исследованы существенно меньше. Ряд ученых отмечает, что во многих официально-деловых текстах — в частности, в завещаниях, меновных, разъезжих и духовных грамотах — в общем случае какой-либо негативной или экспрессивной окрашенности в форманте *-ец-* и других диминутивных антропонимических суффиксах увидеть нельзя [Азарх 1984: 68–69; Литвина, Успенский 2006: 131]. В этом исследовании мы проверим этот тезис на более широком материале официально-деловых текстов старорусского подкорпуса НКРЯ, при этом основное внимание будет уделено завещаниям, купчим, меновным и духовным грамотам Московской Руси. Также к исследованию было привлечено некоторое количество более ранних грамот Московской Руси середины XV в. для последовательного диахронического анализа антропонимов в данном регионе.

3.2. Данные старорусского подкорпуса НКРЯ (официально-деловые тексты второй половины XV — XVII в.)

Всего в старорусском корпусе НКРЯ (поиск по официально-деловым текстам 1450–1700 гг.) было обнаружено 177 вхождений антропонимов на *-ец-*. Их дистрибуция представлена в Таблице 3.

Таблица 3

Дистрибуция антропонимов на -ец- в старорусском подкорпусе НКРЯ второй половины XV — XVII в. (официально-деловые тексты)

		из них дети
крепостной	49	18
должник	4	2
служилый человек государева полка	3	
подданный	6	2
посыльный не княжеского происхождения	1	
слуга	2	
Формула «а ... писал Х»	52	
Формула «Х руку приложил»	46	
Формула «Х челом бьет»	13	
прочее	4	2
всего	177	24

Можно видеть, что в данных второй половины XV — XVII в. выбор формы на -ец- начинает дополнительно определяться не только экстралингвистически низким статусом носителя в социальной иерархии (крепостной, слуга, подданный по отношению к вышестоящему чину, ребенок; при этом нередко эти параметры могли комбинироваться), но и собственно структурой документа. Так, если до начала XVI в. антропонимы на -ец- фигурируют практически исключительно в отношении крепостных, слуг и подданных в достаточно свободном контексте, то с середины XVI в. формы на -ец- начинают массово употребляться в финальных формулах вида *а данную/купчую/меновную/... (под)писал Х* и *Х руку приложил*, которые оставляли подьячие и послухи-свидетели заключаемой сделки (см. примеры (63–68)). Во всей выборке данные формулы чрезвычайно многочисленны и в совокупности составляют 98 вхождений, или 55 % от общего подкорпуса. Также в период XVI в. антропонимы на -ец- периодически встречаются в начальных формулах челобитных (см. раздел 3.1), однако финальные закрепляемые формулы *а данную/купчую/меновную/... (под)писал Х* и *Х руку приложил* по количеству антропонимов на -ец- в старорусском подкорпусе НКРЯ существенно превосходят челобитные (см. Таблицу 3).

(63) *А купчую писал Иванец Васильев сын Бараков лета сем тысяч пятьдесят третьяго* (Купчая келаря Филофея, казначея Ильи и старца Изосимы на купленные у Тимофея Васильевича Бражникова с. Забанье, дер. Матренино и пашню Пелепелкино в Горетовск. ст. Московск. у., 1544–1545);

- (64) *А меновнную писал подъячей Гаврилец Михеев сын Станиславов* (Меновная, по наказу ц. Ивана Васильевича, боярина Льва Андреевича Салтыкова Морозова у арх. Усп.-Гор. монастыря Мемнона на сц. Зубарево и д. Щекотово в Кодяеве ст. за дворцовое сц. Веслево с дд. в Новосельском ст. Переславского у. Включенный акт в составе правой грамоты 1627 г. сентября 29, 1562.02.03);
- (65) *Послух Иванец Шебаршин руку приложил. Послух Семенец Горбатого и руку приложил. Послух Сергеец Микифоров руку приложил* (Данная Владимира Васильевича Морозова строителю Сп.-Генн. пустыни Геннадию на д. Залякино и наволоку Колотилова на р. Костроме в Осецком ст. Костромского у., 1549–1550);
- (66) *Послух Ондреец Юрьев руку приложил. Послух Яковец Якимов руку приложил. К сей даной грамоте Ондриянов отец духовной Осаф руку приложил.* [Данная кн. Андрея Ивановича Коврова (инока Андреяна) арх. Рожд. монастыря Закхее на дд. Гридино, Орлово, Давыдовскую и пуст. Лаптево в Кривом Бору и дд. Фатьяново, Красное, Каменное и др. в Заводичах в Завражье в Стародубском у., 1551–1552);
- (67) *Послух Ондреец и руку приложил. Послух Федорец руку приложил. Дал яз, Дмитрий Годунов, су свою водъчину в Ыпацькой манастырь* (Купчая (продажная) Офимьи Ивановой дочери Молчанова, вдовы Дмитрия Юрьева сына Перепечина, с дочерьми Дмитрию Ивановичу Годунову на сц. Крутец с дд., почт. и пустт. в Судогоцкой вол. Владимирского у., 1581–1582);
- (68) *А у изустной послух Шемяка руку приложил. Послух Иванец руку приложил. Послух Олексейко руку приложил* (Духовная старца Елисея Васильевича Бибикова, 1579–1580).

Примечательно, что собственно участники сделок, указываемых в данных, купчих, жалованных и меновных грамотах, никогда не представлены формами на *-ец-* — в их отношении фигурируют только исходные формы имени¹⁵ (ср. грамоты инока Андреяна в (66), Дмитрия Годунова в (67), упоминаемых под полными формами имени параллельно с послухами на *-ец-*). Лишь в одном случае актер сделки обозначен формой на *-ец-* (69), однако в данном контексте он непосредственно представляет свои действия как совершаемые по приказу отца и бабки, и в силу этого его статус в иерархии оказывается более низким по сравнению с упоминаемыми родственниками, что и может обуславливать выбор соответствующей формы *Иванец*. Показательно при этом, что родственники, изначально приказавшие заключить данную сделку, упоминаются в грамоте под полными именами:

¹⁵ В ряде случаев в таких именах возможна фонетическая адаптация на русской почве в виде замены некоторых звуков (в частности, начального А на О и др., подробнее см. [Успенский 1969]).

(69) Да се яз, *Иванец* Степанов сын Зубатого, по приказу отца своего Степана Иванова сына Зубатого да бабки своей Варсонофьи, что в миру была Василиса Иванова жена Зубатого, дал есми в дом Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Благовещенья и великому архистратигу Михаилу честнаго его чюдеси и святому великому чудотворцу Алексею митрополиту Киевскому всеа Руси при чудовском архимандрите Леониде да при казначее Нифонте, и при старцех, которые в сии данои вверху писаны, отчину отца своего и бабки в Московском уезде в Быкове и в Коровине стану в тех же деревнях в деревне в Бвашове, в деревне в Огафонове, в деревне Медведеве, в деревне в Харитонове пашни по сороку и по одной четверти в поле и лес в пашни места (Данная Ильи Антонова сына Царегородцева и Ивана Степанова сына Зубатого арх. Чудова монастыря Леониду с братьею на пожалованные им против их вотчины (сц. Заречье с дд. в Емецком ст. Костромского у.) дд. Ивашево, Агафоново, Медведева и Харитоново в Быкове и Коровине ст. Московского у., 1570.10).

Можно предположить, что выбор антропонимов на *-ец-* в качестве имен послухов-свидетелей в финальных формулах грамот, в противоположность полным именам непосредственных контрагентов, обусловлен прагматически более низким статусом данных лиц в контексте указываемой в грамотах сделки: в отличие от собственно дарителей, завещателей, продавцов и покупателей имущества, данные лица лишь выступают в роли свидетеля и/или писаря и не несут какой-либо ответственности за содержательную сторону вопроса.

К началу XVII в. антропонимы на *-ец-* в финальных формулах постепенно исчезают, заменяясь другими дериватами на *-ко/-ка*, *-шка/-шко* и др. Можно полагать, что их постепенное исчезновение было обусловлено теми же причинами, что и схожий процесс в истории челобитных (см. раздел 3.1). Так, к концу XVI в. *-ец-* остается частотным лишь у ограниченного количества имен, причем основной массив анализируемого корпуса — 63 из 177 вхождений (35 %) — приходится на имя *Иванец*, за которым со значительным отставанием следуют формы *Яковец* (19 вхождений, 10 %), *Степанец* (15 вхождений, 8 %), *Федорец* (14 вхождений, 8 %), и *Семенец* (12 вхождений, 8 %), при этом 26 из 177 обнаруженных форм на *-ец-* и вовсе встретились лишь по одному разу.

Можно предположить, что с течением времени семантику более низкого социального и прагматического статуса персонажа у суффикса *-ец-* постепенно перенял более универсальный формант *-ко/-ка*, ранее также бытовавший в качестве возможной гипокористической формы в схожих контекстах, ср. форму *Олексейко* в (68). Однако данная гипотеза заслуживает отдельного детального исследования.

Заключение

В статье были проанализированы все встреченные вхождения антропонимов с деривативным суффиксом *-ец-*, ранее имевшего семантику 'меньше, чем X'. Было установлено, что в общем случае (не только в отношении антропонимов на *-ец-*) древнерусский антропонимический материал не дает оснований выделять ингерентную пейоративность, однако адгерентная пейоративность прослеживается достаточно четко, позволяя предложить два основных типа значений форм на *-ец-* для данных до XV в. Так, в древнерусских памятниках выявляется следующая классификация пейоративов, обозначенных антропонимами на *-ец-*: 1) персонажи, очевидным образом отрицательно оцениваемые автором, и 2) персонажи, имеющие более низкий социальный или контекстно обусловленный коммуникативный статус по сравнению с автором грамоты. Метафорический переход от прямого значения 'меньше, чем X' к отрицательной оценке, а также к семантике более низкого иерархического положения является типологически распространенным процессом, задокументированным во многих языках мира [Jurafsky 1996]. При этом суффикс *-ец-* не является единственно возможным маркером данных значений в древнерусских текстах, в связи с чем отрицательная оценка также может выражаться дополнительными описательными лексическими средствами, усиливающим экспрессивность (*лживый владыка Феодорец (Ипат.)*). В рамках одного и того же летописного текста возможны колебания между формой на *-ец-* и исходной формой имени (*Ярослав* vs. *Ярославец* в отношении князя Ярослава Святополковича в Суздальской летописи по *Лавр.* и *МАС*), которые могут быть как результатом компиляции разных источников (*МАС*), так и сознательным выбором летописца, где пациентивность персонажа в конкретном высказывании может быть дополнительным фактором в пользу выбора формы на *-ец-*. Семантика объекта и жертвы, ассоциируемая с прото-пациентом [Dowty 1991], также нередко связывается с социальным неодобрением в языках мира и тем самым выступает в качестве отдельного параметра для выбора суффикса *-ец-*. Данные берестяных грамот и эпиграфики позволили расширить выводы, полученные на корпусе летописей: было выявлено, что семантика иерархически более низкого статуса стабильно более распространена во вхождениях с *-ец-*, нежели собственно отрицательная оценка. Тем не менее ряд аспектов данного антропонимического суффикса в этом значении также эволюционирует со временем. В частности, к XV в. он начинает чаще употребляться в отношении третьих лиц более низкого социального и/или функционального статуса и реже фигурирует в отношении адресатов грамот, которые, как правило, по умолчанию относились к лицам близкого социального положения.

Деловые документы — полоцкие грамоты XV–XVI вв. и официально-деловые памятники Московской Руси XV–XVII вв. позволили установить дальнейшее развитие семантики и прагматики антропонимов на *-ец-*. Так, к концу XV в. в деловых документах данные формы фигурируют практически исключительно в отношении лиц более низкого статуса в социально-общественной иерархии (крепостные, слуги, должники, подданные по отношению к вышестоящему лицу, дети), а в XVI в., с развитием более формализованного официально-делового стиля, наряду с другими гипокористическими суффиксами эти формы становятся отличительной особенностью челобитных (этикетное самоуничижение отправителя в виде формы на *-ец-* перед адресатом) и финальных формул вида *а X писал* и *X руку приложил* (имена свидетелей заключаемой сделки в гипокористическом варианте на *-ец-*, а также с другими суффиксами, противопоставленные полным именам непосредственных авторов и контрагентов сделки). По-видимому, адресерентное восприятие носителей данных антропонимов как персонажей более низкого статуса служит триггером для начала их массового употребления в XVI в. в формализованных этикетных формулах, отражающих более низкий ситуативно-прагматический статус персонажа в сопоставлении с другими участниками коммуникации или заключаемого договора (проситель в противоположность адресату; свидетель в противоположность непосредственным участникам сделки). Однако к XVII в. антропонимы на *-ец-* постепенно выходят из употребления, заменяясь более распространенными дериватами с формантом *-ко/-ка*, *-шко/-шка* и рядом других. Таким образом, выбор суффикса *-ец-* применительно к антропонимам XI–XVII вв. оказывается неслучайным и обусловлен связанной сетью семантических, прагматических, синтаксических и, возможно, отчасти морфологических факторов, эволюционирующих с течением времени.

Библиография

Источники

БГ

Берестяные грамоты XI–XV вв. (<http://gramoty.ru/birchbark/>).

ГВНП

Анкудинов И. Ю., сост., *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 1. Тексты. 2-е издание, Москва, 2025.

Грамота из Муромы наместника князя Феодора Хованского за 1489 г.

Кельдасов Б. А., Рогожин Н. М., Лыкова Е. Е., Лукичев М. П., сост., *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг.*, Махачкала, 1995, 18–20.

Ипат.

Полное собрание русских летописей, 2. Ипатьевская летопись, С.-Петербург, 1908.

Лавр.

Полное собрание русских летописей, 1. Лаврентьевская летопись, Ленинград, 1926–1928.

МАС

Полное собрание русских летописей, 25. Московский летописный свод конца XV века, Москва, Ленинград, 1949.

НПЛ

Полное собрание русских летописей, 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

ОЕ

Остромирово евангелие 1056–1057 года по изданию А. Х. Востокова, Москва, 2007.

ПГ

Хорошкевич А. Л., отв. ред., Полехов С. В., зам. отв. ред., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., подг., *Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.*, Москва, 2015.

ПК

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг., Махачкала, 1995, 18–20.

УГ-1137

Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/37 г., Новгород, о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода с дополнительными установлениями XIII в. о десятине с приладожских и поволжских земель, Тихомиров М. Н., Щепкина М. В., *Два памятника новгородской письменности*, Москва, 1952, 19–21.

Литература

Азарх 1984

Азарх Ю. С., *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*, Москва, 1984.

Аракчеев 2020

Аракчеев В. А., Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV–XVI вв., *Российская история*, 4, 2020, 71–82.

Буденная 2021

Буденная Е. В., Гипокористические формы христианских имен в древнерусском языке, *Вопросы языкознания*, 3, 2021, 26–46.

Буденная et al. 2023

Буденная Е. В., Гуревич К. И., Калинин А. А., Герасимов Д. В., Вариативность древнерусских личных имен: основные случаи и возможные трактовки, *Slověne*, 12/2, 2023, 19–46.

Варбот 1984

Варбот Ж. Ж., *Православная морфология, словообразование и этимология*, Москва, 1984.

Вендина 1985

Вендина Т. И., Словообразовательные особенности восточнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками), Аванесов Р. И., ред., *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, 16, Москва, 1985, 41–67.

——— 1988

Вендина Т. И., К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками), Иванов В. В., ред., *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*, 17, Москва, 1988, 179–205.

Виноградов, Желтов 2019

Виноградов А. Ю., Желтов М. С., Жизнь и смерть Феодорца Владимирского: право или расправа?, *История*, 84/10, 2019 (<https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/322786164.pdf>).

Волков 2006

Волков С. С., *Стилевые средства деловой письменности XVII в.: На материале челобитных*, С.-Петербург, 2006.

Волощук 2010

Волощук М. М., Галицкая идентичность в XII–XIII вв.: земельный, династический и этнический аспекты, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2010, 165–178.

Гиппиус, Михеев 2020

Гиппиус А. А., Михеев С. М., «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского, *Slověne*, 9/2, 2020, 63–102.

Дробышева 2025

Дробышева М. М., Куда шел Дѣдильце касожичь? К прочтению киевского граффито № 149, Мельникова Е. А., ред., *Восточная Европа в древности и средневековье*, Москва, 2025, 77–82.

Живов 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 1, Москва, 2017.

Зализняк 1986

Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*, Москва, 1986, 89–219.

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 2004.

Ивакин 1901

Ивакин И. М., *Князь Владимир Мономах и его поучение*, 1, Москва, 1901.

Литвина, Успенский 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей*, Москва, 2006.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

Лихачева 1997

Лихачева О. П., подг. текста, пер., коммент., Галицко-Волынская летопись, Лихачев Д. С. и др., ред., *Библиотека литературы Древней Руси*, 5, С.-Петербург, 1997, 184–357, 482–515.

Никольская 1978

Никольская Т. Н., Воротынский, Николаева Т. В., отв. ред., *Древняя Русь и славяне*, Москва, 1978, 118–128.

Никонов 1971

Никонов В. А., *Опыт словаря русских фамилий. II*, Никонов В. А., ред., *Этимология*, Москва, 1971, 208–280.

Полонский 2012

Полонский Д. Г., Самоуничтожительная модификация имен «иноземцев» под пером русских приказных конца XVI–XVII вв., Успенский Ф. Б., отв. ред., *Именослов. История языка. История культуры*, Москва, 2012, 81–112.

Рыбаков 1974

Рыбаков Б. А., *Русские карты Московии XV — начала XVI века*, Москва, 1974.

Селищев 2003

Селищев А. М., *Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ*, Успенский Б. А., Никитин О. В., сост., *Селищев А. М. Избранные труды*, Москва, 2003.

Страхова, Флейшер 2023

Страхова С. Д., Флейшер Е. О., Имена собственные на -ят и -ил: особенности ономастикона на материале новгородских источников, *Материалы III научной конференции «Новгород и Новгородская земля. Письменность и книжность»*, 2023 (https://spbiiran.ru/wp-content/uploads/2023/01/programma_konferencii_iii_pismennost_i_knizhnost_2023-10-09-11.pdf).

Суперанская et al. 2007

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х., *Теория и методика ономастических исследований*, Москва, 2007.

Тагабилева 2016

Тагабилева М. Г., *Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках)* (дисс. ... канд. филол. наук, Москва, 2016).

Тупиков 2005/1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Успенский Ф. Б., подг. изд. и предисл., Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*, Москва, 2005/1903.

Успенский 1969

Успенский Б. А., *Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам)*, Москва, 1969.

Фуфаева 2020

Фуфаева И. В., *Метафора малого. Русские диминутивы*, Москва, 2020.

Хорошкевич 2015

Хорошкевич А. Л., Полоцкие грамоты как исторический источник, Хорошкевич А. Л., отв. ред., Полехов С. В., зам. отв. ред., Воронин В. А., Груша А. И., Жлутко А. А., Сквайрс Е. Р., Тюльпин А. Г., подг., *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.*, Москва, 2015.

Чичагов 1959

Чичагов В. К., *Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.)*, Москва, 1959.

Шейдаева 1998

Шейдаева С. Г., *История грамматического развития существительных субъективной оценки* (автореф. дисс. ... канд. филол. н., Нижний Новгород, 1998, <http://www.dissercat.com/content/istoriya-grammaticheskogo-razvitiya-sushchestvitelnykh-subektivnoi-otsenki>).

Янин 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.

Янин, Зализняк, Гиппиус 2015

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)*, Москва, 2015.

Bäcklund 1959

Bäcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.

Dickey 1997

Dickey E., Forms of address and terms of reference, *Journal of Linguistics*, 33, 1997, 255–74.

Dowty 1991

Dowty D., Thematic Proto-Roles and Argument Selection, *Language*, 67 (3), 1991, 547–619.

Duranti 2004

Duranti A., Agency in Language, Idem, *A Companion to Linguistic Anthropology*, Malden, MA 2004, 451–473.

Jurafsky 1996

Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive, *Language*, 72(3), 1996, 533–578.

Kennedy 2015

Kennedy R., Nicknames, J. R. Taylor, ed., *The Oxford Handbook of the Word*, Oxford, 2015, 650–668.

de Klerk and Bosch

de Klerk V., Bosch B., Nicknames as sex-role stereotypes, *Sex Roles*, 35, 1996, 525–541.

Vorhölter 2024

Vorhölter J., Agency, R. Cantave, ed., *The Open Encyclopedia of Anthropology*, 2024 (<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/agency>).

References

- Azarkh Yu. S., *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo iazyka*, Moscow, 1984.
- Arakcheev V., «Zemtsy»: evolution of social status and property relations in 15th–16th centuries, *Rossiiskaya Istoriya*, 4, 2020, 71–82.
- Bäcklund A., *Personal Names in Medieval Velikij Novgorod*, Stockholm, 1959.
- Budennaya E. V., Hypocoristic forms of Old Russian Christian names, *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 2021, 26–46.
- Budennaya E. V., Gurevich K. I., Kalinin A. A., Gerasimov D. V., Name Variation in Old Russian: Main Cases and Possible Interpretations, *Slověne*, 12/2, 2023, 19–46.
- Chichagov V. K., *Iz istorii russkikh imen, otchestv i familii (voprosy russkoi istoricheskoi onomastiki XV–XVII vv.)*, Moscow, 1959.
- Dickey E., Forms of address and terms of reference, *Journal of Linguistics*, 33, 1997, 255–74.
- Dowty D., Thematic Proto-Roles and Argument Selection, *Language*, 67 (3), 1991, 547–619.
- Drobysheva M. M., Kuda shel Diedil'tse kaso-zhich'? K prochteniiu kievskogo graffito № 149, Melnikova E. A., ed., *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e*, Moscow, 2025, 77–82.
- Duranti A., Agency in Language, Idem, *A Companion to Linguistic Anthropology*, Malden, MA 2004, 451–473.
- Fufaeva I. V., *Metafora malogo. Russkie diminutivy*, Moscow, 2020.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., “Assassins of the Great Prince Andrey”: An Inscription about the Murder of Andrey Bogolyubsky from Pereslavl-Zalesky, *Slověne*, 9/2, 2020, 63–102.
- Jurafsky D. Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive, *Language*, 72 (3), 1996, 533–578.
- Kennedy R., Nicknames, J. R. Taylor, ed., *The Oxford Handbook of the Word*, Oxford, 2015, 650–668.
- Khoroshkevich A. L., Polotskie gramoty kak istoricheskii istochnik, Khoroshkevich A. L., Polekhov S. V., Voronin V. A., Grusha A. I., Zhlutko A. A., Skvajrs E. R., Tyulpin A. G., eds., *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI v.*, Moscow, 2015.
- de Klerk V., Bosch B., Nicknames as sex-role stereotypes, *Sex Roles*, 35, 1996, 525–541.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniaziei*, Moscow, 2006.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...” *Mnogoiemnnost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Nikolskaya T. N., Vorotynsk, Nikolaeva T. V., ed., *Drevniaia Rus' i slaviane*, Moscow, 1978, 118–128.
- Nikonov V. A., Opyt slovaria russkikh familii. II, Nikonov V. A., ed., *Etimologiya*, Moscow, 1971, 208–280.
- Polonsky D. G., Samounichizhitel'naia modifikatsiia imen “inozemtsev” pod perom russkikh prikaznykh kontsa XVI–XVII vv., Uspenskij F. B., ed., *Imenoslov. Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury*, Moscow, 2012, 81–112.
- Rybakov B. A., *Russkie karty Moskovii XV – nachala XVI veka*, Moscow, 1974.
- Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podolskaya N. V., Sultanov A. Kh., *Teoriia i metodika onomasticheskikh issledovanii*, Moscow, 2007.
- Uspenskij B. A., *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*, Moscow, 1969.
- Varbot Zh. Zh., *Praslavianskaia morfonologiya, slovoobrazovanie i etimologiya*, Moscow, 1984.
- Vendina T. I., Slovoobrazovatel'nye osobennosti vostochnoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami), Avanesov R. I., ed.,

Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia, 16, Moscow, 1985, 41–67.

Vendina T. I., K slovoobrazovatel'nyim osobennostiam iuzhnoslavianskikh iazykov (v sravnenii s drugimi slavianskimi iazykami), Ivanov V. V., ed., *Obshcheslavianskii lingvisticheskii atlas. Materialy i issledovaniia*, 17, Moscow, 1988, 179–205.

Volkov C. S., *Stilevyie sredstva delovoi pis'mennosti XVII v.: Na materiale chelobitnykh*, St. Petersburg, 2006.

Voloshchuk M. M., The Galich identity in the 12th–13th cent.: landowners, dynasty and nation, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2010, 165–178.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, Moscow, 2003.

Yanin V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)*, Moscow, 2015.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 1, Moscow, 2017.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*, Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 2004.

Евгения Владимировна Буденная, кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1;

научный сотрудник

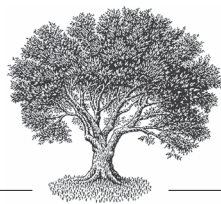
Института языкознания РАН

125009, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1

Россия / Russia

jane.sdrv@gmail.com

Received July 19, 2025

Литания всем святым и ее бытование у православных славян в эпоху средневековья

**Татьяна Игоревна
Афанасьева**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

The Litany of the Saints and Its Usage among Orthodox Slavs in the Middle Ages

Tatiana I. Afanasyeva

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается редкая для православного богослужения молитва, построенная по принципу католической литании всем святым, в которой к заступничеству призываются многочисленные имена святых, разделенные по ликам святости. Происхождение этой молитвы весьма древнее, коренящееся в моравском богослужении IX в., совмещавшем восточные и западные литургические элементы. У южных славян эта литания довольно рано перестала использоваться, тогда как в домонгольской Руси она получила распространение, и до наших дней дошло три ее варианта, причем во всех в состав имен входит значительное число западных святых. При реформах митрополита Киприана во 2-й половине XIV в. литания всем святым не была устранена, несмотря на то что подобных молитв не было в византийском богослужении этого времени. Она была существенно отредактирована: имена западных святых были устранены и вместо них были вставлены

Цитирование: Афанасьева Т. И. Литания всем святым и ее бытование у православных славян в эпоху средневековья // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 68–93.

Citation: Afanasyeva T. I. (2026) The Litany of the Saints and Its Usage among Orthodox Slavs in the Middle Ages. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 68–93.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.03

актуальные имена византийских, болгарских, сербских подвижников, литовских новомучеников, а также главных русских святых XIV в.: митрополитов Петра и Алексия и прп. Сергия Радонежского. Новая молитва-литания была присоединена в качестве конечной части к службе всем святым патриарха Филофея Коккина. В таком виде она была весьма распространена как в киевских землях, так и на северо-востоке Руси. В Московии в период конца XV — XVI в. она претерпела еще несколько редактур, но в печатные издания не вошла.

Ключевые слова

монашеское келейное богослужение, молитва-литания, славянские культурные связи эпохи средневековья

Abstract

The article examines a prayer that is rare in Orthodox worship and is built on the principle of the Roman Catholic litany, where numerous names of saints, divided into ranks, are called on for intercession. The origin of this prayer is very ancient and rooted in the Moravian worship of the 9th century, which combined Eastern and Western liturgical elements. Among the southern Slavs, this litany ceased to be used quite early, while in pre-Mongol Rus' it became widespread, and three of its versions have survived to this day. In all of them, a significant number of Western saints are included among the names. During the reforms of Metropolitan Cyprian, the litany of the saints was not excluded, despite the fact that such prayers did not exist in the Byzantine worship of that time. It was substantially edited: the names of Western saints were removed and replaced by the current names of Byzantine, Bulgarian, and Serbian ascetics, Lithuanian new martyrs, as well as the main Russian saints of the fourteenth century—Metropolitans Peter and Alexis and St. Sergius of Radonezh. The new prayer-litany was added as the final part to the service to All Saints composed by Patriarch Philotheus Kokkinos. In this form, it was quite widespread both in the Kyiv lands and in the North-East of Rus'. In Muscovy, in the period of the late 15th—16th centuries, it underwent several more editorial changes, but was not included in printed publications.

Keywords

monastic cell worship, litany prayer, Slavic cultural ties in the Middle Ages

I. Введение

Литания в своей первоначальной форме — это католический аналог византийской ектеньи, молитва-прошение, в которой священник или диакон читает ряд молений, а люди после каждого отвечают *Κύριε ἐλέησον*, или Amen, или Ora pro nobis и т. д. Изучение литаний позволило установить их восточное происхождение, подробно описать их формирование и выделить различные виды, отличающиеся структурой и набором прошений [DACL: 1540–1565]. Литания всем святым (*litania sanctorum*) — это одна из разновидностей литании, которая представ-

ляет собой большой перечень имен святых, разделенных по ликам святости, к которым обращаются с просьбами помолиться *Ora pro nobis*. В средневековых латинских рукописях она оформляется особым образом: это набор имен, записанных в столбик, часто обрамленный красиво нарисованной рамкой. Некоторые литании могут содержать более сотни имен святых, список которых перемежается с различными просьбами.

Призывание короткого списка имен святых в молитвах — очень древняя черта, и она встречается в ряде византийских последований: в первую очередь в интерцессии византийских анафор, особенно в литургии ап. Иакова, затем в молитвах на литии всенощного бдения и в молитве *Спаси, Боже, люди Твоя* на утрени. Точно неизвестно, когда и где была введена практика именованья длинной последовательности святых, т. е. призывания серий имен (*sanctorum nomina seriatim*). На Западе это использование, по-видимому, распространилось из Англии и Ирландии, где такие тексты появляются в конце VII в. Оттуда они перешли в Галлию, достигнув Рима около 800 г. Древнейшие известные рукописные свидетельства относятся примерно к 770–780 гг. На протяжении столетий существовало значительное региональное разнообразие в составе литаний, и полностью стандартизированный список святых был установлен на Западе во времена папы Пия V (1566–1572) [Ingham 1968: 122].

Изучению англо-саксонских литаний посвящена фундаментальная работа М. Лэпиджа [Lapidge 1991]. Используя методику Лэпиджа, А. Крюгер описала литании Каролингского периода (VIII–IX вв.). Тексты *литаний всем святым* чаще всего находятся в приложениях к Псалтири или в молитвенниках, они могут употребляться как в общественном богослужении, так и в частной молитве и различных требах [Krüger 2007: 52]. Перечень святых в литаниях IX в., по Крюгер, обычно состоит из пяти групп: после призывания девы Марии первую группу составляют ангелы и небесные силы, за которыми следует вторая группа из двенадцати апостолов, потом приводится перечень мучеников (от имен ранних христианских мучеников и до святых, которые жили во времена франков) — это третья группа. Четвертая представляет собой исповедников (духовников) и состоит из святых, посветивших свою жизнь «бескровному мученичеству», т. е. не принявших мученическую смерть за веру, но стяжавших святость посредством своей земной жизни. В эту группу входят епископы, аббаты, священники, монахи, короли и другие миряне. И наконец, идет пятая группа дев и святых жен: в этой группе ранние христианские мученицы (например, Фелицита и Перпетуя) упоминаются вместе с франкскими исповедницами (например,

Радегундой, Гертрудой или Монегундой). Группа женских святых может быть далее разделена на дев и вдов. В некоторых литаниях перед апостолами добавляется ряд ветхозаветных святых, которые иногда делятся на патриархов и пророков [Krüger 2007: 28–29]. В своей работе Крюгер подробно описала 89 списков *литании всем святым* и выделила так называемую стандартную литанию, т. е. содержащую набор наиболее часто встречающихся имен святых [Krüger 2007: 387, табл. 6.1].

II. Литания всем святым в древнеславянской традиции

В средневековых славянских рукописях такой тип молитвы встречается весьма редко; он никогда литанией не называется и носит традиционное название *молитва*. В древнейших текстах этих молитв значительное число имен представляют западные святые. Таких древних молитв-литаний на сегодняшний день известно три.

1. *Литания всем святым*, находящаяся в составе *молитвы к св. Троице*, впервые изданной А. Архангельским по двум спискам конца XV — начала XVI в. из собрания Волоколамского монастыря [Архангельский 1884]. И. Шляпкин указал на пергаменный фрагмент этой молитвы XIV в. и предположил, что она была написана в конце XI — начале XII в., поскольку самый поздний западный святой в перечне — св. Канут — погиб в 1086 г. [Шляпкин 1884]. А. И. Соболевский выдвинул гипотезу о ее чешском происхождении, поскольку она по наличию имен западных святых близка к *молитве на диавола*, которую он обнаружил в составе Ярославского часослова 2-й половины XIII в. Он считал, что обе молитвы были переведены с латыни в Чехии и проникли на Русь в результате чешско-русских связей в XI в. [Соболевский 1910: 36–47]. Мнение Соболевского разделили многие чешские слависты, прежде всего Ф. Дворник [Dvorník 1954], а Ф. Мареш включил эту молитву в свою антологию церковнославянских текстов западного (чешского) происхождения и опубликовал ее по древнейшему и, увы, неполному Шляпкинскому списку [Mareš 1979: 64–80]. Время ее создания, по мнению чешских славистов, относится к периоду X–XI вв., а место — Сазавский монастырь, где до 1096 г. были славянское богослужение и глаголическая письменность [Konzal 1991; Mikulka 2015].

Однако в недавнее время были выдвинуты весомые аргументы в пользу того, что имена англо-саксонских и скандинавских мучеников-монархов были вставлены в литанию на Руси. Н. Ингэм провел сравнение изданных списков и скорректировал некоторые отождествления имен мучеников, сделанные Дворником. В частности, св. Албан рассматривался чешским славистом как покровитель Майнца; Ингэм показал, что под этим именем следует рассматривать первомученика Британии.

Св. Магнус — это не основатель одного из монастырей в Швабии, а граф-мученик Оркнейский. Кроме того, Ингэм пришел к выводу, что в Шляпкинском фрагменте XIV в. число скандинавских святых уменьшено по сравнению с волоколамскими списками, восходящими к более древнему протографу. Это может свидетельствовать о сокращении списка англо-саксонских и скандинавских мучеников в XIV в. и замене их более привычными и распространенными именами православных святых [Ingham 1968: 131–132]. Следующим этапом изучения стала статья Дж. Линда, в которой автор показал, что имена англо-саксонских и скандинавских мучеников Магнуса, Канута, Бенедикта, Албана, Олава и Ботульва были вставлены в литанию на Руси в середине XII в. в условиях тесных скандинавско-русских династических связей [Линд 1991]. В недавно обнаруженном пергаменном списке этой молитвы *Sin.slav.13* рубежа XIV–XV вв. литания очень близка к текстам из волоколамских рукописей, но список имен св. жен является гораздо более полным по сравнению с остальными. Его анализ был сделан Д. Сегал, убедительно показавшей, что часть женских имен (а именно Маргарет, Бригитта, Христина и Ида) могла быть связана с именами небесных покровительниц иностранных жен русских князей династии Мстиславичей и их родственниц, в частности, с Кристиной Шведской и Ингеборгой Киевской [Segal 2025: 84–87]. Таким образом, *молитва к св. Троице* — это компиляция, в которую вошла *литания всем святым*, изначально бытовавшая как самостоятельный богослужебный текст [Афанасьева 2025]. Она была основана на некой моравской литании, которая в процессе бытования на разных славянских территориях подвергалась изменениям и расширениям за счет имен, актуальных для конкретного региона святых.

2. *Молитва на диавола* также построена по принципу литании: в ней все святые разделены на семь ликов, которые призывают молящиеся, чтобы защититься от козней дьявола. Она была подробно изучена В. Конзалом, обосновавшем мнение о ее славянском происхождении. Молитва имеет прямые заимствования из моравского Жития Мефодия, а ее автор был человеком из византийской церковной среды, целенаправленно включавшим в богослужение элементы западного обряда. Все это, по мнению Конзала, может свидетельствовать о непереводном характере молитвы и создании ее в кругу архиепископа Мефодия [Конзал 2002: 100–101]. Эта молитва, в отличие от литании в *молитве к св. Троице*, сохранилась в единственном списке 2-й половины XIII в. *ЯМЗ 15481* и имеет некоторые западные лингвистические черты, известные, впрочем, и древнерусскому языку, но неизвестные у южных славян, например, приставку *вы-* на месте *из-* [Пичхадзе 2011: 144–148]:

вѣжѣнѣте изъ мене, вѣгнали дѣвола изъ всего мира; редкие слова: **поконьници** в значении «начала» (один из небесных чинов), **закрилите** «закройте своими крыльями», **потворонзбавнице** (от **потворъ** — зелье, отраву). Это подтверждает мнение Соболевского о том, что она могла попасть на Русь в результате русско-чешских контактов XI в.

3. *Молитва потребна всем святым*, так же как и *молитва на диавола*, известна только в одном списке *Син. тип.* 388. Нам удалось показать, что и эта молитва имеет связь с моравским Житием Мефодия, потому что перечень римских пап, «установивших правую веру», совпадает именно с ним. Кроме того, многие западные святые, упоминаемые в данной молитве, те же, что и в других литаниях — св. Вит, св. Вячеслав Чешский, св. Маргарита, св. Люция, св. Цицилия. Однако в отличие от *молитвы на диавола*, этот текст, видимо, был известен у южных славян и попал на Русь во время первого южнославянского влияния, а не через прямые русско-чешские связи: он не имеет никаких регионализмов в языке и упоминает еп. Нифонта Константианского, известного в месяцеслове глаголического Ассеманиева евангелия [Иванов 1999: 74]. При миграции в другие регионы славянского мира ряд неактуальных святых в этой молитве упразднился, а некоторые имена, в том числе ряда русских святых, добавлялись [Афанасьева 2026: 277–291].

Таким образом, моравская по происхождению молитва, построенная по принципу литании всем святым, представляла собой соединение восточных и западных богослужебных элементов и не являлась прямым переводом с латыни. Видимо, изначально моравские литании имели своей целью не только назвать имена наиболее значимых святых, но и кратко рассказать о них. Это хорошо видно на примере *молитвы на диавола*, в которой имена ветхозаветных святых, а также некоторых других кратко комментируются, представляя собой своеобразную толковую литанию. В дальнейшем толкования постепенно изымались из перечней, и получался список имен, разделенный по ликам святости, в конце которого произносилась просьба о помощи и исцелении. Такого рода литании имели распространение в домонгольской Руси, у южных славян эта традиция рано исчезла и во Втором Болгарском царстве не использовалась. Известна лишь одна похожая южнославянская *молитва на всяку язю*, но она не имеет деления на лики святости и восходит к апокрифическому греческому оригиналу [Лосева 2006; Левшина 2021].

III. Литания Киприана

В русских рукописях начиная со второй половины XV в. появляется еще одна молитва, построенная по принципу *литании всем святым*. Она весьма часто записывается после канона патриарха Филофея всем

святым, однако может переписываться и самостоятельно. Она имеет название *Молитва всем святым*, начинается со слов **Вѣ́до много-мѣ́стивѣ г҃и іс҃х҃ѣ бж҃е нашѣ. снѣ єдинородныи** и чаще всего не имеет атрибуции. Лишь в двух рукописях она приписана Кириллу Туровскому, и эта атрибуция, несомненно, ложная, что будет видно из дальнейшего изложения.

Мы исследовали эту молитву по следующим русским псалтирям и канонникам; южнославянских рукописей, содержащих эту молитву, обнаружить не удалось:

1. МДА 77, л. 454об., посл. четв. XV в. (записана после службы Филофея всем святым).

2. ТСЛ 314, л. 534об., 2-я пол. XV в. (записана после службы Филофея всем святым).

3. Син. 774, л. 291, XVI в. (записана после службы Филофея всем святым).

4. Син. тип. 388, л. 245, 1-я четв. XVI в. (записана после службы Филофея всем святым).

5. Кир.-Бел. 43/300, л. 460, XVI в. (записана после службы Филофея всем святым).

6. ТСЛ 325, л. 454об., XVI в. (записана после службы Филофея всем святым).

7. ТСЛ 262, л. 226, 1-я пол. XVI в.

8. ТСЛ 804, л. 303, XVII в.

9. Кир.-Бел. 45/302, л. 543об., XVI в.

10. ТСЛ 284, л. 335, XVII в. (записана перед службой Филофея всем святым).

11. ТСЛ 316, л. 459, 1543 г. (атрибутирована Кириллу Туровскому).

12. ТСЛ 320, л. 348, XVI в. (атрибутирована Кириллу Туровскому).

Текст этой молитвы весьма устойчив, однако в двух списках, атрибутированных Кириллу Туровскому, есть правка, расширяющая список святых и уточняющая некоторые имена, о чем будет сказано ниже. Она делалась позже на основе первоначального текста, который, как нам представляется, был создан в 70-е гг. XIV в. и был связан с митрополитом Киприаном († 1406).

Конвой *молитвы всем святым со службой всем святым* заставляет проверить авторство патриарха Филофея. *Служба с каноном всем святым* действительно написана Филофеем, греческий текст этого произведения известен и был издан П. Куртесиду по двум рукописям — из библиотеки монастыря Сан-Марко в Венеции и по Ватопедскому списку [Κουρτεσίδου 1992: 53–73]. О *молитве всем святым* в перечнях произведений Филофея не упоминается [PLP 1981: № 11917], не значится эта

молитва и в работе Куртесиду. По-видимому, она не является переводом произведения Филофея и составлена кем-то другим, но, поскольку ее часто записывали в конце *службы всем святым*, молитва так или иначе осмыслялась как финальная часть этого последования.

Вопрос об авторстве молитвы может быть прояснен через анализ ее текста. В лике мучеников упомянуты *сѣи трѣи нови мѣнници антоніе ииованне еѹстафѣе*, т. е. литовские новомученики Антоний, Иоанн и Евстафий, пострадавшие за православную веру при великом князе Ольгерде в 1347 г. Житие было написано в связи с канонизацией этих новомучеников, предпринятой при патриархе Филофее в 1374 г. в качестве прелюдии к неосуществившемуся обращению литовцев в православие. Киприан Цамблак, в то время еще не митрополит Киевский, а патриарший апокрисарий, играл важную роль в подготовке канонизации, поскольку именно он ездил в Великое княжество Литовское и доставил в Константинополь частицы мощей этих святых. Автором жития не мог быть Киприан, скорее всего, он был информатором для составителя греческого текста [Турилов 2017: 4–5]. Житие и, вероятно, *служба виленским мученикам* были изначально написаны по-гречески в 1374 г., но вопрос о времени перевода на славянский является дискуссионным. Известны южнославянская и две восточнославянские редакции памятника, и, по мнению Д. Баронаса, первая ближе всего к оригиналу, тогда как две восточнославянские редакции восходят к одной несохранившейся, которая была сделана в Литве, но со временем распалась на две версии. Славянский перевод мог быть сделан в период с 1374 г. по последнюю четверть XV в., так как древнейшие списки датируются этим временем [Баронас 2001: 77–84]. А. А. Турилов предположил, что перевод мог быть осуществлен сразу же по завершении написания греческого жития, т. е. в 1375 г. и причастность к нему Киприана более чем вероятна. В Константинополе этот перевод был передан сербской миссии, в состав которой входил инок Пантелеймонова монастыря на Афоне старец Исая. Эта миссия приехала для примирения с Византийской церковью после 30-летнего периода сепаратизма, и Киприан в это время был в Константинополе и мог быть участником этого события. Отсутствие жития в болгарской и молдо-влахийской традициях может также быть аргументом в пользу того, что славянский перевод жития был сразу же передан сербам во время миссии 1375 г. [Турилов 2017: 6]. Упоминание литовских новомучеников свидетельствует о связи между созданием *службы виленским мученикам* и созданием изучаемой молитвы, и присоединение последней к *службе всем святым* патриарха Филофея не является случайным.

При внимательном прочтении *службы всем святым* Филофея и *молитвы всем святым* видно, что последняя по смыслу мало связана с

первой. Канон всем святым в составе службы обращен к Иисусу Христу, Богородице и Иоанну Предтече, а также к основным ликам святых — апостолам, мученикам, праведным и преподобным без указания конкретных имен. Эта традиция обращаться к ликам святых, а не называть конкретные имена, проявляется еще в одном каноне всем святым, переведенном на славянский язык в это же время в Константинополе русским иноком Иларионом, также сторонником реформ Киприана [Афанасьева 2017]. Видимо, в это время обращение к ликам святых, а не к конкретным именам является общераспространенной практикой. *Молитва всем святым*, наоборот, содержит внушительный список имен святых, распределенных по ликам святости. Она в какой-то степени дополняет канон конкретными святыми, но, как кажется, не соответствует византийской традиции, поскольку такие молитвы в греческой литургической письменности этого времени не обнаружены.

Рассмотрим подробнее эти лики.

1. Сначала представлен лик пророков, о котором, кстати, не упоминается в каноне, что может служить аргументом, что молитва изначально не была связана со службой. В каноне Филофея также отсутствует лик юродивых и лик святых жен, тогда как в молитве они имеются. Вот имена пророков, представленных в этой литании: *енох. нон. авраамъ. нсаакъ. іаквѣ. монси. аронъ. самонлъ. дѣдъ нліа елнсен, ісаіа, нереміа. ноніе данилѣ, н сѣїн праведніи бѣгоуѣ нѡаким н анна*. При сопоставлении с более ранними литаниями видно, что персонажи Ветхого Завета здесь следуют в историческом порядке. Первым стоит допотопный Енох, потом Ной, далее следуют ветхозаветные патриархи Авраам, Исаак и Иаков, братья Моисей и Аарон и, наконец, пророк Самуил и его помазанник царь Давид. И лишь потом следуют ветхозаветные пророки. Заканчивается перечень родителями пресв. Богородицы Иоакимом и Анной. При сравнении с *молитвой против дьявола*, в которой после тех же персонажей Ветхого завета перечислены строго 12 малых и 4 великих пророка, лик в изучаемой молитве явно сокращен. Сокращены имена пророков и в других литаниях — в *молитве к св. Троице* и в *Син. тип.* 388.

2. После пророков следуют апостолы: *петре, н павле. іакове, нѡанѣ. андрее. н филиппе фомо. варфолмею. лоука. марко. матфею. іакове алфѣев. симонъ зллотъ. іоудо. варнаво. прохоре*. По сравнению с другими литаниями здесь добавлены имена Варнавы и Прохора, апостолов от Семидесяти. В молитве, атрибутированной Кириллу Туровскому, добавлено еще имя апостола Тимофея. Как и в других литаниях, в число апостолов входят четыре евангелиста.

3. В лике мучеников представлены следующие имена: *первоу́чниче архидіаконе стефанѣ. геѡргіи. феѡдоре димитріѣ. н сѣїн мѣнци, м̃ те.*

и прочіи мѣнци. никито. гоуріе. саммоне. и авиве. мамонтѣ. прокопіе. еустратіе. меркоуріе. арефо. минно. акакіе. христофоре. алеѡандре. сергіе, и вакхо. фроле и лавре. панделенмоне. куре и іѡанне. коузмo, и даміане. борнсе, и глѣбе. и сѣи трие нови мѣнци антоніе. и іѡанне. еустатіе. Все имена известны по домонгольским литаниям, за исключением мч. Александра, для которого в древнерусских месяцесловах имеется как минимум три памяти (14 марта Александр в Пидне; 9 июня мчч. Александр и Антонина; 10 июня сщмч. Александр еп. Вифинский) [Лосева 2001: 290–291, 358–359]. Западные святые, свойственные домонгольским литаниям, — Вит и Вячеслав, Мартин, Флориан, Амвросий, а также англо-саксонские и скандинавские мученики — исключены из перечня как неактуальные. Вместо них вставлены имена литовских новомучеников.

4. Лик святителей весьма примечателен и содержит следующие имена: сѣи хѣи сѣли іакове и лазарю. диѡнісіе. василіе, григоріе и іѡа"златоустыи. николае. игнатіе бѣгоносивыи. спиридоне. петре. силвестре. кѡрилѣ и афонасіе и еѡпатіе перфоуріе нифонтѣ. анфилохіе. анфиме. кѡпріане генадіе, и іѡане мѣстивыи. григоріе феодоре. новыа чюдотворци рѣска, петръ. алеѡѣ велиции мѣроточи, и чюдотворци. сава и симіоне. и арсеніе сербьсѣи оучителіе. и леонтіе ростовьскіи епѣпъ. Он начинается с новозаветных персонажей — Иакова, брата Божия и первого иерарха Иерусалимской церкви, и Лазаря праведного, который после воскрешения 30 лет был епископом Кипра. То, что под именами Иаков и Лазарь подразумеваются именно эти святые, пояснено в списках *ТСЛ 320* и *ТСЛ 316*. В домонгольских литаниях эти имена упомянуты не были.

Далее следуют Дионисий Ареопагит, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Николай Мирликийский, Игнатий Богоносец — эти же имена имелись и в домонгольских литаниях. Имя свт. Спиридона в других литаниях не отмечено, видимо, здесь имеется в виду свт. Спиридон Тримифунтский (память 12 декабря). Под именем Петр, вероятнее всего, указан Петр, архиеп. Александрийский (память 25 ноября), в домонгольских литаниях это имя не указано. Римский папа Сильвестр, имевший широкое почитание на Руси и поминавшийся 2 января, возможно, был сохранен из первоначального списка святителей, поскольку это имя упоминается во всех литаниях. Памяти Афанасия и Кирилла Александрийских праздновались вместе 18 января и известны уже в древнерусских месяцесловах XI в., однако в домонгольских литаниях эти имена не значатся. Далее следует имя Евпатий, причем в большинстве исследованных списков это имя соединено с Афанасием и Кириллом союзом *и*, что предполагает их связанность: **кирилѣ и афонасиѣ и еѡпатіе**. В списках с атрибуцией Кириллу Туровскому имя Евпатий передвинуто на другое место, поэтому можно предположить,

что в протографе этой молитвы уже была ошибка и союз *и* был вставлен случайно. Тогда имя Евпатий можно интерпретировать как Ипатий, еп. Гангрский († 326), память которого на 14 ноября по Уставу Великой церкви, 16 ноября по Студийскому уставу и 31 марта по Иерусалимскому уставу была весьма распространена в Древней Руси [Лосева 2001: 202, 203, 305]. Смешение имен Ипатий и Евпатий, видимо, могло иметь место в Древней Руси. Например, церковь св. Евпатия на Рога-тице, упомянутая в Новгородской первой летописи как инициатива новгородского архиепископа Иоанна, была построена в честь Ипатия Гангрского [ПЭ, 23: 189–204]. Смешение этих разных греческих имен на Руси проявляется в путанице Евпатия и Ипатия по спискам месящесловов на память 3 июля, когда празднуются мученики Лукиллиан и *иже с ним*. В число сподвижников Лукиллиана входит воин Ипатий, порой записывающийся как Евпатий [Сергий (Спасский) 1876, указатель 2: 175].

Затем записан не упомянутый в домонгольских литаниях Порфирий, еп. Газский, а потом — еп. Нифонт Константианский, который, наоборот, в древних литаниях был известен, так же как и следующие святители: Амфилохий, еп. Иконийский (23 ноября), епископы Никомидийские Анфим (3 сентября) и Киприан (2 октября). Имя Геннадий, видимо, указывает на Геннадия, патр. Константинопольского, память которого на 20 ноября имеется во многих древнерусских месящесловах, однако в домонгольские литании это имя не входило. Иоанн Милостивый имелся во всех домонгольских литаниях, видимо, это имя было сохранено из древней традиции. Следующее потом имя Григорий, видимо, связано с Григорием еп. Неокесарийским (память 17 ноября), а Федор — с Федором Едесским (так уточнено в списках с атрибуцией Кириллу Туровскому). Как мы упоминали выше, эта группа списков отражает редактирование первоначального текста, что отразилось в добавлении к именам уточняющих определений. Кроме этого к списку святителей в этой версии добавлены имена: *ѣпифанѣ кѹпрскыи, андрѣи критскѣи, григорѣ акраганьскыи, ѣмелѣанъ кизичьскыи*. Последнее имя, в отличие от остальных, не фигурировало в домонгольских литаниях, хотя память Емилиана, еп. Кизического на 8 января была распространена в древнерусских месящесловах [Лосева 2001: 402].

Далее следуют имена русских святителей и новых чудотворцев Петра († 1326) и Алексия († 1378), канонизацией первого также занимался митрополит Киприан. Потом упоминаются первые сербские архиепископы Савва († 1236) и Арсений († 1266) и отец Саввы св. Симеон († 1199), не вошедшие в древнерусские месящесловы, но к XIV в.

уже известные на Руси и получившие повсеместное распространение во время правления того же Киприана [Лосева 2001: 82–84]. Из ростовских епископов упомянут только Леонтий († 1077), но в редакции с атрибуцией Кириллу Туровскому к Леонтию добавлены ростовские святые Исаия († 1090) и Игнатий († 1288).

5. Лик преподобных отцов представлен следующими именами: о сѣи бѣгоснѣи ѡци наши и великыи еѡѡиміе саво. еѡрѣме и ларноне. феѡдосіе. феодорѣ. пиминѣ. сисое. арсениѣ. іѡанѣ. венедиктѣ. максимѣ. аноѡѡрѣе аѡноасіе, атонскыи. петре атонскыи. павле фивѣѣскыи. павле аморрескыи. симионе иже на столѣ просіавыи. симионе новыи бѣгослове. даниле. агаѡне. василіе. григоріе чюдотворецѣ. григоріе декаполскыи. енсарноне. пахомиѣ. пахоѡѡтіе. аврааміе. ноасаѣе. дороѣе. и пѡстынныи іѡанѣ, рыльскыи свѣѣтильниче. великыи антоніе, и ѡѡѡдосіе печерскыи. авраміе, прѣдѣныи сергіе еѡѡиміе. андроникѣ, и саво. варламе новоградскыи. Список начинается с имен великих пустынников и отцов монашества, многие из которых фигурируют в домонгольских литаниях: Евфимий Великий, Савва Освященный, Ефрем Сирий, Илларион Великий, Феодосий Великий. Под именем Федор, возможно, подразумевается прп. Феодор Студит, память которого на 11 ноября была весьма распространена в месяцесловах [Лосева 2001: 200]. Далее перечисляются имена общеизвестных великих отцов монашества Пимена Великого, Сисоя Великого, Арсения Великого, Пахомия Великого и Иоанна Лествичника. Прп. Венедикт Нурсийский был весьма известен и почитаем на Руси, его память на 14 марта имеется во многих месяцесловах [Лосева 2001: 291]. Это имя входило в домонгольские литании и, возможно, сохранено при составлении молитвы в XIV в. После Венедикта указаны Максим исповедник и прп. Онуфрий пустынный. Имена Павла Фивейского, Симеона и Даниила Столпников были известны в древнерусских литаниях. Григорий Никомидийский (чудотворец) и Григорий Декаполит входили во многие месяцесловы, первый фигурирует в древнерусской литании в составе *молитвы к св. Троице*, но в лике святителей, а не преподобных. Прп. Авраамий Египетский также входил в древнерусские месяцесловы на 29 октября [Лосева 2001: 189], но не зафиксирован в литаниях. Афанасий († ок. 1000) и Петр († 734) Афонские также имеются в некоторых древнерусских месяцесловах под датами 5 июля и 12 июня [Лосева 2001: 375, 360], однако в древнерусских литаниях не значились. В изучаемой литании видно, что упоминание афонских святых для составителя было весьма актуально. Память Пафнутия Александрийского (15 февраля) имела лишь в одном Евангелии [Лосева 2001: 270], эта редкая память не отразилась и в домонгольских литаниях.

Память Симеона Нового Богослова († 1022) не зафиксирована в древнерусских месяцесловах, этот святой стал весьма популярным в XIV в. благодаря славянским переводам его произведений. Павел Аморейский († 1054) — епископ, сочинитель стихир и канонов — весьма неожиданное имя для литании, его память также отсутствует в месяцесловах. Однако он считается учеником Симеона Нового Богослова, поэтому, возможно, эти два имени были соединены и вставлены в литанию одновременно.

Далее следуют славянские святые: болгарский прп. Иоанн Рыльский († 946) и русские подвижники прп. Антоний († 1073) и Феодосий († 1074) Печерские. Имя Авраамий может подразумевать Авраамия Ростовского († 1077) или Авраамия Смоленского († после 1220). Версия молитвы, атрибутированная Кириллу Туровскому, указывает не одного, а двух Авраамиев — Авраамий Суздальский († 1448), следующий непосредственно за Евфимием, и Авраамий Ростовский. Видимо, в изначальной версии литании все-таки имелся в виду Авраамий Ростовский, а Авраамий Суздальский был добавлен позднее. Далее следуют Сергей Радонежский († 1392), Евфимий Суздальский († 1404) и московские преподобные Андроник († 1373) и Савва († 1410), основатели и настоятели Спасо-Андроникова монастыря. Из новгородских святых представлен прп. Варлаам Хутынский († 1192).

В версии, атрибутированной Кириллу Туровскому, к списку добавлены следующие русские святые: после Сергия Радонежского названы его последователь Никон Радонежский († 1426), а также Димитрий Прилуцкий († 1392) и Дионисий Суздальский († 1385). К Варлааму Хутынскому присоединен Савва Новгородский, т. е. Савва Вишерский († 1429).

6. Следующий лик — юродивые, и этот лик не был выделен специально в домонгольских литаниях, все юродивые записывались в чин преподобных. Здесь читаются следующие имена: **семионе, андрѣю, іѡанне и вси о҃родивѣи**. Симеон Юродивый и его спутник Иоанн († 590) входят в древнерусские месяцесловы под 21 июля [Лосева 2001: 389]. Андрей Юродивый не упомянут в месяцесловах, но он был популярен на Руси благодаря древнерусскому переводу его жития, фрагменты которого вошли в Пролог как чтения на несколько дней октября [Славяно-русский Пролог 2010: XXXIII], его имя значилось и в домонгольских литаниях. В версии, атрибутированной Кириллу Туровскому, добавлены имена: **маѣѣмъ рѣскыи, исидоръ ростовскыи и фѣдор новгородскыи и иже с ними**.

7. Последний лик в литании — святые жены: **елисавѣт' мѣѣа. маріанѣи. ѡекла. еѡфимѣа. анастасѣа. екатерѣнна. варваро. елено. марѣе. еѡѡгеніе**.

фешдоро. пелагіє. марино. ѿевроніє. єупражіє. сжсано. домно. анфоусо. анастасіє. афонасіє. сарро. мартроуно. аксиніа. ноуліанін. кұрьакы. параскевін. ѿешдоулін. В начале списка представлены в основном те же святые, что и в домонгольских литаниях, но убраны имена сугубо западных святых — свв. Маргариты, Схоластики, Верены, Виктории, Цицилии, Фелицаты, Люции и др. Вместо них добавлены имена мучениц и преподобных, которые были известны в древнерусских месяцесловах: Матроны Солунской (27 марта), Афанасии (31 января), Домны Никоимидийской (28 декабря) [Лосева 2001: 301, 260, 234], но в литаниях эти имена не были упомянуты. Кроме этого добавлены имена святых, которые стали почитаться на Руси несколько позже, поскольку их памяти не вошли в пергаменные месяцесловы: мц. Феодулия Аназарвская (5 февраля), прп. Сарра Египетская (13 июля), Сусанна мироносица (поминается в Неделю жен мироносиц), а также св. Анфиса, имеющая несколько дней поминовений [Сергий 1876: Указатель 1, 116].

На наш взгляд, примечательны два имени в конце перечня: Кириакия и Параскева. Эти две греческие святые получили широкое почитание у южных славян в связи с перенесением их мощей в Тырново представителями болгарской династии Асений (1-я треть XIII в.) и были известны на Балканах под славянскими именами св. Неделя и св. Петка [ПЭ, 24: 156–158]. Имена болгарских и сербских святителей и преподобных уже были отмечены нами в других ликах, поэтому добавление в литанию Параскевы и Кириакии, широко почитаемых у южных славян, кажется здесь вполне логичным.

Итак, рассмотренные лики и имена святых, представленные в данной молитве, позволяют нам предположить, что она не создавалась с нуля, а имела своей целью исправить список святых в домонгольской литании: убрать имена неактуальных для XIV в. западных святых и вместо них поместить имена древних православных подвижников, которые были известны по месяцесловам, а также добавить имена новых славянских святых. Эта редакция в большей степени охватила лик святителей и преподобных, остальные лики не претерпели столь существенных изменений. Многие имена в ликах святых общие с домонгольскими литаниями — это скорее свидетельствует о правке старого текста, чем о создании нового без учета традиции. Кроме того, важно помнить, что по сравнению с западной традицией, литания у православных славян была явлением редким, в большей степени характерной для древнерусского келейного правила, поэтому при ее составлении, скорее всего, древняя традиция этой молитвы учитывалась.

В ранних списках молитвы *МДА 77* и *ТСЛ 314* в некоторых именах отражается новое грецизированное написание, свойственное южно-

славянской книжности: **панделенмонѣ**, а также южнославянские формы с передачей ѡ как т: **афонасіе атонскыи, петре атонскыи, еустатии**, что также может намекать на составление молитвы Киприаном, болгарин по происхождению. Активная деятельность митрополита в землях Великого княжества Литовского и Москвы, его попытка удержать от распада Киевскую митрополию и объединить ее с активно развивающейся Московской осуществлялась в том числе в добавлении имен русских подвижников из разных регионов Руси в список имен славянских святых, среди которых были известнейшие южнославянские церковные деятели Иоанн Рыльский, Симеон, Савва и Арсений Сербские. Введение имен литовских новомучеников также было подчинено этой цели: литовские земли рассматривались как потенциальные православные территории. Примечательно, что один из списков этой литании *Син. туп.* 388 происходит из западнорусских земель и содержит наряду с «литанией Киприана» (л. 245) древнюю *молитву потребную всем святым* (л. 55), о которой мы упоминали выше [Каталог рукописей РГАДА 2020: 84–88].

Отметим, что Киприан чаще всего указывал себя как переписчика текстов и переводчика канонов и молитв, данная литания всегда анонимна. Возможно, она составлялась по поручению Киприана кем-то из его окружения (подобные анонимные тексты, связанные с деятельностью Киприана, нам известны: [Турилов 2017; Евхологий Великой церкви 2019: 158–167]). Поэтому мы далее позволим себе называть изучаемый текст *литанией Киприана*. Наличие в ней имен Евфимия Суздальского († 1404) и особенно Саввы Московского († 1410) позволяет думать, что они появились не сразу, а были добавлены несколько позже, уже после смерти Киприана.

Окончание каждого лика сопровождалось молением: **подвигнете съ собою весь ликъ (прѣрцкыи, апльскыи, мѣнческыи, сѣльскыи, прѣдвническыи, прѣдвнѣхъ инокынь и всѣхъ дѣвъ и всѣхъ сѣтъя жены) молитѣ ба за мѡ грѣшнаго и помилуйте мѡ окаяннаго**. Таких концовок не было в домонгольских литаниях, в них призывание оформлялось следующими словами: **вси сѣтии (мѣнки, апли, прѣдвни, сѣли и проч.) молитѣ ба за мѡ/ за раба твоего имѣрк**. То есть в ранних литаниях просьбы о молении были оформлены проще и были ближе к западной традиции, в которой существовала устойчивая формула *Ora pro nobis*, или *Ora*. Пожалуй, важное отличие от западных литаний заключалось в том, что в древнерусских просьба помолиться является личной и чаще содержит форму местоимения первого лица **мѡ**: это свойственно *молитве на диавола* и литании в *молитве к св. Троице*, тогда как молитва *потребная всем святым* читалась священником над больным. Все это может говорить о

преимущественно келейном употреблении этих молитв, в то время как на Западе литании могли использоваться как в общественном, так и в частном богослужении. Новая литания имеет явно келейный характер и, видимо, тоже была предназначена для монашества. Еще одно отличие от западных литаний заключалось в том, что православные литании были вписаны в молитву, т. е. это был перечень имен, имеющий вступление и окончание молитвенного и покаянного характера. Литании на Западе, как правило, представляли собой просто длинные перечни имен и в рукописях графически не были похожи на остальные тексты: списки имен могли иметь рамку, различные украшения, лигатурные сокращения формулы *Ora pro nobis* (см. подробнее иллюстрации в [Krüger 2007: 382–383]).

Сохранение традиции домонгольских литаний при реформах Кириана, при том что в византийском богослужении таких молитв не было, можно объяснить тем, что на Руси эта литания, видимо, весьма активно использовалась. Поэтому она не была устранена, а список святых был исправлен и скорректирован под нужды Русской церкви той эпохи. Возможно, изначально эта литания правилась в литовских землях, где Кириан проводил много времени до 1392 г., а затем была перенесена в Москву и в нее были добавлены имена московских святых: митрополитов Петра и Алексия, Сергия Радонежского и настоятелей Спасо-Андроникова монастыря. Так или иначе, *литания всем святым* в это время приобрела новую жизнь и стала составной частью недавно переведенной *службы всем святым* патриарха Филофея Коккина.

Дальнейшее бытование этой литании на территории Московии представлено в двух рукописях XVI в. *ТСЛ 316* и *ТСЛ 320*. Здесь было произведено редактирование списка святых и сделана атрибуция Кириллу Туровскому, который в XVI в. становится невероятно популярен: списки XVI в. цикла его молитв превосходят по численности все остальные столетия [Рогачевская 1999: 23]. В этой версии были уточнены некоторые имена — с помощью добавления географического эпитета (например, указано, что Антоний, Иоанн и Евстафий — это новомученики литовские), добавлен целый ряд святых XV в., прежде всего юродивых — Максима Русского († 1434) и Исидора Ростовского († 1474). Это позволяет датировать данную версию молитвы концом XV — 1-й пол. XVI в. В ней также были конкретизированы имена многих святых, чтобы избежать путаницы (об этом мы упоминали выше).

Особая версия этой молитвы зафиксирована в конвое с молитвой Кирилла Туровского в субботу по заутрене в рукописи *Вол. 405* XVI в., л. 125об. Этот вариант имеет следующийincipit *Чѣстнѣишо херѣви*^а

и славнѣишо бєꙋ расоꙋженіа сєра-ѡ-и^м гѣѣ влѣчце вѣѣ. Список имен здесь значительно пополнен: добавлены все 12 ветхозаветных пророков, а в число апостолов ошибочно вставлен архидиакон Стефан. Лик мучеников существенно отредактирован: в нем нет упоминания литовских новомучеников, а после имен Бориса и Глеба записаны **михѡнѣ княже, фєдоре**, а также **михѡнѣ волгаринѣ еже єсть стѡє дитѡ**. Князь-мученик Михаил Черниговский, пострадавший в Орде вместе со своим боярином Феодором в 1246 г., был причислен к лику святых в 60–70-е гг. XIII в., было составлено их житие, вошедшее в Пролог, но общерусское почитание распространилось после Московского собора 1547 г. [ПЭ, 45: 706–725]. Второй Михаил — болгарский святой, мощи которого были перенесены в Тырново в 1206 г. при правлении династии Асеней [ПЭ, 45: 705–706], поэтому, возможно, это имя могло быть добавлено в литанию еще при Киприане, наряду с Иоанном Рыльским, Кириакией и Параскевой, но почему-то в ранних списках XV в. оно не сохранилось. К русским святителям добавлен митрополит Иона, новый чудотворец († 1461). Лик юродивых полностью упразднен, а другие лики пополнены редкими именами, которые в других литаниях не встречаются, например мчч. Галактион, Стратоник († 315), Василиск († 308), прп. Иоанн Колов († 409), прп. Павел Простый († IV в). Заключительная часть молитвы существенно переработана. Поскольку этот вариант известен только в одном списке, сложно сказать, насколько он был распространен, возможно, это была чья-то частная редакторская инициатива XVI в.

И наконец, важно отметить тот факт, что данная литания повлияла на саму *молитву к св. Троице*, о которой мы упомянули в начале статьи. Многие ее списки XV–XVII вв. содержат не древнюю литанию с именами западных святых, а исправленную по изученной нами *литании Киприана*. Приведем шифры обнаруженных нами 12 списков этой версии: *F.I.738*, 70–80 гг. XV в., л. 195; *ТСЛ 779*, нач. XVI в., л. 123; *ТСЛ 789*, XVI в., л. 104; *ТСЛ 650*, кон. XVI в., л. 105об.; *Вол. 365*, нач. XVI в., л. 187; *Вол. 564*, 2-я пол. XVI в., л. 178; *Сол. 767/877*, XVI в., л. 595; *Сол. 1023/1132*, XVI в., л. 49об.; *Сол. 1085/1194*, 1504 г., л. 591; *Кир.-Бел. 55/312* XVI в., л. 288; *Син. 936*, XVI в., л. 425; *ТСЛ 803*, XVII в., л. 186.

Текст в них весьма устойчив, и при сравнении с *литанией Киприана* видно, что перечень святых подвергся редактированию. Во-первых, упразднены имена литовских новомучеников, уже неактуальных во 2-й половине XV в. Во-вторых, убраны все славянские и русские святые (кроме Бориса и Глеба в чине мучеников), оставлены только общеправославные. Таким образом, древнерусская богослужебная компиляция, известная под названием *молитва к св. Троице*, в конце XV в. получила

новую жизнь в результате редактирования литании в ее составе [Афанасьева 2025]. В качестве образца была взята *литания Киприана*, однако она была существенным образом изменена. Исходя из датировки древнейшего списка *F.I.738*, 70–80 гг. XV в. [Гордиенко, Семячко, Шибачев 2011: 12–13], редактura осуществлена примерно в третьей четверти XV в. Однако этот список имеет небольшие отличия от всех остальных: в нем добавлены некоторые имена (Пров и Нестер в лик мучеников, Феодор в лик юродивых, Татиана и Улита в лик св. жен), порядок следования ликов искажен: лик преподобных стоит на месте лика мучеников. Другие списки очень стабильны. В одном списке — большом требнике новгородского Лисицкого монастыря *Сол. 1085/1194*, 1504 г. — в конце каждого прошения после имен ликов святых указано *молитѣ бѣ за мѣ грѣшнаго. сѣнонока такима*. Литания в нем явно указывает на частный характер молитвы, которую произносит для себя некий иеромонах Иоаким. Предположительно это мог быть прп. Иоаким Опочский, псковский святой и основатель Ильинского монастыря на погосте Опоки, умерший в самом начале XVI в. [ПЭ, 23: 134–136]. Все остальные списки анонимны.

IV. Издание текста

Мы публикуем *литанию Киприана* по наиболее ранней рукописи МДА 77 (л. 454об.–455об.) с соблюдением орфографии оригинала, однако выносные буквы в середине слова для удобства прочтения вставляем в строку. Некоторые пропуски и искажения основного списка восстанавливаются по рукописи *ТСЛ 314*. Каждый лик святых для наглядности мы приводим с новой строки. В критическом аппарате приводятся разночтения по описанным в статье редакциям: по атрибутированной Кириллу Туровскому из рукописей *ТСЛ 320* и *ТСЛ 316* (сигла КТ), а также по редакции в молитве к св. Троице по спискам *ТСЛ 779* и *Вол. 564* (сигла Т). В последней был отредактирован только список имен, поэтому разночтения приводятся только в нем. Орфография имен не отражается в аппарате, ввиду большой вариативности в написаниях. Особая редакция литании, представленная в рукописи *Вол. 405*, в аппарат не вводится из-за очень большого числа отличий.

С помощью *add.* обозначаются вставки в текст, а с помощью *от.* — отсутствие чтения. В аппарате не учитывается порядок следования имен, ввиду частотности этой особенности в изученном тексте. Изменение порядка не имеет особой текстологической значимости, поэтому введение этого типа разночтений создает перегруженность критического аппарата.

мо^а всѣмъ сѣимъ¹ :

Вѣдо гни² многомѣстиве, гни іс хе бже нашъ. снѣ единородный /455
невидимаго ба оца. сын равенъ оцу и дху сѣмоу, иже въ вышнихъ
живоущемоу. и³ въ трѣхъ славимомомъ боу. пришедшемомъ на землю
спсѣнія ради члч. въплоче^с ѿ чѣстыа неискоусобачныа мѣре сѣа бѣа.
прснодѣа мѣа. поживи⁴ въ мирѣ се^м. все твора на нашу ползу. мѣртва
въскрѣснвы. прокаженыа очистишвы. болныа исцѣлишвы. недоужныа
оуврачевашвы. грѣшныа ѿпоущеніе, грѣхомъ⁵ дароваши. ты вѣдо сѣю
власть дароваши чѣстныа нѣсныа сила^м. апѣломъ и соущимъ по ни^х всѣмъ
сѣимъ блгоугодившим ти гни. тѣмже и азъ грѣшнын рабъ твои⁶ .іѣрк.
оуповаю на мѣсть твою молюсѣ всѣмъ чѣстныа нѣсныа силамъ. всегда
предстѣи сѣи аггліи и архгліи. хероувимы, и серафимы. прѣстли, гѣства.
начала власти. всѣа силы нѣсныа. нѣѣ молащасѣа не презрите моленіа. иже
просѣаго вашего застоупленіа⁷. мѣи гѣ за ма грѣшнаго и⁸ недостѣннаго
раба своего⁹ .іѣрк. іако да достѣнна ма покажете блгдти и мѣсти всесѣа
трѣца, и мѣре бѣа моего. и всѣхъ сѣхъ. да бы ми мѣстивъ былъ в ча^с исхода
моего. и грѣхомъ прощеніе да обрѣщѣаши^м предстѣтельствомъ и
застоупленіемъ.
сѣи іѣванне прѣтче крѣтлю гнѣ. иже покаанію проповѣдникъ. блговоли иже ѿ
дѣа покаати ми сѣа. и в ча^с разлоученіа моего. помози ми грѣшномомъ.
сѣи прѣрци. енохъ. нон. авраамъ. исаакъ. іакѣвъ. монси. аронъ. самонъ.
дѣдъ нѣа еансен, ісаіа¹⁰. нереміа. нонѣ даннѣе, и сѣи праведни бѣоѣцѣ
нѣаки^м и анна¹¹. подвигните сѣ собою весь ликъ прѣрѣскыи. молитѣ ба за
ма грѣшнаго, и помилѣи гѣ ма оѣаннаго.
сѣи хѣи апгліи петре, и павле. іаковѣ, нѣанѣ. андрѣе. и филиппѣ фомо.
варфолмею. лоука. марко. матфею. іаковѣ алѣѣѣ^м. симонъ зѣлотъ. іѣдо¹².
варнаѣ¹³. прохоре. подвигните сѣ собою весь ликъ апѣльскыи. и молитѣ ба

¹ Кирила архіѣпа тоурѣскаго мѣтва всѣмъ сѣимъ КТ.

² гни *от. ТСЛ 314*, КТ.

³ иже КТ.

⁴ *add.* сѣ чѣвкы КТ.

⁵ *от.* грѣхомъ КТ.

⁶ *add.* ннокъ КТ.

⁷ вашего застоупленіа : за ваше застѣпеніе КТ.

⁸ *add.* и помилѣи гѣ ма КТ.

⁹ вашего КТ.

¹⁰ *от.* ісаіа Т.

¹¹ *от.* и сѣи праведни бѣоѣцѣ нѣаки^м и анна Т.

¹² нѣда іаѣѣѣ КТ, Т.

¹³ *add.* тѣмо-ѣен КТ.

за ма грѣшнаго. и помилоуѣте ма окааннаго.
 сѣтин хѣви мѣнци пострадавшѣ за хѣа. первоѣмѣннѣ архидіаконе¹⁴ сѣтефане.
 геѡргіи. феѡдоре димитріе¹⁵. и сѣтин мѣнци, мѣ те. и прочін мѣнци¹⁶.
 никитѡ. гоуѣріе. самѣмоне. и авиве. мамонте¹⁷. прокопіе. еѡстратіе. меркоуѣріе.
 арефо¹⁸. минѡ. акакіе. христофоре. алеѡандре. сергіе, и вакхо. фроле и лавре.
 панделенмоне. кѡре и іѡанне. коуѡмо, и даміане. борисе, и глѣѡе. и сѣтин тріе
 нови мѣнци¹⁹ антоніе. и іѡанне. еѡстатіе²⁰. подвижниѣте съ собою весь ан^к
 мѣнчскын. молитѣ бѣа за ма грѣшнаго. и помилоуѣте ма окааннаго.
 сѣтин хѣви сѣтин. іакове²¹ и лазарю²². диѡнісіе²³. василіе²⁴, григоріе²⁵ и іѡа^н
 златѡустын²⁶. никѡлае²⁷. игнатіе бѣгоносивын. спиридоне. петре. силвестре.
 кѡрилѣ и афонасіе /4550б. и еѡпатіе перфоуѣріе нифонте. анфилохіе. анфиме.
 кѡпріане генадіе, и іѡане мѣстивын. григоріе феодоре²⁸. новыа чюдотворци
 рѣсскыа, петръ. алеѡѣе велицин мѡроточци, и чюдотворци. саѡа и симеоне. и
 арсеніе серѡѡстін оуѣнѣтеліе. и²⁹ леонтіе³⁰ ростѡѡскін епѣпъ³¹. подвижниѣте съ
 собою весь лиѡк сѣтльскын молитѣ бѣа за ма грѣшнаго. и помилоуѣте ма
 окааннаго.
 сѣтин бѣгоносніи ѡѣци нашн³² великын еѡѡиміе саѡа. еѡрѣме и ларіоне.
 феѡдосіе. феодоръ. пиминѣ³³. сысѡе. арсенне. іѡане. ѡенедикте. максимѣ.

¹⁴ *от.* пострадавшѣ за хѣа. первоѣмѣннѣ архидіаконе Т.

¹⁵ *add.* ѡѡдѡръ КТ.

¹⁶ *от.* мѣ те. и прочін мѣнци КТ : никифоръ Т.

¹⁷ *от.* мамонте Т.

¹⁸ *add.* мѣ КТ.

¹⁹ *add.* анѡѡѡскіе КТ.

²⁰ *от.* и сѣтин тріе нови мѣнци антоніе. и іѡанне. еѡстатіе Т : еѡстафіе ТСЛ 314, КТ.

²¹ *add.* іаковъ братъ бѣжін КТ.

²² *add.* праведнын КТ.

²³ *add.* ареѡпагытѣскын КТ; *add.* климентъ Т.

²⁴ *add.* великын КТ.

²⁵ *add.* бѣгѡслоѡе КТ; *add.* мѣтѣлннѣскін Т.

²⁶ *add.* кирилъ и еѡѡстафен; поликарпъ Т.

²⁷ *от.* игнатіе бѣгоносивын. спиридоне. петре. силвестре. кѡрилѣ и афонасіе и еѡпатіе перфоуѣріе нифонте. кѡпріане генадіе, и іѡане мѣстивын. григоріе феодоре. новыа чюдотворци рѣсскыа, петръ. алеѡѣе велицин мѡроточци, и чюдотворци. саѡа и семнеоне. и арсеніе серѡѡстін оуѣнѣтеліе. и леонтіе ростѡѡскін Т.

²⁸ *add.* еѡескын епѣфанѣ кѡпрскын. андрін критскін григоріе акраганѣскын. еѡеліанъ кѡзничѣскын КТ.

²⁹ *от.* велицин мѡроточци, и чюдотворци. саѡа и семнеоне. и арсеніе серѡѡстін оуѣнѣтеліе. и КТ.

³⁰ *add.* великын и игнатіе. і ісаіа КТ.

³¹ ростѡѡскін епѣпъ : ростѡѡѡстін чюдотворци КТ.

³² *add.* антоніе КТ, Т.

³³ *от.* феодоръ. пиминѣ КТ.

аноуфріе³⁴ афонасіе, атонскын. петре атонскын. павле фивѣскын³⁵.
 павле аморрескын. симионе иже на столѣ просіавын. симионе новын
 бѣгослове³⁶. даниле. агафоне. василіе. григоріе чюдотворецъ. григоріе
 декаполскын³⁷. висарионе. пахоміе. пахноутіе. аврааміе. ноасафе. дорофіе.
 и пустыннын іване, рыльскын свѣтильниче. великын антоніе, и ѿевдосіе
 печерскын. авраміе, прѣдвнын сергіе³⁸ еѿфиміе. андроникъ, и саво. варламе
 новгородскын³⁹. подвижните съ собою ве^с ликъ прѣдвническын. молитѣ бѣ за
 ма грѣшнаго и помилоуѣте ма окааннаго.
 стѣн оуродивѣн хѣ ради симионе, андрѣю. іванне⁴⁰. и вси оуродивѣн хѣ ради.
 молитѣ бѣ за ма грѣшнаго. и помилоуѣте ма окааннаго.
 стѣя прѣдвныа хѣы мѣнца жены, анна елисаветѣ мрїа. маріанін⁴¹. ѿекла.
 еѿфиміа. анастасіа. екатерина. варваро⁴². елено. маріе⁴³. еѿгеніе. феѿдоро.
 пелагіе. марино. ѿевроніе. еѿпражіе. сжсано. домно⁴⁴. анѿусо. анастасіе.
 афонасіе. сарро. мартроуно. аксиніа. ноуліанін. кѣрьакы. параскевѣн.
 ѿевдоулін⁴⁵. подвижнете съ собою ве^с ликъ стѣхъ прѣдвныхъ инокинъ. и
 всѣхъ дѣѣ. и вса стѣя жены. иже всакы^м подвиго^м оугодивша бѣи. троуды
 же и болѣзньми повѣдиша діавола и поправши всю силоу козни его. и ни
 въ чтоже створше его. съ всѣми бѣсы его. и всѣхъ ва^с стѣхъ молю иже
 ѿ вѣка оугодившіа бѣи. молитѣ за ма грѣшнаго. и бѣ вседержителя.
 іако да вашими мѣтвами прїнмоу оставленіе бесчисленыхъ ми съгрѣшенін
 и съхраните ма въ вса дѣни и ноци. и на всакын ча^с. ѿ всакаго поутти
 лоукаваго и злыхъ дѣанін. и въ нсходѣ дѣша моего помозите ма⁴⁶ и избавите
 ма. иже на вѣздоуѣ роуки⁴⁷ князь бѣсовскыхъ и всѣхъ мытарствъ

³⁴ *add.* феофил макаріе пансее. паѿхноутіе миѿанло маленнѣ КТ.

³⁵ *add.* иѿванн кѣпчиникъ. іѿванн дамаскинъ. іѿванн лѣствичникъ КТ; *от.* афонасіе, атонскын. петре атонскын. павле фивѣскын Т.

³⁶ павле аморрескын. симионе иже на столѣ просіавын. симионе новын бѣгослове : семичнѣ Т.

³⁷ *от.* василіе. григоріе чюдотворецъ. григоріе декаполскын Т.

³⁸ *add.* никонъ и кирилъ. димитріе. діонисіе КТ.

³⁹ *add.* аврааміе ростовскын КТ; *от.* ноасафе. дорофіе. и пустыннын іване, рыльскын свѣтильниче. великын антоніе, и ѿевдосіе печерскын. авраміе, прѣдвнын сергіе еѿфиміе. андроникъ, и саво. варламе Т.

⁴⁰ симионе, андрѣю. іванне : съ семноном и андрѣем и феѿдором Т; *add.* и маѣимъ рускын. нсидоръ ростовскын и феѿдор новгородскын и иже с ними КТ.

⁴¹ маретамна Т.

⁴² екатерина. варваро : ирина Т.

⁴³ *add.* еѿпетскаа Т.

⁴⁴ сжсано. домно : сѣсана домника Т.

⁴⁵ *от.* аксиніа. ноуліанін. кѣрьакы. параскевѣн. ѿевдоулін Т.

⁴⁶ ма : ми ТСЛ 314.

⁴⁷ *от.* роуки КТ.

соупротивныѣ врагѣ. и въ днь праведнаго соудѣ вѣѣа помолитѣ о мнѣ
беззаконнѣм. како да вашими мѣтвами. избавлю вѣчныѣ моукѣ. и оулоучю
нѣсноє црство. ѡ хѣ ісѣ гдѣ наше. емоуже слава и держава. чѣсть и
поклананіє съ стѣм дхомъ всегда нынѣ и прѣсно и вѣкы вѣко, аминь.

Библиография

Источники

Вол. 365

Часослов с прибавлениями нач. XVI в. из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря Российской государственной библиотеки (ф. 113), Москва.

Вол. 405

Молитвенник сер. XVI в. из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря Российской государственной библиотеки (ф. 113), Москва.

Вол. 564

Сборник служб и житий 2-й пол. XVI в. из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря Российской государственной библиотеки (ф. 113), Москва.

Кир.-Бел. 43/300

Следованная псалтирь XVI в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Кир.-Бел. 45/302

Следованная псалтирь XVI в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Кир.-Бел. 55/312

Следованная псалтирь XVI в. из собрания Кирилло-Белозерского монастыря Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

МДА 77

Шестоднев служебный, минея общая и канонник посл. четв. XV в. из собрания Московской духовной академии Российской государственной библиотеки, Москва.

Син. 774

Собрание канонов и молитв XVI в. из Синодального собрания Государственного исторического музея, Москва.

Син. 936

Собрание канонов и молитв XVI в. из Синодального собрания Государственного исторического музея, Москва.

Син. тип. 388

Сборник богослужебный 1-й четв. и 3-й четв. XVI в. из Собрания синодальной типографии Российского государственного архива древних актов (ф. 381), Москва.

Сол. 767/877

Следованная псалтирь XVI в. из Соловецкого собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Сол. 1023/1132

Требник XVI в. из Соловецкого собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

Сол. 1085/1194

Требник 1504 г. из Соловецкого собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

ТСЛ 262

Канонник 1-й пол. XVI в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 284

Канонник XVII в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 314

Следованная псалтирь 2-й пол. XV в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 316

Следованная псалтирь 1543 г. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 320

Следованная псалтирь XVI в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 325

Следованная псалтирь XVI в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 650

Сборник богослужебный кон. XVI в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 779

Сборник нач. XVI в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 789

Сборник XVI в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 803

Сборник XVII в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

ТСЛ 804

Сборник XVII в. из Главного собрания Троице-Сергиевой лавры Российской государственной библиотеки (ф. 301), Москва.

Ф.1.738

Следованная псалтирь 70–80 гг. XV в. из Основного собрания Российской национальной библиотеки, С.-Петербург.

ЯМЗ 15481

Часослов второй половины XIII в. из собрания Ярославского музея-заповедника.

Sin. slav. 13

Часослов с прибавлениями кон. XIV в. из библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае.

Литература

Архангельский 1884

Архангельский А. С., *Любопытный памятник русской письменности XV века*, С.-Петербург, 1884.

Афанасьева 2017

Афанасьева Т. И., К истории русско-византийских культурных связей: Федор Мелитениот и священномних Иларион, *Byzantinoslavica*, 2017, LXXV/1–2, 191–197.

——— 2025

Афанасьева Т. И., К вопросу о структуре и месте составления «молитвы к святой Троице», *Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XIII Международной научной конференции 8–12 сентября 2025 г., Москва, Россия*, Москва, 2025, 62–63.

——— 2026

Афанасьева Т. И., Молитва потребная всем святым в русском богослужебном сборнике XVI в., *Имена и письмена. К юбилею А. А. Пичхадзе*, Москва, 2026, 277–291.

Баронас 2001

Баронас Д., По поводу литературной истории Мучения трех виленских мучеников, *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*, 3, Kraków, 2001, 73–98.

Гордиенко, Семячко, Шибает 2011

Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибает М. А., *Миниатюра и текст. К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738*, С.-Петербург, 2011.

Евхологий Великой церкви 2019

Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Шарихина М. Г., *Евхологий Великой церкви в славяно-русском переводе конца XIV века. Исследование и текст*, Москва, С.-Петербург, 2019.

Иванов 1999

Иванов С. А., К датировке Жития св. Нифонта (ВНГ, 1371 г.), *Византийский временник*, 5, 1999, 72–75.

Каталог рукописей РГАДА 2020

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, 3, Москва, 2020.

Конзал 2002

Конзал В., *Старославянская молитва против дьявола*, Москва, 2002.

Линд 1991

Линд Дж., Почитание скандинавских святых на Руси и датско-русские отношения XII века, *История СССР*, 6, 1991, 188–198.

Левшина 2021

Левшина Ж. Л., Древняя молитва «всѣх светых от всако езы» в южнославянских списках XIV–XIX вв., *Вспомогательные исторические дисциплины*, XL, С.-Петербург, 2021, 119–149.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

——— 2006

Лосева О. В., Молитва над болящим в составе требника РНБ Q.п.I.24, *КАΝΙΣΚΙΟΝ Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова*, Москва, 2006, 280–303.

Пичхадзе 2011

Пичхадзе А. А. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси (лингвистический аспект)*, Москва, 2011.

ПЭ, 1–73

Православная энциклопедия, 1–73, Москва, 2000–2024.

Рогачевская 1999

Рогачевская Е. Б., *Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования*, Москва, 1999.

Сергий (Спасский) 1876

Сергий (Спасский), архиеп., *Полный месяцеслов Востока*, 2, Москва, 1876.

Славяно-русский Пролог 2010

Славяно-Русский Пролог. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. I. Текст и комментарии., Прокопенко Л. В., Желязкова В., Крысько В. Б., Шевчук О. П., Ладыженский И. М., изд. подгот., Москва, 2010.

Соболевский 1910

Соболевский А. И., *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*, С.-Петербург, 1910.

Турилов 2017

Турилов А. А., Митрополит Киприан и русская культура его времени (новые аспекты проблемы — факты и гипотезы), *Славяноведение*, 2, 2017, 3–13.

Шляпкин 1884

Шляпкин И., Любопытный памятник русской письменности XV века. Сообщение члена-корреспондента Императорского Общества любителей древней письменности А. Архангельского, *Журнал Министерства народного просвещения*, 1884, Ноябрь, 267–269.

DACL

Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie, Cabrol F., Leclercq H., publ, 9, Paris, 1930.

Dvornik 1954

Dvornik F., Les Bénédictins et la Christianisation de la Russie, *L'Église et les Églises*, Chevetogne, 1954, 323–349.

Ingham 1968

Ingham Norman W., The Litany of Saints in 'Molitva sv. Troice', *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*, Cambridge, 1968, 121–136.

Konzal 1991

Konzal V., Otazníky kolem církevněslovanské Modlitby k sv. Trojici a českých vlivů na literaturu Kyjevské Rusi, *Slavia*, 60/3, 1991, 60, 3, 232–247.

Krüger 2007

Krüger A., *Litanei-Handschriften der Karolingerzeit*, Hannover, 2007.

Κουρτεσίδου 1992

Κουρτεσίδου Π., *Φιλοθεον Κοωνσταντινοπολεως του Κοκκινου ποιητικα εργα*, Θεσσαλονκη, 1992.

Lapidge 1991

Lapidge M., *Anglo-Saxon Litanies of the Saints*, London, 1991.

Mareš 1979

Mareš F. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*, München, 1979.

Mikulka 2015

Mikulka T., Ke genezi církevněslovanské Modlitby ke svaté Trojici, *Slavia*, 84/4, 2015, 372–396.

PLP 1981

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit, V, Wien, 1981.

Segal 2025

Segal D., The Old Church Slavonic Litany of All Saints and Twelfth-Century Rus', *Ruthenica*, XVIII, 2025, 74–95.

References

- Afanasyeva T. I., To the history of Russian-Byzantine literary connections of the second half of the 14th century: Theodore Meliteniot and the Saints Ilarion, *Byzantinoslavica*, 2017, LXXV/1–2, 191–197.
- Afanasyeva T. I., K voprosu o strukture i meste sostavleniia "molitvy k sviatoi Troitse", *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 8–12 sentiabria 2025 g.*, Moskva, Rossiia, Moscow, 2025, 62–63.
- Afanasyeva T. I., Molitva potrebnaya vsem sviatym v rusском bogoslužbenom sbornike XVI v., *Imena I pis'mena. K iubileiu A. A. Pichkhadze*, Moscow, 2026, 277–291.
- Afanasyeva T. I., Kozak V. V., Molkov G. A., Sharikhina M. G., *Evologii Velikoi tserkvi v slavianorusskom perevode kontsa XIV veka. Issledovanie i tekst*, Moscow, St. Petersburg, 2019.
- Baronas D., Po povodu literaturnoi istorii Mucheniia trekh vilenskih muchenikov, *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne*, 3, Kraków, 2001, 73–98.
- Dvornik F., Les Bénédictins et la Christianisation de la Russie, *L'Église et les Églises*, Chevetogne, 1954, 323–349.
- Gordienko E. A., Semyachko S. A., Shibaev M. A., *Miniatyura i tekst. K istorii Sledovannoi psaltiri iz sobraniia Rossiiskoi nacional'noj biblioteki F.I.738*, St. Petersburg, 2011.
- Ingham Norman W., The Litany of Saints in 'Molitva sv. Troice', *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by His Students*, Cambridge, 1968, 121–136.
- Ivanov S. A., K datirovke Zhitia sv. Nifonta (BHG, 1371 z), *Vizantiiskii vremennik*, 5, 1999, 5.
- Konzal V., Otazniki kolem cirkevneslovanské Modlitby k sv. Trojici a českých vlivů na literaturu Kyjevské Rusi, 60/3, *Slavia*, 1991, 232–247.
- Konzal V., *Staroslavianskaia molitva protiv d'iavola*, Moscow, 2002.
- Krüger A., *Litanei-Handschriften der Karolingerzeit*, Hannover, 2007.
- Kourtesidou P., *Filotheou Koonstantinopoleos tou Kokkinou noetika erga*, Thessaloniki, 1992.
- Levshina Zh. L., Drevniaia molitva "vsiekh svetykh ot visakoe ezy" v iuzhnoslavjanskikh spiskakh XIV–XIX vv., *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 40, St. Petersburg, 2021, 119–149.
- Lind J., Pochitanie skandinavskih sviatykh na Rusi i datsko-russkie otnosheniia XII veka, *Istoriia SSSR*, 6, 1991, 188–198.
- Loseva O. V., *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.
- Loseva O. V., Molitva nad boliashchim v sostave trebnika RNB Q.p.I.24, *KANISKION Iubileinyi sbornik v chest' 60-letia professora Igoria Sergeevicha Chichurova*, Moscow, 2006, 280–303.
- Mareš F. W., *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*, München, 1979.
- Mikulka T., Ke genezi cirkevneslovanské Modlitby ke svaté Trojici, *Slavia*, 84/4, 2015, 372–396.
- Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongol'skoi Rusi (lingvisticheskii aspekt)*, Moscow, 2011.
- Rogachevskaya E. B., *Tsiki molitv Kirilla Turovskogo. Teksty i issledovaniia*, Moscow, 1999.
- Segal D., The Old Church Slavonic Litany of All Saints and Twelfth-Century Rus, *Ruthenica*, 43, 2025, 74–95.
- Turilov A. A., Metropolitan Cyprian and Russian culture of his time (new aspects – new facts and hypotheses), *Slavianovedenie*, 2, 2017, 3–13.

Татьяна Игоревна Афанасьева,

доктор филологических наук,

ведущий научный сотрудник

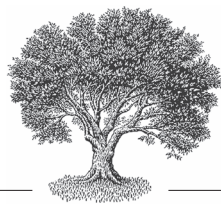
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 12/2

Россия / Russia

t.i.afanasyeva@gmail.com

Received August 25, 2025

Наблюдения
за семейными
поминовениями во
вкладных и кормовых
книгах Иосифо-
Волоколамского
монастыря:
коллективный вклад
и имянаречение*

Observations
on Family
Commemorations
in the Donation and
kormovye Books of the
Joseph-Volokolamsk
Monastery: Collective
Contribution and
Name Giving

Екатерина Станиславовна
Евдокимова

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Российский государственный архив
древних актов,
Москва, Россия

Ekaterina S. Evdokimova

HSE University;
Russian State Archive of Ancient Acts,
Moscow, Russia

* Автор выражает благодарность Анне Феликсовне Литвиной и Федору Борисовичу Успенскому за многократное консультирование. Публикация подготовлена по результатам работы научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Музей утраченных древностей» (№ 25-00-031).

Цитирование: Евдокимова Е. С. Наблюдения за семейными поминовениями во вкладных и кормовых книгах Иосифо-Волоколамского монастыря: коллективный вклад и имянаречение // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 94–116.

Citation: Evdokimova E. S. (2026) Observations on Family Commemorations in the Donation and *kormovye* Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery: Collective Contribution and Name Giving. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 94–116.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.04

Резюме

Статья посвящена особому типу монастырских коммемораций — семейным кормовым поминовениям в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря. Корм — поминовение, включавшее в себя особую общую трапезу монастырской братии в память о человеке. Кормовые поминания обычно являлись посмертными, хотя на страницах вкладных книг встречаются упоминания и о заздравных кормах. Данную монастырскую практику можно разделить на те случаи, где в назначенный день ставился корм по душе одного усопшего, и такие, где вместе поминался целый перечень лиц, довольно часто, хоть и не всегда, приходящихся друг другу родственниками. Проблема, которой посвящена данная работа, — принципы избрания дня (или в некоторых случаях дней) для подобных семейных коллективных коммемораций в практиках Иосифо-Волоколамского монастыря XVI–XVII вв. Цель работы — определить основные тенденции в организации подобных поминовений. В статье по большей части привлекаются материалы составленных в 1550-х гг. вкладной и записной книг Иосифо-Волоколамского монастыря, а также кормовой книги 1581–1582 гг. и вкладной книги 1585–1587 гг. той же обители. В качестве дополнительного материала использованы монастырские синодики. Связь этих рукописей между собой не вызывает вопросов. В статье рассматриваются различные типы семейных кормовых поминаний, выделяются основные тенденции в выборах дней памяти, а также затрагивается проблема имянаречения в русской средневековой традиции и христианской двуименности.

Ключевые слова

поминовения, коммеморативные практики, коллективные поминания, Иосифо-Волоколамский монастырь, вкладные книги, кормовые книги, русское Средневековье, имянаречение, полиномия

Abstract

The article examines a special type of monastic commemorations—family feed (*korm*) commemorations within the walls of the Joseph-Volokolamsk Monastery. *Korm* is a commemoration that includes a special common meal of the monastery brethren in the memory of a person. These commemorations were usually posthumous, although the pages of the contribution books also contain references “grace-feed” (a feed to the health of the person). This monastic practice can be divided into those cases where commemoration is placed on the appointed day for the soul of one deceased, and those where a whole list of people is commemorated together, being quite often, although not always, related to each other. The problem discussed in this paper is the principles of choosing a day (or in some cases days) for such collective family commemorations in the practices of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 16th–17th centuries. Its goal is to determine the main trends in the arrangement of such commemorations. It mostly uses materials from the earliest contribution and record books of the Joseph-Volokolamsk Monastery from the Collection of the State Historical Museum, the Donation Book of 1585–1587 and the *Kormovaya Book* of 1581–1582. The synodicons of the Joseph-Vokolamsk Monastery were used as additional material. Representative examples from these sources with quotations are given. The connection between these manuscripts does not

raise questions and was examined in other studies. The article considers various types of family *kormovye* commemorations, highlights the main trends in the selection of days of remembrance, and touches upon the problem of naming in the Russian medieval tradition and Christian binominality.

Keywords

commemorations, commemorative practices, collective commemoration, korm, Joseph-Volokolamsk monastery, contribution books, Russian Middle Ages, name giving, polynomial

Введение

Практика вкладов в монастыри на Руси имеет глубокие корни, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты о даяниях в пользу новгородского Юрьева монастыря, Саввино-Сторожевского, Троице-Сергиевого, московского Симонова и других монастырей. Согласно исследованию Л. Штайндорфа, в XV в. культура монастырских поминовений претерпела значительные изменения и произошли они первоначально в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря. Самое значительное из этих новых веяний — появление общего унифицированного порядка проведения поминальных практик со строго определенной платой за них [Штайндорф 2014: 29; Алексеев 2002: 148]. В Иосифо-Волоколамском монастыре впервые был записан в синодики регламент новым процедурам поминовений, и лишь позднее аналогичный документ появился в Кирилло-Белозерском монастыре [Штайндорф 2014: 30]. В работе Т. И. Шабловой, напротив, утверждается, что всedневное и кормовое поминание не являются изобретениями Иосифо-Волколамского монастыря [Шаблова 2012: 33].

Оставляя в стороне дискуссию о первенстве в создании вкладных и кормовых книг, можно говорить о том, что монастырские книги Иосифо-Волоколамского монастыря репрезентативны для исследования становления этой практики. Как было отмечено А. А. Зиминим, «ни один русский монастырь не имел такой четко выработанной системы поминания умерших, как Волоколамский. Здесь не только была установлена строгая такса за отдельные виды поминаний, но и было дано идеологическое обоснование важности вкладов “по душам”» [Зимин 1977: 103]. Исключительный статус Иосифо-Волоколамского монастыря, а также хорошая сохранность его наиболее ранних вкладных и кормовых книг¹ дают возможность для исследования новой для России

¹ Источниковедческий обзор монастырских книг Иосифо-Волоколамского монастыря (см. об этом [Зимин 1978: 83–84]). Наше исследование основано на

рубежа XV–XVI вв. практики — семейных «кормовых» коммемораций [Штайндорф 2002: 137–152].

Корм по усопшему являлся самой дорогостоящей и вместе с тем самой торжественной монастырской поминальной практикой, включавшей в себя особую общую трапезу монастырской братии [Штайндорф 2000: 212]. Существовала и традиция заздравных кормов, причем записи в кормовых книгах не всегда дают возможность надежно определить, с какой из двух этих практик — коммеморативной или заздравной — мы имеем дело в конкретном эпизоде. Эта проблема требует специального рассмотрения, однако мы коснемся ее в данном исследовании.

Устройство индивидуальных кормовых поминовений на первый взгляд кажется довольно прозрачным. Трапеза могла быть приурочена как к годовщине смерти поминаемого, так и ко дню памяти его патронального святого. В некоторых случаях оба дня являлись поминальными. Модель эта настолько стабильна, что исследователи часто рассматривают ее как своеобразную аксиому [Штайндорф 2002: 90–99]. Если день памяти не приходился на именины поминаемого лица, почти автоматически предполагается, что это его день преставления. К сожалению, подобный метод не всегда надежен, причем ненадежность его предопределена самой спецификой русской коммеморативной традиции. Во-первых, в некоторых случаях именинный день памяти сдвигался, чтобы уступить место другому празднику. Например, корм по царевне Анне, дочери царя Ивана IV Васильевича, в Иосифо-Волоколамском монастыре справлялся 7 сентября, а не в день ее именин 9 сентября, так как в этот день в монастыре отмечалась память его основателя св. Иосифа Волоцкого [Ibid.: 95–96]. Во-вторых, несовпадение именин и выбранного для поминания дня иногда оказывается мнимым. Рассмотрим один из примеров такого рода:

Поминати Василиа Андрѣевича Челяднина доколѣ манастырь Пречистыя стоит [...] Да быть по немъ корму з году на годъ марта sī [16], а другому быти корму по немъ декабря кѣ [22]² [Титов 1906: 17].

вкладной (*Епарх. № 419 (687)*) и записной (*Епарх. № 418 (686)*) книгах Иосифо-Волоколамского монастыря, составленных в 1550-х гг. (опубликованы в: [Титов 1906]); Вкладной книге 1585–1587 гг. (*РГАДА, 395*) и кормовой книге 1581–1582 гг. по списку *ГИМ. Син. № 403 (829)*, опубликованному Л. Штайндорфом [Steindorff 1998]. Там, где это возможно, данные сверены и приведены по всем книгам. Впрочем, надо учитывать, что записи от книги к книге разнятся, и далеко не все вкладчики монастыря упоминаются во всех источниках. В качестве дополнительных материалов привлечены синодики, опубликованные В. С. Безродновым и А. Л. Корзининым [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024].

² Текст А. А. Титовым передается с сохранением *ѣ* и *і*, а также конечного *ъ*. Орфография и лексико-грамматические особенности текста не нормализуются. Сокращения сохраняются в исходном виде, титул не раскрывается; числовое значение буквенной цифири приводится в квадратных скобках мной.

Перед нами два поминальных дня. Логично предположить, что один из них — день преставления, а другой — день именин. Однако ни 16 марта, ни 22 декабря в месяцеслове не обнаруживается празднования кому-либо из святых Василиев. Исследователь в этой ситуации оказывается в тупике и может предположить, что существует еще один принцип выбора дня памяти. Здесь приходит на помощь знание о существовании на Руси светской христианской двуименности. Эта проблема уже не одно десятилетие разрабатывается в историографии, в первую очередь усилиями А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского³. Русский средневековый человек мог обладать более чем одним именем, даже не принимая иноческий постриг. Так, великий князь Иван III в крещении имел другое имя — Тимофей, а венценосный В. И. Шуйский в миру звался как Василием, так и Потопием, а при постриге получил еще одно имя — Варлаам. Традиция это касалась не только московских царей, но и куда более широкого круга лиц [Литвина, Успенский 2022а: 158]. При этом не всегда подобные случаи возможно вычислить по прямым свидетельствам. В некоторых синодиках, например синодике-помяннике Иосифо-Волоколамского монастыря, Василий Андреевич Челяднин продолжает именоваться Василием [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 206], однако, как убедительно показало исследование А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского [Литвина, Успенский 2024: 61–66], он имел еще и крестильное (молитвенное, прямое) имя, отличавшееся от публичного, — Савин. Память мученика Савина как раз отмечается 16 марта. Вероятно, таким образом, что 22 декабря — день преставления Челяднина, тем более что к началу февраля его уже точно не было в живых [Ibid.: 64–65].

Разобравшись со столь трудным примером, перейдем к более простому, но не менее интересному случаю, связанному с еще одной особенностью бытования многоименности на Руси:

Поминати инока Тихона Стремоухова. Доколе манастирь Пречистыя стоит, ис повседневнаго поминания не выгладить [...] Да быти по немъ корму маина въ г [3], доколе манастирь Пречистыя стоить [Титов 1906: 24].

Заглянув в месяцеслов, мы не обнаружим под 3 мая памяти никого из святых по имени Тихон, но можем ли мы на этом основании заключить, что Тихон Стремоухов преставился в этот день? Обращает на себя внимание особый статус поминаемого лица — он назван иноком. Как известно, по крайней мере с XV в. на Руси возобладала тенденция,

³ Приведем лишь основные работы указанных авторов по этому вопросу: [Литвина, Успенский 2006; Успенский 2007; Литвина, Успенский 2013; Литвина, Успенский 2020; Литвина, Успенский 2022б].

согласно которой монаху при постриге подбиралось новое имя с некоторой оглядкой на крестильное имя человека. Чаще всего совпадали начальные буквы этих двух имен. Так, Василий мог стать иноком Василианом, Григорий — иноком Геннадием, Дмитрий — иноком Даниилом и т. п. [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 101]. Получение нового имени, однако, не означало, что старое предавалось забвению [Ibid.: 82–91]. Довольно часто светское имя появляется в документах с имущественными распоряжениями инокa [Литвина, Успенский 2020: 41]. Что для нас еще существеннее, в коммеморативной традиции большинство людей, принявших постриг, связывали свое кормовое поминование именно с крестильным именем [Ibid.; Литвина, Успенский 2020: 36]. При этом записывали их в синодики чаще всего уже под именем иноческим. В синодике Иосифо-Волоколамского монастыря последней четверти XVI в., равно как и во вкладной книге 1585–1587 гг., наш герой именуется иноком Тихоном [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 175]. Очевидно при этом, что он имел еще и иное, крестильное имя, которое, как можно предположить, начиналось на букву «Т». В месяцеслове под 3 мая поминаются святые мученики Тимофей и Марфа. Это означает, что с большой вероятностью наш инок Тихон Стремоухов звался в крещении Тимофеем и поминался все-таки в свой именинный день [Дайкстра 2007: 290].

Итак, хотя традиция приуроченности дня памяти к именинам или дню преставления была действительно довольно стабильной, здесь необходимо учитывать отмеченные выше особенности функционирования русской полиномии — возможное наличие у одного и того же светского лица двух христианских имен, крестильного и публичного, и актуальность крестильного имени для инокa.

Еще более трудной ситуация оказывается в случае с коллективными кормовыми поминовениями, где для нескольких лиц выбирается один день. Естественно, что в некоторых ситуациях невозможно установить принцип избрания этого дня, но в тех случаях, когда корм ставился на именины одного из усопших, провести подобную реконструкцию представляется возможным.

Анализ вкладных и кормовых записей показывает, что единый день памяти мог устанавливаться как по коллективу родственников, так и по людям, не связанным между собой столь тесными узами [Авдеев 2022]. С этой точки зрения примечательны поминовения по жертвам опричнины, где выбор дня для единого поминания целого перечня лиц нес символическое значение [Булычев 2005]. В данной работе, однако, мы сосредоточимся на наиболее часто встречающемся в книгах Иосифо-Волоколамского монастыря типе коллективных кормовых

поминаний — семейном. Самое простое объяснение для подобного типа вкладов — прагматическое, с целью экономии. Стоимость одного ежегодного кормления «ввек» составляла не менее 100 рублей [Алексеев 2002: 151]. Не исключено, однако, что стремление к общему поминовению могло обладать и некоторым символизмом.

Вкладчики-миряне

Ключевой фигурой вкладных и кормовых записей такого рода является человек, заказавший поминовение по усопшим, — он определял перечень лиц, вошедших в поминовение, и, вероятно, назначал день для свершения кормления. В связи с этим неудивительно, что довольно часто вкладчик избирал день, связанный непосредственно с его собственными именинами. Приведем сначала ряд более очевидных примеров:

- вклад князя Дмитрия Федоровича Хованского: вкладчик поминается с родителями — князем Федором и княгиней-инокиней Анной — день памяти 26 октября на праздник вмч. Дмитрия Солунского [РГАДА, 395, л. 75об.–76; Титов 1906: 52; Steindorff 1998: 47]⁴;
- вклад Василия Юрьевича Поджоги́на: вкладчик поминается с родителями — Георгием (мон. Герасим) и княгиней-инокиней Александрой — день памяти 26 апреля на праздник свщмч. Василия еп. Амайского [РГАДА, 395, л. 126об.–127; Титов 1906: 23; Steindorff 1998: 205]⁵;
- вклад Федора Остафьева: поминаются вкладчик и его сын Иван — день памяти 21 апреля на праздник мч. Феодора в Пергии [РГАДА, 395, л. 127об.–128].

Несколько реже семейное поминовение могло быть приурочено ко дню преставления вкладчика. О том, как такое было возможно, — ведь, распоряжаясь о вкладе, человек еще не мог знать даты своей кончины — и какое место такие записи занимали в системе коллективных поминовений, мы поговорим ниже. Пример такого поминовения:

- вклад Никиты Афанасьевича Фуникова: поминаются вкладчик, его родители, первая жена Екатерина и вторая жена Мария (мон. Маремьяна) — память 25 июля⁶ на день преставления вкладчика [Алексеев 2019: 92].

Как можно заметить, во всех четырех случаях вкладчики являлись светскими лицами и, по-видимому, не обладали какими-либо дополнительными именами, поэтому вычислить причину назначения конкретного поминального дня оказывается довольно просто. В трех случаях

⁴ В кормовой книге 1581–1582 гг. корм по Дмитрию и его отцу Федору, без матери.

⁵ В кормовую книгу записан только Василий Юрьевич Поджогин.

⁶ В кормовой книге под этим числом сказано: «По Никите по Фуникове да по жене его по иноке Маремьяне, а дачи его по себе и по первой жене Екатерине рн [150] рублей, да другая жена Маремьяна дала по себе ризы [...]» [Steindorff 1998: 267].

помянутое привязано к единственным для этих вкладчиков именинам. Труднее обстоит дело с иноками, которые априори обладают двумя христианскими именами. Поговорим подробнее о таких вкладах.

Вкладчики-иноки

Во вкладных книгах часто эксплицитно сказано, какое из имен является иноческим. Так, о вкладе Стефана Захарьевича Головина сына Обобурова сказано:

Да быти по Стефанѣ, а во иноцѣхъ Сильвестрѣ, и по всѣхъ его родителейхъ на всякъ годъ корму мѣсяца августа кѣ [25] [Титов 1906: 53–54].

25 августа — праздник свв. Геннадия и Стефана, патриархов Константинопольских. Как видим, здесь вкладчик привязывает все поминовение ко своему крестильному имени, что — как будет доказано далее — является характерным для монашеских вкладов.

Формула «и по всѣхъ его родителейхъ» напоминает нам еще об одной черте семейных «памятей». Чаше всего вкладчики заказывали корм по себе, отцу и матери, однако в некоторых ситуациях список поминаемых мог быть более длинным: сюда могли войти братья и сестры, дяди и тети, дедушки и бабушки с обеих сторон и другие родственники. С этой точки зрения показателен вклад другого инока:

Помінаніє Федора Борисовича Бороздина, а во иноцѣхъ Макарія. Поминати во всенденномъ спискѣ и в сенаникѣ: дѣда Федорова Бориса, а во иноцѣхъ Михаила, да отца Федорова Бориса, а во иноцѣхъ Боголѣпа, да мать Федорову иноку Марфу, да самого Федора, а во иноцѣхъ Макарья. Да учинити по нихъ два корма по всякой годъ: первой кормити по Федорове дѣде, да по отцѣ по Федорове июля кд [24], а другой по матери по Федорове, да по самомъ Федоре, а во иноцѣхъ Макарье — маія аї [11] [...] [Ibid.: 48].

Этот пример демонстрирует целый комплекс интересных проблем. Во-первых, Федор (мон. Макарий) Бороздин избрал нетипичную коммеморативную стратегию. На первый взгляд может показаться, что здесь поминаются вместе отец и сын — Борис (мон. Михаил) и Борис (мон. Боголеп) Бороздины, при этом поминание приходится на совместные именины на праздник свв. князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. И только изучение генеалогии Бороздиных открывает для нас интересную особенность этой сложно организованной записи. Отец и упомянутый дед Федора Бороздина с большой вероятностью не являются кровными родственниками. Согласно генеалогическим сведениям [РГАДА, 286-413; Долгоруков 1857, 59–67; Шабаетов 2017], отцом Бориса (Боголепа) Бороздина являлся Захарий Петрович. Борис (Михаил) же, вероятно,

был отцом матери Федора, иноки Марфы, чье происхождение, к сожалению, неизвестно. Федор Борисович Бороздин объединил под одним кормом Бориса Захарьевича Бороздина не с его отцом, а с его тезоименным тестем, своим дедом по матери. О причинах такого решения остается только догадываться. Возможно, к родственникам по матери Федор Борисович Бороздин испытывал более глубокую душевную привязанность или совпадение имен отца и деда подтолкнуло его к этому поступку. Примечательно и то, что сам Федор Борисович объединил себя со своей матерью — инокой Марфой. Вероятно, что корм по Федору и его матери, по крайней мере изначально, являлся заздравным, тогда как по отцу и деду — поминальным. О причинах такой интерпретации записи мы поговорим ниже, а здесь обратим внимание на день, избранный для корма по Федору (Макарию) и его матери — 11 мая. Если принять, что день этот был выбран при жизни вкладчика и его матери, то он не может быть связан с датой преставления одного из них. 11 мая в месяцеслове отсутствует память для кого-либо из святых по имени Феодор, Макарий или Марфа. Впрочем, в этот день отмечается память сщмч. Мокия. Если принять во внимание несовпадение в первых буквах светского и монашеского имен Федора (Макария) Бороздина, то можно заподозрить наличие у него другого крестильного имени, начинающегося на букву «М». Если наши подозрения верны, то в данном случае вкладчик, будучи обладателем двух христианских имен в миру, решил приурочить память по себе и матери к своим именинам в день сщмч. Мокия. Этот принцип соответствует общей тенденции монашеских поминовений, которую мы можем наблюдать на следующих примерах:

- вкладчиками являются душеприказчики некоего Климента и «братия его»: Климент (мон. Кирилл) поминается вместе со своим отцом Василием (мон. Вассиан) — день памяти 23 января на праздник сщмч. Климента Анкирского [Титов 1906: 43];
- вклад князя Семена (мон. Сергей) Ивановича Микулинского: поминаются вкладчик и его сын Петр — день памяти 1 сентября на праздник св. Симеона Столпника [РГАДА, 395, л. 49–49об.; Steindorff 1998: 5]⁷;
- вклад Григория Чесмеева: поминаются Григорий (мон. Герман) Чесмеев, его супруга Анна, дети старец Тимофей⁸ и Варсонофий — день памяти 28 июля на преставление инока Германа [РГАДА, 395, л. 148об.–149; Титов 1906: 49]⁹;
- вклад Алферия (Елевферия; мон. Елисей) Васильевича Мижуева: вкладчик поминается со своей женой Марией (мон. Маремьяна) — день

⁷ В кормовой книге 1581–1582 гг. корм также и по княгине Евдокии Микулинской.

⁸ Он же, судя по тексту вкладной записи, имеет второе имя Иван или Федор.

⁹ В рукописи РГАДА, 395 добавлены и другие дети — Иван и Феодор.

памяти 15 декабря на праздник сщмч. Елевферия и матери его Анфии и Корива епарха [РГАДА, 395, л. 90; Титов 1906: 42–43; Steindorff 1998: 83];

- вклад князя Дмитрия (мон. Дионисия) Федоровича Палецкого: вкладчик поминается со своим братом Давидом — день памяти 11 сентября на праздник сщмч. Димитрия [РГАДА, 395, л. 53; Титов 1906: 51; Steindorff 1998: 29–31].

Приведенные примеры позволяют говорить о распространенности двух практик: 1) в семейных поминовениях вкладчик стремится приурочить день общей памяти ко дню, ассоциированному с ним самим; 2) вкладчик-инок для подобных поминовений, как правило, избирает свой именинный день по крестильному, а не иноческому имени. Это знание позволяет нам предположительно реконструировать крестильные имена еще нескольких иноков-вкладчиков.

Во вкладной книге середины XVI в. есть запись о коллективном корме инока Саввы Клокачева: его отца инока Петра, матери иноки Акулины, сестры иноки Агафьи и самого инока Саввы [Титов 1906: 22]¹⁰. Было установлено два корма — 20 августа, как сказано в источнике, «на память святого пророка Самоила», и 8 октября. Можно предположить, что инок Савва звался Самуилом в миру, так как это совпадает с традицией выбора монашеского имени — на ту же букву, что и крестильное, и в таком случае одно из поминовений приурочено к именинам вкладчика. К сожалению, подтвердить эту версию по синодикам Иосифо-Волоколамского монастыря не представляется возможным, так как и в них Савва назван своим иноческим именем, подобно тому, как Тихон (Тимофей?) Стремоухов здесь регулярно называется Тихоном [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 165; 196; 175; 219; 279; 518; 519].

Другой пример — корм епископа Суздальского и Тарусского Геннадия (1517–1531), поминаемого 30 сентября «на память великомученика Григория» вместе со своими родителями иноком Александром и Евдокией [Титов 1906: 23]. Вполне разумной представляется версия, согласно которой Геннадий в крещении звался Григорием¹¹, и, соответственно, 30 сентября — празднование его небесному покровителю по крестильному имени, а корм, таким образом, вновь оказывается приурочен к именинам вкладчика.

Подобного рода реконструкции — хотя бы даже и гипотетические — крестильных имен вкладчиков, особенно столь значимых, как епископ Геннадий, могут, как кажется, принести пользу в дальнейших

¹⁰ Исключительно под иноческим именем он упоминается как в более поздней вкладной книге, так и в кормовой [РГАДА, 395, л. 68–68об.; Steindorff 1998: 43].

¹¹ В синодиках владыка упоминается только под именем Геннадий [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 249, 252, 306, 320].

просопографических разысканиях. Они же в очередной раз доказывают важность коммеморативных источников для выявления полного антропонимического досье исторических персоналий, неоднократно подмечавшуюся в новейшей историографии [Авдеев et al. 2022: 319].

Отдельно приведем примеры, где в качестве вкладчиков выступают двое братьев, а день памяти приурочен к преставлению или именинам одного из них:

- вклад князей Ивана и Григория (мон. Гурий) Петровичей Звенигородских по себе — день памяти 30 сентября на праздник сщмч. Григория, епископа Армении [РГАДА, 395, л. 142–142об.];
- вклад старца келаря Моисея Неплюева и его брата Климентия Пятого по себе — поминаются на день преставления келаря Моисея [РГАДА, 395, л. 89];
- вклад старца Тихона и его брата Василия Григорьевича Стремоухова по себе — день памяти 26 апреля на праздник сщмч. Василия, епископа Амасийского [РГАДА, 395, л. 127].

В подобных «братских» поминаниях трудно точно определить, почему общий день памяти связывается с одним конкретным вкладчиком. Если следовать логике иных поминовений, то можно предположить, что один из них пожертвовал больше средств, чем другой. Вкладные книги, как правило, напрямую не указывают, сколько на чью долю приходилось в таких даяниях. Так, братья князья Звенигородские совместно вложили село Харланово¹², деревню Воронино на реке Озерне¹³ и двести рублей; Тихон и Василий Стремоуховы — деревню Тарасенково, семьдесят рублей и «одоние» ржи. Однако есть и такой пример, когда вклады разграничиваются:

Кела^р ста^рец Моисѣй Неплюе^в къ пѣрвои своей дачѣ къ пѣт^ддеся^т ру^блемъ еі [15] ру^бле^в денѣ^т, да бра^т его Пятои Неплюе^в, а имя ему Клемен^{те}^и да^т къ пѣрвои своей дачѣ къ пѣт^днатцет^ь ру^бле^и къ [20] ру^бле^в денѣ^т, и всего их дачи буде^т р [100] ру^бле^в [РГАДА, 395, л. 89].

Из этой записи видно, что два брата совместными усилиями смогли вложить сумму, необходимую для кормового поминания, но только в один, общий для них день. Келарь старец Моисей действительно пожертвовал средств больше, чем Климентий, и поминовение было установлено на день его преставления, что подкрепляет, как кажется, наше предположение об устройстве подобных «братских» коммемораций.

¹² Речь идет, вероятно, о селце Харланово Замошской волости Рузского уезда [Правящая элита].

¹³ Вероятно, также Рузского уезда.

Женские вклады

Тенденция приурочивания коллективных кормов к датам, связанным с тем лицом, которое обеспечивает их экономически, оказывается настолько стабильной, что может не меняться даже в тех относительно редких случаях, когда в качестве вкладчика выступает женщина:

- вклад Евдокии (мон. Евфросинии) Кутузовой, дочери Семена Ивановича Воронцова, жены Андрея Михайловича Кутузова: вкладчица поминается со своей дочерью Марией Куракиной — день памяти 1 марта на праздник св. прп. мчц. Евдокии Илиопольской¹⁴ [РГАДА, 395, л. 82об.–83].

Другой, хотя и несколько гипотетичный пример — вклад княгини Евфросинии (мон. Варсонофии), супруги князя Дмитрия Васильевича Небогатого, по себе и по своим родителям — иноку Дамиану и иноке Дарье 29 октября [РГАДА, 395, л. 76–76об.]¹⁵. В этот день мы не найдем в месяцеслове памяти ни св. Дмитрия, ни свв. Дамиана и Дарии, однако признать, что 29 октября являлось не датой именин, а днем преставления одного из указанных лиц, было бы чересчур поспешным решением, тем более что преставление Евфросинии, согласно эпиграфическим сведениям, пришлось на 23 октября 1552 г. [Источники по социально-экономической истории 1985: 200]. Обращает на себя внимание, что княгиня Евфросиния получила монашеское имя, не имеющее совпадения с крестильным в первой букве. Конечно, подобные ситуации возможны, особенно с учетом некоторой скудости женского именослова по сравнению с мужским, и все-таки это заставляет заподозрить, что здесь мы сталкиваемся с русской традицией полиномии — Евфросиния могла обладать двумя христианскими светскими именами. На 29 октября приходится день памяти мчц. Вассы Греческой. Можно предположить, что крестильным именем Евфросинии (Варсонофии) как раз было имя Васса. В таком случае она вместе со своей семьей поминается на собственные именины. Дополнительным подтверждением этой гипотезы служит то, что в более поздней кормовой книге наша Варсонофия записана под 29 октября одна — т. е. выбранное число как-то связано именно с ней, а не с ее отцом или матерью¹⁶.

¹⁴ При передаче текста сохраняются основные орфографические и графические особенности источника, в том числе употребление букв *ѣ, і, ѿ, ѣ* и конечных *ѣ* и *ѣ*. Написание слов воспроизводится без приведения к современным орфографическим нормам. Титло раскрывается в круглых скобках, выносные буквы передаются надстрочными знаками. Цифровые обозначения сохраняются в их исходном виде; для удобства чтения их числовое значение дополнительно приводится в квадратных скобках.

¹⁵ В помяннике Иосифо-Волоколамского монастыря также именуется Варсонофией и поминается вместе с отцом 29 октября [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 198].

¹⁶ Это предположение, впрочем, не бесспорно. Согласно вкладной книге Новодевичьего монастыря, поминание Евфросинии (Варсонофии) приходилось

Поминовения без вкладчика

Теперь рассмотрим случаи, где вкладчик не вписал себя в перечень поминаемых лиц вовсе:

- вклад князя Ивана (Жерди) Ивановича Хованского по своим родителям: поминаются князь Иоанн (Чепец) Васильевич Хованский и его жена, княгиня-инокиня Евфросиния — день памяти 13 ноября на праздник св. Иоанна Златоуста [РГАДА, 395, л. 79об.–80об.; Титов 1906: 37];
- вклад Филиппа Михайловича Ловчего по своим родителям: поминаются Михаил Ловчий и Мария — день памяти 12 июля на праздник прп. Михаила Малеина [Титов 1906: 20];
- вклад князей Ивана и Григория Петровичей Звенигородских по своим родителям: поминаются князь Петр Васильевич Звенигородский и княгиня Анастасия (мон. Наталья) — день памяти 29 июня на праздник апп. Петра и Павла [РГАДА, 395, л. 142–142об.; Титов, 1906: 55]¹⁷;
- вклад Андрея и Василия Яковлевичей Щелкаловых по своим родителям: поминаются Иаков Щелкалов и инока Анастасия — день памяти 27 ноября на праздник Иакова Персянина [РГАДА, 395, л. 178–178об.]¹⁸;
- вклад волоколамского игумена Левкия (Аишева/Акишева) (1587–1590) по своим родителям: поминаются Иаков и Соломонида — день памяти 27 ноября на праздник Иакова Персянина [РГАДА, 395, л. 202];
- вклад Марии Андреевой жены Повадиной: поминаются Андрей Поведин и его сын Иван — день памяти 4 мая на праздник Иоанна Палеолаврита [РГАДА, 395, л. 129–129об., Steindorff 1998: 219];
- вклад Григория Дмитриевича Еропкина: поминаются инокиня Екатерина (Еропкина?) и ее мать схимница инокиня Маремьяна — память 18 января на день преставления Маремьяны [РГАДА, 395, л. 145об.–146]¹⁹.

Почти все примеры из этой категории — сыновьи вклады по своим родителям. Заметим, что в абсолютном большинстве рассматриваемых

на 23 сентября — эта дата стоит близко ко дню памяти прп. Евфросинии Александрийской (25 сентября) [Источники по социально-экономической истории России 1985: 171]. Однако в этой рукописи можно обнаружить примеры коммемораций, которые заметно отличаются от традиционных поминальных практик. Так, здесь можно встретить случаи поминовения по монашескому, а не крестильному имени. Например, княгиня-инокиня Евфросиния, жена князя Андрея Кропоткина, поминается по своему монашескому тезоименитству 25 сентября [Ibid.: 167].

¹⁷ Отдельной интересной особенностью этого вклада является то, что вкладчиками являлись дети супружеской пары — Иван и Григорий, также оставившие вклад по себе (см. выше).

¹⁸ О других поминаниях Щелкаловых см. [Литвина, Успенский 2022а].

¹⁹ Вклад был сделан сыном Маремьяны — Григорием Дмитриевичем Еропкиным, который по самому себе заказал два отдельных корма: на преставление и на именины.

случаев день поминания связан с отцом семейства. Бывают и редкие исключения, такие как вкладная запись волоколамского игумена Тихона (Хворостинина) (1573–1575), когда центром такого поминовения становится женщина:

Дача Угрѣшскаго игумена Тихона Хворостинина. [...] далъ игумень Тихонъ Хворостининъ в домъ Пречистыя Богородицы в Осифовъ монастырь, в наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по отцѣ своемъ по Савине и по матери своей Марфе [...] да быти по нихъ корму на всякой годъ іюня въ второй день [Титов 1906: 73–74].

На 2 июня приходится праздник правв. Марфы и Марии, сестер Лазаря. Конечно, всегда остается вероятность простого совпадения — именинный день мог совпасть с днем смерти одного из супругов, но нельзя исключать и намерения игумена Тихона (Хворостинина) приурочить корм именно к материнским именинам.

Природа вкладов без включения в поминальную запись имен вкладчиков интересна тем, что может, по всей видимости, подразумевать некоторую хронологическую динамику. Дети часто заказывали в монастыре корм по своим, вероятно, уже усопшим, родителям и сначала не включали себя в это общее семейное поминание. Прижизненно такие вкладчики могли заказывать о самих себе отдельные, заздравные кормы. Некоторые вкладные записи, однако, позволяют заподозрить, что вкладчики предполагали, что их «припишут» к родительскому дню памяти уже после смерти. О существовании такой практики мы знаем в том числе благодаря вкладной записи родного брата первой супруги царя Ивана IV Васильевича — Никиты Романовича:

Да и кормъ кормиѣ на всакой гѡ^а болшеи заз^аравной генвара въ ї [10] днь, доколе б(о)гъ пошлеѣ по дшѣ его и по женѣ его дшю [РГАДА, 395, л. 125].

О здравии здесь приказано молиться о Никите Романовиче, о его жене Евдокии и об их детях вместе — 10 января на память свт. Никиты, епископа Аполлониадского, однако о посмертном поминании сказано следующее:

И тогда написати его в повседневной списокъ и в сенаникъ вѣчный и женѣ его Евдокію доколѣ и монастырь пречтыя стоит ис повседневнаго списка их не выгладити да и кормъ учинитъ з годѣ на год за тѣже дачю на ихъ преставленіе в кормовые книги ихъ написати вмѣсте с родители ихъ [РГАДА, 395, л. 125].

После смерти Никита Романович и его супруга Евдокия должны были поминаться уже не как отдельная супружеская чета, а вместе со своими родителями. В некоторых вкладных записях можно обнаружить

приписки: «да и в кормовой список написать с родители ея вместе»²⁰. Подобные отметки и уточнения во вкладных книгах показывают, что списки семейного поминания не были статичны — они могли расширяться со временем, причем это расширение, по-видимому, планировалось заранее. Человек передавал монастырю средства на поминание своих родителей, но на словах или письменно мог распорядиться и о собственной посмертной судьбе — его также должны были приписать к уже заказанному семейному корму. Вероятно, именно об исполнении таких предписаний свидетельствуют поминальные записи, куда сам вкладчик включен, но выбранная для поминовения дата ассоциирована не с ним:

- вклад Федора Григорьева сына Нелидова: поминаются Григорий (мон. Геронтий) и его сын Федор Нелидов Ракитин — день памяти 30 сентября на праздник сщмч. Григория, епископа Армении [Титов 1906: 41];
- вклад Василия Стефановича Ростопчина: поминаются Стефан (мон. Симеон), его брат инок Зосима и сын Василий Ростопчин — день памяти 21 июля на праздник св. юродивого Симеона [РГАДА, 395, л. 136об.]²¹.

Феодор Нелидов и Василий Ростопчин могли заранее заказать корм по своим родителям, а после смерти «приписаться» к ним. В такой ситуации поминание всей семьи оставалось связанным с отцом семейства — его именинами или кончиной.

О том, что подобные изменения могли происходить порой и не совсем тривиальным образом, свидетельствует вклад такого заметного деятеля грозненской эпохи, как Петр Михайлович Щенятев, который в 1540-е — первой половине 1560-х гг. входил в число наиболее влиятельных политических и военных деятелей России. Зимой 1565/1566 г. он неожиданно стал иноком ростовского Борисоглебского монастыря. Вполне вероятно, что такой поступок являлся своего рода политическим жестом и выражал неприятие князем опричнины Ивана IV [Белов 2022: 11]. Монашеский чин, однако, не уберег Петра Щенятева от смерти под пытками в августе 1568 г. [Белов 2019б: 34]²².

Согласно вкладной книге, князь Михаил Данилович Щенятев, его супруга княгиня Анна (мон. Анастасия), его сын Петр, а также его отец князь Даниил вместе со своей супругой княгиней Анной, братом князем Иваном и князем Иваном Бельским²³ поминались 6 сентября на

²⁰ Например, РГАДА, 395, л. 124об.–125.

²¹ Довольно интересно, что поминание здесь привязано к иноческому, а не мирскому имени отца. Это может косвенно свидетельствовать о том, что Стефан (Симеон) давно понял постриг.

²² Эта дата смерти П. М. Щенятева была вычислена Н. В. Беловым по данным синодика Троице-Сергиева монастыря.

²³ Вероятно, речь идет о князе Иване Федоровиче Бельском, который был женат на дочери князя Михаила Даниловича Щенятева.

праздник архистратига Михаила. Отдельно обговорен и корм по Петру Михайловичу Щенятеву:

А какъ преставится князь Петръ Михайловичъ — ино его написати въ повседневной списокъ въ вѣчной і в сенаникъ по тому же, какъ отецъ его написанъ, да быти по немъ корму на его преставленіе одному на всякъ годъ, который былъ на отца его память [Титов 1906: 52].

Согласно этому тексту, весь круг родственников сначала должен был поминаться на именины Михаила Даниловича Щенятева, а после смерти Петра Михайловича день корма должен был измениться на дату преставления последнего. Однако вот что мы читаем во вкладной книге 1570-х гг.:

Поминати в повседневномъ списѣ и в сенаникъ оца его князя инока Мисаила, да мтръ его кнгиню иноку Анастасію, да князя Данила, да князя Ивана, да кнгню Анноу, да князя Ивана Бѣлского, да его князя инока Пимина доколе и манастырь прчтыя стоять, и с повседневнаго списка иѣ не выгладити, да быти по ниѣ корму одному на всякъ годъ на преставленіе его сентября ѿ [6] [РГАДА, 395, л. 50об.].

На первый взгляд может показаться, что иноки Иосифо-Волоколамского монастыря соблюли желание Петра (мон. Пимена) Щенятева и переписали весь коллективный корм на его день преставления, который удивительным образом совпал с именинами Михаила Даниловича. Впрочем, дата смерти Петра Михайловича известна — 5 августа 1568 г. [Белов 2019а: 187], а вовсе не 6 сентября. Можно предположить, что в монастыре формально отнеслись к просьбе князя — продолжили поминать все семейство на именинный день Михаила Щенятева, указав, что это якобы день преставления вкладчика. Быть может, иноки Иосифо-Волоколамского монастыря намеренно проигнорировали это волеизъявление князя Петра, не желая делать поминание Щенятевых политическим заявлением. Как было отмечено А. А. Булычевым, некоторые монастыри XVI столетия специально избирали дни коллективных поминовений так, чтобы косвенно продемонстрировать свое негативное отношение к политическим казням [Булычев 2005: 23–24]. В то же время иноки Иосифо-Волоколамского монастыря проигнорировали желание Петра Щенятева поминаться в день собственной кончины, и это может быть неслучайным.

Разумеется, далеко не всегда воля вкладчика, согласно которой именно он после кончины должен был сделаться центральной фигурой коммеморативного события, исполнялась столь искаженно-формальным образом. По всей видимости, результатом прямого следования

пожеланиям вкладчика становятся записи, где день коллективного корма и в самом деле приурочен ко дню кончины того человека, который при жизни выделил на него средства. Так устроена, например, уже упоминавшая запись о вкладе Никиты Афанасьевича Фуникова. Вероятно, Никита Афанасьевич изначально заказал корм по своим уже умершим членам семьи и выказал желание впоследствии поминаться вместе с ними в день своего преставления. Это и было, насколько мы можем судить по вкладной книге, исполнено после его смерти. Другой случай — вкладная запись семьи Чесмеевых, где сказано, что Григорий (мон. Герман), его жена и дети поминаются в день преставления отца семейства.

Стратегии создания семейной коммеморации

Для вкладчика-создателя семейной коммеморации безусловно важным являлось собственное посмертное поминовение, при этом было желательно, чтобы день памяти ассоциировался непосредственно с ним самим [Шаблова 2012: 64]. Здесь могли избираться различные стратегии. Одна из них — это организация двух кормов, отдельно по усопшим родственникам и отдельно по себе: одному или вместе с еще живыми членами семьи. Второй корм изначально являлся заздравным, но об этом во вкладных книгах не всегда сказано эксплицитно. В таком случае после смерти вкладчика за ним с большей вероятностью оставалась выбранная им дата для заздравного корма, а он не становился автоматически приписанным к прочим своим родственникам. Этим объясняется своеобразие рассмотренного нами выше вклада Ф. Б. Бороздина. В более поздней кормовой книге он продолжает поминаться вместе со своей матерью 11 мая (т. е., вероятно, в дату, определенную некогда для заздравного корма), а не 24 июля (день заупокойного корма по его отцу и деду) [Steindorff 1998: 221].

В других же случаях человек выделял средства на поминовение своих родителей, но не заказывал никаких заздравных кормов, а давал письменное или устное распоряжение о приписывании себя к семейной памяти после преставления.

Примером избрания первой стратегии может служить вклад княгини-иноки Ирины (Варсонофии) Бужаровской, заказавшей корм по самой себе и своему супругу Ивану Ивановичу Товаркову:

Дача кнгни Ирины Бужаровскѣе в иноцехъ Варсонофiи. Дала кнгни инока Варсонофiа в до^а прчтыа бци в Осифовъ монастырь в наслѣдiе вѣчны^х блгъ по себѣ и по свое^м мѣже по Иване по Таваркове [...] да быти по ни^х кормѣ на всякъ го^а декабря въ гi [13] днь [РГАДА, 395, л. 87]²⁴.

²⁴ В именном указателе к Синодику Серапиона Полева Ирина (Варсонофия) отождествляется В. С. Безродновым с Василисой Межецкой [Иосифо-

Запись в кормовой книге подтверждает, что на 13 декабря был установлен корм по «Варсунофье Бужаровской да по муже ея по Иване» [Steindorff 1998: 81]. Так как на 13 декабря не приходится именины никого из упомянутых лиц, остается предположить, что это день преставления одного из супругов. Эти вкладные и кормовые записи не были бы для нас примечательны, если бы в более ранней рукописи нами не была обнаружена запись о еще одном корме:

Поминаніе княгини Ирины Бужаровские — поминати князя Иоанна Товаркова доколе монастырь Пречистыя стоять, ис повседнаго поминанія не выгладити; да быти по немъ корму декабря гѣ [13]; а как преставитца княгиня Ирина, а в черницахъ Варъсонофія, и ея поминати доколе монастырь Пречистыя стоять, ис повседневнаго поминанія не выгладити; да быти по ней корму ок(тября) аѣ [11] [...] [Титов 1906: 21].

Примечательно, что в кормовой книге, составленной значительно позднее этой записи, мы также не найдем никакого отдельного корма 11 октября по Ирине (Варсонофии) Бужаровской. Вероятнее всего, он был заздравным и к моменту составления кормовой книги потерял свою актуальность. Можем предположить, что княгиня совершила вклад после преставления своего супруга. 13 декабря не является именинным днем для Иоанна, а значит, скорее всего, может быть днем его преставления. По самой себе Ирина (Варсонофия) заказала заздравный корм на 11 октября²⁵. После смерти обоих супругов их стали поминать в день мужнего преставления. Замечательным образом в данном случае

Волоколамский монастырь 2024: 139]. Это отождествление строится на записи в Синодике Серапиона Полева, где имя «Варсонофия» зачеркнуто, а рядом с «Мезецкой» вписано «Василиса тож» (*Енарх. № 411 (668)*, л. 14), однако в этом же источнике инокиня Варсонофия Мезецкая поминается самостоятельно (*Енарх. № 411 (668)*, л. 17). В других синодиках и кормовых книгах, опубликованных в этом же сборнике, Варсонофия никогда не называется другим именем [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 169, 262, 517]. В родословии князей Мезецких, составленном Ю. В. Татищевым, Василиса или Ирина (Варсонофия) не упоминается [Татищев 1903].

Версия с именем Василиса для Ирины Бужаровской не подтверждается установленным по ней кормом 11 октября — в этот день отсутствует память для св. Василия. В этот день празднуется память св. Виктории. Последнее могло быть крестильным для Ирины/Варсонофии тем более, что 11 октября как день ее индивидуального поминания был избран при жизни княгини.

Интересно, что в источнике Товарковы названы княжеской четой, но это не совсем правильно. Ирина после смерти мужа повторно вышла замуж за князя Семена Романовича Ярославского и действительно стала княгиней. Получается, что Иван Товарков стал князем посмертно и благодаря новому замужеству своей вдовой жены [Лихачев 1901: 109–110].

²⁵ Этот день должен был являться для вкладчицы именинным, и поэтому мы можем сделать предположение о крестильном имени иноки Варсонофии — в крещении ее могли звать Викторией.

не работает логика, согласно которой поминовение приписывается ко дню, семантически связанному со вкладчиком. По-видимому, гендер мог играть заметную роль в выборе дня для семейного поминовения.

Примером стратегии второго типа может служить вклад уже упоминавшегося нами епископа Суздальского и Тарусского Геннадия. Во вкладной книге середины XVI в. предписывается помянуть и родителей епископа, и его самого 30 сентября — на именины вкладчика [Ibid.: 23]. Вероятно, заказывая корм по своим родителям, Геннадий распорядился приписать после смерти к этому поминовению и самого себя и заранее выбрал для корма связанный с собой день.

Заключение

Коллективные поминовения в Иосифо-Волоколамском монастыре, в меньшей степени, чем поминовения индивидуальные, являются ценным источником и в сфере просопографии, и в области истории культа святых, личного благочестия и монастырского обихода на Руси. Так, в частности, благодаря им мы можем наблюдать живое функционирование русской средневековой полиномии: здесь иноки демонстрируют почитание своего святого тезки по крестильному имени, тогда как монастырские синодики запечатлевают, как правило, их иноческие имена, и мы видим, насколько оба антропонима остаются актуальными для инока и в земной, и в загробной жизни.

С другой стороны, подобное сочетание ономастических данных позволяет исследователю реконструировать мирские христианские имена тех, кто до сих пор был известен исключительно под именем, полученным при постриге, и, соответственно, пополнить и уточнить целый ряд биографических сюжетов. Кроме того, у нас есть возможность выявлять случаи светской христианской двуименности, а также очертить круг особенно важных для монастыря праздников, вынуждавших сдвигать даже коллективные кормовые поминовения.

Причина создания семейных кормовых поминовений в первую очередь имела экономический характер: не всякий вкладчик мог позволить себе индивидуальное поминовение для каждого члена семьи. Эти семейные коммеморации в совокупности с прижизненными заздравными кормами в Иосифо-Волоколамском монастыре образовывали, по-видимому, зачатки динамической системы, с помощью языка имен и дат объединявшей довольно пространный коллектив родственников. Размер и состав этого коллектива мог довольно существенно варьироваться, здесь нередко запечатлевались индивидуальные предпочтения и специфические события в жизни отдельного человека или целой семьи. Однако основной тенденцией на фоне всего этого разнообразия

было стремление вкладчика устроить дело так, чтобы со временем сделаться «титულიной» фигурой коллективного поминовения, приурочив его или к своим именинам, или ко дню своего преставления.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

Библиография

Источники

Рукописи

Епарх. № 411 (668)

ГИМ, Епарх. № 411 (668), Синодик Серапиона Полева, 1525/1526 г.

Епарх. 418(686)

ГИМ, Епарх. № 418 (686), Записная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1550-е гг.

Епарх. 419 (687)

ГИМ, Епарх. № 419 (687), Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1550-е гг.

Син. 403 (829)

ГИМ, Син. № 403 (829), Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1581–1582 гг.

РГАДА, 395

РГАДА, ф. 1192 (Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь), оп. 2, № 395, Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1585–1587 гг.

РГАДА, 286-413

РГАДА, ф. 286 (Герольдмейстерская контора), оп. 1, кн. 413, О сборе с синодальных дворцовых крестьян окладных оброчных денег и хлеба, Московского, Владимирского и других уездов (Окладные оброчные), 1727 г.

Издания

Иосифо-Волоколамский монастырь 2024

Иосифо-Волоколамский монастырь. Синодики, вкладные, записные и кормовые книги XVI — середины XVII века, 1, Безроднов В. С., Корзинин А. Л. сост., Москва, 2024.

Источники по социально-экономической истории 1985

Источники по социально-экономической истории России. Из архива Новодевичьего монастыря, Павлов-Сильванский В. Б., подгот. текста и вступ. ст., Корецкий В. И., ред., Москва, 1985.

Титов 1906

Титов А. А., *Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии*, Москва, 1906.

Шабаев 2017

Шабаев Л. Е., *Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века, Российская генеалогия*, 2017, 2, 212–213.

Шаблова 2012

Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой, Шаблова Т. И., подгот. текстов и исслед., С.-Петербург, 2012.

Steindorff 1998

Steindorff L., *Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert*, Steindorff L., Koke R., Kondraškina E., Lang U., Pohlmann N., Hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1998.

Интернет-ресурсы

Правящая элита

Корзинин А. С., Селин А. А., Штыков Н. В., *Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного* (<https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/5513.html>)

Литература

Авдеев et al. 2022

Авдеев А. Г., Литвина А. Ф., Радеева О. Н., Успенский Ф. Б., Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (вокруг трех неопубликованных надписей XVI–XVII вв.), *Slověne*, 11/2, 2022, 317–346.

Авдеев 2022

Авдеев А. А., Редкий генеалогический казус в Синодике Троицкого Ипатьевского монастыря, *Палеороссия. Древняя Русь: во времени, личностях, идеях*, 3/19, 2022, 23–33.

Алексеев 2002

Алексеев А. И., *Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв.*, С.-Петербург, 2002.

——— 2019

Алексеев А. И., Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле, *Вестник церковной истории*, 3–4/55–59, 2019, 5–239.

Белов 2019а

Белов Н. В., Антиопричное выступление князя Петра Михайловича Щенятева, *Novogardia*, 2019, 179–195.

——— 2019б

Белов Н. В., Князь Петр Михайлович Щенятев — воевода Свяжска (1559–1560). К вопросу о служебном статусе свияжской крепости в третьей четверти XVI в., *Историческое обозрение*, 24, 2023, 28–37.

——— 2022

Белов Н. В., Князь Петр Михайлович Щенятев, Ростовский Борисоглебский монастырь и опричина Ивана Грозного, *Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии*, 1/9, 2022, 9–16.

Булычев 2005

Булычев А. А., *Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного*, Москва, 2005.

Дайкстра 2007

Дайкстра Т., Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей: (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607), *Именослов: Историческая семантика имени*, Москва, 2, 2007, 238–298.

Долгоруков 1857

Долгоруков П. В., *Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым*, 4., С.-Петербург, 1857.

Зимин 1977

Зимин А. А., *Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.)*, Москва, 1977.

——— 1978

Зимин А. А., Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI века, *Из истории феодальной России*, Ленинград, 1978, 83–84.

Литвина, Успенский; 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

——— 2013

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва, 2013.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

——— 2022a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Выбор имени и коммеморативная практика в XVI в. (Новое о думном дьяке Андрее Щелкалове), *Scando-Slavica*, 68/1, 2022, 157–174.

——— 2022b

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*, С.-Петербург, 2022.

——— 2024

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Сестра — жена — вдова: феномен Аграфены Челядниной и ее семейства, *Slověne*, 13/1, 2024, 48–81.

Лихачев 1901

Лихачев Н. П., Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий, *Известия Русского генеалогического общества*, 1, 1900, 70–113.

Татищев 1903

Татищев Ю. В., Род князей Мезецких, *Известия русского генеалогического общества*, 2, 1903, 48–84.

Успенский 2007

Успенский Ф. Б., *Именослов: историческая семантика имени*, Москва, 2007.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Штайндорф 2000

Штайндорф Л., Кто ближние мои? Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени, *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени)*, С.-Петербург, 2000, 208–239.

——— 2002

Штайндорф Л., Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3/9, 2002, 3/9, 90–100.

——— 2014

Штайндорф Л., Что было нового в культуре поминания в Иосифо-Волоцком монастыре? Пересмотр вопроса, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1/55, 2014, 25–32.

References

- Avdeev A. G., Litvina A. F., Radeeva O. N., Uspenskij F. B., Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (Around Three Unpublished Inscriptions of the 16th–17th centuries), *Slověne*, 11/2, 2022, 317–346.
- Avdeev A. A., A Rare Genealogical Incident in the Synodyc of the Trinity Ipatiev Monastery, *Palearosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 3/19, 2022, 23–33.
- Alekseev A. I., *Pod znakom kontsa vremen: Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv.*, St. Petersburg, 2002.
- Alekseev A. I., Synodik of the Chudov monastery in the Moscow Kremlin, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 34/55–59, 2019, 5–239.
- Belov N. V., Antioprichnoe vystuplenie kniazia Petra Mikhailovicha Shcheniateva, *Novogardia*, 2019, 179–195.
- Belov N. V., Kniaz' Petr Mikhailovich Shcheniatev – voevoda Sviazhska (1559–1560). K voprosu o sluzhebno-m statuse sviazhskskoi kreposti v tret'ei chetverti XVI v., *Istoricheskoe obozrenie*, 24, 2023, 28–37.
- Belov N. V., Prince Peter M. Shcheniatev, Rostov Borisoglebsky Monastery and Oprichnina of Tsar Ivan IV the Terrible, *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal*, 1/9, 2022, 9–16.
- Bulychev A. A., *Mezhdu sviatymi i demonami: zametki o posmertnoi sud'be opal'nykh tsaria Ivana Groznogo*, Moscow, 2005.
- Daikstra T., Inocheskie imena v Moskovskoi Rusi i problemy identifikatsii ikh obladatelei: (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyrja, 1479–1607), *Imenoslov: Istoricheskaja semantika imeni*, 2, Moscow, 2007, 238–298.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaja istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Russkie imena polovetskikh kniazei. Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2013.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...” *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Vybor imeni i kommemorativnaia praktika v XVI v. (Novoe o dumnom d'iake Andree Shchelkalove), *Scando-Slavica*, 68/1, 2022, 157–174.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)*, St. Petersburg, 2022.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., A Sister – A Wife – A Widow: The Phenomenon of Agraphena Chelyadnina and Her Family, *Slověne*, 13/2, 2024, 48–81.
- Steindorff L., Kto blizhnie moi? Individ i kul'tura pominoveniia v Rossii rannego novogo vremeni, *Chelovek i ego blizkie na Zapade i Vostoke Evropy (do nachala novogo vremeni)*, St. Petersburg, 2000, 208–239.
- Steindorff L., Vklady tsaria Ivana Groznogo v Iosifo-Volokolamskii monastyr', *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3/9, 2002, 3/9, 90–100.
- Steindorff L., What Was New about Commemoration in the Iosif Volotsky Monastery? A Reassessment, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1/55, 2014, 25–32.
- Uspenskij F. B., *Imenoslov: istoricheskaja semantika imeni*, Moscow, 2007.
- Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.
- Zimin A. A., *Krupnaia feodal'naia votchina i sotsial'no-politicheskaja bor'ba v Rossii (konets XV – XVI vv.)*, Moscow, 1977.
- Zimin A. A., Vkladnye i zapisnye knigi Volokolamskogo monastyrja XVI veka. *Iz istorii feodal'noi Rossii*, Leningrad, 1978, 83–84.

Екатерина Станиславовна Евдокимова, аспирант

Школы исторических наук

факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Россия / Russia;

ведущий специалист

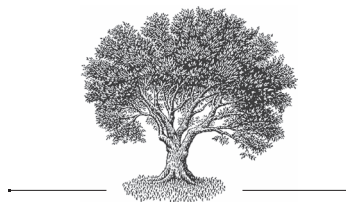
Российского государственного архива древних актов,

119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17

Россия / Russia

Dostoevskij98@mail.ru

Received October 10, 2025

От иконника
Дионисия до
Кутузовых: синодик
Ферапонтова
монастыря начала
XVI в.*

**Анатолий Леонидович
Грязнов**

НП «НИЦ «Древности»,
Вологда, Россия

**Никита Викторович
Башнин**

С.-Петербургский институт истории
РАН; Северо-Западный институт
управления РАНХиГС,
С.-Петербург, Россия

From the Iconoclast
Dionysius to the
Kutuzovs: The Synodic
of the Ferapontov
Monastery from the
Beginning of the
16th Century

Anatolii L. Gryaznov

NP "Research Center "Drevnosti",
Vologda, Russia

Nikita V. Bashnin

St. Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences;
Northwestern Institute of Management
of the RANEPa,
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья посвящена комплексному анализу синодика конца XV — начала XVI в. Эта рукопись хранится в РГАДА (Ф. 181. Оп. 1. Д. 539) и является од-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 24-18-00416.
<https://rscf.ru/project/24-18-00416/>

Цитирование: Грязнов А. Л., Башнин Н. В. От иконника Дионисия до Кутузовых: синодик Ферапонтова монастыря начала XVI в. // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 117–149.

Citation: Gryaznov A. L., Bashnin N. V. (2026) From the Iconoclast Dionysius to the Kutuzovs: The Synodic of the Ferapontov Monastery from the Beginning of the 16th Century. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 117–149.
DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.05

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

ним из древнейших сохранившихся русских средневековых монастырских помянников. Проведенное источниковедческое исследование, изучение структуры и состава поминаемых родов, а также сравнение с помянником Ферапонтова монастыря 1641 г. показало, что рукопись из РГАДА конца XV — начала XVI в. — это синодик, составленный в обители Ферапонта и Мартиниана Белозерских в 1502 г. Затем, на протяжении первой трети XVI в. (в основном первые два десятилетия), синодик использовался в Ферапонтовом монастыре и в него вносились дополнения и новые записи. Анализ почерков и состава записей показывает, что существовал более ранний помянник, текст которого был включен в первоначальный текст синодика из РГАДА. Затем в середине XVI — начале XVII в. в Ферапонтовом монастыре использовали другой синодик, потом его заменил помянник 1641 г., хранящийся сейчас в ОР РНБ. Часть листов изучаемой рукописи была перепутана уже к моменту составления следующего синодика, что нашло отражение в компоновке текстов более поздних синодиков Ферапонтова монастыря. Изучение состава поминаемых родов позволило определить новые исторические факты. Например, смерть приближенного к Ивану III окольничего Григория Мамона произошла после ухода из жизни его сыновей и племянников; князь Иван Васильевич Ромодановский пережил свою дочь княгиню Марию Ромодановскую; Федор Васильевич Басенок после смерти Василия II был ослеплен и доживал свой век в Кирилло-Белозерском монастыре; на основании записи в синодик Ферапонтовой обители становится известно его иноческое имя — Феогност. В помяннике записаны белозерские землевладельцы (Белозерские князья, Монастыревы, Онтонины), воложане (Сараевы, Чашниковы), каргопольцы, жители Двинского уезда. Однако, большее количество имен — это московские служилые люди и великокняжеские дьяки. Таким образом, Ферапонтов монастырь уже в конце XV в. имел общероссийский статус и значение.

Ключевые слова

синодик, помянник, коммеморация, Средневековая Русь, Ферапонтов монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь

Abstract

This article presents a comprehensive analysis of a Synodic from the late 15th—early 16th centuries. This manuscript is housed at RGADA (F. 181, Op. 1, D. 539) and is one of the oldest surviving Russian medieval monastic memorials. A conducted source-critical study, an examination of the structure and composition of the families commemorated, as well as a comparison with the 1641 memorial of the Ferapontov Monastery, showed that the manuscript from RGADA dating from the late 15th to early 16th century — is a synodic compiled at the monastery of Ferapont and Martinian of Belozersk in 1502. Subsequently, throughout the first third of the 16th century (primarily the first two decades), the synodic was used at the Ferapontov Monastery, and additions and new entries were made to it. An analysis of the handwriting and the composition of the entries indicates that an earlier memorial book existed, the text of which was included into the original text of the synodic from RGADA. Later, in the middle of the 16th—beginning of the 17th century, another synodic was used at the Ferapontov Monastery, only to be replaced by the memorial of 1641,

now held in the Russian National Library. Some of the folia of the manuscript under study were already mixed up by the time the next synodic was compiled, a fact reflected in the arrangement of the texts of the later synods of the Ferapontov Monastery. An examination of the composition of the commemorated families allowed us to identify the new historical facts. For example, the death of Grigory Mamon, a chamberlain close to Ivan the Third, occurred after the death of his sons and nephews; Prince Ivan Vasilyevich Romodanovsky outlived his daughter, Princess Maria Romodanovskaya; Fyodor Vasilyevich Basenok, after the death Vasiliiy the Second, was blinded and lived out his life in the Kirillo-Belozersky monastery. Based on an entry in the synod of the Ferapontov Monastery, his monastic name—Theognost—becomes known. The memorial lists landowners from Belozero (the Princes of Belozero, the Monastyrevs, and the Ontonidins), residents of Vologda (the Saraevs and the Chashnikovs), residents of Kargopol, and residents of the Dvina District. However, the majority of the names are those of Moscow officials and grand ducal clerks. Thus, as early as the end of the 15th century, the Ferapontov Monastery had achieved all-Russian status and significance.

Keywords

synodic, memorial, commemoration, Medieval Russia, Ferapontov monastery, Kirillo-Belozersky monastery

Введение

Изучение поминальной практики в Древней Руси получило в последнее время существенный импульс. Были осуществлены научно-критические издания текстов синодиков, вкладных и кормовых книг. Вышли работы, посвященные разработке отдельных сюжетов и проблем, связанных с коммеморацией, а также обобщающие труды по этой тематике.

В целом, основная проблема, стоящая перед исследователем при использовании русских синодиков, связанных с поминанием родов, семей и отдельных персон различного социального статуса, — это отождествление упоминаемых в них лиц, а точнее корректность такого отождествления. Связано это с тем, что большая часть текстов помянников — это перечисление имен. В синодиках XVI в. использовали систему помет над строкой и на полях, с указанием фамильного прозвища или географической привязкой поминаемых лиц. К XVII в. эта практика трансформировалась в относительно стройную систему заголовков с указанием родов поминаемых лиц, их чина и географической привязки. В синодике роды располагали в соответствии с социальной и церковной иерархией. Вторая значимая проблема — изучение механизмов внесения имен в синодик.

Обязательства по поминанию внесенных в синодик лиц, как правило, принимались на длительное время, превышающее срок службы

рукописи; широкое распространение имело обязательство внесения имен в синодик «доколе монастырь стоит». В таком случае составлять новый синодик приходилось из-за заполнения старого помянника или его ветхости. Текст раннего синодика воспроизводили в новой рукописи, при создании которой оформление переписываемого текста могли (исподволь или целенаправленно) приводить к действовавшим на этот момент приемам и правилам. В первоначально сплошном тексте появлялось разбиение на «роды», опускались некоторые пометы. Как отмечал еще С. Б. Веселовский, одной из форм трансформации текстов синодика было объединение разновременных поминаний [Веселовский 2023: 348–349]. В результате в каждой итерации текста синодика могли возникать все новые искажения, значительно усложняющие корректную интерпретацию источника. На данном этапе исследования коммеморативных практик Древней Руси наибольший эвристический потенциал видится в сравнении записей поминания одних и тех же родов в синодиках одной церковной институции, составленных в разное время, и в сравнении записей одних и тех же родов в синодиках разных церковных институций. В этом плане наибольшую ценность представляют самые ранние синодики, предположительно содержащие текст с наименьшими искажениями.

Синодик начала XVI в. и связанные с ним рукописи

Одним из наиболее ранних сохранившихся синодиков является источник, хранящийся в РГАДА¹ и датируемый концом XV — началом XVI в. (далее в тексте даны ссылки на листы этой рукописи в скобках — *Синодик 1502*). Это рукопись в 4° на 96 листах (л. I–IV, 1–92), написанная полууставом первой половины XVI в. Непосредственно в тексте синодика прямых указаний на его принадлежность той или иной обители нет. В добавленных в XIX в. листах (л. I–IV) почерком XIX в. написано оглавление синодика, а на л. I содержится следующая характеристика рукописи: «Синодик Кирилловского монастыря для церковного поминовения усопших разных княжеских и дворянских родов равно духовных и мирских людей писано в осьмушку на 92-х листах». Итак, синодик соотносен с Кирилло-Белозерским монастырем, что затем вошло в архивную опись.

Рукопись этого синодика неоднократно привлекала внимание историков. В. Н. Шумилов при обзоре документов РГАДА отметил в составе фонда 181 рукопись № 539, аттестовав ее как «Синодик Кирилло-Белозерского м-ря в списке XVI в.» [Обзор 1954: 49]. Н. К. Голейзовский

¹ Полная цифровая копия этой рукописи выложена на сайте РГАДА в разделе «Уникальные ед. хр.» (http://rgada.info/kueh/index2.php?str=181_1_539).

выявил в синодике поминание рода иконописца Дионисия [Голейзовский 1980: 61; Голейзовский 2005: 21, 22, 25]. Наблюдения, касающиеся поминания рода иконописца Дионисия и датировки синодика, принадлежат В. В. Дергачеву [Дергачев 1989]. Исследователь придерживался мнения, что это синодик Ферапонтова монастыря, и считал, что для датировки рукописи можно использовать внесенные в синодик памяти. На основании идентификации некоторых записей В. В. Дергачев определил, что рукопись составлена не позднее зимы-весны 1503 г. По мнению Г. В. Попова, рассматриваемый синодик связан не с Ферапонтовым, а с Кирилло-Белозерским монастырем [Попов 2002: 44, примеч. 3]. Им было высказано мнение, что датировка приписки рода Дионисия 1503 г. и происхождение рукописи из Ферапонтова, а не Кирилло-Белозерского монастыря нуждаются в дополнительной аргументации [Попов 2007: 272].

А. В. Кузьмин неоднократно использовал сведения из синодика в своих исследованиях. В одной из ранних работ, изучая запись поминания рода Кутузовых, он аттестовал рукопись как синодик Кирилло-Белозерского монастыря середины XVI в. [Кузьмин 2002: 100]. Позднее противоречивые мнения были высказаны А. В. Кузьминым насчет синодика в монографии, посвященной генеалогии служилых людей XIII–XVI вв.: так, исследователь охарактеризовал его как список XVI в. с синодика Ферапонтова монастыря [Кузьмин 2015: 304]; в другом разделе книги рукопись атрибутирована как синодик Ферапонтова монастыря 1501 г. [Кузьмин 2015: 168]; поминание рода Хлоповых он отнес к приписным статьям Ферапонтовского синодика 1501 г. и идентифицировал упомянутого в записи рода Хлоповых Ивана с лицами, жившими в 1590-х и 1600-х гг. [Кузьмин 2015: 268]. Судя по всему, опираясь на это отождествление, историк датировал составление синодика рубежом XVI–XVII вв. [Кузьмин 2015: 276].

А. И. Алексеев отождествил одну из записей помянника Ферапонтова монастыря с поминанием великокняжеских дьяков рубежа XV–XVI вв. Федора и Ивана Курицыных, датировав саму рукопись серединой XVI в. [Алексеев 2012: 439, 506]. Вслед за Н. К. Голейзовским он обратил внимание на запись в синодике имен митрополита Спиридона и великой княгини Софьи [Алексеев 2012: 283, примеч. 215]. О. Л. Новикова считает, что это синодик Ферапонтова монастыря [Новикова 2023: 13, примеч. 42]. Н. В. Белов использовал записи из ферапонтовского синодика, изучая семью князя Ивана Юрьевича Патрикеева [Белов 2021: 58–59].

Л. В. Мошкова составила подробное описание рукописи в рамках проекта по изданию каталога славяно-русских рукописных книг РГАДА [Каталог 2025: № 240]. Рукопись была атрибутирована как синодик Ферапонтова монастыря, без начала, состоящий из двух частей. Первая

часть датируется началом XVI в. (л. 1–15, 24–92), а вторая часть — второй четвертью XVI в. (л. 16–23). Были выявлены вставленные в первоначальную рукопись листы, а также листы, перемещенные внутри рукописи.

Что говорит источник?

Итак, существуют две основные версии о происхождении синодика — из Ферапонтова или из Кирилло-Белозерского монастыря. Также наиболее часто высказываются две версии датировки составления первоначальной части синодика: начало XVI в. и середина XVI в. В этом плане наиболее ценны наблюдения Л. В. Мошковой, поскольку они опираются на комплексное исследование всей рукописи целиком, анализ почерков и филигранных. Важно, что неясные и затертые надписи были изучены и прочтены в ультрафиолетовом свете опытным палеографом. Очевидно, что расширить и конкретизировать наблюдения по содержанию источника, выяснить первоначальную принадлежность синодика, дату его составления и время использования можно путем анализа самого текста рукописи.

Один из заголовков в синодике «Геласѣины Кириловы» (л. 64), судя по всему, с одной стороны, указывает на связь этого Геласея с Кирилловым, очевидно, монастырем, а с другой — на то, что синодик составлялся вне стен этой обители. В противном случае указание на связь с Кирилловым было бы неуместно. Следовательно, синодик велся в другом монастыре. Аналогичным образом можно рассматривать указание на связь поминаемых лиц с Прилуцким (вологодским Спасо-Прилуцким) монастырем (л. 61, 73об.).

В пользу версии о ферапонтовском происхождении синодика говорит запись имени игумена Мартиниана (л. 2об.), кроме того, в синодике упомянут митрополит Спиридон (л. 15об.), скончавшийся в Ферапонтовом монастыре. Однако опираться на две эти записи безоговорочно нельзя, поскольку в другом месте синодика записаны поминания Пафнутия Боровского и игуменов Кирилло-Белозерского монастыря Кассиана и Игнатия. Для определения места создания и использования синодика из РГАДА был привлечен синодик Ферапонтова монастыря XVII в., хранящийся в РНБ (*Синодик 1641*)². В тексте более поздней рукописи сказано, что это помянник обители в честь Рождества Богородицы, и указана дата его составления — 1641 г., а немногим далее приводится помяновение «обители сей начальников и игуменов» начиная с Ферапонта и Мартиниана (*Синодик 1641*, л. 8–8об., 17об.–18).

² Рукопись этого синодика хорошо известна в научной литературе. Например, его использовала М. С. Серебрякова для реконструкции перечня игуменов Ферапонтова монастыря [Серебрякова 2001; Серебрякова 2002].

Сопоставление текстов этих двух синодиков на уровне заголовков показывает их несомненную связь.

Приведем в *Таблице 1* пример сопоставления заголовков в двух синодниках.

Таблица 1

Совпадение заголовков и порядка расположения текстов в синодниках
Ферапонтова монастыря конца XV — начала XVI в. и 1641 г.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 539		ОР РНБ. НСРК. F. 325	
Листы	Роды	Листы	Роды
48об.	Род Васил(ь)ев Бѣдин	95	Род Василия Бедин
49	Род Федоров Голохвастова		Род Феодора Голохвастова
49об.	Род Григоріа Бобынина	95об.	Род Григория Бобынина
50	Род вл(а)д(ы)к[и Прохора]	96	Род Владыки Прохора
	Сущоі		Сущеи
50об.	Хорошовы		
	Андреи		
	Род Юріев Шестаков(а)		Род Юрья Шестака
	Аврамиа		
51	Род Ст(е)п(а)н(о)в См(ир)н(о)в(а) [сы]на К(о)зм(и)на		—
	Род Т(и)м(о)ѳе(е)в Юрл(о)в(а)	96об.	Род Тимофея Юрлова
51об.	Р(о)д С(е)м(е)н(а) Ал(е)ѣ(а)ндр(о)в(а)		—
	Поплевин		Род Поплевин
52	Тутолмины		Род Тутолмин
	Р(о)д Д(а)н(и)л(ы) Ив(а)н(о)в(а)		
52об.	Ушакова		—
	Р(о)д кн(а)з(а) Іо(а)н(а) Юр(ь)евич(а)	97	Род князя Ивана Юрьевича
53	Рѡд княж Васи́лев Губкин(а)		Род князя Василия Губкина
	Брюхо		—
	Ф		—
53об.	Субота		
	Сабуров		Род Сабуровых
54	Мити под(ь)я(че)го	97об.	Род Дмитрия подьячего
54об.	Пасеин брат		—
	Гуріева		—
55	Р(о)д Пр(о)х(о)р(а) к(е)л(а)ря		—
57	Род Гараси[м(а)] попова		Род Герасима Поповкина

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 539		ОР РНБ. НСРК. F. 325	
Листы	Роды	Листы	Роды
57	Маик(о)	97об.	—
	Оурод(и)в(ы)й		—
	Пр(о)скур(и)н		—
	Кілов		—
58об.	Ц(ы)плат(е)вы		Род Циплятин
	Силуановы		—
59	Неклюдовы		Неклюдова
	Повоньтиевы		—
59об.	Писец Одінец		Писец Одинцов
	Сафарин(ы)		Род Сафарин
	Род Палетского	98	Род князей Палецких
60об.	Маснико(в)		Мясниковых
	Меншик		Меншека Ожеговых
	Ожеговы		
	Ушатые	98об.	Род князей Ушатых

Из *Таблицы 1* видно, что структура и состав поминаемых родов в двух синодиках в значительной степени совпадают. Касается это как рубрикации (заголовков и их очередности), так и текста самих записей, их состава и порядка имен в них. Таким образом, не остается сомнений, что рукопись *РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 539* — это синодик Ферапонтова монастыря. С ее датировкой дело обстоит сложнее, но, тем не менее, сведения об этом можно почерпнуть из содержания текста синодика. С этой целью была составлена таблица, в которой зафиксированы все пометы (на полях, над строкой, в тексте), помогающие идентифицировать внесенных в поминания лиц. В общей сложности это 289 записей (см. Приложение 1)³. Далее была проведена идентификация (годы жизни и кончины, родственные связи, записи в других синодиках) заказчиков поминаний и упоминаемых в записях лиц. В результате удалось выявить ряд закономерностей и маркеров, помогающих вычленил более ранний текст, внесенный в синодик при создании рукописи, а также уточнить датировку этого текста.

Отметим некоторые наблюдения на материале анализируемого источника о практике ведения синодиков и корректности переноса их

³ Заголовки в строке — 8; заголовки и пометы на верхнем или нижнем поле — 10; заголовки на внешнем или внутреннем поле — 151; пометы над строкой — 120.

сведений в более поздние рукописи. Так, заголовки в более поздних списках могут нести ложную информацию. Например, раздел с поимением иноков других монастырей (л. 5, 9) в позднем синодике получил заголовок, говорящий, что это насельники Ферапонтова монастыря (*Синодик 1641*, л. 19). Сравнение двух рукописей показывает, что рубрикация в позднем синодике только приблизительно отражает таковую в более раннем. Из-за пропуска заголовков и помет при переписывании поимений в новый список в последующем под одним заголовком могли быть объединены поимения совершенно разных родов. К числу таких примеров относится поимение Ожеговых. В раннем синодике (л. 71) в поимении Ожеговых записано всего несколько имен, после чего сделан отступ, а затем следует перечисление имен без заголовка. В синодике XVII в. все эти имена объединены в один список под заголовком «Ожеговы» (*Синодик 1641*, л. 104).

Кодикологическое и палеографическое описание рукописи, сделанное Л. В. Мошковой, дает исчерпывающее представление об этом источнике. Как ею отмечено, в синодике выделяется явно вставной блок листов (л. 16–23об.). Он другого цвета, практически не загрязнен. Датировка водяных знаков этой бумаги — 1520–1530-е гг.⁴ Бумага основной части рукописи (л. 1–15об., 24–92) по филиграням датируется 1480-ми и 1500–1510-ми гг.⁵ Ясно виден основной почерк, которым написана значительная часть рукописи (л. 1–2об., 4–4об., 6, 9–11об., 13–15, 24–60, 88–88об.).⁶ Кроме того, хорошо определяется блок из трех почерков, которыми написан текст в конце синодика (л. 86об.–87об., 89–92об.). И есть группа разнообразных почерков, которыми, судя по всему, написаны дополнения к основному тексту синодика (л. 3–3об., 6об.–8, 12–12 об., 60об.–86об.). На л. 5–5об. находится вставка с повтором текста с л. 9–9об.

В синодике много заголовков с указанием поминаемого рода (в основном на полях), присутствует значительное количество помет непосредственно над именами. Для обоих типов помет была использована киноварь и обычные чернила. В рукописи всего шесть заголовков, которые можно отнести к универсальным: «Помяни, Г(оспод)и, кн(я)зеи наших» (л. 1), «О с(вя)щенноиноцех и инокех» (л. 4), «Помани, Г(оспод)и, д(у)ша рабъ своих» (л. 5), «Помани, Г(оспод)и, д(у)ша рабъ своих» (л. 9),

⁴ По определению Л. В. Мошковой, это филигрань буква «Р» с розеткой и буквой «А» в подвеске — тип, близкий Брик 8837 — 1522 г., 8838 — 1532, 1536 гг.

⁵ По определению Л. В. Мошковой, это буква «Р» — наиболее близкий тип Брик 8539 — 1509–1516 гг., 8540 — 1504–1512 гг., 8576 — 1483–1485 гг., 8578 — 1488 г.

⁶ Наши наблюдения над основным почерком рукописи несколько отличаются от данных Л. В. Мошковой. По ее мнению, основным почерком рукописи написан текст на л. 1–2об., 3 (первая строка), 4–4об., 6–6об. (до 10-й строки), 9–10об., 11об.–12 (1,5 строки), 13–15 (16,5 строк), 24–60 (до половины 17-й строки), 88–88об.

«Помани, Г(оспод)и, мнишескый чин» (л. 11об.), «Помани, Г(оспод)и, вса православных хр(и)стіане» (л. 16). Листы с основным текстом и дополнениями в нескольких местах чередуются. На л. 13 текст начинается с окончания имени — «нфа», что говорит об утрате предыдущего листа.

Все эти наблюдения были сведены в *Таблицу 2* для анализа сочетания бумаги, почерка и датировки записей.

Таблица 2

Структура синодика Ферапонтова монастыря конца XV — начала XVI в.

Лист	Бумага	Почерк	Датировка записей
1–2об.	осн.	осн.	1494
3–3об.	осн.	доп.	1508, 1506
4–4об.	осн.	осн.	
5–5об.	доп.	доп.	
6	осн.	осн.	
6об.	осн.	осн./доп.	
7–8об.	осн.	доп.	1509/10; 1521/22
9–11об.	осн.	осн.	1480
12–12об.			
	осн.	доп.	после 1504
13–15	осн.	осн.	
15 об.	осн.	доп.	1505 или 1509, 1503
16–23об.	доп.	доп.	
24–60	осн.	осн.	после 1475; ранее 1515; ранее 1505; 1499; после 1486/87; 1480; ранее 1514; после 1493; после 1489; после 1498; после 1489/90; после 1500; 1499; после 1495; 1503; 1506; после 1490; до 1504
60об.–86об.	осн.	доп.	ок. 1509/10; 1525; до 1514; 1533; после 1507; уп. 1509/10; после 1505–1508; после 1525; ранее 1537; после 1517; после 1499/1500; уп. 1517–1538; до 1542; после 1525; 1526–1538; 1539–1542; 1531/32; 1533; ок. 1531; 1528; ок. 1530; после 1510; после 1514; ок. 1533; до 1535; ок. 1535
87–87 об.	доп.	доп.	
88–88об.	осн.	осн.	1500
89–92об.	доп.	доп.	уп. 1550; после 1535

Из *Таблицы 2* следует, что записи, сделанные основным почерком, связаны с лицами, действовавшими в последней четверти XV в.: Михаил Борисович Плещеев († после 1474 г.), дьяк Алексей Полуектов († после 1475 г.), кирилловские игумены Кассиан и Игнатий, Пафнутий Боровский († 1477 г.), Федор Басенок († 1480 г.), дьяк Василий Беда († 1480 г.), Мартиниан Белозерский († 1483 г.), великая княгиня Мария Ярославна († 1485 г.), дьяк Яков Кочергин († после 1486/87 г.), князь Борис Васильевич Волоцкий († 1494 г.), дьяк Андрей Майко († 1502 г.). Дополнительные записи связаны с лицами, действовавшими или скончавшимися в первые три десятилетия XVI в. Самые ранние дополнительные записи относятся к персонам, скончавшимся после 1502 г.: великая княгиня Софья Палеолог († 1503 г.), епископ Никон Коломенский († после 1504 г.), митрополит Спиридон († после 1504 г.).

Таким образом, составление основного текста синодика можно датировать 1502 г., дополнения начали вносить в синодик сразу же. Судя по всему, существовал более ранний помянник, содержавший поминовения за 1470-е — 1502 гг., текст которого был включен в первоначальный текст синодика 1502 г. при его составлении.

Внутри двух частей синодика (часть, написанная основным почерком, и дополнения другими почерками) прослеживается хронологическая последовательность записи имен поминаемых лиц. Внесение последних записей в синодик датируется серединой 1530-х гг. Третья часть синодика (л. 16–23) — стандартная восьмиллистная тетрадь; судя по датировке бумаги, она связана с составлением нового списка синодика и включена в рукопись позднее (скорее всего, по ошибке).

Анализ записей, содержащихся в синодике Ферапонтова монастыря, не только подтверждает сведения широкого круга источников о родственных связях и хронологии жизни большого числа представителей знати и служилой бюрократии, дает возможность подтвердить ряд гипотез, но и позволяет выявить новые данные.

Люди в синодике Ферапонтова монастыря

Значительное число поминаемых в синодике родов многократно фигурирует в источниках, и в ряде случаев удастся надежно установить не только упоминаемых в записи лиц, но и обстоятельства ее составления. Можно привести наиболее показательные примеры того, что нового дает синодик Ферапонтова монастыря.

Смерть Григория Мамона произошла после смерти сыновей и племянников (л. 7).

В синодике записано поминовение семьи Григория Андреевича Мамона из рода Нетшичей. По росписям у него было три бездетных сына — Иван, Федор и Иван. Сам Григорий был одним из приближенных Ивана III, окольни-

чим [Зимин 1988: 255–256]; летописец, описывая события 1480 г., называет Григория Мамона в числе советников Ивана III [ПСРЛ 2001: 306]. Один из его сыновей — Иван Григорьевич — тоже был окольничим и умер в 1516 г. (в 1515 г. Иван Григорьевич Мамонов назван ближним человеком Василия III [ПСРЛ 1904: 24]). Вклад по Ивану Мамонову в Троице-Сергиев монастырь датируется 1516 г. [Вкладная 1987: 344]. Григорий Мамон последний раз упоминается в 1509 г., но дата его смерти неизвестна. В поминании имя Григория (с которым можно отождествить Григория Мамона) приписано немного позднее, вместе с именем Михаила Машутки. Следовательно, основная часть записи внесена в синодик еще при жизни Григория Мамона. Во втором поминании Мамоновых (л. 69) имени Григория нет, но оно кончается именем Германа, возможно, принятым Григорием Мамоном перед кончиной. Имен в поминании довольно много, но практически все из них при некотором допущении можно связать с Григорием и его ближайшими родственниками. Записанные первыми имена Дионисий и Афанасий соотносятся с отцом и дедом Григория — Андреем и Дмитрием, а идущие следом Симон и Васьян — с братьями Семеном Плотом и Василием Виселицей. Далее можно обнаружить и следующее поколение Нетшичей — племянников Григория Мамона Василия, Семена и Константина, а также его трех сыновей (Ивана, Федора и Ивана). Если эти отождествления верны, то можно сделать вывод, что Григорий Мамон умер позднее своих братьев и племянников, поскольку его имя внесено в запись позже составления ее основной части. В ряду женских имен можно выделить идущую в паре с Дионисием (Дмитрием) Евпраксию, видимо, супругу Дмитрия Александровича, а также Марию, которую можно отождествить с супругой боярина Андрея Дмитриевича, которая в 1442/43 г. была сожжена по обвинению в колдовстве [ПСРЛ 1910: 151].

Мария Ромодановская скончалась после остальных родственников, но до смерти отца, князя Ивана Васильевича Ромодановского (л. 8).

Запись «Род княж Ивана Ромодановскаго» — это поминание семьи князя Ивана Васильевича Ромодановского [Сергеев 2023: 352], духовная грамота которого датируется 1521/22 г. [АММС 1998: № 40, 122–129]. В духовной князя Ивана Васильевича как уже умершие упоминаются его сыновья Дмитрий Калистрат, Андрей Анцифор, жена Аграфена, дочери Мария и Февронья и внучка Екатерина-Анна [АММС 1998: № 40, 127–128]. Все эти имена (за исключением Екатерины-Анны) записаны в поминании: сначала княгиня Агриппина, жена Ивана Васильевича, затем князь Калистрат, князь Онцифор, княгиня Февронья и княгиня Мария. Здесь же упомянута Анастасия, которую пока не удастся идентифицировать. Имени самого князя Ивана Васильевича в этой записи нет, а значит, поминание семьи Ромодановских внесено в синодик еще до его кончины, причем раньше составления духовной грамоты 1521/22 г., поскольку имя княгини Марии вписано в синодик позднее, а в духовной грамоте она указана уже умершей, наравне с другими членами своей семьи.

Иноческое имя Федора Басенка — Феогност (л. 10об.).

Помета «Басено(к)» стоит над именем «Феогнаст». После смерти Василия II Федор Васильевич Басенок попал в опалу и был ослеплен. Последние годы он проживал в Кирилло-Белозерском монастыре: «...и жил в нем 7 лет и 2 месяца». Феогност — видимо, имя Федора Васильевича Басенка при пострижении.

Родословная Кутузовых, включающая перечисление предков с XIII в., уже существовала за несколько десятилетий до составления Румянцевской редакции родословных книг (л. 50об.).

Поминание Кутузовых записано под заголовком «Род Юриев Шестаков(а)». Юрий Шестак Иванович Кутузов — самый заметный представитель рода во второй половине XV в. [Зимин 1988: 258]. В 1475 г. он в числе детей боярских, сопровождавших Ивана III в походе на Новгород [Разрядная 1966: 17], в 1483 г. вместе с князем Иваном Лыко послан на Вятку [Ibid.: 21], а в 1485 г. уже в чине боярина приводил к присяге тверичей [ПСРЛ 2001: 24; ПСРЛ 2001а: 216]. Хотя текст, относящийся к заголовку, никак не выделен, его начало можно определить вполне уверенно. Как отметил А. В. Кузьмин, здесь содержится перечень имен, совпадающий с родословной росписью Кутузовых [Кузьмин 2002: 100–101]. В поминании дается перечень всех предков Юрия Шестака начиная с легендарного Гаврилы, одного из героев Невской битвы. При сравнении записи в синодике с самой ранней сохранившейся родословной росписью Кутузовых, включенной в Румянцевскую редакцию родословных книг [Редкие источники 1977: 132–133], видно, что оба текста опираются на одну родословную традицию, но есть и некоторые отличия.

И в синодике, и в родословной ведется перечисление прямой линии от Гавриила без указания боковых ветвей. Затем после имени Федора Кутуза перечислены имена шести его сыновей в том же порядке, что и в родословной. В отличие от родословной, в синодике дано полное имя Прокши (Прокopies) и иноческое Федора Кутуза (Феодосий). Также синодик позволяет выяснить иноческие имена трех сыновей Федора Кутуза: Василия (Васиан), Юрия (Герман), Семена (Симон). Нет имени Парфения, упомянутого в родословной последним из братьев. С братом Федора Кутуза можно отождествить Ананию, имя которого тоже присутствует в записи. Возможно, к роду Кутузовых принадлежали и записанные после ряда женских имен Георгий и Константин, которых можно в таком случае отождествить с Юрием Шестак-ом и его двоюродным братом Константином Васильевичем.

Ценность этой записи синодика состоит в том, что она является свидетельством существования родословной Кутузовых за несколько десятилетий до составления Румянцевской редакции родословных книг. Такое заключение можно сделать из-за того, что запись рода Юрия Шестака содержится в той части синодика, которая написана основным почерком и датируется временем не позднее 1503 г. Следовательно, непосредственно у Кутузовых к этому времени уже существовала родословная роспись, в содержательном плане повторенная в дошедших до нас родословных. Тем не менее она не

была тождественна в текстуальном плане, поскольку в синодике были зафиксированы иноческие имена, не отраженные в родословной росписи.

Установлено родство Паисия Ярославова с великокняжеским дьяком Леонтием Ярославовым, который назван братом Паисия (л. 54об.).

Рядом с заголовком «Пасеин брат» стоит знак, указывающий на то, что он относится к имени «Леонтий». Вероятнее всего, под Пасеей, братом которого называется Леонтий, имеется в виду Паисий Ярославов. В историографии Паисия связывают с родом Ярославовых, представители которого в XV в. были боярами ярославских князей и ростовских епископов. Леонтий Алексеев сын Ярославов вместе с братом Василием после присоединения Ярославля к владениям Ивана III получил от великого князя жалованную грамоту на свои ярославские вотчины [АСЗ 1997: № 312, 302–303]. Позднее вплоть до 1495 г. он упоминается в числе великокняжеских дьяков. В начале XVI в. при великокняжеском дворе служили дети Леонтия, а Ярославовы XVI–XVII вв. выводили свой род от его брата Василия. В историографии высказывались различные версии родственных связей Паисия с родом Ярославовых [Баранов 2006: 268–272; Кузьмин 2014: 230–232; Кузьмин 2019: 232–236]. Рассматриваемая запись ферапонтовского синодика вносит ясность в этот вопрос. Она однозначно свидетельствует, что Паисий был братом Леонтия и, таким образом, приходился сыном ярославскому боярину Алексею Ярославичу. Пока остается открытым вопрос, был ли Паисий вторым братом Леонтия или же он первоначально носил имя Василий, а потом принял постриг под именем Паисий. Судя по родословной росписи Ярославовых, ее составители уже не помнили о связях рода ни с известным духовным деятелем, ни с великокняжеским дьяком конца XV в.

Сдвигается на более ранний период дата смерти юродивого Галактиона Белозерского. Считалось, что он умер после 1506 г., но его поминание (л. 57) записано основным почерком, а значит внесено в синодик ранее 1503 г.

Помета «Оуродивый» расположена непосредственно рядом с именем Галактион. В. В. Дергачев на основании этой пометы отождествил Галактиона с одним из известных насельников Ферапонтова монастыря конца XV — начала XVI в. — юродивым Галактионом Белозерским [Дергачев 1989: 210]. Рассказ о нем включен в состав жития Мартиниана Белозерского [Преподобные 1993: 274–277], а пророчество Галактиона о неудаче казанского похода 1506 г. и покорении Казани при сыне Василия III включено в состав Степенной книги [СК 2008: 288–289]. На основании этой истории в литературе датой кончины Галактиона принято считать 1506 г. [Стрельникова 2005: 289], но надежной такую привязку считать нельзя. Запись имени Галактиона основным почерком синодика свидетельствует, что он скончался ранее 1503 г.

Выяснено имя Феодоры, жены князя Федора Ивановича Ушатого и дочери Якова Ивановича Кошкина (л. 60об.).

Помета «Ушатые» сделана над именами князя Феодора и княгини Феодоры. Запись, видимо, относится к основателю рода князю Федору Ивановичу Уша-

тому. В Бархатной книге указано, что женой князя Федора Ушатого была одна из дочерей Якова Ивановича Кошкина [Редкие источники 1977: 153; РК 1787: 123]. Благодаря ферапонтовскому синодику становится известно ее имя. Правильность этого отождествления подтверждается записью в синодике Троице-Сергиева монастыря. В нем помета «Родители Ушатово» сделана над именами, которые можно отождествить с первыми двумя поколениями князей Ушатых. Начинается она над именами князя Федора и княгини Феодоры: «Князя Федора, княгини Феодороу, князь Василиа, князя Константина, князя Иоанна, князя Георгия, князя Петра, Александра, княгиню Агрипену» (*Синодик ТСМ*, л. 162).

Установлено происхождение фамилии белозерских землевладельцев Онтониных от женского имени одной из представительниц рода (л. 64об.).

Запись «Род Алексея Антонид(и)на» — одна из немногих в синодике, связанная с жителями Белозерья. Онтонины — род белозерских землевладельцев средней руки, владевших в XV — начале XVI в. половиной владельческого комплекса села Вашки (Никольская сторона). Упомянутые здесь имена можно отождествить с известными по актам представителями рода Онтониных. Составление основного текста поминания можно датировать временем до 1514 г., а приписку — около 1522/23 г. Три имени в этом поминании можно отождествить с упоминаемыми в конце XV — начале XVI в. представителями рода Горбовых, которые владели Ильинской половиной Вашек. Это Никифор, Александр и Зиновия. Если это так, то ферапонтовский синодик подтверждает родство Онтониных и Горбовых, происходящих от общего предка — Павла Харитонова, жившего во второй половине XIV в. [Грязнов 2019: 37, 68]. Еще более примечательно имя Онтонида, которая, судя по порядку имен, могла быть супругой Василия и, следовательно, матерью заказчика поминания Алексея Васильева. Видимо, именно от ее имени произошла фамилия Онтониных, которая впервые применяется к этой ветви потомков Павла Харитонова в начале XVI в. начиная именно с детей Василия.

Князья Гордей и Иван Кемские скончались в разное время (л. 70об.).

В записи поминания князей Кемских упоминаются представители только двух ветвей рода: старшей, начиная с князя Александра и заканчивая его внуком Гордеем, и младшей — трех братьев Юрьевичей. На этом запись основным почерком заканчивается. Дальше идут приписки и дважды помещено поминание князя Ивана. В одном из этих случаев, судя по всему, идет речь о старшем брате Гордея. Если это так, то составление и внесение записи можно датировать временем между смертями Гордея и Ивана. В 1524/25 г. Иван и Гордей еще живы (вместе с братьями вступают во владение родовыми вотчинами), а в 1530/31 г. уже мертвы (их братья проводят раздел владений Ивана и Гордея) [Грязнов 2019: 194–195]. Синодичная запись показывает, что Иван и Гордей скончались в разное время.

Иконник Дионисий умер вскоре после 1502 г. (л. 88).

Ближе к концу синодика находится поминание «Р(о)д Д(и)он(и)сiev ik(o)-nik(o)в». В литературе утвердилось мнение, что в данном случае записано

помянутое известного иконописца и мастера фресок Дионисия [Голейзовский 1980: 61; Дергачев 1989]. Его кончина датируется 1503 или 1508 г., в том числе и на основании записи в этом ферапонтском синодике.

Несмотря на то что помянутое рода Дионисия находится на одном из последних листов рукописи, сам этот лист и его почерк относятся к наиболее ранней части синодика, датируемой первыми годами XVI в. Имя самого Дионисия записано на внутреннем поле основным почерком рукописи. Под ним другими почерками записаны имена Наталии, Феодосия и Васьяна.

Запись рода иконника Дионисия в основном разделе синодика свидетельствует о том, что само это помянутое было внесено в синодик не позднее 1502 г. Однако имя Дионисия было приписано, а значит, его кончина должна датироваться немного более поздним временем. К сожалению, более точные хронологические указания в нашем синодике отсутствуют.

Таблица 2 демонстрирует прямую корреляцию между почерком, бумагой и датировкой кончины упоминаемых в помянутии лиц. Это позволяет более надежно выделять и датировать отдельные блоки внутри синодика и дает дополнительные аргументы для соотнесения упоминаемых лиц с конкретными историческими персонами.

Наглядно видна практика внесения помянутий в синодик. Есть примеры записи в уже существующее помянутое новых имен, но встречаются повторные записи родов целиком: трижды князей Ушатых (л. 60об, 69, 86) и Зезевитовых (л. 62, 84, 85об.), дважды Ожеговых (л. 60об. и 71), Федора Хлопова (л. 68, 78об.), Мамоновых (л. 7, 69). На примере нескольких случаев записи помянутий одного рода (Беклемишевы) видно, как дополнялись сведения в следующем поколении, как переставлялись имена внутри записи.

Есть и обратные примеры, когда помянутое вроде бы относится к одной семье, но имена в записях не совпадают: Хорошовы (л. 50об.), Геронтіа Хорошев(а) (л. 80); Рѡд игумена Амѡи(ло)х(и)я (л. 69об.), Амѡилоѡв(л. 71); Род Миклаевъ Игумнова (л. 72об.), Род Микла[ев Игу]мнова (л. 77). Одно и то же лицо могло быть внесено в помянутое дважды — например, Константин (Кассиан) Ушатый (л. 69). В синодик могли вносить имена еще живых на тот момент лиц («Сум(о)р(о)кѡ живѡ, а им(а) ему Іо(а)н. А п(о) см(е)рт(и) н(а)пис[ать]») (л. 60об.). Начало и конец записи рода в некоторых случаях маркируются киноварными буквами или киноварными точками, крестиками. Со временем вводится практика визуального разделения на листе помянутий разных родов (на 70-х лл.).

Заметная часть помянутий в синодике — местные белозерские землевладельцы (Белозерские князья, Монастыревы, Онтонидины) и вологжане (Сараевы, Чашниковы). Есть роды из других северных областей — Каргополя, Двины. Однако основная масса помянутий связана с московскими служилыми людьми, среди них значительна доля дьяче-

ских фамилий. Отсюда можно сделать вывод об общероссийском, а не региональном статусе и значении Ферапонтова монастыря уже в конце XV в.

Кроме семейных поминаний, инициаторами внесения которых в синодик, очевидно, были частные лица разного ранга, встречаются записи имен публичных лиц — представителей великокняжеской семьи, духовных деятелей. Механизм их попадания в синодик виден на примере Пафнутия Боровского. Включение его имени в ферапонтовский синодик, скорее всего, связано с реализацией распоряжения великой княгини Марии Ярославны, отправившей в сентябре 1477 г. большой вклад в Кириллов монастырь на поминание Пафнутия с указанием распределить часть отправленных средств в окрестные монастыри, в том числе и Ферапонтов [АСЭИ 1958: 164].

Сопоставление сохранившегося актового материала Ферапонтова монастыря и данных по его землевладению в XVI–XVII вв. с перечнем вкладчиков, отраженным в синодике, показывает, что свидетельств о земельных вкладах упомянутых в синодике лиц нет. Следовательно, вклады, на основании которых поминания были внесены в синодик, были денежными, а не земельными. Отсюда напрашивается вывод о преобладании денежных вкладов в монастырь даже в XV в. А это говорит о наличии свободных денежных средств у служилых людей и о большой денежной массе в обороте.

Итоги

Итак, подытожим сделанные наблюдения. Как удалось показать, рассматриваемый синодик связан с Ферапонтовым, а не Кирилло-Белозерским монастырем. Его составление датируется временем около 1502 г. Существовал более ранний помянник (содержавший поминания за 1470-е — 1502 гг.), текст которого был включен в первоначальный текст синодика 1502 г. Затем в середине XVI — начале XVII в. в Ферапонтовом монастыре использовали другой синодик. Потом его заменил помянник 1641 г., хранящийся сейчас в ОР РНБ. Часть листов изучаемой рукописи была перепутана уже к моменту составления следующего синодика, что нашло отражение в компоновке текстов более поздних синодиков Ферапонтова монастыря.

Анализ сведений синодика Ферапонтова монастыря 1502 г. и сопоставление его с текстами других памятников коммеморации показывает важность обращения к наиболее ранним текстам синодичных записей и необходимость крайне аккуратного использования записей из синодиков XVII в., в которых велика вероятность искажения первоначальных текстов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Все выявленные в тексте синодика Ферапонтова монастыря записи
(заголовки и пометы)

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
1	Помани Г(оспод)и кн(а)зеи нашиѣ	в строке	Великие князья	–
2об.	Род Андо(м)скиѣ	на полях	Князья Андомские	–
	Судский	над строкой	Кн. Федор Юрьевич Судский	–
	Вел(икого) с(ы)нѣ	над строкой	Кн. Борис Васильевич Волоцкий	† 1494 г.
3	Каръголомско(й)	над строкой	Князья Карголомские	–
	Яропъкинѣ	над строкой	Федор Степанович Еропкин	Упом. до 1508 г.
	Соѡроніевы	над строкой	–	Из рода боярина Мины (Простевы и Софроніевы)
	Кириловы	над строкой	–	–
	Голенище	над строкой	Кн. Иван Семенович Голенище Андомский	Уп. в 1506 г.
	Ципляте	над строкой	Ксения Циплятева	–
	Вадъбальские	над строкой	Князья Вадбальские	–
	Род Дашко(в)	на полях	Князья Дашковы	–
	Ромодановские	над строкой	Кн. Андрей Федорович Ромодановский	См. л. 8, 76об.
3об.	Оуглецкого	над строкой	–	–
4	Ве(вя)щенноиноцѣѣ и іноцѣѣ	в строке	–	–
5	Помани Г(оспод)и д(у)ша рабѣ своиѣ	в строке	–	–
6	Еѡросімовы	над строкой	–	–
6об.	Агдарѣ	над строкой	–	–
	Бед	над строкой	–	–
	Трусовы	над строкой	Трусовы	–
	ноугоро	над строкой	–	–
	с Москвы	над строкой	–	–
	Логинов	над строкой	–	–
	Гермоновы	над строкой	–	–
	Кривоборьские	над строкой	Кн. Иван Федорович Кривоборский	–

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
7	Род Григорьевъ Мамоновъ	в строке	Григорий Андреевич Мамон	Окольничий, †1509/10 г. См. л. 69
	Машутка	над строкой	Михаил Машутка Иванович Борисов	–
8	Рѡдъ князѣ Ивана Ромодановскаѣ(о)	на полях	Кн. Иван Васильевич Ромодановский	Боярин. † 1521/22 г.
9	Помани Г(оспод)и д(у)ша раб(о)в своиѣ	в строке	Иноки иных монастырей	–
10	Попов	над строкой	–	Над именем Герасим
10об.	Басено(к)	над строкой	Федор Васильевич Басенок	† 1480
11об.	Помани Г(оспод)и мнишескыи	в строке	–	–
12	Козель	над строкой	–	Над именем Василий
	... Кирил	над строкой	–	–
	Млнушлькино	над строкой	–	Над именем Васиана
12об.	Вл(а)д(ы)ка	над строкой	Еп. Никон Коломенский	Над именем Никон
	Докука	над строкой	–	Над именем Ферапонт
	Па(и)с(ие)въ	над строкой	–	Над именем Александр
13	Феодосий	на полях	–	–
15	и слугы	над строкой	–	–
15об.	С(вя)щенник	над строкой	–	–
	митрополит	над строкой	Митрополит Спиридон	† 1505 или 1509 гг.
16	Помани Г(оспод)и вса православных хр(и)стіане	в строке	–	–
31об.	Род Михаила Плещеева	на полях	Михаил Плещеев	–
36об.	Род Сафаринов	на полях	–	Л. 59об.
38	Кіликаеа	на полях	–	–
39	Род Сіме(о)н(а) прот(о)поп(а)	на полях	–	–
40	Ипполита	Верхнее поле	–	–
	Поминаніе Алексіа Полуектов(а)	на полях	Алексей Полуектов	Дьяк
41	Іо(ана) Коста(нт)и- н(овича) род	на полях	–	–

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
44об.	Р(о)д Б(е)л(ь)ск(о)г(о)	на полях	Бельские	–
45об.	Р(о)д Д(а)н(и)л(а) Бл(и)н(о)в(а)	на полях	Данила Данилович Блинов	–
	Р(о)д Яр(о)пк(и)н(ъ)	на полях	Михаил Кляпик Степанович Еропкин	Сокольничий, † около 1515 г.
	Беклем(ишев)	на полях	Никита Беклемишев	Дьяк
	Чю(ло)н	на полях	–	–
	Р(о)д Л(а)з(а)р(е)в(ъ)	на полях	Лазаревы	–
46	Р(о)д Г(е)н(а)ди(я) Н(о)вг(о)р(о)дскаг(о)	на полях	Архиепископ Геннадий Новгородский	† 1505 г.
48	Р(о)д Андр(е)л Чашников(а)	на полях	Андрей Чашников	Вологодский землевладелец
	Род княз(я) Сімена Стародубскаг(о)	на полях	Кн. Семен Иванович Ряполовский (Стародубский)	† 1499 г.
	Род Аков(а) Кочерг(ина)	на полях	Яков Кочергин	Дьяк, † после 1486/87 г.
48об.	Род Васил(ь)ев Бѣдин	на полях	Василий Беда	Дьяк, † в 1480 г.
49	Род Федоров Голохвастова	на полях	Федор Голохвастов	–
49об.	Род Григоріа Бобынина	на полях	Григорий Прокофьевич Бобынин	† ранее 1514 г.
50	Сущоі	на верхнем поле	Сущевы	–
	Род вл(а)д(ы)к[и Прохора]	на полях	Прохор	После 1493 г.
50об.	Хорошовы	над строкой	Хорошевы	См. л. 80
	Андреи	на полях	–	К имени Андреан
	Род Юріев Шестаков(а)	на полях	Юрий Шестак Иванович Кутузов	Боярин, † после 1489 г.
	Аврамиа	на полях	–	–
51	Род Ст(е)п(а)н(о)в См(ир)н(о)в(а) [сы]на К(о)зм(и)на	на верхнем поле	–	–
	Род Т(и)м(о)ѳе(е)в Юрл(о)в(а)	на полях	Тимофей Юрло Михайлович Плещеев	Окольничий, † после 1498 г.
51об.	Р(о)д С(е)м(е)н(а) Ал(е)ѣ(а)ндр(о)в(а)	на полях	–	–
	Поплевиц	на полях	Григорий Поплева Васильевич Морозов	Боярин, † после 1489/90 г.

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
52	Тутолмины	на полях/в строке	Тутолмины	См. л. 81.
	Р(о)д Д(а)н(и)л(ы) Ив(а)н(о)в(а)	на полях	Данило Иванович (Нетшич?)	Окольничий, † после 1500 г.
52об.	Ушакова	над строкой	–	–
	Р(о)д кн(а)за Ио(а)н(а) Юр(ь)евич(а)	на полях	Князь Иван Юрьевич Патрикеев	Боярин, † 1499 г.
53	Рwd кнaж Василіев Губкин(а)	на верхнем поле	Кн. Василий Губка Иванович Янов- Ростовский	–
	Брюхо	над строкой	–	Над именем Гавриил
	Ф	на нижнем поле	–	–
53об.	Субота	над строкой	–	Над именем Иоанн
	Сабуров	над строкой	–	Над именем Вассиан
54	Мити под(ь)я(че)го	на верхнем поле	–	–
54об.	Пасеин брат	на полях	Леонтий Алексеев с. Ярославов	Над именем Леонтий. Дьяк, брат Паисия Ярославова, † после 1497 г.
	Гуріева	над строкой	–	Над именем Михаил
55	Р(о)д Пр(о)х(о)р(а) к(е)л(а)ря	на полях	–	–
57	Род Гараси[м(а)] попова	на полях	–	–
	Маик(о)	над строкой	Андрей (Арсений) Майко	Дьяк, † 1503 г.
	Оурод(и)в(ы)й	на полях	Галактион Белозерский	Юродивый † ок. 1506 г.
	Пр(о)скур(и)н	над строкой	–	–
	Кілов	над строкой	–	–
58об.	Ц(ы)плат(е)вы	над строкой	Циплятевы	–
	Силуановы	над строкой	–	–
59	Неклюдовы	на полях	–	–
	Повоньтиевы	над строкой	–	–
59об.	Писец Одінец	над строкой	Андрей Одинец	Дьяк, † после 1490 г., до 1504 г.
	Сафарин(ы)	на полях	Сафарины	См. л. 36об.
	Род Палетского	на полях	Князя Палецкие	–

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
60об.	Маснико(в)	над строкой	–	–
	Меншик	над строкой	–	–
	Ожеговы	над строкой	–	См. л. 71
	Ушатые	над строкой	Кн. Федор Иванович Ушатый	См. л. 69
	Лошинскъ(е)	над строкой	Лошинские	–
	Род Сумороков	на полях	Иван Суморок Васильев с. Вокшерин	Дьяк, последнее уп. 1509/10 г.
	Сум(о)р(о)к(ъ) жив(ъ), а им(а) ем(у) Иоан. П(о) см(е)рт(и) н(а)- п(и)с(а)[т(ъ)]	на нижнем поле	Иван Суморок Васильев с. Вокшерин	Дьяк, последнее уп. 1509/10 г.
61	Прилускои	над строкой	Игумен Марк Прилуцкий	Над именем Марк
	Род Курюков	на полях	Курюковы	К имени Семен
61об.	Вислов	над строкой	Висловы	Над именем Игнатий. См. л. 84, 86.
	с Тошњи	над строкой	–	–
62	Поминаніе Зезевидовыхъ	в строке	Зезевитовы	См. л. 84, 85об.
63	Мисаиловы старцевы	над строкой	–	–
	Лисица	над строкой	–	Над именем Терентий
	Попова	над строкой	–	Над именем Елена
	с Чаронды	над строкой	–	Над именем Еремея
	Тощево	над строкой	–	Над именем Елферий
63об.	з Белаозер(а)	над строкой	–	Над именем Епимах
	с Вологды	над строкой	–	–
	Куклуевъ	над строкой	–	Над именем Логин
	грек	над строкой	–	Над именем Никола
	Род архимандрита Власіа	на полях	–	–
64	Владычен	над строкой	–	Над именем Ефрем
	Род Берсьенев Беклеміш(ев)	на полях	Иван Берсень Никитич Беклемишев	Казнен в 1525 г. Его сын на л. 78об.
	Геласѣины Кириловы	на полях	Геласий	–
64об.	Род Алеѣеа Антонидина	на полях	Алексей Васильев с. Онтонидин	Белозерский земле- владелец начала XVI в.

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
64об.	с Кѣмы	над строкой	–	–
	Устюжа	над строкой	–	Видимо, речь идет об Устюжне Железопольской
	Кириловы	над строкой	–	–
	Род Никит(ы) Гаврилова с(ы)на Саларева	на полях	Никита Гаврилов с. Саларев	–
65об.	Род Никодимѡѡ	на полях	–	–
	Никодимовы	над строкой	–	Надпись растянута над 13 именами
	Безобразо(в)	над строкой	Михаил Безобразов	Над именем Михаил
	Род митрополита Варлама	на полях	Митрополит Варлаам	† 1533 г.
66	Род Юрьев Безобразова	на полях	Юрий Федорович Безобразов	Упом. в 1507 г.
	старца Окиша	над строкой	–	–
66об.	Род Шишолов	на полях	–	–
	Род Протасьеѡ вл(а)д(ы)ч(е)нь	на полях	–	–
	Род поп(а) (П)ротас(а)	на полях	–	–
67	Кирило(в)	над строкой	–	–
	Заец	над строкой	–	Над именем Илья
	Устюжа	над строкой	–	Над именем Мартемиана
	Кваша	над строкой	–	Над именем Дорофей
	Род Обрѣзковѡ	на полях	Александр Обрезок Иванов с. Никитин	Дьяк, упом. 1509/10 г.
67об.	Род старца Анѣилоѡ(е)а	на полях	–	–
	Еѡимьевы	над строкой	–	–
	Есипь	над строкой	–	–
	Ти[т]	над строкой	–	Над именем Мария
	Епимахо(в)	над строкой	–	Над именем Иев
68	Род Волка Борисова	на полях	Петр Волк Борисов	Дьяк, упом. ок.1505–1508 гг.
	Тучьковы слугы	над строкой	–	–
	Род Федора Хлопова	на полях	Федор Семенович Хлопов	† после 1525 г. См. л. 78об.
	Сус(ѣ)д	над строкой	–	Над именем Дмитрий

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
68об.	Рwѡ Дмитрія Сыркова	на полях	Дмитрий Сырков	† ранее 1537 г.
69	Рwѡ кн(а)за Константина Ушатоꝝ(о)	на полях	Кн. Константин Федорович Ушатый	На л. 60об. его отец и мать. † после 1517 г. См. л. 60об., 86.
	Рwѡ Мамонwѡ	на полях	Григорий Андреевич Мамон	См. л. 7
69об.	Рwѡ кѣлара Герасима Юріева манастира	на полях	–	–
	Рwѡ игумена Амѡи(ло)х(и)я	на полях	–	–
70	Рwѡ Іwны Сараева	на полях	Иван Иванович Сараев	Вологодский землевладелец, уп. в 1499/1500 г.
	Варанинъ	над строкой	–	Над именем Григорий
	Ившинъ	над строкой	–	Над именем Харлам
	з Белаезе(ра)	над строкой	–	Над именем Серапиона
	с Ытклы	над строкой	–	Над именем Поликарпа
	Селезенло	над строкой	–	Над именем Елисея
70об.	Рwѡ Кѣмьскихъ князеи	на полях	Князья Кемские	–
71	Амѡилоѡѡев	над строкой	–	Над именем Макарий
	Род Ожогов	на полях	Ожеговы	См. л. 60об.
	Ожегъ	над строкой	–	Над именем Сергей
71об.	Род Павлов Недѣаков	на полях	Павел Недьяков	–
	Рожъ	над строкой	–	–
	Туч	над строкой	–	–
	Порѣфириѡвы	над строкой	–	–
	Рwѡ Іосеев Глинархова брата	на полях	–	–
72	Род Карпа Л[...]еко[...]	на полях	–	–
72об.	Род Миклаевъ Игумнова	на полях	Микляй Игумнов	См. л. 77.
	Род Никитинъ тивуна Скрабина	на полях	Никита Скрыбин	–
	Род Олександр(а) Рыбина дмитровцовъ	на полях	Александр Рыбин	–
73	Асаѡов	на полях	–	См. л. 74

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
73	Род Девниси́ев	на полях	–	–
	С Каменого	над строкой	–	–
	Забоини(н)	над строкой	–	Над именем Семен
	Ко(н)драто(в)	над строкой	–	Над именем Тимофей
	Род Алексея Бельтюгына	на полях	Алексей Бельтюгин	–
73об.	Варсоновіа тверитина	над строкой	–	–
	с озера	над строкой	–	Над именем Елисей
	с Цыпины	над строкой	–	Над именем Феодосий
	игумен	над строкой	–	Над именем Сильвестр
	ис Карьгопола	над строкой	–	–
	Род княж Стеѡанов Козелскаг(о)	на полях	Кн. Стефан Козельский	–
	Род игумена Мисаила Прилуцкаго	на полях	Игумен Мисаил При- луцкий (Панкратьев)	Упом. 1517–1538 гг.
	Коростел	над строкой	–	Над именем Михаил
74	Глоубов	над строкой	–	Над именем Василий
	Род Микитин, тиуна белозерскаг(о)	на полях	Микита	Тиун белозерский
	Род Оѡлофѡв, Пско(в)	на полях	Филофей Псковский	–
74об.	Асѡѡв	на полях	–	См. л. 73
	Род Павла Рубыш(а)	на полях	Павел Рубыш	–
	Аначин	на полях	–	–
75	Род Прокпа пустынника	на полях	Прокопий Устюжский	–
	Род Ионы Пирогова	на полях	–	–
75об.	Усково	над строкой	–	Над именем Матрона
	Гразной	над строкой	–	Над именем Георгий
	Хабаров	над строкой	–	Над именем Василий
	с Раменеа	над строкой	–	–
76	Род Мар[ти]міана ке[ла]рѡ	на полях	–	–
	Род Іѡсифа казн(а)чел	на полях	–	–
	Род ...	на полях	–	–
	Епимахов	над строкой	–	Над именем Евлампий
	Род Оѡдоровъ ...	на полях	–	–

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
76об.	ноугородцы	на верхнем поле	–	–
	Род Полтиныи з города	на полях	–	–
	Род Ромодановских	на полях	Кн. Михаил Ромодановский	Над именем Михаил
	С ухтианы	над строкой	–	–
	Ефрѣмов	на полях	–	–
	Род Ларионов	на полях	–	–
77	Род Шле...па Столн... ч(е)л(ове)ка	на полях	–	–
	Февд(о)ра Титова	на полях	–	–
	Денисиев(а)	над строкой	–	Над именем Марина
	Истомы	над строкой	–	Над именем Иоанн
	Род Микла[ев Игу]мнова	на полях	–	См. л. 72об.
	Род тиунов ...	на полях	–	–
77об.	[Р]wd попа [Арха]нгелского	на полях	–	–
	Род Иакова Максимова	на полях	–	–
	Род Тимо...	на полях	–	–
	Папищева	на полях	–	–
78	Род Леонт[ия] Дмитреева	на полях	Леонтий Сума Дмитриев	Белозерец
	Род Оедора Косты[ля]	на полях	–	–
	Мигуновы	на полях	–	–
78об.	Род Малѣа Родручева	на полях	–	–
	Род Андреа Берсенева	на полях	Андрей Иванович Берсенов Беклемишев	–
	с Пелшмы	на полях	–	–
	Рwd Оевдора Хлопова	на полях	Федор Семенович Хлопов	Ясельничий в 1525 г. См. л. 68
79	Род Воротынского(о)	на полях	Кн. Михаил Воротынский	–
	Тучковъ	над строкой	Михаил Васильевич Тучков-Морозов	Над именем Михаил (зачеркнуто)
	Вл(а)д(ы)к(и) Ростовского Кирила	на полях	Кирилл	Архиеп. ростовский 1526–1538 гг.

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
79об.	Род Денисіев Норыгин(а) ноуугородца	на полях	Денисий Норыгин	–
	Грігwріа Годунова	на полях	–	–
	Вл(а)д(ы)кы Досиөөея	на полях	Досифей	Архиеп. ростовский 1539–1542 гг.
	Пѣнковъ	над строкой	Кн. Василий Данилович Пенков	Боярин. † 1531/32 г.
	Род Грігwріа ноугорwдца	на полях	–	–
	Род попа Савы ноугородца	на полях	–	–
	Иwны Высоково	на полях	–	–
	Петра Головина	на полях	Петр Иванович Головин	Казначей, † после 1533 г.
80	Ермагінъ	над строкой	–	Над именем Исидора
	Рwд Есипа Куріанова	на полях	–	–
	Грігwріа Митроөөанова	на полях	–	–
	Геронтіа Хорошев(а)	на полях	–	См. л. 50об.
80об.	Асаө псков[ский]	на полях	Иоасаф	–
81	Тут(о)лми[на] Дос[и]феа	на полях	Досифей Тутолмин	† ок. 1531 г., см. л. 52.
	Мисюръ	над строкой	Мисюръ Мунехин	Над именем Михаил Дьяк, † 1528 г.
	Рwд с(вя)щенноинока Илариона	на полях	–	–
81об.	Род с(вя)щенника чюдовског(о) Макаріевъ	на полях	–	–
	Род Васил(і)а Годунова	на полях	Василий Григорьевич Годунов	См. л. 79об.
82	от морд Сид(о)ровъ	на верхнем поле	–	–
83	Род Даркин	на полях	–	–
	Род Иванов(ых) дѣтеи Кукина	на полях	Максим Иванов с. Кукина	–
	Род Вл[а]д(и)[ми]ра Семе[но]ва с(ы)на Троөөимова	на полях	Владимир Семенов с. Трофимов	Ок. 1530 г.

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
83об.	Герас Поповкин	на полях	–	–
	Рѡд Дорѡеєвъ Бодринонъ	на полях	–	–
	Род Ивановых дѣтѣи Кобаковыѣ	на полях	Иван Кобяк	Дьяк, † после 1510 г.
84	Род Семе[на] Вислов(а)	на полях	Семен Вислов	Белозерец, см. л. 86
	Тимоѡеѣ Картамыи[е]ва	на полях	Тимофей Андреевич Карамышев	
	Бобынин	на полях	Алексей Григорьевич Бобынин	† после 1514 г. Род Григория Бобынина на л. 49об.
	Болобана Кукшінова	на полях	Болобан Кукшинов	Дьяк, † после 1525 г.
	Тихона Зеведед[...]	на полях	Тихон Зезевитов	См. л. 62 и л. 85об.
	Игумена ...	на полях	–	–
84об.	Род Ермана пустынника	на полях	Герман Пустынник (Подольный)	† ок. 1533 г.
	Род с(ва)щ(е)ноіерѣа Філіппа каргопол(ь)ца	на полях	Филипп каргополец	–
	Івана Толстого	на полях	–	–
	иконик	на полях	–	–
85	стар(ца) чюдѡвъсков(о)	на полях	–	–
85об.	моск	верхнее поле	–	–
	Рѡд Тихона Зезевітова	на полях	Тихон Зезевитов	Ранее на л. 62, 84.
	Род Кас(ь)анѡѡ	на полях	–	–
	Рѡд Тимоѡѣа колокол(ь)ника чу[...]	на полях	–	–
86	Род кн(а)з(а) Вас(і)ліа Ушатова	на полях	Кн. Василий Федорович Ушатый	Ушатые на л. 60об., 69.
	Чуквасовы	над строкой	Чуквасовы	Белозерцы
	Вислого	над строкой	Семен Иванов с. Вислов	Над именем Семен (его же поминание на л. 84).
	Лимонов	над строкой		Над именем Алексей
	Митки Лихорева	над строкой	Дмитрий Лихарев	
	Слизневъ	над строкой	Андрей Иванович Слизнев	Над именем Андрей

л.	Заголовок	Расположе- ние	Отождествление	Примечание
86	Кислица	над строкой	Михаил Васильевич Кислица Горбатый Шуйский	Над именем Михаил. Служил с 1492 г., † около 1535 г. в схеме под именем Закхей.
	Шемячичев	над строкой	Дмитрий Юрьевич Шемяка	Над именем Дмитрий.
	Воротынскии	на полях	Иван Михайлович Воротынский	Опала в 1534 г., † 1535 г.
	Рwð Данила Бесѣдоꙋ(о)	на полях	Даниил Беседный	–
	Рwð Григор(i)а Ковала двинанина	на полях	–	–
86об.	Рwð Симана попа Малаѳѣва	на полях	–	–
	Симановы	над строкой	–	–
88	Курицина	над строкой	Федор Васильев с. Курицына	Дьяк, † в 1500–1504 гг.
	Р(о)д Д(и)wn(и)сіев ік(о)ніков	на полях	Дионисий	–
91об.	Род Ивана Тургенева	на полях	Иван Васильевич Тургенев	Уп. 1547, 1550 гг.
	княж Андрѣ(е)ва Трубецкого	на полях	–	† после 1535 г.

Примечание: Полу жирным выделен текст, написанный киноварью. Выносные буквы внесены в строку и выделены курсивом. Сокращения и титла раскрыты, вставленные буквы помещены в круглые скобки. Восстановленные утраты текста даны в квадратных скобках. Неясные места отмечены отточием.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилиц

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург, Россия).

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва, Россия).

Библиография

Источники

Рукописи

Синодик 1502

Синодик Ферапонтова (?) монастыря, конец XV(?) — начало XVI в. (л. 1–15, 24–92), вторая четверть XVI в. (л. 16–23), РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 539.

Синодик 1641

Синодик Ферапонтова монастыря, 1641– 1822, ОР РНБ. Ф. 905 (НСРК). F. 325.

Синодик ТСМ

Синодик Троице-Сергиева монастыря, XVI–XVII вв., ОР РГБ. Ф. 304. III. № 25.

Издания

АММС 1998

Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв., Москва, 1998.

АСЗ 1997

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века, Антонов А. В., сост., 1, Москва, 1997.

АСЭИ 1958

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., II, Москва, 1958.

Вкладная 1987

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, Клитина Е. Н., сост., Москва, 1987.

Преподобные 1993

Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские, Прохоров Г. М., сост., С.-Петербург, 1993.

ПСРЛ 1904

Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью, С.-Петербург, 1904.

ПСРЛ 1910

Полное собрание русских летописей. Т. 23. Ермолинская летопись, С.-Петербург, 1910.

ПСРЛ 2001

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2, Софийская вторая летопись, Москва, 2001.

ПСРЛ 2001a

Полное собрание древнерусских летописей. Т. 8, Продолжение летописи по Воскресенскому списку, Москва, 2001.

Разрядная 1966

Разрядная книга 1475–1598 гг., Москва, 1966.

Редкие источники 1977

Редкие источники по истории России, 2, Москва, 1977.

РК 1787

Родословная книга князей и дворян Российских и Выезжих, 2, Москва, 1787.

СК 2008

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии, 2, Москва, 2008.

Литература

Алексеев 2012

Алексеев А. И., Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие, Москва, 2012.

Баранов 2006

Баранов К. В., Заметка о происхождении Паисия Ярославова, Исследования по истории средневековой Руси, Москва, С.-Петербург, 2006, 268–272.

Белов 2021

Белов Н. В., Человек-загадка. Князь Михаил Иванович Колышка Патрикеев, воевода Ивана III, *Историческое обозрение*, 22, 2021, 55–63.

Веселовский 2023

Рукопись С. Б. Веселовского о синодике Успенского собора, Шокарев С. Ю., подг., *Археографический ежегодник за 2014–2015 годы*, Москва, 2023, 328–349.

Голейзовский 1980

Голейзовский Н. К., Дионисий и его современники, *Искусство*, 6, 1980, 57–61.

——— 2005

Голейзовский Н. К., *Дионисий и его современники*, 1, Москва, 2005.

Грязнов 2019

Грязнов А. Л., *Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень*, Вологда, 2019.

Дергачев 1989

Дергачев В. В., Родословие Дионисия Иконника, *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология*. 1988, Москва, 1989, 210–225.

——— 2001

Дергачев В. В., Вселенский синодик в древней и средневековой России, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3/1, 2001, 18–29.

Зимин 1988

Зимин А. А., *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.*, Москва, 1988.

Каталог 2025

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, 4, Москва, 2025.

Кузьмин 2002

Кузьмин А. В., Жития XIII–XIV вв. как источник по генеалогии у аристократии Северо-Восточной Руси, *Мир житий*, Москва, 2002, 97–105.

——— 2014

Кузьмин А. В., *На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в.*, 1, Москва, 2014.

——— 2015

Кузьмин А. В., *На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в.*, 2, Москва, 2015.

——— 2019

Кузьмин А. В., Паисий (Ярославов), *Православная энциклопедия*, 54, Москва, 2019, 232–236.

Новикова 2023

Новикова О. Л., Из истории русской книжности рубежа XV–XVI столетий: Рукописи епископа Никона, *Вестник «Альянс-Архео»*, 43, 2023, 3–27.

Обзор 1954

Обзор документальных материалов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв., Москва, 1954.

Попов 2002

Попов Г. В., Летопись жизни и творчества Дионисия, *Дионисий «живописец пресловущий». К 500-летию росписи Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря*, Москва, 2002, 44–46.

——— 2007

Попов Г. В., Дионисий, художник, *Православная энциклопедия*, 15, Москва, 2007, 272–281.

Сергеев 2023

Сергеев А. В., *Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начале XVII века*, 2, С.-Петербург, 2023.

Серебрякова 2001

Серебрякова М. С., Письменные источники об игуменах Ферапонтова монастыря XV–XVIII вв., *Историческое краеведение и архивы*, 7, Вологда, 2001, 98–130.

— 2002

Серебрякова М. С., Об игуменах Ферапонтова монастыря XV века, *Ферапонтовский сборник*, 6, Москва, 2002, 33–39.

Стрельникова 2005

Стрельникова Е. Р., Галактион, *Православная энциклопедия*, 10, Москва, 2005, 289.

References

Alekseev A. I., *Religioznye dvizheniia na Rusi poslednei treti XIV — nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuiushchie*, Moscow, 2012.

Baranov K. V., Zametka o proiskhozhdenii Paisiia Iaroslavova, *Issledovaniia po istorii srednevekovoi Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2006, 268–272.

Belov N. V., Chelovek-zagadka. Kniaz' Mikhail Ivanovich Kolyshka Patrikeev, voevoda Ivana III, *Istoricheskoe obozrenie*, 22, 2021, 55–63.

Goleyzovsky N. K., Dionisii i ego sovremenniki, *Iskusstvo*, 6, 1980, 57–61.

Goleyzovskii N. K., *Dionisii i ego sovremenniki*, 1, Moscow, 2005.

Gryaznov A. L., *Belozerskie akty XIV–XVI vv.: issledovanie i perechen'*, Vologda, 2019.

Dergachev V. V., Rodoslovie Dionisiia Ikonnika, *Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia. Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiya*. 1988, Moscow, 1989, 210–225.

Dergachev V. V., Vselenskii sinodik v drevnei i srednevekovoi Rossii, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3/1, 2001, 18–29.

Kuzmin A. V., Zhitii XIII–XIV vv. kak istochnik po genealogii u aristokratii Severo-Vostochnoi Rusi, *Mir zhitii*, Moscow, 2002, 97–105.

Kuzmin A. V., *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII — serechine XV v.*, 1, Moscow, 2014.

Kuzmin A. V., *Na puti v Moskvu: Ocherki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII — serechine XV v.*, 2, Moscow, 2015.

Kuzmin A. V., Paisii (Iaroslavov), *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 54, Moscow, 2019, 232–236.

Novikova O. L., Iz istorii russkoi knizhnosti rubezha XV–XVI stoletii: Rukopisi episkopa Nikona, *Vestnik "Al'ians-Arkheo"*, 43, 2023, 3–27.

Popov G. V., Letopis' zhizni i tvorchestva Dionisiia, *Dionisii "zhivopisets preslovushchii". K 500-letiiu rospisi Dionisiia v sobore Rozhdestva Bogoroditsy Ferapontova monasteryia*, Moscow, 2002, 44–46.

Popov G. V., Dionisii, khudozhnik, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 15, Moscow, 2007, 272–281.

Sergeev A. V., *Kniazheskie familii v Moskovskom gosudarstve vtoroi treti XVI — nachale XVII veka*, 2, St. Petersburg, 2023.

Serebryakova M. S., Pis'mennye istochniki ob igumenakh Ferapontova monasteryia XV–XVIII vv., *Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy*, 7, Vologda, 2001, 98–130.

Serebryakova M. S., Ob igumenakh Ferapontova monasteryia XV veka, *Ferafontovskii sbornik*, 6, Moscow, 2002, 33–39.

Strelnikova E. R., Galaktion, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 10, Moscow, 2005, 289.

Zimin A. A., *Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV — pervoi treti XVI v.*, Moscow, 1988.

Анатолий Леонидович Грязнов,

старший научный сотрудник

НП «Научно-исследовательский центр «Древности»

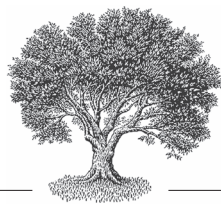
160002, Вологда, Окружное ш., д. 26

rubicon-2@yandex.ru

Россия / Russia

Никита Викторович Башнин, доктор исторических наук, доцент,
заведующий Отделом средневековой истории России
С.-Петербургского института истории РАН
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7;
научный сотрудник Северо-Западного института управления РАНХиГС
199178, С.-Петербург, проспект Средний В.О., д. 57/43, литера А
nvbashnin@gmail.com
Россия / Russia

Received March 31, 2025

Заказ гетманом
И. Самойловичем
литургического
прибора и
оклада Евангелия
в мастерских
Московского кремля
в 1685–1686 гг.*

Hetman Ivan
Samoylovich's Order
of a Set of Liturgical
Vessels and a Treasure
Binding of a Gospel
in the Workshop of
the Moscow Kremlin.
1685–1686

**Кирилл Александрович
Кочегаров**

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте РФ,
Москва, Россия

Kirill A. Kochegarov

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Резюме

В 1685 г. гетман Левобережной Украины Иван Самойлович решил заказать литургический прибор и оклад для Евангелия в царских мастерских Московского кремля для пожертвования в Киево-Печерскую лавру в память об умерших дочери Прасковье и сыне Семене. До настоящего времени

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Цитирование: Кочегаров К. А. Заказ гетманом И. Самойловичем литургического прибора и оклада Евангелия в мастерских Московского кремля в 1685–1686 гг. // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 150–173.

Citation: Kochegarov K. A. (2026) Hetman Ivan Samoylovich's Order of a Set of Liturgical Vessels and a Treasure Binding of a Gospel in the Workshop of the Moscow Kremlin. 1685–1686. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 150–173.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.06

сохранились лишь главные элементы литургического прибора — потир и дискос, хранящиеся в Сокровищнице Национального музея истории Украины. Предметы эти, сильно пострадавшие в ходе Великой Отечественной войны, долгое время считались произведениями киевских мастеров и лишь недавно были переатрибутированы как изготовленные в мастерских Московского кремля на основе анализа художественного стиля, техники изготовления, эмалей и проч. В статье эта гипотеза подтверждается неизвестными ранее материалами переписки И. Самойловича и руководителя посольских дел князя В. В. Голицына, где обсуждалась реализация заказа. Из данных источников становится также ясно, что тогда же, в 1685–1686 гг., гетман Самойлович заказал и драгоценный оклад для Евангелия, который до нынешнего времени, видимо, не сохранился. Для сравнительного анализа были привлечены комплекты литургических приборов из кремлевских мастерских, наиболее близкие по стилю и времени изготовления. Все они были заказаны представителями царской семьи для вкладов в чтимые Романовыми храмы. Гетманский заказ, таким образом, был весьма близок по статусу и ценности к наилучшим образцам московского декоративно-прикладного искусства конца 1670-х — первой половины 1680-х гг. Однозначная атрибуция потира и дискоса Самойловича как произведений кремлевских мастеров позволила поставить вопрос о степени и характере московского влияния на развитие украинского золотого и серебряного дела.

Ключевые слова

Украина, гетман Иван Самойлович, князь В. В. Голицын, потир, дискос, оклад Евангелия, Киевский музей исторических драгоценностей, русско-украинские отношения

Abstract

In 1685, Ivan Samoylovich, the hetman of the Left-Bank Ukraine, ordered a set of liturgical vessels and a treasure binding of a Gospel in the tsar's workshop of the Moscow Kremlin to donate them to the Kyev Pechersk Lavra in memory of his deceased daughter Praskovia and son Semen. Main elements of the liturgical set, a chalice and paten, have been preserved to the present day, being exhibited in The Treasury of the National Museum of the History of Ukraine. Both chalice and paten were seriously damaged during the Great Patriotic War. For a very long time, they were considered to have been made by Ukrainian craftsmen and only recently, were attributed as masterpieces to masters of the Moscow Kremlin's workshop, which is proven by art style, the technology, enamels etc. In the paper, this conclusion is supported by the correspondence between Samoylovich and prince Vasiliy Golitsyn, the head of the Posolsky prikaz, where the hetman's order was discussed. These sources also mention that in 1685–1686, Samoylovich ordered in Moscow a treasure binding of the Gospel, which perhaps did not survive. The liturgical set ordered by Samoylovich was very similar to the most luxurious sets which had been manufactured for members of the Romanov dynasty in the second half of the 1670s — the first half of the 1680s. The attribution of the chalice and the paten of Samoylovich to Kremlin's craftsmen, proven by written sources, makes it possible to put forward the hypothesis about a Russian influence on Ukrainian gold and silversmith.

Keywords

Ukraine, hetman Ivan Samoylovich, prince Vasiliy Golitsyn, chalice, paten, treasure binding of a Gospel, The Treasury of the National Museum of the History of Ukraine, Russian-Ukrainian relationships

«...Которое дело вручил есмь ныне посланным особам в совершенство привести во царствующем граде Москве, понеже тамо искуснейшее к тому могут обрестися художники».

Из цидулы к письму гетмана И. Самойловича кн. В. В. Голицыну (РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1728. Л. 121).

В Сокровищнице Национального музея истории Украины (до 2021 г. — Музей исторических драгоценностей Украины) представлены уникальные экспонаты — потир и дискос, пожертвованные в 1686 г. гетманом Иваном Самойловичем в Киево-Печерскую лавру (Рис. 1 и 2). До революции они хранились в лаврской ризнице, по крайней мере золотой потир с дискосом и звездичей (вклад И. Самойловича) значились в ее описи 1751 г. [Петренко 1970: 72], а К. В. Шероцкий, чей путеводитель по Киеву вышел в 1917 г., упоминает находившийся в ризнице «золотой потир характерной украинской прорезной работы (дар гетмана Самойловича) с рубинами, алмазами и изумрудами» [Шероцкий 1917: 283]. В дальнейшем потир и дискос каким-то образом попали в одно из музейных хранилищ Центральной России и в 1930-е гг. были переданы в Харьковский государственный исторический музей в рамках вывоза связанных с украинской историей культурных ценностей из РСФСР в СССР [Кот 2020: 693].

Особенно замечательным произведением декоративно-прикладного искусства является потир, который неоднократно описывался в научной и научно-популярной литературе. Одно из наиболее подробных описаний памятника дал украинский советский искусствовед М. З. Петренко, который, среди прочего, привел надпись, помещенную в вытянутом овальном картуше на поддоне потира:

Зделанъ сей потир в честь Бога в тройце славимого в храмъ Оуспенія¹ пресвятыя богородицы церкви Великия монастыря Киевского печерского изжидивениемъ ясневельможного его милости господина Иванны Самоловича гетмана

¹ У М. З. Петренко «в храмъ Успенія», но это явная ошибка.

Рис. 1. Потир. Вклад гетмана И. Самойловича в Киево-Печерскую лавру, 1686 г.
Фото М. К. Андреева [Музей 2007: 238]

Рис. 2. Дискос. Вклад гетмана И. Самойловича в Киево-Печерскую лавру. 1686 г.
Фото М. К. Андреева [Музей 2007: 239]

войскъ их царского пресветлого величества запорожских; ради спасения и ради вечнаго поминовения детей его Семеона Ивановича полковника бывшего Стародубского и боярони Праскеви Ивановны Шереметевны лета от рождества господня 1686 [Петренко 1970: 80–82; орфография дана по публикации].

Исследователь, как и К. В. Шероцкий, считал изделие делом рук киевского мастера и отмечал, во-первых, что в нем впервые в украинском искусстве были применены украшения из финифти и, во-вторых,

что потир 1686 г. имеет много общих черт с подобными же изделиями первой половины XVIII в. М. З. Петренко приводил единственное известное довоенное изображение потира (см. *Рис. 3*; подпись в книге содержит ошибочную дату — 1688 г.) и отмечал, что в годы Великой Отечественной войны памятник, вместе с хранившимся в харьковском музее диском (его описания исследователь не дает), получил серьезные повреждения [Петренко 1970: 78–82].

В 1969 г. в Киеве на территории Киево-Печерской лавры открылся Музей исторических драгоценностей, и потир с диском были из Харькова переданы туда вместе с экспонатами многих других украинских музейных собраний. В альбоме 1974 г., иллюстрирующем собрание нового музея, потир атрибутируется как произведение киевского мастера XVII в. Если сравнить помещенное в нем черно-белое фото с изображением, опубликованным М. З. Петренко, нетрудно заметить повреждения, полученные потиром во время войны: чаша деформирована, поддон вогнут, часть стояна (ножки) между яблоком и чашей утрачена [Ганіна 1974: 16–17, 132, фото № 124]. В вышедшей годом спустя популярной и богато иллюстрированной (в том числе фотографиями экспонатов из Музея исторических драгоценностей) книге С. К. Килессо о Киево-Печерской лавре приводится одно из первых цветных фото потира. В подписи к нему отмечено, что это дар Киево-Печерской лавре от гетмана И. Самойловича. Авторство и место происхождения не указаны, но из текста раздела, посвященного древнерусскому и украинскому декоративно-прикладному искусству, следует, что С. К. Килессо относил памятник к творениям местных мастеров [Килессо 1975: 120–128, изображение потира см. на с. 123]. Таким образом, в искусствоведении советской Украины утвердилась точка зрения, что потир и дискос, переданные в фонды Музея исторических драгоценностей, имели местное, украинское / киевское происхождение, являясь вкладом гетмана в лавру по умершим дочери Прасковье и сыну Семену.

В начале XXI в. одним из сотрудников Киево-Печерского историко-культурного заповедника было высказано мнение, что потир и дискос Самойловича — произведение греческих мастеров, без уточнения, правда, где эти мастера осуществляли свою деятельность [Бартош 2001: 78]². Вскоре, однако, последовала новая переатрибуция указанных предметов. В выпущенном в 2007 г. большом цветном каталоге собрания Музея исторических драгоценностей оба они уже представлены как изделия московских ювелиров [Музей 2007: 238–239]. Эта атрибуция

² Автор правильно указывает, что частью пожертвованного гетманом литургического прибора была также звезда, добавляя к этому, что общий вес комплекта составил 2 кг 663,9 г, но не уточняет, откуда ему известны эти данные.

*Рис. 3. Потир И. Самойловича. Довоенное изображение
[Петренко 1970: 79]*

утвердилась, сохраняясь и в позднейших публикациях [Підвисоцька 2017: 101–102]³. Цветные изображения потира и дискаса музей выложил на своей странице в социальной сети Facebook*, и на вопрос одного из ее посетителей касательно места изготовления памятников пояснил, что на русское происхождение изделий указывают надписи, общий художественный стиль, техника изготовления, а также эмали⁴. Возможно, выяснению подлинного происхождения потира и дискаса способствовала публикация новых каталогов российских музеев, что расширило базу для сопоставительного анализа предметов из разных собраний, позволяя уточнить атрибуцию многих из них.

В упомянутой выше книге С. К. Килессо указан еще один памятник из Музея исторических драгоценностей, якобы пожалованный И. Самойловичем в Киево-Печерскую лавру в 1686 г., — драгоценный оклад Евангелия, украшенный растительным орнаментом с многочисленными вставками из эмали [Килессо 1975: 124, 126–127] (см. Рис. 4). М. З. Петренко считал его памятником украинского искусства, отмечая сходство с изделиями львовских мастеров [Петренко 1970: 93–94], а в музейных изданиях советского времени оклад непременно атрибутировался как творение киевского мастера Христофора, заказчиком которого был И. Самойлович [Ганіна 1973: 9; Ганіна 1974: 16–17, 130–131, фото № 122, 123; Ганина et al. 1984: 106–107]. С гетманом Самойловичем это произведение искусства связывалось и в 2001 г. [Бартош 2001: 79], и лишь недавно сотрудник Музея исторических драгоценностей С. Г. Палатна убедительно доказала, что реальным заказчиком («строителем») оклада был священник церкви Архистратига Михаила Христофор Дмитриев, представитель греческой общины г. Нежина. Эта же исследовательница считает, что оклад скорее всего был изготовлен в Москве, где отец Христофор получал царскую милостыню на строительство храма. К гетману И. Самойловичу этот оклад, таким образом, не имел никакого отношения, кроме того, что возник в период его правления, о чем указано в надписи, идущей по краям досок [Палатна 2018: 176–182].

В 1685 г. году Иван Самойлович пережил большую личную трагедию. В марте умерла его дочь — боярыня Прасковья Ивановна, супруга киевского воеводы Ф. П. Шереметева. В свое время с этим браком гетман связывал надежды на укрепление своих связей с русским правительством. Он активно поддерживал молодых, в том числе материально; выхлопотал для зятя киевское воеводство. Смерть дочери вызвала

³ Здесь же опубликованы черно-белые фото указанных экспонатов.

* Компания Meta признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

⁴ Скриншот страницы в личном архиве автора.

Рис. 4. Верхняя доска оклада Евангелия, заказанного Христофором Дмитриевым (Нежин). 1686 г. [Петренко 1970: вклейка между с. 40–41]

трения с Шереметевыми из-за раздела семейного имущества, поскольку Самойлович потребовал назад все приданое дочери и прочее движимое и недвижимое имущество супругов, что было приобретено на его деньги либо пожаловано от имени царей благодаря его хлопотам. В разгар этих дразг на семью гетмана неожиданно свалилось новое большое горе — смерть в июне 1685 г. старшего сына Семена, стародубского полковника, «любимого первородного сына», «надежды старости», как называл его отец. И Прасковья, и Семен нашли последнее упокоение в Киево-Печерском монастыре [Кочегаров 2012: 90–152, 188–190]. В

память о дочери и сыне гетман решил сделать в лавру дорогие вклады, которые одновременно должны были отличаться высокими художественными достоинствами. Именно поэтому он решил заказать их в царских мастерских Московского кремля. Тем более что ситуация этому скорее благоприятствовала. В июле 1685 г. состоялись выборы киевского митрополита, которым стал гетманский кандидат луцкий епископ Гедеон, князь Святополк-Четвертинский, а во второй половине года Москва и Батурин вели интенсивные переговоры об условиях подчинения новоизбранного предстоятеля Киевской митрополии патриарху Московскому и всея Руси [см. подробнее: Флоря et al. 2019: 57–69, 75–100]. Ожидая уступок по отдельным вопросам со стороны гетмана, русское правительство тем охотней должно было откликаться на личные просьбы И. Самойловича.

Одно из таких прошений личного характера было изложено в письме Самойловича Голицыну, которое доставили в Москву доверенные посланцы — старший канцелярист Василий Кочубей и генеральный бунчужный и гетманский тесть Константин Иванов (Голуб) в конце октября 1685 г. «В надежду свидетелствованная благодетельския вашей княжой велможности любви и о сем объявляю, — высокопарно начинал гетман, — что лишився аз любимых детей своих, боярони Парасковии и Семиона, полковника стародубского, удумал есмь ис той частицы имения, которая при мне для них обреталася, ныне для вечной их памяти и для спасения своего устроить златый сосуд, сиречь потир, в церковь Печерскую Успения Пресвятыя Богородицы»⁵. Соответственно, теперь прибывшие в столицу Кочубей и Иванов должны были хлопотать о том, чтобы гетманский замысел «в совершенство привести во царствующем граде Москве, понеже тамо искуснейшее к тому могут обрестися художники». Самойлович просил Голицына «сыскать такова мастера, которой бы тому делу в своем мастерстве совершенно поистинне учинити мог без отволоки и без оболщения» (*Цидула...*, л. 121). На задаток для заказа В. Кочубей привез 560 «червоных золотых» (*И. Самойлович — В. В. Голицыну*, л. 70).

Отвечая на эту просьбу, В. В. Голицын сообщал, что «по милостивому великих государей указу те сосуды в полате, именуемой Золотой, делать велено лутчим мастером, которые делают, а на каменя деньги у них, посланных, нет, а сказали, то те денги присланы от тебя,

⁵ Цитаты из неопубликованных источников приводятся в упрощенной орфографии, допускаемой «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде» (2022), которые размещены на сайте Федерального архивного агентства. Вышедшие из употребления буквы заменены на современные, орфография текста сохранена, выносные буквы внесены в строку без выделения в тексте, пунктуационные знаки расставлены по современным правилам.

брата моего, будут». Голицын обращал внимание гетмана на недостаточность средств, чтоб «дело за тем вышеписанным не умедлено было, так же и золотых есть ли на то не достанет» (*В. В. Голицын — И. Самойловичу...*, л. 196об.–197).

О дальнейшей судьбе заказанных гетманом драгоценных предметов мы узнаем из двух писем Самойловича, направленных В. В. Голицыну через наместника Киевского Софийского монастыря Варлаама Страховского, прибывшего в Москву для церковных дел по поручению киевского митрополита Гедеона в начале весны 1686 г.

Первое письмо, впрочем, касалось изготовления не литургического прибора, а драгоценного оклада для Евангелия, который ранее в послании Самойловича не упоминался. Договоренность о его изготовлении была, судя по всему, достигнута также осенью 1685 г., поскольку прибывший в самом начале 1686 г. в Москву гетманский сын Григорий Самойлович привез для этих целей «к мастеру, которой потир делает, серебро и на оклад Евангелия». По словам гетмана, «тот мастер, приняв серебро, говорил, что надобно на серебряных крыжалех накладывать золота ценного места для того, чтоб чернь крепче держалась». Мастер заявлял, что он «имеет то золото» и «сколко понадобится свесит», но гетман должен был оплатить стоимость драгоценного металла, о которой ему должны были написать позднее. Получив через некоторое время сообщение от руководившего Оружейной палатой думного дворянина М. Т. Лихачева, что «на то все золота и на позолоту всего оклада Евангелия надобно ему сто рублей денег», гетман немедленно выслал с наместником киевского Софийского монастыря Варлаамом Страховским В. В. Голицыну требуемую сумму, вернув и «с крыжал евангелиста едного, которого он [М. Т. Лихачев. — К. К.] на образец для показания к нам прислал». Самойлович просил главу Посольского приказа передать все мастеру «за написанием, чтоб он то Евангелия дело делал как пристойно» и подтвердить получение им суммы: «А я ему так за потир и с ыными вещми так и за Евангелия от дела заплатит особно должен естмь» (*И. Самойлович — В. В. Голицыну...*, л. 68об.–69об.).

В другом письме, касавшемся изготовления потира, Самойлович особенно благодарил В. В. Голицына за то, «что то дело изволил еси принят в свое оберегателство». Мастер, «у которого в руках дело потира на протори мои оставлено», сообщал через Г. И. Самойловича, что для их изготовления «надобет к червонному золотому делного золота фунт для того, чтоб потир крепчайший в своем составлении и чтоб камени крепчая на тоем утверждены были, и чернь лутчи держалась». Соответственно, для закупки фунта «дельного золота» гетман посылал к В. В. Голицыну 100 руб. «мелких денег», прося их «отдать к тому делу, ащели таковое

обыкновение есть у мастеров, что из самих червонных золотых безделного золота таких сосудов не делают». Эти деньги должны были быть добавлены к доставленным ранее Кочубеем 560 золотым монетам и 108 золотым, которые привез в Москву в январе 1686 г. Г. И. Самойлович. Последний же доставил и «лошку самого золота нескольконадесят червонных золотых весом», видимо для переплавки. Особую заинтересованность гетмана своим заказом подчеркивают его конкретные рекомендации, сколько золота должно пойти на сам потир, а сколько на приборы к нему: «аще ли делного золота надобно фунт промеж червонных золотых вмешать, то хотел бы я, чтоб в самом потиру 600 червонных золотых было весу, а достальное на блюдо, звезду, лошку и копые обращено было», прося по этому поводу «учинить указ» мастеру, а лично В. В. Голицына — «потрудиться» в этом деле (И. Самойлович — В. В. Голицыну..., л. 69об.–71).

Переписка Самойловича и Голицына дает нам некое дополнительное представление о том, как выглядели заказанные гетманом предметы. Речь, как было показано выше, шла о заказе не просто потира, а полного литургического прибора, включавшего также дискос, звездицу, копие и лжицу. Они, судя по всему, должны были быть изготовлены по лучшим образцам, предназначавшимся для членов царской фамилии. Два подобных полных литургических прибора сохранились в собрании Государственного Эрмитажа. Первый изготовлен в 1677 г. (инв. № Э-9744), второй — в 1679 г. (инв. № Э-9743) (см. Рис. 5 и 6). Оба они поступили в музей в 1922 г. из церкви Зимнего дворца⁶ и были сделаны по указу царя Федора для кремлевских церквей: прибор 1677 г. — для собора Спаса Нерукотворного, прибор 1679 г. — для церкви Живоначального Христова Воскресенья (в 1775 г. изъят из Оружейной палаты в Москве Г. А. Потемкиным и передан в Санкт-Петербург). Н. Макаренко, давший подробное описание (с публикацией черно-белых фото) прибора 1679 г., в особенности потира, отметил его сходство с еще одним, который был создан в 1680 г. также по царскому повелению для Успенского собора Московского кремля (см. Рис. 7). Он до нашего времени не дошел, но был зарисован и опубликован в знаменитых «Древностях российского государства» [ИСС: 372–373; Макаренко 1915: 27–29, фото элементов прибора 1679 г. без пагинации см. между с. 26 и 27; Древности 1849: 95; Древности-альбом 1849: рис. № 66]⁷. Во всех упомянутых

⁶ См. их описание и изображения на сайте Государственного Эрмитажа в разделе «Коллекции»: <https://www.hermitagemuseum.org/digital-collection/>

⁷ Примерно в одно время с комплектами золотой утвари по указу царя Федора для теремных церквей Распятия Господня и Воскресения Словущего были изготовлены также серебряные с позолотой литургические приборы, ныне хранящиеся в Государственном Русском музее. См. их фото и описание: [Западалова, Сосновцева 2018: 94, 114–115, ил. № 89 и 110].

литургических приборах присутствуют также тарели. Была ли тарель в комплекте, заказанном Самойловичем, неясно. Если же говорить лишь о потирах, то хронологически наиболее близок к изделию, заказанному Самойловичем, образец из музеев Московского кремля, изготовленный в 1684 г. как вклад царицы Натальи Кирилловны в калязинский Троицкий монастырь (инв. № МР-3383; в начале XX в. хранился в ризнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге; в музей поступил из дворцового имущества в 1917–1922 гг.) [Мартынова 2002: 154–155, № 138]⁸ (см. *Рис. 8*).

Рис. 5. Литургический прибор 1677 г.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Не вдаваясь в детали искусствоведческого характера, можно констатировать, что все описанные царские потиры (1677, 1679, 1680, 1684 гг.) тождественны гетманскому в основных принципах конструкции и ху-

⁸ В описании указано, что на поддоне расположены восемь медальонов с изображением Страстей Господних, однако на фото видно, что их шесть. Ранее потир описан с публикацией черно-белого изображения: [Макаренко 1915: 32–33, фото без пагинации между страницами].

Рис. 6. Литургический прибор 1679 г.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

дожественного оформления, включая формы чаши, поддона, стояна, яблока, изображения Страстей Господних⁹ на медальонах поддона и трехфигурного Деисуса с Распятием на медальонах чаши. Однако есть и несколько заметных отличий. Во-первых, это зауженная форма чаши гетманского потира по сравнению с прототипами. Во-вторых, расположение эмалевых медальонов на чаше, которые на потире Самойловича разрывают литургическую надпись, идущую по ее венцу, тогда как на изделиях 1677–1684 гг. все они расположены под надписью. Наконец, в-третьих, пожалуй, наиболее характерное отличие — это наличие между медальонами чаши, непосредственно под украшенными драгоценными камнями розетками, горельефов в виде раскрашенных головок херувимов, которые на русских потирах 1677–1684 гг. отсутствуют. Последний элемент получил распространение в украинском декоративно-прикладном искусстве первой половины XVIII в., в том числе на

⁹ На потирах 1679 и 1684 гг. (и, видимо, на остальных) это сюжеты Тайной вечери, Моления о чаше, Несения креста, Снятия со креста, Положения во гроб и Воскресения Господня. См.: [Макаренко 1915: 28, 32].

Рис. 7. Литургический прибор 1680 г.
[Древности-альбом 1849: рис. № 66]

Рис. 8. Потир 1684 г.

[Макаренко 1915: фото без пагинации между страницами 32–33]

потирах (располагались между медальонами, примерно так же, как на потире Самойловича) [см., например: Петренко 1970: 97–98, 106, 111–117, 119–122]. Встречаются похожие элементы и на евангельских окладах украинских мастеров золотых дел XVII в.¹⁰ Возможно, появление указанных отличий возникло в процессе устного обсуждения будущего вида изделий царским мастером и представителями заказчика, которыми были одни из ближайших доверенных лиц гетмана — В. Л. Кочубея и гетманский сын Г. И. Самойловича. Они могли демонстрировать мастерам и некие образцы. Это наиболее логичное объяснение появления головок херувимов на потире, выполненном в целом по московскому канону.

Дискос из литургического прибора Самойловича, так же как и потир, дошел до нашего времени в поврежденном виде: предмет сильно деформирован, звезда отсутствует, часть эмалевого покрытия, в частности на одеяниях ангелов, утрачена. Дискос по конструкции и изображениям принципиально не отличается от московских образцов 1677, 1679 и 1680 гг. На нем содержится традиционное изображение евхаристического агнца, двух предстоящих ангелов с рипидами и Духа Святого в виде голубя. По борту дискоса Самойловича помещена цитата из Евангелия от Иоанна: «Се Агнец Божий, взявляй грехи всего мира» (Ин 1:29)¹¹. При этом сам борт украшен несравненно более богато: евангельская цитата, помещенная в три клейма, разывается шестью розетками с драгоценными камнями и элементами растительного узора, им же украшены сами клейма со словосочетаниями. У московских образцов украшение указанной части гораздо более строгое: небольшие цветочные бутоны по краям клейм и симметрично расположенные инкрустации из четырех драгоценных камней.

Более общо можно судить о внешнем виде оклада заказанного гетманом Евангелия в связи с отсутствием каких-либо его полных описаний и упоминаний о дальнейшей судьбе этого памятника¹². Основа его должна была бы состоять из серебра с элементами чернения и позолоты, инкрустированного золотом, а композиция лицевой доски оклада — представлять изображения четырех евангелистов, расположенных по

¹⁰ См., например, изображение и описание Евангелия нежинского полковника В. Золотаренко сер. XVII в.: [Петренко 1970: 73–76]. Его же цветное изображение: [Музей 2007: 192]. См. также оклад Евангелия 1647 г., вложенного Д. Голубом с супругой в киевский Михайловский златоверхий монастырь: [Щербаківський 1926: 14–15].

¹¹ Такая же надпись, судя по всему, присутствует и на дискосах литургических приборов 1677 и 1679 гг., но размещена она в четырех клеймах, а не в трех.

¹² В описании, составленном митрополитом Евгением (Болховитиновым), упоминается о наличии в лавре 63 напестольных евангелий в драгоценных окладах, но описания их нет. См.: [Болховитинов 1831: 87].

углам. Образец одного такого изображения гетману прислал М. Т. Лихачев, и Самойлович, в свою очередь, вернул его в Москву через Варлаама Страховского. Сюжет с четырьмя евангелистами по углам был достаточно традиционен для евангельских окладов в российском декоративно-прикладном искусстве XVI–XVII вв. [см., например: Зюзева 2019: 12–17], поэтому появление его на заказанном гетманом изделии вполне очевидно. К сожалению, судя по всему, памятник этот либо утрачен, либо до сих пор не атрибутирован.

Были ли в желании гетмана Ивана Самойловича стать клиентом кремлевских мастерских какие-то иные мотивы, помимо увековечения памяти любимых детей? Велик соблазн предположить, что, заказывая литургический прибор по образцу тех, которые изготавливались для вкладов в храмы и монастыри от имени членов царской фамилии, гетман хотел подчеркнуть свой политический статус, пусть и не равный русским самодержцам, но близкий к положению зависимого, но владетельного правителя. Подобная гипотеза, однако, будет оправдана лишь при наличии свидетельств того, что Самойлович имел представление об изготовленных по царским повелениям во второй половине 1670-х и первой половине 1680-х гг. литургических приборах, их символике и предназначении в качестве вкладов в значимые для дома Романовых храмы и монастыри. Никаких прямых указаний на это нет, однако в целом гетманское семейство должно было быть неплохо осведомлено о русских придворных обычаях, о быте московской знати и царской семьи, о формах, в которых выражалось материальное благосостояние тех и других (в том числе драгоценности, одежда, дорогая посуда и церковная утварь). В столице долгое время, до 1682 г., проживали гетманские сыновья, допускавшиеся ко двору во время торжественных мероприятий, а в 1682–1684 гг. — дочь Прасковья, которая была супругой боярина Ф. П. Шереметева [Кочегаров 2012: 35–36, 38, 48, 60–61]. Так в Батурине могли сложиться и общие представления о высоком мастерстве московских золотых и серебряных дел мастеров. Не случайно в одном из писем гетман обосновывал свой московский заказ именно тем, что в «царствующем граде» творят «искуснейшие художники».

С другой стороны, в данный момент в Москве хотели подчеркнуть уважение к политическому статусу гетмана, и поэтому поручили делать его заказ лучшим кремлевским мастерам по образцам самого высокого уровня — наиболее представительным и престижным. Правительству царевны Софьи Алексеевны и канцлера В. В. Голицына, чей потир, заказанный в Серебряной палате Кремля в качестве вклада в московскую церковь Воскресения Христова (по-видимому, одна из теремных церквей Кремля) также в 1686 г. (хранится в Государственном историческом

музее, инв. № ОК-16241¹³), выглядит гораздо скромнее, нужна была поддержка Самойловича в важнейших политических вопросах. Речь шла не только о Киевской митрополии, но и о заключении мира и анти-османского союза с Речью Посполитой в ходе русско-польских переговоров, проходивших весной 1686 г., а также о подготовке первого Крымского похода 1687 г., которая развернулась после их подписания [см. подробнее: Кочегаров 2008: 280–284, 312–315, 395–397]. Все это по крайней мере отчасти обуславливало качественное и оперативное исполнение гетманских заказов и внимание к адресованным в Кремль личным просьбам Самойловича.

* * *

Во второй половине XVII в. золотое и серебряное дело русского Средневековья, включая эмали, переживало расцвет, о чем свидетельствуют и высокие художественные достоинства изготовлявшихся предметов, и значительное количество сохранившихся памятников [см., например: Постникова-Лосева, Платонова 1959: 24–25; Постникова-Лосева et al. 1962: 20–28; Постникова, Мишуков 1962: 365–374; Калязина et al. 1987: 16–21; Бобровницкая 2001; Мартынова 2002]. Между тем М. З. Петренко, ошибочно считавший потир Самойловича делом рук украинского мастера, в то же время подчеркивал, что это первое известное на Украине произведение с эмалевыми медальонами. В его книге приводятся изображения ряда потиров первой половины XVIII в., композиция которых имеет определенные параллели с гетманским заказом 1686 г. Речь в первую очередь идет о медальонах по периметру чаши и на поддоне [Петренко 1970: 106, цветная иллюстрация между с. 96 и 97]. Современная украинская исследовательница И. В. Шульц отмечает, что самые ранние известные образцы эмальерного искусства украинских мастеров можно отнести лишь к 1690-м гг. [Шульц 2001: 147]. Можно поэтому осторожно предположить, что литургический прибор, заказанный гетманом Самойловичем в мастерских Московского кремля, мог стать своеобразным проводником русского влияния в украинском декоративно-прикладном искусстве. Высокий социальный статус заказчика и место хранения драгоценных предметов — Киево-Печерская лавра — делали их желанным примером для подражания в среде казацкой старшины и киевского духовенства. Тем более что фактом обращения Самойловича в Москву с целью размещения заказа у московских мастеров золотых и

¹³ Изображение опубликовано в электронном каталоге на официальном сайте музея (<https://catalog.shm.ru>), а также представлено в издании: [Юхименко 2006: 95]. Составители печатного каталога высказали обоснованное мнение, что потир был вложен В. В. Голицыным в ознаменование подписания 26 апреля 1686 г. Вечного мира и союза с Польшей.

серебряных дел вопрос не исчерпывается. К маю 1686 г. по прошению киевского митрополита Гедеона, кн. Святополка-Четвертинского, в Серебряной палате Московского кремля были изготовлены «потир, дискос, два блюда, звезда, лжица серебряные резные». Все составляющие литургического прибора весом 4 фунта 36 золотников были позолочены, при этом «под дискосом на поддоне вычеканены четыре евангелиста». Прибор предназначался для киевского собора св. Софии (*Приказная выписка...; Память из Серебряной палаты...*). А в январе 1705 г. киевский митрополит Варлаам Ясинский «по совету» уже гетмана И. С. Мазепы направил в Москву игумена киевского Кирилловского монастыря Гедеона, игумена глуховского Петропавловского монастыря Мелетия и своего келейного иеродиакона Дмитрия «на состроение потира» (*Варлаам Ясинский — Ф. А. Головину...*, л. 1). Указанные литургические приборы могли и не иметь элементов оформления, свойственных гетманскому заказу (в частности, их не имел серебряный с позолотой прибор, изготовленный для Софийского собора), но определенно способствовали популяризации среди киевского духовенства и богатых прихожан Киева образцов московского декоративно-прикладного искусства.

Высказанная гипотеза носит рабочий характер и, несомненно, нуждается в дальнейшем обосновании, в том числе путем изучения и сравнительного анализа соответствующих произведений искусства русских и украинских мастеров конца XVII — начала XVIII в., сохранившихся до наших дней. При этом стоит подчеркнуть, что отмеченное выше подражание не должно было сводиться к банальному копированию, если уже изготовленный для гетмана литургический прибор имел ряд особенностей, которые можно отождествить с украинскими традициями золотого дела в духе барокко. Все это делает потир и дискос гетмана Самойловича уникальными памятниками взаимодействия и взаимобогащения близкородственных культурных традиций.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

Библиография

Источники

В. В. Голицын — И. Самойловичу...

В. В. Голицын — И. Самойловичу. 13 декабря 1685 г., Москва, РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1728.

Варлаам Ясинский — Ф. А. Головину

Варлаам Ясинский — Ф. А. Головину. 20 января 1705 г. «3 монастыря Свято-Софийского кафедрального», РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1382.

И. Самойлович — В. В. Голицыну...

И. Самойлович — В. В. Голицыну. Б. д., б. м. Получено в Москве 12 марта 1686 г., РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 14.

Память из Серебряной палаты...

Память из Серебряной палаты в Малороссийский приказ. 4 мая 1686 г., РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 14. Л. 39об.–40.

Приказная выписка...

Приказная выписка по челобитной митрополита Гедеона. Март 1686 г., РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 14. Л. 27–27об.

Цидула...

Цидула к письму И. Самойловича В. В. Голицыну от 11 октября 1685 г., РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1728.

Литература

Бартош 2001

Бартош А. Є., Ризниця Успенського собору Києво-Печерської лаври, *Лаврський альманах, Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Збірник наукових праць*, 3, Київ, 2001, 75–84.

Бобровницкая 2001

Бобровницкая И. А., *Русская расписная эмаль конца XVII — начала XVIII века: Каталог*, Москва, 2001.

Болховитинов 1831

[Евгений (Болховитинов), митр.], *Описание Киевопечерской лавры с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов лавры и обеих пещер*, Киев, 1831.

Ганина 1973

Ганина О. Д., упор., *Музей історичних коштовностей Української РСР*, Київ, 1973.

——— 1974

Ганина О. Д., авт. вступної ст. та упор., *Київський музей історичних коштовностей*, Київ, 1974.

Ганина et al. 1984

Ганина О. Д., Старченко Е. В., Арустамян Ж. Г., Гарбуз Б. Б., авт.-сост., Лаукарт Л. И., вступ. ст., *Музей исторических драгоценностей УССР: Фотопутеводитель*, Киев, 1984.

Древности 1849

Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению, отделение I, Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного, Москва, 1849.

Древности-альбом 1849

Древности российского государства, изданные по высочайшему повелению государя Николая I, отделение I, [альбом иллюстраций], Москва, [1849].

Западалова, Сосновцева 2018

Западалова П. В., Сосновцева И. В., сост., Соловьева И. Д., науч. ред., *Осень русского средневековья. Искусство XVII века в собрании Русского музея*, С.-Петербург, 2018.

Зюева 2019

Зюева С. Г., Оклады Евангелий XV–XVII веков. Типология, иконография стиль, Борисова Т. С., Зюева С. Г., сост., *Рукописные и печатные Евангелия XIII — начала XX века в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог*, 1, Москва, 2019, 12–21.

ИСС

Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии, 3, С.-Петербург, 1873.

Калязина et al. 1987

Калязина Н. В., Комелова Г. Н., Косточкина Н. Д., Костюк О. Г., Орлова К. А., *Русская эмаль XII — начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа*, Ленинград, 1987.

Килессо 1975

Килессо С. К., *Киево-Печерская лавра. Памятники архитектуры и искусства*, Москва, 1975.

Кот 2020

Кот С., *Повернення і реституція культурних цінностей у політичному та культурному житті України (XX — поч. XXI ст.)*, Київ, 2020.

Кочегаров 2008

Кочегаров К. А., *Речь Посполитая и Россия в 1680 — 1686 годах. Заключение договора о Вечном мире*, Москва, 2008.

——— 2012

Кочегаров К. А., *Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг.*, Москва, 2012.

Макаренко 1915

Макаренко Н. Выставка церковной старины в музее барона Штиглица, *Старые годы*, июль — август, 1915, 14–81.

Мартынова 2002

Мартынова М. В., *Московская эмаль XV–XVII веков: Каталог*, Москва, 2002.

Методические рекомендации 2022

Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде, Москва, 2022 (<https://archives.gov.ru/documents/methodics/2022-recommendations-publikation.shtml>).

Музей 2007

Клочко Л. С., Підвисоцька О. П., Старченко О. В. та ін., [упор.], *Музей історичних коштовностей України: Альбом*, Київ, 2007.

Палатна 2018

Палатна С. Г., Ніжинський оклад 1686 року з колекції Музею історичних коштовностей України, *Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*, Київ, *Музей історичних коштовностей України, 20–21 листопада 2017 р.*, Київ, 2018, 176–182.

Петренко 1970

Петренко М. З., *Українське золотарство XVI–XVIII ст.*, Київ, 1970.

Підвисоцька 2017

Підвисоцька О. П., Вироби із живописними емалями у зібранні філіалу НМІУ — Музею історичних коштовностей України, *Науковий вісник Національного музею історії України*, 2, 2017, 97–104.

Постникова, Мишуков 1962

Постникова М. М., Мишуков Ф. Я., Изделия из драгоценных металлов, Леонов А. И., ред., *Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в.*, 1, Москва, 1962.

Постникова-Лосева, Платонова 1959

Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., *Русское художественное серебро XV–XIX вв.*, Москва, 1959.

Постникова-Лосева et al. 1962

Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л., сост., *Каталог русских эмалей на золотых и серебряных изделиях собрания Государственного исторического музея и его филиалов*, Москва, 1962.

Флоря et al. 2019

Флоря Б. Н., Кочегаров К. А., Чеснокова Н. П., Яфарова М. Р., Киевская митрополия, Московский патриархат и Константинопольский патриархат в 1676–1686 годах, *Воссоединение Киевской митрополии с Русской православной церковью 1676–1686 гг. Исследования и документы*, Москва, 2019.

Шероцкий 1917

Шероцкий К. В., Киев. Путеводитель, Киев, 1917.

Шульц 2001

Шульц І. В., Підписні і датовані фініфті українських майстрів на пам'ятках мистецтва XVII–XVIII ст., *Лаврський альманах. Києво-Печерська лавра в контексті української історії та культури. Збірник наукових праць*, 3, Київ, 2001.

Щербаківський 1926

Щербаківський Д., *Оправи книжок у київських золотарів XVII–XVIII ст.*, Київ, 1926.

Юхименко 2006

Юхименко Ю. М., сост. и отв. ред., Егоров В. Л., науч. ред., *Государственный исторический музей*, [альбом], Москва, 2006.

References

Bartosh A. E., Ryznytsia Uspens'kogo soboru Kyevo-Pechers'koï lavri, *Lavr's'kii al'manakh, Kyevo-Pechers'ka lavra v konteksti ukrains'koi istorii ta kul'turi. Zbirnyk naukovykh prats'*, 3, Kyiv, 2001, 75–84.

Bobrovnikskaya I. A., *Russkaia raspisnaia emal' kontsa XVII — nachala XVIII veka: Katalog*, Moscow, 2001.

Floria B. N., Kochegarov K. A., Chesnokova N. P., Yafarova M. R., *Kievskaia mitropolia, Moskovskii patriarkhat i Konstantinopol'skii patriarkhat v 1676–1686 godakh, Vossoedinenie Kievskoi mitropolii s Russkoi pravoslavnoi tserkov'iu 1676–1686 gg. Issledovaniia i dokumenty*, Moscow, 2019.

Ganina O. D., ed., *Muzei istorichnykh koshtovnostei Ukrains'koi RSR*, Kyiv, 1973.

Ganina O. D., ed., *Kyiv's'kii muzei istorichnykh koshtovnostei*, Kyiv, 1974.

Ganina O. D., Starchenko E. V., Arustamyan Zh. G., Garbuz B. B., Laukart L. I., eds., *Muzei istoricheskikh dragotsennostei USSR: Fotoputevoditel'*, Kyiv, 1984.

Kaliazina N. V., Komelova G. N., Kostochkina N. D., Kostyuk O. G., Orlova K. A., *Russkaia emal' XII — nachala XX veka iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, 1987.

Kileso S. K., *Kievo-Pecherskaia lavra. Pamiatniki arkhitektury i iskusstva*, Moscow, 1975.

Klochko L. S., Pidvisotska O. P., Starchenko O. V. eds., *Muzei istorichnykh koshtovnostei Ukraini: Al'bom*, Kyiv, 2007.

Kochegarov K. A., *Russkoe pravitel'stvo i sem'ia ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg.*, Moscow, 2012.

Kot S., *Povernennia i restytsiia kul'turnykh tsinostei u politychnomu ta kul'turnomu zhytti Ukraini (XX — poch. XXI st.)*, Kyiv, 2020.

Kochegarov K. A., *Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680 — 1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire*, Moscow, 2008.

Martynova M. V., *Moskovskaia emal' XV–XVII vekov: Katalog*, Moscow, 2002.

Palatna S. G., *Nizhyn's'kyi oklad 1686 roku z kolekt-sii Muzeiu istorichnykh koshtovnostei Ukraini, Materialy naukovoï konferentsii «Iuvelirne mistetstvo — pogliad kriz' viky»*, Kyiv, *Muzei istorichnykh koshtovnostei Ukraini*, 20–21 listopada 2017 r., Kyiv, 2018, 176–182.

Petrenko M. Z., *Ukrains'ke zolotarstvo XVI–XVIII st.*, Kyiv, 1970.

Pidvysotska O. P., Vyroby iz zhyvopysnymy emaliamy u zibranni filialu NMIU — Muzeiu istorichnykh koshtovnostei Ukraini, *Naukovyi visnik Natsional'nogo muzeiu istorii Ukraini*, 2, 2017, 97–104.

Postnikova M. M., Mishukov F. Ya., Izdeliia iz dragotsennykh metallov, Leonov A. I., ed., *Russkoe dekorativnoe iskusstvo ot drevneishego perioda do XVIII v.*, 1, Moscow, 1962.

Postnikova-Loseva M. M., Platonova N. G., *Russkoe khudozhestvennoe srebro XV — XIX vv.*, Moscow, 1959.

Postnikova-Loseva M. M., Platonova N. G., Ulianova B. L., eds., *Katalog russkikh emalei na zolotykh i serebrianykh izdeliakh sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia i ego filialov*, Moscow, 1962.

Shults I. V., *Pidpysni i datovani finifti ukrains'kikh maistryv na pam'iatkakh mistetstva XVII–XVIII st., Lavr's'kii al'manakh. Kievo-Pechers'ka lavra v konteksti ukrains'koi istorii ta kul'turi. Zbirnyk naukovykh prats'*, 3, Kyiv, 2001.

Yukhimenko Yu. M., Egorov V. L., eds., *Gosudarstvennyi istoricheskii muzei*, Moscow, 2006.

Zapadalova P. V., Sosnovtseva I. V., Solovieva I. D., eds., *Osen' russkogo srednevekov'ia. Iskusstvo XVII veka v sobranii Russkogo muzeia*, St. Petersburg, 2018.

Zyuzeva S. G., *Oklady Evangelii XV–XVII vekov. Tipologii, ikonografiia stil', Borisova T. S., Zyuzeva S. G., eds., Rukopisnye i pechatnye Evangelia XIII — nachala XX veka v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremli: Katalog*, 1, Moscow, 2019, 12–21.

Кирилл Александрович Кочегаров, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Лаборатории древнерусской культуры
ШАГИ ИОН РАНХиГС
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 2
Россия / Russia
kirill-kochegarow@yandex.ru

Received August 8, 2025

Выставка
крокодилов
в Пассаже
в 1864 году:
к истории замысла
повести «Крокодил»
и заметки
«Нечто личное»
Ф. М. Достоевского

Crocodiles in
St. Petersburg's
Passage Department
Store in 1864:
Towards the history
of Fyodor
Dostoevsky's
*The Crocodile and
Something Personal*

**Анастасия Николаевна
Першкина**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Anastasia N. Pershkina

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье впервые рассматриваются материалы из архива Дирекции императорских театров по организации выставки крокодилов в торговом Пассаже в Санкт-Петербурге осенью 1864 г., а также газетные публикации об этом событии. На примере конкретных статей показано, что именно эта выставка послужила вдохновением и источником для создания повести

Цитирование: Першкина А. Н. Выставка крокодилов в Пассаже в 1864 году: к истории замысла повести «Крокодил» и заметки «Нечто личное» Ф. М. Достоевского // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 174–192.

Citation: Pershkina A. N. (2026) Crocodiles in St. Petersburg's Passage Department Store in 1864: Towards the history of Fyodor Dostoevsky's *The Crocodile and Something Personal*. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 174–192.
DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.07

«Крокодил» Ф. М. Достоевского, напечатанной в начале 1865 г. в журнале «Эпоха». Обнаружение этих материалов помогает уточнить время, когда писатель начал работу над повестью, и заставляет поставить вопрос, почему он сам в более поздней заметке «Нечто личное» искадил хронологию работы над «Крокодилом». Мы высказываем версию, что Достоевскому нужно было публично опровергнуть слухи, будто бы в повести он высмеял Н. Г. Чернышевского. Писатель специально расставлял временные маркеры так, чтобы создать впечатление, что «Крокодил» был задуман до того, как Чернышевский был осужден и отправлен на каторгу. По нашему мнению, в 1870-е гг. Достоевскому понадобилось разобраться с этой историей ради примирения с Н. А. Некрасовым, которое могло открыть возможность печататься в «Отечественных записках».

Ключевые слова

Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, «Дневник писателя», «Крокодил», Дирекция императорский театров, София Гебгардт

Abstract

The article newly presents archival materials from the Directorate of Imperial Theaters relative to the organization of a crocodile exhibition held in St. Petersburg Passage department store in the autumn of 1864, along with newspaper reports on the event. The close analysis of specific articles demonstrates that this exhibition served as the direct inspiration and source for Fyodor Dostoevsky's short story *The Crocodile*, published in early 1865 in his journal *The Epoch*. This discovery provides insights into the timeline of Dostoevsky's work on the story and prompts a reexamination of the reason why he later misrepresented this chronology in the note *Something Personal*. This article proposes that Dostoevsky sought to deny publicly the rumors that he had mocked Nikolay Chernyshevsky in *The Crocodile*. The writer intentionally manipulated temporal markers to suggest that the idea of the story appeared prior to Chernyshevsky's sentencing and exile to hard labor. One can make a suggestion that, in the 1870s, Dostoevsky had to sort out this problem in order to make peace with Nikolay Nekrasov and to be able to publish in *Otechestvennye Zapiski*.

Keywords

F. M. Dostoevsky, N. G. Chernyshevsky, *The Crocodile*, *A Writer's Diary*, the Directorate of Imperial Theaters, Sophia Gebhart

Повесть Ф. М. Достоевского «Крокодил»¹ нельзя назвать малоизученной. В исследовательской литературе подробно освещены полемическая

¹ Полное название при первой публикации в журнале «Эпоха»: «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже, справедливая повесть о том, как один господин известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло. Семеном Стрижовым доставлено. Главы I–IV. Ф. Достоевского». Впервые опубликована в журнале братьев Достоевских «Эпоха» в № 2 за 1865 г., получившем цензурное разрешение 13 марта. В журнале основному тексту предшествовало четырехстраничное предисловие от редакции и «Письмо неизвестного сочинителя». Эти рамочные внесюжетные элементы были необходимы, чтобы разыграть мистификацию:

направленность [Кийко 1973: 398–392; Кийко, Степанова 2016: 537–541] и символическая основа текста². Кроме того, было установлено, что написанию повести предшествовала реальная выставка крокодилов в торговом доме «Пассаж» [Тихомиров 2019: 453], однако до сих пор не были выяснены обстоятельства этого мероприятия. Наша задача — заполнить эту лауну. Кроме того, новые данные о том, как создавалась повесть, неизбежно повлекут и корректировку взгляда на связанную с ней заметку «Нечто личное» (1873) из «Дневника писателя», в которой Достоевский рассказывает о том, как «Крокодил» был задуман и был принят в 1860-е гг., а также объясняет причины негативной реакции некоторых читателей и оправдывает себя, в том числе за счет грамотной расстановки временных маркеров.

В недавно вышедшей статье «Крокодилиада Достоевского: генезис и эволюция темы» Е. Ю. Сафронова соотносит замысел повести с барнаульскими впечатлениями писателя. Исследовательница указывает, что в коллекции местного музея в середине XIX в. выставилось чучело «крокодила-аллигатора», которое купил за границей один из создателей музея Ф. В. Гербель. По словам Сафроновой, «посещение старейшего в Сибири Краеведческого музея было частью обязательной программы знакомства с Барнаулом почетных гостей на протяжении десятилетий» [Сафронова 2024: 99], но при этом исследовательница отмечает, что «в книге “Собственноручные подписи особ, почтивших присутствием своим Барнаульский музей” нет автографа П. П. Семенова (Тянь-Шанского) или Ф. М. Достоевского» [Сафронова 2024: 99]. Далее Сафронова допускает, что Семенов все равно мог посещать музей, а потом «как минимум рассказывал другу о невероятных для Сибири экспонатах» [Сафронова 2024: 99]. В Барнауле Достоевский действительно бывал в 1856–1857 гг. Через этот город пролегал путь из Семипалатинска в Кузнецк. В первом Достоевский служил после выхода с каторги, во второй переехали супруги А. И. Исаев и М. Д. Исаева [Летопись 1999: 207–230], последней Достоевский был увлечен и женился на ней после смерти ее

повесть написана неизвестным корреспондентом, который принес рукопись на квартиру Достоевского «в отсутствие того из дому», писатель, в свою очередь, доставил текст в редакцию, где получил указания придумать для настоящего автора псевдоним (Семен Стрижов) и взять на себя ответственность за обнародование текста, поставив под ним и свое имя. При перепечатке текста во втором томе «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, вновь просмотренного и дополненного самим автором издания» (цензурное разрешение 24 июля 1865 г.) предисловие и «Письмо» были убраны Достоевским.

² В «Крокодиле» обнаруживается связь как с библейской символикой, так и с «Левиафаном» Томаса Гоббса и одноименным альманахом, задуманным В. Г. Белинским в 1848 г. См. подробнее об этом [Тихомиров 2019: 385–434; Живолупова 1994: 121–130].

первого мужа. Однако еще раз отметим: явных фактов, подтверждающих, что в поездках через Барнаул Достоевский мог своими глазами увидеть чучело или узнать о нем от друга, нет.

Как мы полагаем, куда вероятнее было то, что стимулом для написания «Крокодила» стала выставка, проходившая в Петербурге на рубеже 1864 и 1865 г. На нее ранее обращал внимание Б. Н. Тихомиров. В примечаниях к изданию малой прозы Достоевского он указывает:

...в декабре 1864 — январе 1865 г. в ведущих газетах можно было прочитать любопытное объявление:

«ВЫСТАВКА КРОКОДИЛОВ. В Пассаже, в нижней галерее, в № 42, можно видеть два КРОКОДИЛА-ВЕЛИКАНА, самые большие, до сих пор в Европе показанные; равным образом и другие звери, между коими значительное число вновь привезенных попугаев и обезьян. Кормление крокодилов бывает по четверткам [так!] и воскресеньям в 6 часов. Здесь же продают и покупают попугаев, обезьян и раковины» [Тихомиров 2019: 453].

Тихомиров пишет, что одинаковые объявления были напечатаны в № 305 «Санкт-Петербургских ведомостей» (29 декабря 1864 г.) и в № 2 «Голоса» (2 января 1865 г.).

Нам удалось обнаружить новые данные и газетные публикации, посвященные этой выставке. Ее организаторами были прусские подданные, супруги Юлиус и София Гебгардт. В архиве Дирекции императорских театров Министерства императорского двора хранится несколько заявлений от имени то мужа, то жены с просьбами разрешить устраивать в столице увеселительные представления. В их числе детский театр, выступление ученой собаки, демонстрация великанов, механических и восковых кабинетов и т. п. 16 сентября 1864 г. было заведено «Дело о дозволении Прусской подданной Софьѣ Гебгардтъ, показывать публикѣ въ зданіи Пассажа, въ нижней Галереѣ двухъ Крокодиловъ и нѣсколькихъ обезьянъ». В составе дела есть заявление просительницы:

16 Сент. 1864

Въ Контору Императорскихъ СПетербургскихъ Театровъ

Дозволить Прусской подданной Софіи Гебгардтъ³

Прошеніе

Желаю показывать публикѣ въ зданіи Пассажа въ нижней Галереѣ, вывезенных из заграницы двухъ Крокодиловъ и нѣсколькихъ обезьянъ доселѣ еще невиданныхъ в С. Петербургѣ; посему покорнѣйше прошу Контору Императорскихъ Театровъ разрѣшить выдать мнѣ на таковой предмет надлежащее Свидѣтельство, срокомъ до Великаго Поста 1865 года.

Sophia Gebhart (*Дело о дозволении...*, л. 1)

³ Приписка сделана отдельно поверх прошения. Орфография и пунктуация источника сохранены.

Следом в деле идет ответ Дирекции, подписанный тем же 16 сентября:

Свидѣтельство

Прусскій подданной, Софѣѣ Гебгартъ, въ томъ, что на показываніе ею публикѣ въ зданіи Пассажа въ нижней Галереѣ, вывезенныхъ изъ заграницы двухъ Крокодиловъ и нѣсколькихъ обезьянъ доселѣ невиданныхъ въ СѢбургѣ, срокомъ до Великаго Поста будущаго 1865 года, со стороны Дирекціи препятствія не имѣется, въ такомъ случаѣ естли послѣдуетъ на то дозволеніе отъ Полицейскаго Начальства. Въ удостовѣреніи чего и дано сіе Свидѣтельство отъ Конторы Импер. СѢ. Театровъ за подписаніемъ и приложеніемъ печати

Сентября «16-го» дня 1864 года.

Подп: Управл. Конторою Юргенсъ

Скр: Столоначальникъ Федоровъ (*Дело о дозволеніи...*, л. 2).

Дозволения от полиции в деле нет, однако и имеющиеся документы помогают локализовать во времени выставку крокодилов в Пассаже, подсказывая сразу две даты. Зрелище должно было открыться не ранее 16 сентября 1864 г. и закончиться до Великого поста, который в 1865 г. начинался 27 февраля (11 марта). В архиве нет более ранних обращений от Гебгардтов или других предпринимателей в Дирекцию императорских театров с просьбой разрешить показывать крокодилов в Пассаже.

Иногда Гебгардты подавали прошения о продлении той или иной выставки или представления — эти документы включались в состав соответствующего дела. В том из них, которое касалось крокодилов, таких бумаг нет, и мы допускаем, что причиной этому был новый большой проект супругов — создание первого в Санкт-Петербурге стационарного зоологического сада. Юлиус Гебгардт обратился в Дирекцию с таким прошением 11 декабря 1864 г. и получил одобрение 8 мая 1865 г.⁴ Проект был реализован и стал постепенно разрастаться. После смерти Юлиуса София в 1873 г. вышла замуж повторно за Эрнста Роста, который продолжил вместе с ней заниматься зоологическим садом. София умерла в 1887 г. [Петербургский листок 1887: 624], ее супруг спустя десять лет уехал в Германию. Новым деятельным владельцем зоосада в 1910 г. стал антрепренер С. Н. Новиков, а после революции 1917 г. зоосад был национализирован, но не закрыт и в итоге превратился в существующий и сейчас Ленинградский зоопарк [Зоосад...].

Выше мы уже указывали, что Тихомиров обнаружил объявления о выставке крокодилов в газетах в декабре 1864 и январе 1865 г. Мы нашли более ранние сообщения. В № 252 (13 ноября) «Русского инвалида»

⁴ РГИА. Ф. 218, Оп. 4. Д. 2675.

за 1864 г. на последней странице был размещен тот же рекламный текст, что позже появится в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Голосе»:

ВЫСТАВКА КРОКОДИЛОВ. В Пассаже, в нижней галерее, в № 42, можно видеть два КРОКОДИЛА-ВЕЛИКАНА, самые большие, до сих пор в Европе показанные; равным образом и другие звери, между коими значительное число вновь привезенных попугаев и обезьян. Кормление крокодилов бывает по четвергам и воскресеньям в 6 часов. Здесь же продают и покупают попугаев, обезьян и раковины.

Объявления практически идентичны, не считая разницы в написании названия дня недели «четверток/четверг», что, скорее всего, связано с отсутствием устоявшейся орфографической нормы.

В «Русском инвалиде» есть еще одна публикация о крокодилах. В № 219 от 4 (16) октября в составе «Петербургской хроники» был напечатан развернутый отзыв о выставке:

Нам удалось, впрочем, полюбоваться канатными фокусами обезьян в пятницу в Пассаже. Там, в № 42, устроен небольшой зверинец, принадлежащий сыну известного Петербургу укротителя зверей Крейцберга⁵. За двадцать пять копеек там вы можете увидеть двух живых крокодилов, самца и самку, вывезенных из Каира. Они помещены в двух ящиках, обитых жостью, и публика смотрит на них чрез проволочную сетку. Самец 14-ти лет, весом около 8-ми пудов; самка двумя годами моложе и двумя пудами легче разлученного с нею, волею судеб, супруга. Их два раза в неделю кормят, раз дают им по 7-ми фунтов мяса, другой раз по столько же мелкой живой рыбы, преимущественно угрей и корюшки. После кормления купают в воде 12° температуры. Показывая их, иностранец сообщает их биографию и их образ жизни, и в то же время, чтобы убедить публику, что субъекты эти не мертвые, щекочет их палкою и открывает им пасть, отчего обеспокоенные крокодилы производят довольно сильное шипенье. Кроме того, там показывается фараонова мышь, броненосец и штук до двенадцати обезьян. [...] Это единственное покуда зре-

⁵ Карл Крейцберг был известным в Санкт-Петербурге и Москве укротителем зверей. В архиве Дирекции императорских театров хранится несколько его обращений, поданных в 1860-е гг., с просьбой разрешить представления или принять в свой зверинец животных (РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 17222; РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 20199). О крокодилах или выставке крокодилов там ничего нет. В газете «Русский инвалид» в период с 1864 по 1866 г. есть несколько заметок о том, как проходили организованные Крейцбергом представления (№ 281, 1865; № 198, 1866). Также пока не удалось обнаружить информацию о его сыне. Мы допускаем ошибку автора заметки в «Русском инвалиде», который, узнав, что выставку в Пассаже организовал немец, сразу решил, что это известный укротитель. Официально отвечали за зрелище именно Гебгардты. В их прошении в Дирекцию императорских театров и в заметке «Русского инвалида» совпадает место проведения — Пассаж, время проведения — осень — зима 1864 г., состав экспозиции — крокодилы и редкие обезьяны. Сомнительно, чтобы в одно время в одном месте проходили две одинаковые выставки. Поэтому здесь мы склонны верить официальному документу, а не газетной заметке.

лице, которое может доставить себе петербуржец среди белого дня. Музей открыт довольно рано, но посещение крокодилов начинается с часу, когда утренняя публика Невского проспекта сменяется публикою сезонною [Русский инвалид 1864а: 3].

Эта заметка дает ценную информацию о том, как была организована выставка крокодилов в Пассаже, и позволяет говорить, что уже в начале октября 1864 г. зрелище было доступно петербургской публике. Кроме того, при сравнении с текстом Достоевского она подсвечивает работу писателя по переносу фактов в художественную реальность. Приведем фрагмент из начала повести «Крокодил», где рассказывается о том, как проходила выставка:

Сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года, в половине первого пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвеича, образованного друга моего, сослуживца и отчасти отдаленного родственника, пожелала посмотреть крокодила, показываемого за известную плату в Пассаже. Имея уже в кармане свой билет для выезда (не столько по болезни, сколько из любознательности) за границу, — а следственно, уже считаясь по службе в отпуску и, стало быть, будучи совершенно в то утро свободен, Иван Матвеич не только не воспрепятствовал непреодолимому желанию своей супруги, но даже сам возгорелся любопытством [...]

Войдя в Пассаж, он [Иван Матвеевич. — А. П.] немедленно стал восхищаться великолепием здания, а подойдя к магазину, в котором показывалось вновь привезенное в столицу чудовище, сам пожелал заплатить за меня четвертак крокодилщику, чего прежде с ним никогда не случалось. Вступив в небольшую комнату, мы заметили, что в ней кроме крокодила заключаются еще попугаи из иностранной породы какаду и, сверх того, группа обезьян в особом шкафу в углублении. У самого же входа, у левой стены стоял большой жестяной ящик в виде как бы ванны, накрытый крепкою железною сеткой, а на дне его было на вершок воды. В этой-то мелководной луже сохранялся огромнейший крокодил, лежавший, как бревно, совершенно без движения и, видимо, лишившийся всех своих способностей от нашего сырого и негостеприимного для иностранцев климата. Сие чудовище ни в ком из нас сначала не возбудило особого любопытства.

— Так это-то крокодил! — сказала Елена Ивановна голосом сожаления и нараспев, — а я думала, что он.. какой-нибудь другой!

Вероятнее всего, она думала, что он бриллиантовый. Вышедший к нам немец, хозяин, собственник крокодила с чрезвычайно гордым видом смотрел на нас.

— Он прав, — шепнул мне Иван Матвеич, — ибо сознает, что он один во всей России показывает теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замечание я тоже отношу к чрезмерно благодушному настроению, овладевшему Иваном Матвеичем, в других случаях весь ма завистливым.

— Мне кажется, ваш крокодил не живой, — проговорила опять Елена Ивановна, пикированная неподатливостью хозяина, и с грациозной улыбкой обращаясь к нему, чтоб преклонить сего грубияна, — маневр, столь свойственный женщинам.

— О нет, мадам, — отвечал тот ломаным русским языком и тотчас же, приподняв до половины сетку ящика, стал палочкой тыкать крокодила в голову. Тогда коварное чудовище, чтоб показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостом, приподняло рыло и испустило нечто подобное продолжительному сопенью [Достоевский, 5: 180–181].

Между двумя текстами есть много общего. В первую очередь это фоновые обстоятельства: и в заметке, и в повести указано, что в павильоне, помимо крокодилов, есть попугаи и обезьяны. Посещение крокодилов, согласно «Русскому инвалиду», начинается с часу дня. Герои повести Достоевского в половине первого пополудни решают пойти на выставку — и, видимо, оказываются в числе первых ее посетителей. Есть и более интересные совпадения. В заметке крокодилы «помещены в двух ящиках, обитых жестью, и публика смотрит на них чрез проволочную сетку». В повести: «[...] у левой стены стоял большой жестяной ящик в виде как бы ванны, накрытый крепкою железною сеткою, а на дне его было на вершок воды». В заметке, чтобы «убедить публику, что субъекты эти не мертвые», иностранец «щекочет их палкою и открывает им пасть». В повести Елена Ивановна говорит: «Мне кажется, ваш крокодил не живой», после чего немец приподнимает сетку и начинает «палочкой тыкать крокодила в голову». В ответ на эти действия рептилии в заметке «производят довольно сильное шипенье», а животное в повести испускает «нечто подобное продолжительному сопенью».

Пересечений достаточно, чтобы допустить, что Достоевский мог быть знаком с заметкой. Он с большой вероятностью был читателем «Русского инвалида», это была одна из основных правительственных газет, к тому же в издании печатались объявления о выходе журнала «Эпоха», и Достоевский мог просматривать его, чтобы убедиться, что они вышли. В приходно-расходном журнале регулярно фиксируются выплаты редакции газеты за публикацию объявлений [Редакционный архив 2021]. Однако привязывать замысел Достоевского исключительно к этой заметке не стоит. Возможно, все описанное в ней было обязательной программой выставки и очевидными впечатлениями от нее, и писатель мог увидеть крокодилов своими глазами. Он не раз бывал в Пассаже — там, например, располагался Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым), где в начале 1860 г. Достоевский участвовал в публичных чтениях, а осенью 1864-го хлопотал о пособии для одного из сотрудников журнала «Эпоха», П. Н. Горского [Заборова 1975: 158–170; Захарченко 2020: 158–176].

Так или иначе, совпадения между текстами заметки и повести говорят о том, насколько привязан текст Достоевского к конкретному событию. Как мы писали ранее, выставка должна была закрыться примерно в то же время, когда номер «Эпохи» с повестью был на рассмотрении цензуры. Однако герои Достоевского могли выставку посетить: она работала до конца февраля 1865 г., а Иван Матвеевич с супругой оказались там «сего тринадцатого января текущего шестьдесят пятого года».

Повесть и представленные в ней описания должны были соотноситься с воспоминаниями петербуржцев, которые видели крокодилов, знали обстоятельства выставки и могли убедиться, что Достоевский рассказывает именно о том, что было на самом деле, что можно было увидеть своими глазами или о чем можно хотя бы прочесть в газетах. Достоевский вообще отличался большим вниманием к тому, чтобы его произведения были максимально близки к реальности, а на фоне фактологически верных описаний остальные элементы текста — художественный вымысел и идейная составляющая — становились более убедительными для читателя⁶.

В случае с «Крокодилом» архивные материалы и публикация «Русского инвалида» свидетельствуют, что Достоевский вдохновлялся именно выставкой в Пассаже, которая проходила в октябре 1864 г. — феврале 1865 г. Интересно, что сам писатель, припоминая обстоятельства создания повести, в 1870-е гг. намекал на другие даты с помощью расстановки временных маркеров и увязки событий между собой.

Имеется в виду заметка «Нечто личное», опубликованная в составе «Дневника писателя» на страницах газеты-журнала «Гражданин» в январе 1873 г. Заметка начинается с воспоминаний о весне 1866 г. и разговора с издателем журнала, который «уже оканчивал замечательное и влиятельное на литературу и публику существование свое; но тогда, в то утро, его издатель еще не знал, что издание его уже так близко к своему берегу» [Достоевский 1973–1980, 21: 23]. За этими иносказаниями бесспорно и давно угаданы Н. А. Некрасов и его «Современник» [Фридлендер 1980: 392]. Во время разговора этот издатель, т. е. Некрасов, признается, что в его журнале критик обругал «хороший» роман

⁶ На все эти закономерности обращает внимание Б. Н. Тихомиров в книге «“Лазарь! гряди вон”. Роман Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в современном прочтении» [Тихомиров 2005]. Есть пример внимательной работы Достоевского с деталями в романе «Бесы», где он отводит несколько страниц на то, чтобы создать для Ставрогина насыщенную исключительными событиями и действиями биографию (дуэль, суд, разжалование в солдаты, участие в военных действиях, героический поступок, получение офицерского чина). Каждое из них оказывается вполне правдоподобным в тот временной промежуток и той законодательной действительности, к которым относится романский сюжет, так что для читателей жизнь героя не кажется оторванной от реальности [Першкина 2020].

«Преступление и наказание» в отместку за то, что Достоевский «в своей повести, два года назад, не постыдился надругаться над несчастным ссыльным и окарикатурить его» [Достоевский, 21: 24]. Имеется в виду «Крокодил», который был воспринят рядом современников как переиначивание событий, произошедших с Н. Г. Чернышевским: он был арестован в июле 1862 г., написал роман «Что делать?» во время заключения в Петропавловской крепости, а после обвинительного приговора весной 1864 г. был отправлен на каторгу в Сибирь. Среди тех, кто именно так прочитал «Крокодила», были и представители редакции «Современника», где в № 2–3 за 1866 г. вышла статья Г. З. Елисеева о романе «Преступление и наказание» с упреками в клевете на молодежь [Достоевский, 21: 393].

За рассказом о встрече с издателем следуют оправдания, почему «надругательства» и «окарикатуривания» не могло быть, а также воспоминания о личных контактах с Чернышевским. Первую встречу Достоевский датирует 1859 г., вторая привязана к событию — Достоевский нашел у дверей своей квартиры прокламацию «К молодому поколению», допустил, что Чернышевский может об этом что-то знать, и отправился к нему домой. Прокламация «К молодому поколению», написанная Н. В. Шелгуновым при участии М. Л. Михайлова, распространялась в России в сентябре 1861 г.⁷ К этой дате, пусть и не называя ее, Достоевский привязывает другую — время, когда возник замысел «Крокодила». Сначала он пишет:

Он [Чернышевский. — А. Л.] просидел у меня с час, и, признаюсь, я редко встречал более мягкого и радушного человека, так что тогда же подивился некоторым отзывам о его характере, будто бы жестком и необщительном. Мне стало ясно, что он хочет со мною познакомиться, и, помню, мне было это приятно. Потом я был у него еще раз, и он у меня тоже. Вскоре по

⁷ Сам Чернышевский по-другому излагает историю своих контактов с Достоевским. Согласно его воспоминаниям, первая их встреча состоялась «через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок» [Чернышевский 1939: 777], т. е. в конце мая — начале июня 1862 г. Вторая встреча состоялась через неделю или полторы. Завершает Чернышевский заметку «Мои свидания с Ф. М. Достоевским» словами «Это были два единственные случая, когда я виделся с Ф. М. Достоевским» [Чернышевский 1939: 779]. Сразу скажем, что Чернышевский, скорее всего, здесь описывает исключительно личные встречи тет-а-тет. Оба литератора могли присутствовать на одних и тех же заседаниях Литературного фонда, начиная с марта 1860 г. Например, 28 марта состоялось 17-е из них, где, согласно Журналу заседаний, присутствовал Чернышевский как член комитета. В этот день были рассмотрены предложения Достоевского помочь бывшему петрашевцу С. Ф. Дурову и принять в члены фонда Н. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова (ОР РНБ. Ф. 438. Ед. хр. 1. Л. 60об., 61об.). Неизвестно, были прошения Достоевского поданы в бумажном виде или же он присутствовал на заседании. Подробнее о деятельности Чернышевского в Литфонде см. [Сажин 1975], а об участии Достоевского см. [Заборова 1975].

некоторым моим обстоятельствам я переселился в Москву и прожил в ней месяцев девять. Начавшееся знакомство, таким образом, прекратилось. Засим произошел арест Чернышевского и его ссылка. Никогда ничего не мог я узнать о его деле; не знаю и до сих пор [Достоевский, 21: 26].

Далее следует новый временной маркер:

Года полтора спустя мне вздумалось написать одну фантастическую сказку, вроде подражания повести Гоголя «Нос». Никогда еще не пробовал я писать в фантастическом роде. Это была чисто литературная шалость, единственно для смеху. Представилось, действительно, несколько комических положений, которые мне захотелось развить. Хоть и не стоит того, но расскажу сюжет, чтобы понятно было, что потом из него вывели. Тогда в Петербурге в Пассаже какой-то немец показывал за деньги крокодила [Достоевский, 21: 26].

Судя по тому, как устроен текст, мы считаем, что точкой отсчета для «года через полтора» следует считать именно вторую встречу, связанную с прокламацией «К молодому поколению». В таком случае «года через полтора» после сентября 1861 г. — это первая половина или середина 1863 г. Как мы показали выше, в это время в Пассаже не было выставки крокодилов, что порождает нестыковки в хронологии.

Традиционная трактовка этого эпизода опирается на утверждение, что Достоевский допустил ошибку и назвал не ту прокламацию. Как полагали, в частности, составители примечаний к Полному собранию сочинений в 30 тт., он имел в виду другой текст — «Молодая Россия», который распространялся по столице весной 1862 г., в период петербургских пожаров [Фридлендер 1980: 393–394]. Эта же версия об ошибке Достоевского была принята Н. Г. Розенблумом в статье «Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский (запрещенные цензурой статьи журнала “Время”)». Исследователь восстановил хронологию той встречи с Чернышевским, когда обсуждалась прокламация: «Когда Достоевский был у Чернышевского? Последний сам дает возможность уточнить даты: “Через несколько дней после пожара, истребившего Толкучий рынок”, а о посещении им Достоевского он пишет: “через неделю или полторы”. Пожар рынка начался 28 мая к вечеру и длился два дня. Следовательно, быть у Чернышевского Достоевский мог лишь 30–31 мая» [Розенблум 1973: 39]. Если взять за основу этот вариант хронологии, где точкой отсчета для «года через полтора» был конец весны 1862 г., то все встает на свои места — выставка крокодилов проходит зимой 1864 г., и это соответствует действительности. Мы в данном случае полностью соглашаемся с расчетами наших предшественников и считаем, что их версия верна, если речь идет о фактах биографии. Однако мы

не склонны просто списывать на ошибку упоминание не той прокламации. Если «Молодая Россия» настолько впечатлила Достоевского, что он писал о ней в статье «Пожары» для «Времени»⁸ и потом поехал к Чернышевскому, тогда почему он назвал в заметке другой текст? Проблемы припоминания могли бы объяснить такую подмену, если бы «Нечто личное» не открывалось такими словами: «Некоторые эпизоды моего литературного поприща мне поневоле представляются с чрезвычайною отчетливостью, несмотря на слабую память» [Достоевский, 21: 23]. Эта фраза должна подготовить читателя к тому, что далее он познакомится с достоверно изложенной историей. На то, что дело не в подведшей Достоевского памяти, указывают и другие подозрительные неточности. Существенными из них можно считать повторение одной и той же конструкции. Ср.: «Собственно разбрасывателей прокламаций я не знал ни единого, не знаю и до сих пор» [Достоевский, 21: 25] и «Никогда ничего не мог я узнать о его [Чернышевского. — А. П.] деле; не знаю и до сих пор» [Достоевский, 21: 26]. Последнее утверждение о Чернышевском вызывает скорее общий вопрос о том, как можно было не знать обстоятельства крупнейшего политического процесса 1860-х гг. и как ими мог не интересоваться писатель, который за три года до этого, в 1859 г., сам вернулся из ссылки. Первое опровергается теми эпизодами, о которых Достоевский не знать не мог. Корректор журнала «Время» К. К. Сунгуров был арестован за хранение прокламации «Свобода № 1», подозревался в ее распространении и, пробыв в заключении несколько лет, повредился рассудком, был переведен в больницу для умалишенных, где и скончался [Базанов 1862]. С Сунгуровым Достоевский был лично знаком и навещал его [Коган 1973: 582]. Неточности, таким образом могли возникнуть из нежелания Достоевского (особенно в первые месяцы на посту редактора «Гражданина») говорить о своем интересе к политическим процессам или о связях с подследственными по политическим делам.

Другая существенная неточность — это указание «Вскоре по некоторым моим обстоятельствам я переселился в Москву и прожил в ней месяцев девять». В примечаниях к Полному собранию сочинений этот фрагмент прокомментирован так: «Достоевский сообщает, что он вскоре после визита к Чернышевскому на длительное время уехал из Петербурга. В 1861 г. Достоевский из Петербурга надолго не уезжал. За границу он отправился 7 июня 1862 г.» [Фридлендер 1980: 394]. Следует уточнить, что Достоевский не просто пишет, что покинул столицу, он указывает пункт назначения — Москву — и добавляет, что пробыл там девять месяцев. Его текст в этом случае не соотносится ни с событиями

⁸ Об авторстве Ф. М. Достоевского см. [Захарова 2021].

1861 г., ни с заграничным путешествием 1862 г., в котором он провел всего два с половиной месяца, чтобы вернуться в Россию 23 августа [Летопись 1999: 376]. Со стороны Достоевского это может быть осознанным искажением, потому что во время заграничной поездки, и в частности в июле 1862 г., когда был арестован Чернышевский, он встречался с Герценом, о контактах с которым (или даже об их возможности) не хотел упоминать в 1873 г.

Есть и просто ироническая неточность, когда Достоевский говорит, что «года полтора спустя мне вздумалось написать одну фантастическую сказку, вроде подражания повести Гоголя “Нос”. Никогда еще не пробовал я писать в фантастическом роде», как будто забывая о существовании «Двойника».

К тем расхождениям с реальными событиями, которые можно объяснить не ошибками припоминания, а публицистической необходимостью, добавляется неправильное название прокламации, у которого также может быть особая функция. Прежде чем перейти к изложению версии, что именно это за функция, нам бы хотелось еще раз подчеркнуть, что Достоевский — это писатель, которые умел работать с временными маркерами и, не называя конкретного дня или года, добивался того, чтобы читатель легко мог понять, о каком периоде идет речь.

О продуманной расстановке временных маркеров в «Преступлении и наказании» писал Б. Н. Тихомиров. Согласно его книге-комментария к роману, определить точную датировку событий текста помогает реплика Мармеладова «Шесть дней назад я первое жалованье мое [...] сполна принес» [Достоевский, 5: 19]. Тихомиров указывает: «Поскольку узаконенным днем получения жалованья в казенных учреждениях на всей территории Российской Империи было первое число месяца, слова Мармеладова дают возможность точно датировать начало действия в романе — 7 июля. День убийства, следовательно, приходится на 9 июля» [Тихомиров 2005: 45]. Далее исследователь замечает, что 9 июля было самым жарким днем лета 1865 г. в Петербурге и выбрано для убийства вовсе не случайно. Далее, по мысли Тихомирова, все события и временные промежутки между ними даны и описаны так, что явка Раскольникова с повинной приходится на 20 июля, Ильин день [Тихомиров 2005: 409].

По поводу работы Достоевского с временными маркерами в «Бесах» Л. И. Сараскина отмечала:

...логические и причинно-следственные взаимосвязи «временных знаков» продуманы столь тщательно, что оказывается совершенно реальной возможность вычислить даты почти всех событий строго по календарю. Более того, совокупная хронология «Бесов» «работает» так, что читатель может

полагаться на ее почти абсолютную точность: каждое событие в романе имеет одно-единственное время и место и не терпит приблизительных, «на глазок», определений [Сараскина 1990: 11–12].

Исследовательница продемонстрировала, как, не называя года, но четко определяя событие — разгром общества петрашевцев, — писатель выстраивает вокруг него другие эпизоды, прописывая, за сколько лет до или через сколько лет после произошел каждый из них, и это позволяет в итоге точно высчитать время основного действия романа и возраст героев.

В комментариях к «Братьям Карамазовым» в Полном собрании сочинений в 30 тт. указывается на предисловие «От автора», где проговаривается, что события, описанные в романе, происходили 13 лет назад. Роман начинает печататься в «Русском вестнике» в 1879 г., а значит, события происходят в 1866-м [Фридлендер 1976: 451]. Однако это не единственное указание именно на 1866 г. В тексте сказано, что Ивану Карамазову 23 года, несколько лет назад он закончил университет, вступил в наследство, собирался уехать за границу, но написал статью о церковном суде, из-за чего стал известен и не смог осуществить намерение. Статья о церковном суде должна была быть написана под Судебную реформу 1864 г. В это время Ивану 21 год, именно в этом возрасте вступали в наследство и обычно оканчивали университет. Получается, что 23 года Ивану — в 1866 г.

Еще один подобный случай встречается уже не в романе, а в повести, близкой по времени создания к «Крокодилу». Это «Записки из подполья» 1864 г. В первой их части герою 40 лет, и время действия максимально приближено ко времени создания, так как в повести содержится критика романа «Что делать?», вышедшего в 1863 г., и статьи «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, напечатанной в «Медицинском вестнике» в конце 1863 г. [Вдовин 2020]. Вторая часть, имеющая заголовок «По поводу мокрого снега», — это воспоминания о событиях, которые происходили, когда герою было 24 года, т. е. на 16 лет раньше. Простые вычисления дают 1848 г., что важно в том числе в контексте биографии Достоевского. Это последний год, проведенный им в Петербурге до разгрома кружка петрашевцев, суда и каторги, последний год, когда Достоевский знал, как и чем живет столица, чтобы иметь возможность достоверно изобразить ее в тексте.

Эти примеры показывают, как хорошо Достоевский умел обходиться с временными маркерами и расставлять их так, чтобы получить нужный и важный для понимания его текста результат. Именно такая закономерность позволяет допустить, что в «Нечто личное» указание на одно конкретное локализованное во времени событие (распро-

странение прокламации «К молодому поколению») и привязка к нему другого («года через полтора») — это продуманная манипуляция. Она нужна для того, чтобы опровергнуть суждения круга бывшего «Современника», будто бы Достоевский высмеял Чернышевского. Мы в данном случае не пытаемся дать ответ на вопрос, был ли «Крокодил» пасквилем на Чернышевского или же полемическим выпадом против других молодых публицистов, например Д. И. Писарева и В. А. Зайцева. Об этом в примечаниях к повести в Полном собрании сочинений подробнее писала Е. И. Кийко, на конкретных цитатах показывая, что речь Ивана Матвеевича отчасти сплетена из отсылок к их текстам или прямым цитат оттуда [Кийко 1973: 398–392]. О литературной пародийности «Крокодила» писал В. В. Прозоров, проводя параллели между Иваном Матвеевичем и гоголевским Хлестаковым [Прозоров 2022: 5–11]. Мы лишь указываем, что часть современников увидела в «Крокодиле» пасквиль и Достоевскому пришлось работать с последствиями такого прочтения.

Осенью 1864 г. Чернышевский уже осужден и отправлен на каторгу. Тот же «Русский инвалид» писал о вынесенном приговоре 9 мая (№ 103). И действительно, задумывать, писать и публиковать текст, который может быть прочитан как издевка над судьбой другого литератора, в это время — странный, но не недопустимый поступок, особенно в пылу литературной полемики. Однако «литературная шалость», задуманная в середине 1863 г., когда исход дела Чернышевского еще не был предрешен, а в «Современнике» как раз начинается печататься роман «Что делать?», дает меньше поводов для общественного возмущения. При этом не стоит забывать, что и в середине 1863 г., и в течение всего 1864-го в заключении находится Д. И. Писарев. Исследователи, которые отрицают пародийность «Крокодила» применительно к Чернышевскому, считают Писарева одним из настоящих адресатов полемического выпада Достоевского [Кийко 1973: 389]. Так или иначе, текст имеет скандальный потенциал, если направлен против арестованного публициста.

Теперь перейдем к прагматике заметки «Нечто личное». В комментариях к этой заметке в Полном собрании сочинений в 30 тт. указано, что она

писалась в обстановке полемики по поводу «Бесов», печатание которых, начатое в 1871 г., закончилось в последнем номере «Русского вестника» за 1872 г., и была задумана как ответ критикам, поставившим имя автора «Бесов» в один ряд с авторами рядовых «антинигилистических» романов, защищавших существующий порядок. Не затушевывая своих идейных расхождений с демократическим лагерем, Достоевский, напротив, хотел в

«Дневнике» подчеркнуть независимость своей общественной позиции, открыто заявив о том, что он «сам бывший ссыльный и каторжный» сочувствует Чернышевскому, которого уважает, хотя и расходится «с ним в мнениях радикально» [Фридлендер 1980: 391–392].

Событийный фон начала 1870-х гг., который мог влиять на Достоевского, важен в наших рассуждениях. Писатель тогда переживает еще один литературный конфликт, связанный с «Бесами», но не с критикой в сторонних журналах, а с редакцией «Русского вестника». Именно в этом журнале печатался роман, и именно редактор «Русского вестника» М. Н. Катков воспротивился публикации главы «У Тихона» из-за сомнительного содержания и сюжета с растлением девочки. В примечаниях к роману «Подросток», следующему крупному произведению, за которое взялся Достоевский после «Бесов», указано, что во многом причиной публикации нового текста у Некрасова в «Отечественных записках» был конфликт из-за этой главы [Архипова 1976: 258]. Сыграли роль и финансовые соображения (Катков не выдал Достоевскому аванс в 2000 рублей, по 250 рублей за лист), а также личные контакты с Некрасовым и приглашение печататься в журнале, где он был редактором. Работа над «Подростком» формально начинается в феврале 1874 г., а окончательная договоренность с Некрасовым была достигнута весной того же года. Как с этими событиями соотносится публикация начала 1873 г. в «Гражданине»? Возможно, «Подростка» на этот момент в планах Достоевского не существовало, однако следует помнить, что 1860-е и 1870-е годы, отмеченные работой над пятью большими романами, были периодом повышенной творческой активности и, судя по записным книжкам, писатель хотел создать более десяти крупных произведений, которые нужно было где-то печатать. Учитывая конфликт с Катковым, Достоевскому уже в 1873 г. приходится думать, куда отдавать свой следующий большой текст. «Отечественные записки» Некрасова казались естественным выбором — это солидное, денежное издание, в редакции которого у Достоевского были личные контакты. Однако прежде чем напечататься у Некрасова, возможно, стоило разрешить давние конфликты и недоговоренности, поэтому, как мы допускаем, Достоевский решил вспомнить историю с Чернышевским и снять с себя обвинения хотя бы в окарикурировании его судьбы. При этом писатель не обращал внимания на возникающие расхождения с хронологией 1860-х гг. Это объясняется тем, что у повести «Крокодил» и заметки «Нечто личное» была разная прагматика, и Достоевский использовал сходный набор приемов для достижения разных целей.

Сокращенные названия библиотек и архивов

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург, Россия).

Библиография

Источники

Дело о дозволении...

Дело о дозволении прусской подданной Софье Гебгардт, показывать публике в здании Пассажа, в нижней Галерее двух Крокодилов и нѣскольких обезьян, РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 19679. Л. 1.

Петербургский листок 1887

Петербургский листок, 1887, 49 (22 февраля).

Русский инвалид 1864а

Русский инвалид, 1864, 219.

Русский инвалид 1864б

Русский инвалид, 1864, 252

Достоевский, 1–30

Достоевский Ф. М., *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, 1–30, Ленинград, 1972–1990.

Чернышевский 1939

Чернышевский Н. Г., *Полное собрание сочинений: в пятнадцати томах*, 1, Москва, 1939.

Литература

Архипова 1976

Архипова А. В., Примечания, *Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений в тридцати томах*, 17, Ленинград, 1976, 251–393.

Базанов 1962

Базанов В. Г., Капитон Сунгуров и его записная книжка, *Русская литература*, 1962, 1, 216–229.

Вдовин 2020

Вдовин А. В., Достоевский и рефлексy головногo мозга. «Записки из подполья» в свете открытий И. М. Сеченова, *Русский реализм XIX века. Общество, знание, повествование. Сборник статей*, Москва, 2020, 431–452.

Заборова 1975

Заборова Р. Б., Ф. М. Достоевский и Литературный фонд (по архивным документам), *Русская литература*, 1975, 3, 158–170.

Захарова 2021

Захарова О. В., Дело 1862 года о литераторе Достоевском, *Неизвестный Достоевский*, 2021, 3, 72–93.

Захарченко 2020

Захарченко С. О., Эпистолярный роман Ф. М. Достоевского с авантюристкой Марфой Браун, *Неизвестный Достоевский*, 2020, 4, 158–176.

Зоосад

Зоосад Юлиуса и Софии Гебгардт (http://spbzoo.ru/o_nas/istoriya-zooparka/1865-1873).

Живолупова 1994

Живолупова Н. В., Трансформация мотива «Подражания Христу» в произведениях Ф. М. Достоевского 60-х годов («Скверный анекдот», «Записки из подполья»,

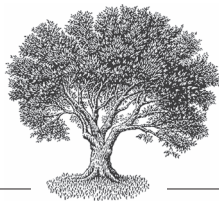
- «Крокодил»), *Достоевский и современность. Материалы VIII Международных Старорусских чтений 1993 г.*, Новгород, 1994, 121–130.
- Летопись 1999
Летопись жизни и творчества Достоевского, 1, С.-Петербург, 1999.
- Кийко 1973
Кийко Е. И., Примечания, *Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений в тридцати томах*, 5, Ленинград, 1973, 387–398.
- Кийко, Степанова 2016
Кийко Е. И., Степанова Г. В., Примечания, *Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений и писем в тридцати пяти томах*, 5, С.-Петербург, 2016, 533–561.
- Прозоров 2022
Прозоров В. В., Ф. М. Достоевский и Н. Г. Чернышевский: кого же высмеивал «Крокодил»? *Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы*, 23, Саратов, 2022, 5–11.
- Редакционный архив 2021
Редакционный архив журналов Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»: коллективная монография, С.-Петербург, 2021.
- Розенблюм 1973
Розенблюм Н. Г., Петербургские пожары 1862 г. и Достоевский (Запрещенная цензурой статья «Времени», *Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования*, Москва, 1973, 16–54.
- Першкина 2020
Першкина А. Н. Прапорщик Ставрогин: из исторического комментария к роману Ф. М. Достоевского «Бесы», *Русская литература*, 2020, 2, 85–87.
- Сажин 1975
Сажин В. Н., Н. Г. Чернышевский в Литературном фонде (по архивным материалам), *Русская литература*, 1975, 3, 154–158.
- Сараскина 1990
Сараскина Л. И., *«Бесы»: роман-предупреждение*, Москва, 1990.
- Сафронова 2024
Сафронова Е. Ю., Крокодилиада Ф. М. Достоевского: генезис и эволюция темы, *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2024, 28/4, 90–116.
- Тихомиров 2005
Тихомиров Б. Н., «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий, С.-Петербург, 2005.
- 2019
Тихомиров Б. Н., Комментарии, *Достоевский Ф. М., Малая проза. Книга вторая: Скверный анекдот; Крокодил; Вечный муж; Бобок; Кроткая; Сон смешного человека; Тритон*, С.-Петербург, 2019, 385–434.
- Фридлендер 1976
Фридлендер Г. М., Примечания, *Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений в тридцати томах*, 15, Ленинград, 1976, 393–620.
- 1980
Фридлендер Г. М., Примечания, *Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений в тридцати томах*, 21, Ленинград, 1980, 391–396.

References

- Arkhipova A. V., Primechaniia, *Dostoevskii F. M., Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh*, 17, Leningrad, 1976, 251–393.
- Bazanov V. G., Kapiton Sungurov i ego zapisnaia knizhka, *Russkaia literatura*, 1962, 1, 216–229.
- Fridlender G. M., Primechaniia, *Dostoevskii F. M., Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh*, 15, Leningrad, 1976, 393–620.
- Fridlender G. M., Primechaniia, *Dostoevskii F. M., Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh*, 21, Leningrad, 1980, 391–396.
- Kiiko E. I., Primechaniia, *Dostoevskii F. M., Polnoe sobranie sochinenii v tridsati tomakh*, 5, Leningrad, 1973, 387–398.
- Kiiko E. I., Stepanova G. V., Primechaniia, *Dostoevskii F. M., Polnoe sobranie sochinenii i pisem v tridsati piati tomakh*, 5, S.-Peterburg, 2016, 533–561.
- Pershkina A. N., Nikolay Stavrogin as a Praporshchik: An Additional Historical Commentary to *The Demons* by F. M. Dostoyevsky, *Russkaia literatura*, 2020, 2, 85–87.
- Prozorov V. V., F. M. Dostoevskii i N. G. Chernyshevskii: kogo zhe vysmeival «Krokodil»?., *N. G. Chernyshevskii. Stat'i, issledovaniia i materialy*, 23, Saratov, 2022, 5–11.
- Rozenblium N. G., Peterburgskie pozhary 1862 g. i Dostoevskii (Zapreshchennaia tsenzuroi stat'ia "Vremeni"), *F. M. Dostoevskii. Novye materialy i issledovaniia*, Moskva, 1973, 16–54.
- Safonova E. Yu., *Crocodyliada* by Fyodor Dostoevsky: Genesis and Evolution of the Theme, *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2024, 28/4, 90–116.
- Saraskina L. I., "Besy": roman-preduprezhdenie, Moscow, 1990.
- Sazhin V. N., N. G. Chernyshevskii v Literaturnom fonde (po arkhivnym materialam), *Russkaia literatura*, 1975, 3, 154–158.
- Tikhomirov B. N., "Lazar'! griadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii*, St. Petersburg, 2005.
- Tikhomirov B. N., *Kommentarii, Dostoevskii F. M., Malaia proza. Kniga vtoraiia: Skvernyi anekdot; Krokodil; Vechnyi muzh; Bobok; Krotkaia; Son smeshnogo cheloveka; Triton*, St. Petersburg, 2019, 385–434.
- Vdovin A. V., Dostoevskii i refleksy golovno-mozga. "Zapiski iz podpol'ia" v svete otkrytii I. M. Sechenova, *Russkii realizm 19 veka. Obshchestvo, znanie, povestvovanie. Sbornik statei*, Moscow, 2020, 431–452.
- Zaborova R. B., F. M. Dostoevskii i Literaturnyi fond (po arkhivnym dokumentam), *Russkaia literatura*, 1975, 3, 158–170.
- Zakharova O. V., The 1862 Case of the Writer F. M. Dostoevsky, *The Unknown Dostoevsky*, 2021, 3, 72–93.
- Zhivolupova N. V., Transformatsiia motiva "Podrazhaniia Khristu" v proizvedeniakh F. M. Dostoevskogo 60-kh godov ("Skvernyi anekdot", "Zapiski iz podpol'ia", "Krokodil"), *Dostoevskii i sovremenost'. Materialy 8 Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 1993 g.*, Novgorod, 1994, 121–130.

Анастасия Николаевна Першкина, кандидат филологических наук,
доцент Школы филологических наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
Россия / Russia
dostoevsk@mail.ru

Received May 20, 2025

«Учитесь у величайших
гениев проклятого
прошлого»:
Идеи «классики»
и «классического» в
эстетической теории
и литературной
практике пролетарской
культуры 1920-х годов*

**Дмитрий Михайлович
Цыганов**

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН,
Москва, Россия

“Learn from the
Greatest Geniuses of
the Cursed Past”:
The Ideas of “Classics”
and “Classical” in the
Aesthetic Theory and
Literary Practice of
the Proletarian
Culture in the 1920s

Dmitry M. Tsyganov

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00196, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР/СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)», <https://rscf.ru/project/25-18-00196/>

Автор приносит слова глубокой благодарности Д. С. Московской и В. В. Турчаненко за ценные замечания, многочисленные уточнения, советы, дополнения и интерес к этому исследованию.

Цитирование: Цыганов Д. М. «Учитесь у величайших гениев проклятого прошлого»: Идеи «классики» и «классического» в эстетической теории и литературной практике пролетарской культуры 1920-х годов // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 193–226.

Citation: Tsyganov D. M. (2026) “Learn from the Greatest Geniuses of the Cursed Past”: The Ideas of “Classics” and “Classical” in the Aesthetic Theory and Literary Practice of the Proletarian Culture of the 1920s. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 193–226.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.08

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

В настоящей статье рассматривается сложный процесс трансформации культурного канона в эстетической теории и литературной практике пролетарской культуры 1920-х гг. В это время произошло затухание авангардного импульса и нарастание неоимперских настроений, а идеи «классики» и «классического» стали инструментом всевозможных идеологических манипуляций. Особое внимание в статье уделяется дискуссиям между эстетически противоборствующими литературными группировками о роли «классиков» в формировании пролетарской культуры. Ключевым моментом становится полемика между редактором «Красной нови» и идеологом «Перевала» А. К. Воронским и напостовцами, в которой на первый план вышла проблема «культурного наследства». Воронский настаивал на необходимости критического освоения классики, тогда как его оппоненты видели в ней угрозу революционной культуре. Советская власть, однако, заняла прагматичную позицию, используя «классиков» для легитимации нового политико-эстетического режима. Кроме того, в настоящей статье предпринята попытка увязать проблему «классики» с издательской политикой Советского государства в 1920-е гг.: демонстрируется, как запуск массовых тиражей и серийных изданий способствовал укоренению пролетарского литературного проекта. Показательно, что даже среди критиков марксистской ориентации не было единства в оценках «литературного наследия»: одни видели в «классиках» образцы для подражания, материал для организации массовой «литературной учебы», другие же стремились отвергнуть их как «пережиток буржуазной эпохи». Настоящее исследование основано на широком круге источников — от журнальных статей и стенограмм дискуссий до издательских планов и читательских откликов, что позволяет проследить, как формируемые в ходе критической полемики идеологические установки влияли на раннесоветское литературное производство. Подробный анализ шедших обсуждений позволяет сделать вывод, что к концу десятилетия идеи «классики» и «классического» стали не столько эстетическим ориентиром пролетарского культурного проекта, сколько инструментом его легитимации, позволившим за несколько лет монополизировать сферу литературного производства 1920-х гг.

Ключевые слова

пролетарский культурный проект, классика и классическое, литературное производство, литературный канон, литература и марксизм, раннесоветская издательская политика, РАПП, Перевал, ЛЕФ, Луначарский

Abstract

This article examines the complex process of transformation of the cultural canon in the aesthetic theory and literary practice of the proletarian culture in the 1920s. At that time, the avant-garde impulse faded and neo-imperial sentiments grew, while the ideas of "classics" and "classical" became instruments of all kinds of ideological manipulations. The article pays special attention to the discussions between aesthetically opposing literary groups about the role of the "classics" in the formation of proletarian culture. The key moment is the polemic between the editor of *Red Virgin Soil* and the ideologist of "Pereval" A. K. Voronsky, in which the problem of "cultural heritage" was revealed.

Voronsky insisted on the need for a critical assimilation of the classics, while his opponents saw them as a threat to revolutionary culture. The Soviet government, however, took a pragmatic position, using the “classics” to legitimize the new political and aesthetic regime. In addition, this article attempts to link the problem of the “classics” with the publishing policy of the Soviet state in the 1920s: it demonstrates how the proletarian literary project was rooted through mass circulation and serial publications. It is significant that even among critics of a Marxist orientation there was no unity in the assessments of the “literary heritage”: some saw the “classics” as models to follow, material for organizing mass “literary studies”, while others sought to reject them as a “relic of the bourgeois era”. This study is based on a wide range of sources—from journal articles and transcripts of discussions to publishing plans and reader responses—which allows us to trace how the ideological attitudes created in the course of critical polemics influenced early Soviet literary production. A detailed analysis of the discussions that took place allows concluding that by the end of the decade, the ideas of “classics” and “the classical” had become not so much an aesthetic guideline for the proletarian cultural project as an instrument for its legitimization, which made it possible to monopolize the sphere of literary production in the 1920s in the space of a few years.

Keywords

Proletarian Cultural Project, Classics and the Classical, Literary Production, Literary Canon, Literature and Marxism, Early Soviet Publishing Policy, RAPP, Pereval, LEF, Lunacharsky

1920-е гг. были отмечены затуханием авангардного импульса, сопутствовавшего революционному перевороту, и усилением реставрационных тенденций, которые способствовали стремительному преодолению интеллектуального разрыва с прежней культурой. Некогда отринутая «художественная традиция» тогда не только становилась ценностной опорой утверждавшейся власти, но и позволяла представителям «нового» искусства в первые пореволюционные годы локализовать собственную художественную практику в эстетически не упорядоченном культурном поле. Однако «художественная традиция» в то время еще не существовала как нечто раз и навсегда определенное, застывшее в своем величии. Присущие литературной индустрии институциональные механизмы, работа которых была отлажена в еще имперской России, отчасти продолжали поддерживать общее представление об иерархически упорядоченном и вместе с тем подвижном устройстве литературной культуры XIX столетия [Цыганов 2024], но у существенной части населения попросту отсутствовало целостное представление об этой литературной культуре. Иными словами, понимание «классики» и «классического» разнилось в зависимости от общего уровня «культурной осведомленности»: у той части социума, которая была непосредственно

занята культурным производством, это понимание было вариативным, т. е. обусловленным конкретными эстетическими или идеологическими задачами, у другой его части — фрагментарным, т. е. обусловленным общими представлениями о культурной жизни прошлого, а также личными или навязанными читательскими пристрастиями, а у третьей части такое представление отсутствовало вовсе [Цыганов 2022b; Бакшаева, Цыганов 2026]. Такое положение дел оказывалось благоприятным для осуществления намеченного вчерне партийного проекта по (пере)созданию литературной «классики», так как нецельное и податливое расфокусированное сознание тогда уже было готово усвоить идею новой эстетической иерархии — «классического» канона русской культуры.

Критическая дискуссия о «классике» и «классическом» и их месте в «новой» культуре берет начало еще в модернистских исканиях рубежа веков, а ее содержание в те годы отнюдь не исчерпывается стремлением наиболее радикальных авангардных групп «[б]росить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности»². Почти каждое эстетически самостоятельное объединение пыталось предложить собственную стратегию взаимодействия с художественной традицией³; множество этих разнонаправленных стратегий оформили «дискурсивный арсенал» для работы с «наследием» в диапазоне от категорического отрицания (например, Пролеткультом или ЛЕФом) до производства ностальгических «ремейков». Революционные события существенно упростили «модернистскую» множественность апроприационных практик⁴ и свели их к нейтральной производственной

² Позднее, обсуждая это положение, Ерилов напишет: «Формула эта, по своей нелепости, равносильна такой "формуле": ребенок, чтобы родиться, должен предварительно убить своих родителей» [Ерилов 1928: 20]. Ср. остроумные наблюдения А. К. Жолковского над этой футуристической формулировкой [Жолковский 2009].

³ Подробнее см.: [Мейлах 1967]. О том, в каких направлениях развивалась интеллектуальная история советского культурного проекта в 1980–2010-е, см. подробнее: [Цыганов 2022a].

⁴ Некогда руководивший ГАХН П. С. Коган, характеризуя перемену в отношении к «классике», во второй половине 1920-х указывал на это упущение в творческой практике футуристов: «Сегодня этой молодежи грозит опасность удариться в дилетантизм, отбросить всякую мысль о подготовке, об учебе, об истории. И в зависимости от этого меняется подход к классикам, к литературному наследию, к вопросу о мастерстве, которое вчера еще было отодвинуто на задний план идеологией, сегодня выдвигается вперед, как очередная ударная задача» [Коган 1927: 109]. Позднее схожие процессы произошли и в институционально оформленных творческих группах; ср.: «До сих пор Леф представлял собою самостоятельную поэтическую республику. Объявив себя единственно разумной династией, левовцы высокомерно поглядывали на всех и на все. По отношению к классикам был организован своеобразный бойкот, выразившийся в явном пренебрежении к классическим формам стиха и всему тому, что отдаленно напоминает старую литературу. Лишь недавно произошел заметный сдвиг в

логике напостовцев / рапповцев. В рамках этой концепции вопрос об отношении теоретиков и практиков пролетарской культуры к «наследству» сопрягался с вопросом о «мастерстве» «наследника»; проблема же «мастерства» провоцировала усиление самокритических настроений внутри творческого сообщества [Цыганов 2022с], которое обрекалось партийным начальством на вечное «ученичество».

В начале 1920-х гг. потребность в самоопределении привела участников многочисленных литературных группировок к необходимости концептуализировать свое отношение к «классике». Важность этого шага осознавалась всеми, так как от того, насколько убедительно теоретикам удастся построить идейные взаимоотношения с художественной «традицией», зависело не только положение того или иного объединения в литературном поле, но и перспектива дальнейшего существования этой группы. Активнее всех в этом процессе заявила о себе провластная («пролетарская») группа «Октябрь», руководители и участники которой в 1923–1924 гг. развернули на страницах журнала «На посту» широкое обсуждение проблемы взаимодействия с «культурным наследством»⁵. Поводом к началу полемики стало появление статьи редактора «Красной нови» и идеолога «Перевала» А. К. Воронского «О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях)» (опубл.: Прожектор. 1923. № 12). Этот текст — реакция критика на появление первого, июньского, номера «На посту» — по своей прагматике был намного сложнее «статьи по поводу» и выходил за первоначально намеченные рамки. (Примечательно, что само слово «классика» встречается в первом номере журнала лишь несколько раз в нейтральных контекстах; чаще напостовцы упоминали конкретные имена, в том числе имя Пушкина⁶.) Дискурс ответных статей

работе Лефа. Пушкин получил признание не только де-юре, но и де-факто» [Беккер 1928: 25].

⁵ Несколькими годами позднее Коган писал о творческих принципах, о трех «путях» критики напостовцев: «Первое: ни слова о форме, важна только тенденция. Второе: никаких полетов, никаких художественных обобщений, переходящих за границы сегодняшнего дня, все, что может хотя бы на минуту отвлечь от работы данного момента, должно быть изгнано из литературы, как зловерное мечтательство. Третье: резкий разрыв с прошлым, отречение от всяких традиций, строительство на голом месте, поэту полезно читать “Экономическую жизнь”, но нигде не упоминается о полезности ознакомления с художественными образцами, с великими предшественниками, о необходимости усвоения своего мастерства» [Коган 1927: 34–35].

⁶ Так, Л. С. Сосновский в статье «Первый пролетарский поэт Демьян Бедный» писал: «Современники передают, что на похоронах Некрасова один оратор поставил Некрасова на первое место после Пушкина.

— Он выше Пушкина! — выкрикнули молодые голоса из толпы слушателей.

Выше ли Пушкина Некрасов, как поэт, — дело другое. Но одно несомненно: Некрасов потрясал души своих молодых читателей, особенно разночинцев, и

показывает, что напостовцы хорошо понимали, что поражение в намеренно начатом Воронским споре о «классиках» грозило им и всей пролетарской эстетической платформе не только символическим, но даже физическим устранением с арены идейных столкновений. Дело в том, что уже в самом начале статьи Воронский, хорошо знакомый с правилами «литературной борьбы», «атаковал» напостовцев, подчеркнув, что «ими допущен целый ряд серьезных промахов и упущений» [Воронский 1923: 14]. Критик, в статье «На перевале» (с подзаголовком «Дела литературные»; опубли.: Красная новь. 1923. № 6) провозгласивший лозунг «Вперед к классикам, к Гоголю, к Толстому, к Щедрину», указывал на то, что напостовцы предлагают упрощенческую и примитивную интерпретацию литературной жизни прошлого:

Буржуазно-помещичья литература, разумеется, имеет общие черты, свойственные только ей; тем не менее, рассматривать ее исключительно, как нечто единое, цельное, значит заранее запутаться в общих фразах, в общих местах, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу. Это — в лучшем случае, а в худшем такая точка зрения должна привести к ряду самых печальных недопониманий и ошибок. Буржуазная литература жила и развивалась вместе со своим классом. Было время, когда буржуазия боролась с феодализмом, когда она была революционна. Тогда и наука, и искусство было революционны; после побед был период зрелости, равновесия, полнокровия, здоровья, расцвета; в эту эпоху буржуазия и в области науки, и в области литературы дала несравненные образцы творения мысли и чувства; наконец, *наша эпоха — эпоха распада, упадка, разложения, умирания буржуазного общества, и этому соответствуют упадок, регресс и контрреволюционность и в науке, и в искусстве*. Различие между литературой буржуазии эпохи Sturm und Drang'a и литературой последних десятилетий такое же, примерно, какое существует между материализмом Гольбаха и Гельвеция и современной философией Бергсона, Кайзерлинга, Шпенглера. Приблизительно такая же дистанция может быть указана и при сравнении нашей эпохи с эпохой зрелости и расцвета буржуазии. Сочинения Гольбаха, Гельвеция, Фейербаха, Дарвина и т. д. до сих пор лежат в основе коммунистического образования. В равной мере не подлежит сомнениям благотворная положительная роль Мольера, Бомарше, Гейне, Гете, а из более ранних. — Сервантеса, Шекспира и т. д. Взять в общую скобку эту литературу и современных Маринетти и Д'Анунцио (sic!), свалить всех в одну кучу, наклеив ярлык «буржуазный», значит отделаться от серьезного вопроса пустопорожней, хлесткой фразой.

зажигал их таким огнем, какого не могла зажечь величая поэзия Пушкина» [Сосновский 1923: 122].

Противопоставляя Пушкина Некрасову, Сосновский писал о наметившемся сломе в понимании «классичности» как эстетического критерия: в 1920-е рецептивный потенциал появлявшегося тогда «эмансипированного» (до некоторой степени) читателя стал одним из главных факторов складывания статусных иерархий.

Или возьмем нашу русскую литературу. Неверно, что старая русская литература отражала только навыки и чувства богачей, дворян и князей. [...] Наши разночинцы писали не только о своих навыках и чувствах; в своих произведениях они главное внимание сосредоточивали на крестьянине, на бедноте, на общих условиях царского строя. Достаточно вспомнить Некрасова, Успенского, Короленко, а из критиков-публицистов — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. [...] Даже тогда, когда русская интеллигенция, после 1905 г., стала «умнеть», отходить от революции, преемственность и связь литературы с литературой разночинцев никогда не нарушалась. М. Горький, И. Шмелев, В. Вересаев, Ив. Вольнов, Серафимович, Скиталец отправлялись от лучших заветов шести- и семидесятников [Ibid.: 15–16; курсив наш].

И далее:

Мы ни на минуту не сомневаемся, что все это не хуже нас известно редакции «На посту» — но привычка оперировать где попало словами «буржуазный», «контрреволюционный», но общий схематизм, но увлечение хлесткой фразой, но невнимательное и неряшливое отношение к вопросам литературной жизни в прошлом и в настоящем, но размах с плеча там, где требуется утонченное и осмотнительное отношение к вопросу, но развязность, но уверенность, что писатель все проглотит, лишь бы было горячо, — приводит к общим местам и положениям, звучащим твердо и неукоснительно, но, к сожалению, без достаточных оснований, если не считать достаточным основанием, употребляя выражение одного урядника, «легкость и бодрость в функции» и героическую решимость блуждать даже в трех соснах [Ibid.: 16].

Вердикт напостовцам прозвучал отчетливо и внятно: «[...] они, — утверждал Воронский, — нигде не проводят грани между субъективным и объективным в художественном произведении, от чего “идеология” целиком совпадает с содержанием» [Ibid.: 18].

Тезис о неизбежной и необходимой политизации литературного творчества стал для пролетарски ориентированных участников культурного производства, с одной стороны, стимулом к обострению конкурентной борьбы и с другой — поводом к отрицанию значимости непролетарских — «попутнических» (Л. Д. Троцкий) — литературных групп и отдельных авторов⁷. В статье «Под обстрелом», опубликованной в 1923 г. в сдвоенном номере журнала «На посту», С. А. Родов, полемизируя с А. К. Воронским, писал:

⁷ В критике 1920-х подробно обсуждался вопрос о месте «попутчиков» на литературной карте; из наиболее заметных работ см., например: [Соколов 1924; Шкловский 1924; Лелевич 1924; Арватов 1925; Оксенов 1926; Зелинский 1928; Ольховский 1929а; Ольховский 1929b; Кор 1931; Селивановский 1931; Павленко 1931]. См. также опубликованные стенограммы выступлений пролеткритиков и писателей по вопросу о литературной работе «попутчиков»: [Дискуссия 1931].

Но как бы то ни было, по существу *большинство* современных «попутчиков», «попутчиков» 6-го года революции — *писатели буржуазные*. Они *последние остатки* литературы «упадка, регресса и контр-революционности». Не только по идеологии, но и по форме попутчики исходят не от классиков, а от писателей эпохи упадка. Не от Пушкина и Толстого отправляется в своем творчестве Пильняк, а от Ремизова и А. Белого; не Гоголь и Щедрин служат примером Зощенко, а Замятин и Лесков; не Гейне и Шекспир вдохновляют Каверина и других «серапионов», а Гофман; и т. д., и т. д. *С классиками современные буржуазные писатели и попутчики имеют очень мало общего*.

Поэтому напрасно хочет уверить нас Воронский в том, что «замахнувшись на попутчиков, наши критики естественно замахнулись и на эту (классическую) литературу». Вовсе нет. *Замахнувшись на попутчиков* (и вовсе не на всех), мы прежде всего *замахнулись на гниль и мерзость* трупa, который хочет потащить за собой в могилу живых строителей будущего; мы вскрываем *дряблость и слабодушие* последних певцов *обреченного класса* [Родов 1923: 27]⁸.

Отношение к «классике», творческая «генеалогия» авторов-современников становились для напостовцев критериями, позволяющими провести черту между «своими» и «чужими»⁹. (Эта же тактика инструментализации «культурного наследства» характеризует интернациональную литературную борьбу других эпох, однако ни один из предшествующих периодов не характеризовался таким разнообразием интерпретационных спекуляций.)

Спекуляция с именами «классиков» в те годы стала одним из действенных средств в обострявшейся «литературной борьбе». Г. Лелевич в программной статье «Партийная политика в искусстве» развил линию, намеченную Родовым в цитированном выше фрагменте: «*Неверно, что у нас есть только "еще неоплаченные векселя под будущую пролетарскую литературу"*. Эти векселя в значительной степени *уже оплачены*. Демьян Бедный, Безыменский, Александровский, Гладков, Либединский,

⁸ Все выделения курсивом здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, принадлежат авторам. Отметим, что двумя годами позднее А. В. Луначарский в общем виде повторит сформулированный Родовым упрек «декадентствующей литературе»; ср.: «Мы должны помнить, что ближайшими предшественниками этой литературы по времени являлись разные декадентствующие, формально изысканные, но внутренне пустые или манерничающие литературные школы. У последней русской буржуазной интеллигенции вряд ли можно чему путному научиться. Наоборот, горные вершины народнического искусства и искусства дворянского остаются во многом и сейчас для нас живыми и поучительными» (цит. по: [Луначарский 1967: 437]). Позднее вышеприведенный фрагмент из статьи Родова почти дословно воспроизведет П. С. Коган, формулируя критическое «кредо» напостовцев; см.: [Коган 1927: 42]. См. также: [Гроссман-Рощин 1927].

⁹ Тот же принцип описания литературной ситуации пореволюционного десятилетия лег в основу первых обобщающих работ, претендовавших на объективизм в оценках; см., например: [Евгеньев-Максимов 1925: 191–249; Майзель 1931].

Кириллов, Доронин, Ляшко, Обрадович, Жаров, Голодный, Садофьев, Самобытник и много других, — *все это художники*, если и не являющиеся *пролетарскими Пушкиными*, то, во всяком случае, **не уступающие** в художественном отношении Полонским, Слонимским, Зоценкам, Никитиным и иным. Имеются свидетельства на этот счет людей достаточно компетентных и беспристрастных» [Лелевич 1923: 41–42]. Заявленная тогда же претензия напостовцев на профессионализацию их литературно-критических занятий предполагала перемену в отношении к некогда отринутому ими «наследству». Авторитетное обоснование напостовская претензия на создание «новой классики» получила в статье А. В. Луначарского «Читайте классиков» (опубл.: Комсомольская правда. 1925. № 53):

Растет класс — растет и его самосознание, растет и его литература. Она приобретает необыкновенно напряженно яркий, острый характер, когда класс вступает в борьбу с господствующим классом за власть. В такие годы поднимающийся класс считается выразителем всех попранных интересов народа и создает широкое мирозерцание с очень далеко идущими выводами, освоенными более или менее общечеловеческими идеалами.

Если поднимающемуся классу суждено овладеть властью, то в первый период, пока он устраивается, пока он создает основы государства согласно своему пониманию и пока народные массы продолжают видеть в нем единственного естественного устроителя новой жизни, литература начинает ярко процветать. К этому времени ее бурнопламенность, неудовлетворенность, кипучее бунтарство выветриваются, класс сознает себя господином, защищает это свое господство. Он спокоен, он уравновешен, он находится в своем зените — и в это время выливается в классические формы его литература.

[...]

Из этой схемы видно, что одна и та же нация может пережить и несколько классических эпох (цит. по: [Луначарский 1967: 432–433])¹⁰.

Тезис о возможном повторении «классической эпохи»¹¹, «новом преломлении классики»¹² был не столько очередным проявлением утопического сознания, сколько оправданием набравшего силу социалистического («пролетарского») литературного проекта [Московская 2021]. Луначарский связывал вопрос о «классике» с проблемой «художествен-

¹⁰ О роли Луначарского в реализации раннесоветской культурной политики см.: [O'Connor 1983; O'Connor 1992].

¹¹ В одной из позднейших статей «Мысли о мастере» Луначарский напишет: «Счастливейшая эпоха — это та, когда подмастерья в искусстве творят почти как мастера. Такую эпоху приходится признавать классической. На почве такой высокой средней литературы всегда появляется целый ряд гениев» [Луначарский 1933: 3].

¹² Об этом Луначарский написал в статье «Классовая борьба в искусстве» (опубл.: Искусство. 1929. № 1–2).

ного качества»¹³: «Так как выражение “классическая” не всегда употребляется только в смысле равновесия содержания и формы, строгости вкуса, законченности, но и вообще в смысле образцового, сильного, *в своем роде* лучшего произведения, то и самые могучие писатели среди романтиков и реалистов тоже часто носят название классиков. Получаются как бы внутренние противоречивые выражения — классики романтизма, классики реализма» [Луначарский 1967: 434]. Однако, по Луначарскому, всякий литературный материал может стать для нового поколения пролетарских авторов если не источником актуальных идеологических установок, то хотя бы собранием технических «приемов»:

Когда пролетариат создает свою собственную литературу — сперва пролетарскую, а потом и общечеловеческую, — на той небывалой по мощности базе, какой является социалистическое производство, то классики прошлых веков и всех родов, равно как и всякие другие писатели и художники, не признанные образцовыми, превратятся просто в музейно-исторический материал, интересный для понимания прошлого. *Но пока пролетариат находится только в пути, в смысле развития своей культуры, классики являются для него очень важным подспорьем в деле повышения художественного умения.* Естественно поэтому, что пролетариат питает большой интерес к классикам, во-первых, потому, что он хочет знать прошлое своей страны и человечества, а оно нигде не говорит таким ясным и увлекательным языком, как в произведениях великих писателей, и, во-вторых, потому, что эти писатели прошлого часто выражают очень близкие пролетариату настроения или, по крайней мере, отдельные черты его и притом лучше, чем может выразить молодая литература класса, самые крупные дарования которого отвлечены задачами прямой борьбы и сурового труда [Ibid.: 435; курсив наш].

Именно поэтому «дворянская литература [1820–1860-х гг.] [...] являет собою нечто необыкновенно блестящее и заслуживающее *глубокого изучения*» [Ibid.: 436; курсив наш]. Как уже было сказано, формулирование новых задач, которые должны стоять перед писателем, неизбежно сопрягалось с рефлексией над путем, уже пройденным «классиками» прошлого¹⁴; точнее многих об этом писал активный участник литературной жизни Саратова 1920-х Л. А. Словохотов (1881–?): «Задача поворота к классикам — *заставить* всякого крайнего индивидуалиста в словотворчестве вспоминать о великой регистратуре словооборота в

¹³ В 1920–1930-е эта проблема в ее применении к «новой» культуре обсуждалась очень взволнованно; см., например: [Виппер 1923; Маяковский 1927; Шкловский 1929; Жирмунский 1930; Горький 1930–1931; Авербах 1931; Фадеев 1934]..

¹⁴ Эта идея вызывала закономерное сопротивление со стороны теоретиков, близких к кругам авангардистов. Так, В. Б. Шкловский в фельетоне «Что нас носит?» (опубл.: Вечерняя Москва. 1925. № 266. 21 ноября) писал: «Современный писатель — не ученик русских классиков. Классики от классиков не происходят» (цит. по: [Шкловский 1990: 295]).

толковом словаре Даля. Задача поворота к классикам — *заставить* нового писателя задуматься над формулой художественного суверенитета: “я так вижу, я так хочу”, и сообразоваться с массами. Задача поворота к классикам — взять с вершин человечества то, что там есть» [Словохотов 1927: 70; курсив наш]. Осознание этой необходимости ориентировало не только литературных «ударников», которых старались информировать о выходящих материалах¹⁵, но и книгоиздателей, перед которыми стояла цель публиковать *востребованную* «классическую» литературу (не только русскую, но и зарубежную). К середине 1920-х гг. сложилась парадоксальная ситуация с распространением «классики» через книжный рынок. В январском выступлении на Всероссийской конференции пролетарских писателей 1925 г. В. И. Нарбут — тогда заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б) — отмечал: «[...] переходя к следующей рубрике, русским классикам, я должен поделиться с вами такими данными: хорошо идут Герцен, Гончаров, Степняк-Кравчинский, Омулевский — они прошли примерно, от 7 до 12 тысяч. Грибоедов, Гаршин по 10 000. За короткое время прошел Лев Толстой, только “Война и мир” не ниже 10.000, а прочее в 50 % лежит. Средне прошли Достоевский, Короленко, Чехов, Лермонтов — имеют среднее движение. Плохо идут — Добролюбов, Овсяннико-Куликовский (его я также причислил, не знаю в праве ли я был это делать). Он стоит из 10.000, и Добролюбова, и Овсяннико-Куликовского, 8.000 обратилось в прах. [...] Тютчев и Тургенев идут плохо. Пушкин — из 10.000 лежит 8.000»¹⁶. Сведения, приведенные Нарбутом, подтверждаются библиотечной статистикой тех лет (по данным Винницкой центральной библиотеки): «Классики читаются взрослыми слабо. Со стороны же учащихся большой спрос на: Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Гончарова и других (по программе школ). Из сочинений Достоевского читаются: “Преступление и наказание”, “Униженные и оскорбленные”, слабее: “Бесы” и “Идиот”. Тургенев читается исключительно учащимися школ Соцвоса, тоже — Салтыков-Щедрин, Некрасов. Чехов читается охотно. Не читались ни разу: Кольцов, Мей, Фет, Державин» [Что читают 1927: 65]. Р. Магуайр в книге «Красная новь: Советская литература в 1920-х гг.» (ориг. изд. 1968) внятно описал тот логический парадокс, на которой основывалось построение издательских планов «классической» литературы:

¹⁵ Так, в первом номере «На литературном посту» за 1926 г. был помещен небольшой материал «Новое о классиках», в котором содержалась информация о новых изданиях, посвященных творчеству Пушкина, Толстого и Франса. Позднее функции информирования были возложены на библиографические и смежные новостные отделы литературных журналов.

¹⁶ Стенограмма Всероссийской конференции пролетарских писателей, 11 января 1925 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 33.

Большая часть марксистов в то время полагала, что почти всей русской классике можно найти место в советской структуре, так что в этом вопросе высокие партийные чины добились согласия, чего не сумели сделать в споре о пролетарской культуре. [...] Собственно говоря, правительство фактически предприняло этот вопрос, «национализовав» классиков в 1918 году вместе с художественными галереями, музеями и другими хранилищами национального наследия; и с тех пор соблюдалась здоровая пропорция при переиздании классиков в соотношении с новыми книгами. Общие установки должны были действовать автоматически согласно политике, известной под наименованием «выборочный подход», который фактически устанавливал шкалу идеологической ценности — от приемлемых книг до неприемлемых — и выстраивал по ней писателей. Предпочтение отдавалось политическим мученикам, таким как Радищев и Рылеев; некоторым сатирикам, таким как Салтыков-Щедрин, тем «натуралистам», которые рисовали особенно неприглядные портреты представителей царского общества, таким как Горький или Даль, а также несколькими заядлыми бунтарями, таким как Лермонтов. На полярном конце стояли поборники религии, такие как Достоевский, тайные полицейские агенты, такие как Булгарин, и сторонники незыблемости существующего порядка, такие как Лесков с его «антинигилистическими» романами. На самом деле «выборочный подход» остался неосуществленным идеалом. Потому что тогда еще не образовалась систематическая критика, способная определить, кто «реакционер», а кто нет — у марксистов не было единого мнения на этот счет, — или каких писателей следует принять целиком, каких целиком отвергнуть, каких частично принять и частично отвергнуть и т. д. На практике издательства продолжали выпускать массовыми тиражами некоторые произведения Толстого, Достоевского, Пушкина и Гоголя, которые по чисто идеологическим стандартам, казалось, вполне можно было квалифицировать как «реакционные». Коренной вопрос, поднятый в майских тезисах ЛЕФ’а-Пролеткульта — зачем все это брать? — оставался без ответа. Раз уж было установлено, что некоторые писатели прошлого неприемлемы — и даже самым горячим их поклонникам пришлось с этим согласиться, — то разве не понятно, что и все, вполне возможно, замараны? А если надобно исключать писателей, которые отстаивали дела и идеи, не одобряемые марксистами, как например, Толстой с его непотворением злу насилем или Достоевский с его примитивным христианством, или тех, кого трудно было подвести под готовые политические и социологические формулировки, как большинство лирических поэтов, то какого рода классическое наследие можно было из этого реально построить? [Маугуйр 2004: 165–166]

Именно эта ситуация побудила Луначарского в статье «Еще о классиках» (опубл.: На литературном посту. 1927. № 5–6) вновь обратиться к обсуждавшейся ранее проблеме и в связи с поступившими к нему письмами читателей предложить несколько существенных добавлений к ранее написанному. Читательская потребность в *понятном и ограниченном* круге обязательных к прочтению «классических» текстов, по

Луначарскому, могла быть удовлетворена только за счет организации специальной книжной серии, в рамках которой «[к]аждая книжка должна быть снабжена хорошим предисловием, сделанным специалистом, с объяснением фигуры писателя, как явления общественного, с указанием, стало быть, его места в его эпохе и его обществе, а также и значения, которое может сохраняться за ним для нашего времени» [Луначарский 1927: 55]. При этом Луначарский настаивал на том, чтобы в предисловии, вступительной статье и т. п. преобладал именно «марксистский» взгляд на литературное произведение, и писал: «В тех случаях, когда статья дается человеком, не причисленным к марксистской школе или не относящим себя к ней, мы будем давать еще, кроме того, отдельное предисловие, написанное марксистом, конечно, более краткое и суммарное, не повторяющее того, что дано редактором-специалистом, но ориентирующее читателя как можно более правильно с коммунистической точки, — настолько правильно, насколько можем гарантировать это мы сами, литературные работники-коммунисты. Поэтому и общая редакция была составлена так: я и профессор [Н. К.] Пиксанов» [Ibid.]¹⁷. Если отбросить риторическое обрамление, тезис Луначарского был весьма внятным: «классические» произведения должны были подвергаться «редактированию» (нередко предполагавшему цензуру) и сопровождаться идеологически «верными» интерпретациями.

Занявшие на этом этапе доминантное положение в литературном поле пролеткритики, ориентируясь на условно «реалистическую» линию русской литературы XIX в., видели своей целью приспособление инструментария «классиков» под нужды изображения «живого человека» (В. В. Ермилов). (Статья Ермилова «Проблема живого человека в современной литературе и “Вор” Л. Леонова» (опубл.: На литературном посту. 1927. № 5–6) и примыкавшая к ней статья «В поисках гармонического человека» (опубл.: На литературном посту. 1927. № 20) спровоцировали широкое обсуждение поставленного в них вопроса; см.: [Лелевич 1927; Новоселецкий 1928; Рейх 1928b; Штейнман 1929;

¹⁷ Через два года налитпостовцы раскритикуют предложенную Луначарским тактику издания классиков: «На внутренней обложке книги сказано: “Русские и мировые классики под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова: — М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки. Редакция Л. П. Гроссмана. Государственное издательство. Москва — Ленинград. 1926 г.”. На самом деле не только редакция, но и предисловие и примечание сделаны Гроссманом. Из писаний этого автора ясно видно, что он абсолютно чужд всякой революции, а следовательно, и Щедрин для него — чужой человек. Именно эта чуждость заставила его звести на Щедрина клевету, которая пошла ходить по свету. Это — обвинение Щедрина в национализме и антисемитизме. Повод к обвинению — сказка “Пропала совесть”. [...] Очевидно, что редакторы “классиков” стали жертвою доверчивости к “спецу”» [Ольминский 1929: 22].

Альтман 1931]¹⁸.) Однако выдвинутый еще в ноябре 1926 г. принцип «учебы у классиков» предполагал не только критическую (пере)оценку оставленного «наследства» [Нерадов 1928], но и его предварительную ревизию. На этом, в частности, настаивал В. М. Саянов в статье «Долой классиков»: «Учеба у классиков — беспартийный лозунг, под которым подписывается вся литература. Но каждый писатель вкладывает в эту алгебраическую формулу разное арифметическое содержание»; и далее: «Классиков же нужно уметь читать. Иначе всякие лозунги об "учебе у классиков" подлежат сдаче в архив истории литературы» [Саянов 1927: 10, 13; Саянов 1929: 9–34; Ломов 1929].

Н. В. Корниенко, цитируя статьи налитпостовцев, весьма убедительно описывает внутреннюю механику «учебы у классиков»:

В основание новой художественной платформы новонапостовцами была заложена целая программа фальсификации русской классики, по которой и предстояло ее, классику, осваивать. Из учителей однозначно исключалась «реакционная школа Достоевского». У Салтыкова-Щедрина и Гоголя рекомендовалось учиться описывать отрицательные типы прошлого и современности. Не рекомендовался гоголевский «смех сквозь слезы». Ожегшись на воспевании идеи мировой революции, теоретики новой эстетической платформы отрекались от всех форм «романтической школы», считали романтизм в пролетарской литературе (Пролеткульт и «Молодая гвардия») пройденным периодом, а в настоящем — уводящим от действительности. При этом, по традиции, ссылались на пролетариат, который, хоть и «класс героический», ибо цели его грандиозны, но главное — он класс «чрезвычайно реалистический». У Л. Толстого решено было взять две черты метода: психологический анализ и беспощадный реализм — «срывание всех и всяческих масок». Все остальное, особенно «реакционную философию» Толстого — предлагалось отбросить, как и всякие индивидуальные оттенки психологизма, который в русской литературе порой становился «очагом пассивности и созерцательности». Пролетарский писатель, проходя учебу у Толстого, — напоминал Л. Авербах, — должен помнить, что «и Толстой был классовым человеком». У Н. Гоголя предлагалось учиться только созданию типов, само же мировоззрение писателя объявлялось реакционным, «чуждым новому и будущему», ибо Гоголь не осудил Россию, что нашло отражение в его «ханжеских и черносотенных письмах». У Пушкина пролетарским писателем предлагалось пройти уроки простоты и... атеизма [Корниенко 2010: 175].

Каждый пишущий, участвуя в бесчисленных опросах и заполняя специальные анкеты, должен был как бы заново не только очертить круг

¹⁸ Н. В. Корниенко по этому поводу пишет: «Осудив и исключив из формирования стиля пролетарской литературы романтизм [...], критика констатировала, что русская классика, у которой они теперь учатся, в изображении живого человека достигла "непреодоленных вершин", дала "бессмертные типы" прошлого, но насущной проблемой для пролетарской литературы становится именно "живой" новый человек» [Корниенко 2010: 173].

эстетически продуктивных авторов¹⁹, произведения которых он оценивал как образцовые, но и определить качественные параметры «классики».

Новый виток критических поисков и квазитеоретических разысканий в области «классики» и «классического» был связан с появлением редакционной статьи «Классики — попутчики — пролетписатели» в журнале «На литературном посту» (1927. № 5–6). За несколько лет, прошедших с момента начала полемики с Воронским, тлеющий конфликт не получил своего разрешения; налитпостовцы утверждали: «Тактика противников пролетарской литературы меняется. Одно остается относительно постоянным: обвинение в отрицании классиков» [Классики 1927: 3]. Уже тогда позиция пролеткритиков начала расходиться с партийным взглядом на проблему «классики»: «Правда, — отмечалось в статье, — наше отношение к классикам никак не носит характера пассивного преклонения. Правда, *мы не склонны их фетишизировать*. И уж никак мы не согласны молчать, когда думают под флагом умиления перед классиками провести попытку отказа от критического отношения к ним! Классиками мы занимаемся потому, что они нужны нам сегодня для революционной, активной, критической работы» [Ibid.: 3; курсив наш]. Со стороны партийных идеологов, тогда уже взявших курс на свертывание НЭПа, тоже не исходил запрос на «фетишизацию» «классиков» и созданных ими произведений, что, впрочем, не отрицало санкционированное властью требование пересборки эстетического канона. В этом и состояла сущность назревавшего разногласия: налитпостовцы и примыкавшие к ним пролеткритики мыслили «классику» как переходный, ученический этап овладения «мастерством»²⁰ на пути к расцвету профессиональной пролетарской литературы²¹, тогда как пар-

¹⁹ С целью «сориентировать» начинающих авторов редакция «На литературном посту» начала публиковать серию очерков М. С. Ольминского «Как они работали», созданную в 1898 г. Первым опубликованным текстом был очерк о Пушкине (см.: [Ольминский 1927]).

²⁰ Ср.: «Классики — прошлый день! Да, классики — это великое позавчера»; «Путь пролетарской литературы — путь монументального, героического, «романтического» реализма, — потому ваше внимание классикам»; «Мы создаем свое — новое. Но мы растем из старого. Поэтому пролетарский писатель подходит к классикам, как ученик, который должен пойти дальше своего учителя» и т. д.

²¹ Тогда же Авербах писал: «[...] реализм пролетлитературы будет, конечно, существенно отличен от реализма классиков: темп переживаемой нами эпохи не может не отразиться на развитии сюжета и на всем построении произведения; [...] отличен и способ реалистического показа отдельной личности, при котором пролетлитература уделяет значительно большее внимание столкновениям общественных сил, показывая внутреннее существо человека не только при помощи анализа отдельной личности но, главным образом, показывая личность в соприкосновении ее с социальной средой, основывая психологический анализ личности не на самодовлеющем развитии характера, а на процессе

тийное руководство видело в «классике» («великой *русской* литературе») объект идеологической апроприации. Предложенная пролеткритиками характеристика «классиков» (ср.: «[...] они — классовые люди классового общества», которые «поднимались на высоты познания человека и человечества»²²) уже в 1927 г. ставила под сомнение марксистскую догму о «классовом детерминизме»²³ (позднее, в предсъездовские годы, именно с этим «сюжетом» будет связано содержание дискуссии о мировоззрении и творческом методе).

В то же самое время вопрос о том, какое смысловое и материальное наполнение имеет понятие «классическая литература» все еще не был решен. Очевидно, тезис Луначарского о том, что «[к]лассической литературой называется литература образцовая» [Луначарский 1967: 432] не мог расцениваться как убедительный ввиду его неопределенности. Чтобы уточнить существующие в творческом сообществе представления о «классике», редакция рапповского журнала «На литературном посту» предложила пролетарским писателям ответить на четыре вопроса из специальной анкеты: 1) что вы подразумеваете под понятием «классическая литература»? 2) знакомы ли вы с классической литературой?

изменения характера под влиянием среды, столкновения личности со средой, взаимодействия среды и личности и т. п.» [Авербах 1927: 6; курсив наш].

²² Полноценное теоретическое обоснование этот тезис получил в большой полемической статье Л. Авербаха «О культурной преемственности и пролетарской культуре» (опубл.: Красная новь. 1929. № 6). Позднее Л. И. Аксельрод (Ортодокс) указывала на то, что «классик», выражая в тексте идеологию собственного класса, выводит «типические», «вечные» образы: «[...] среди классических произведений, выражающих свою эпоху и сохраняющих в этом смысле длительное значение, существуют некоторые художественные явления весьма обобщающего характера. К таким творениям относятся например Дон-Кихот, Гамлет и т. п. Каждое из этих произведений обусловлено [...] общим состоянием того класса, социально-психологическим выражением которого оно является, оно следовательно подсказано конкретными соотношениями классов данного времени. Но они сосредоточивают в себе такие черты, которые свойственны в той или другой степени разным революционным эпохам» [Аксельрод-Ортодокс 1931: 157–158]. О той же необходимости ориентироваться на классовые смыслы писал Ермилов в статье «За боевую теоретическую перестройку» (опубл. На литературном посту. 1932. № 3–5). Реликты этого взгляда вновь возникнут в советском идеологическом дискурсе уже после смерти Сталина; ср.: «Наследие классиков тем и замечательно, что оно выражает самосознание не только своей эпохи. Двигается время, а с ним вместе по той же орбите движется и классика, в которой происходит как бы постоянный процесс обновления. [...] Шекспир и Пушкин, Гете и Толстой обогащают читателя, но и читатель в свою очередь непрерывно обогащает творения великих художников — своим новым историческим опытом» [Машинский 1967: 2].

²³ Однако в среде пролеткритиков к тому моменту еще не установилась единая позиция по вопросу о соотношении мировоззрения и творческого метода. Так, Авербах в книге 1928 г. писал: «Художественный метод писателя не может быть оторван от всего его мирозерцания в целом. Больше того, художественный метод писателя полностью и целиком подчиняется всей его идеологической установке» [Авербах 1928: 67].

3) влияют ли классики на ваше творчество? кто из классиков влияет?
4) художественный метод какого классика вы считаете наиболее соответствующим отображению нашей современности? [Наши современные писатели 1927: 57–63]. Отвечали на эти вопросы разновозрастные прозаики и поэты с разным литературным опытом; ответы на первый вопрос были следующими:

— «Понятие “классическая литература” — очень условное. Классическая литература определяется как литература, достигшая определенного образа. Это те вершины в смысле формы и содержания, которые еще не превзойдены. [...] Я лично смотрю на классическую литературу не как на норму, а как на семя. Классик дает совершенное понимание своей эпохи, он чувствует дыхание будущего, и поэтому его произведения не теряют интереса для многих будущих поколений» (Ф. В. Гладков);

— «[...] у кого же учиться нам обобщению, синтезу, глубокой связи литературы с общественностью, как не у классиков русской и иностранной литературы?..» (А. А. Жаров);

— «Мне чрезвычайно трудно ответить, что я подразумеваю под понятием классиков. По-моему, классики — это те, которые издавались в приложениях к старой “Ниве” и которых теперь запрещает переиздавать Госиздат» (Е. Д. Зозуля);

— «Классическая литература — это такая литература, которую обыкновенному человеку полезно и нескучно читать лет через полтора-два после ее создания. Классическая литература — создание, прежде всего, радостное, веселое; никогда скучные, нежизнерадостные писатели не станут классиками» (Вс. Вяч. Иванов);

— «Классической литературой я считаю совокупность поднимающихся над общим уровнем литературных произведений всех времен, превосходных, из ряда вон выходящих по форме и по степени совершенства в отражении своей эпохи; произведений, могущих служить образцом в творческой и учебной работе последующих поколений» (М. Е. Кольцов);

— «Классическая литература есть та, которая дала лучшее и незабываемое о человеке, его вере, его исканиях, ошибках, радостях и разочарованиях. Классическая литература есть литература прежде всего о всяком человеке, без прикрепления его к условиям преходящим; условиям века, места, национальности и пр. Все эти условия суть лишь материал для создания вечного образа человека на земле» (Л. М. Леонов);

— «Под классиками русской литературы я подразумеваю таких писателей, в произведениях которых соотношение между содержанием и формой достигает такого совершенства, когда произведение воспринимается, как живое органическое целое, в котором форма является средством для восприятия содержания, и достигает в этом отношении такой высоты, что совершенно не чувствуется при прочтении» (Ю. Н. Либединский);

— «Классическая литература — это высокое мастерство слова, простота которого доступна широчайшим слоям рабочего класса и крестьянских масс» (С. И. Малашкин);

— «[...] классическая литература — это такая литература, которая широко охватывает свою эпоху и дает устойчивые человеческие типы» (Г. К. Никифоров);

— «Под классиком я разумею писателя, который в своем творчестве дает пластическое подобие цельного мировоззрения. Классическая же литература есть совокупность таких произведений и тенденций, которые впоследствии принимаются за мировоззрение эпохи» (Б. Л. Пастернак);

— «Под понятием "Классическая литература" я подразумеваю ту литературу, значение которой не ограничивается одним годом или десятилетием, а сохраняется бесконечно долгое время, благодаря наличию в ней устойчивого человеческого материала» (П. С. Романов);

— «Классики нам необходимы, потому что, с подходом широкой марксистской критики, их произведения дают подлинное отражение тогдашней жизненной действительности» (А. И. Свирский);

— «В понятие классической литературы я не вкладываю никакого специфически-художественного или идеологического содержания. Для меня эта история литературы, куда я отношу любую высококвалифицированную, но уже отстоявшуюся во времени литературную линию. Таким образом, последними классиками я считаю футуристов» (И. Л. Сельвинский);

— «Художественные произведения более отодвинувшегося прошлого, огромная ценность которых общепризнана» (А. С. Серафимович);

— «Под понятием "классическая литература" я понимаю лучшую русскую литературу, которая, благодаря своему художественно-общественному уровню, живет не годы, не десятилетия, а целые эпохи. Вторым признаком определения классической литературы я считаю наличие в ней отражения своей эпохи» (И. П. Уткин).

Куда меньше расхождений обнаруживают ответы на вопрос о влиянии «классиков». Опрошенные упомянули Гоголя (11 из 15 опрошенных), Л. Толстого (9 из 15 опрошенных), Пушкина (9 из 15 опрошенных), Достоевского (7 из 15 опрошенных), Тургенева (5 из 15 опрошенных), Лермонтова (4 из 15 опрошенных), Чехова (4 из 15 опрошенных), Горького (3 из 15 опрошенных), Гончарова (2 из 15 опрошенных) и Бунина (2 из 15 опрошенных); единожды были упомянуты Маяковский, Некрасов, Салтыков (Щедрин), А. Толстой, а также Бодлер, Бялик, Верлен, Вольтер, Гамсун, Гарт, Гейне, Дюма, Золя, Мольер, Мопассан, Стивенсон и Франс. Однако произвольно расширяющийся перечень имен не обладал достаточным теоретическим потенциалом, чтобы на его основе был выработан обобщенный «портрет классика».

Кроме того, по мысли пролеткритиков, далеко не каждая национальная культура располагала своими «классиками», пригодными для исполнения функции литературного «образца»; ср. высказывание Селивановского — представителя условного «центра»: «Старая литература узбеков (как и некоторых других народов Востока) является

литературой баев, мулл и т. д. Она насквозь пропитана духом боевого исламизма и национальной нетерпимости. Таким образом, этих “классиков” использовать почти невозможно. Вот почему, между прочим, мы видим, как медленно, с трудом создаются организации пролетарских и крестьянских писателей в ряде стран советского Востока» [Селивановский 1928: 35]; сходные мысли можно обнаружить и в высказываниях представителей так называемой «колониальной элиты»: «В условиях господства российского империализма в Казахстане в прошлом не могло создаться не только классической литературы, [...] но и светской литературы в полном смысле этого слова. В прошлом мы имели три категории литературы: устной (народной), религиозной и зачатки советско-националистической. [...] До революции у нас не было классической литературы. Классическая литература начала создаваться лишь после Октябрьской революции» [Байдильдин 1929: 70]. Из этого якобы следовало, что «русская классика» теряла номинально присущий ей идентитарный характер и становилась *общим* «наследством» — основанием, на котором будет создана «советская многонациональная литература». (Единственным надежным способом преодолеть замкнутость национальной литературной традиции и проникнуть в пространство «социалистического» искусства.) Однако речь скорее должна идти как раз о реализации национально-специфической идеологии, заключенной в «классике» как в одной из наиболее стабильных категорий культуры. Подтверждение этой мысли прочитывается в тревожных словах В. А. Сутырина, прозвучавших с трибуны Первого Всесоюзного съезда пролетарских писателей на вечернем заседании 4 мая 1928 г.:

[...] Советский Союз построен на развалинах того самого государства, той самой царской империи, которая во-первых объединила в себе, объединила конечно по вселико-державски, объединила при помощи великодержавного угнетения огромное количество национальностей и этот факт — многонациональность нашего Советского Союза плюс остатки старого великодержавнического наследия, они создают величайшую важность решения национальной проблемы для пролетарской литературы Советского Союза. [...] На деле у нас происходит следующее: во-первых у нас установилась такая терминология, — говорят: русская и национальная литература, русское и национальное искусство, национальная живопись, национальный театр. [...] Раз получается такое дело, что есть русская и национальная культура, раз получается иллюзия, что русская литература не имеет оболочки, то очень часто русский писатель чувствует себя сверх-националом [...]. Эта вещь вредная и неправильная, которая влечет за собой великодержавное отношение к литературе ранее угнетавшихся национальностей²⁴.

²⁴ Доклад В. А. Сутырина по национальному вопросу на Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей, 4 мая 1928 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 282. Л. 7, 8, 9.

В то же самое время недостаточная теоретическая осмысленность «классики» не была препятствием к определению круга «классических» авторов для их «массовизации». (Важно понимать, что колоссальный фонд изданий XVIII–XIX веков был рассредоточен по библиотекам, наспех образованным при различных предприятиях; требование скорейшей комплектации подчас исполнялось весьма недалёковидным образом [Бакшаева, Цыганов 2026].) Одним из главных путей «массовизации» было издание произведений «классиков». В пояснительной записке Литературно-художественного отдела Госиздата от ноября 1928 г. читаем: «[...] главнейшая задача [Государственного издательства] — преподнести многомиллионным массам произведения русских и иностранных классиков в таком идеологическом оформлении, которое превратило бы издание и распространение классиков в один из могучих рычагов нашей культурной революции. Такое оформление классиков мыслится Государственному издательству возможным лишь в результате самого широкого сотрудничества с советски-партийной общественностью» [Пятилетний перспективный план 1928: 3]²⁵. В контексте издательской политики символический статус легитимировался при помощи производственных средств; ср. показательную фразу из статьи Эльсберга «Ранний Горький»: «Пока только Госиздат признал Горького классиком, введя его произведения в “дешевую библиотеку классиков”» [Эльсберг 1928: 45]. Согласно госиздатовскому плану²⁶, в первую пятилетку планировалось издание 84 540 000 оттисков произведений «классиков» в пяти условных сериях [Пятилетний перспективный план 1928: 8]²⁷, разделенных по характеру адресации:

²⁵ Позднее этот план был запрещен к распространению, изъят из открытых библиотечных фондов и помещен в спецхран (на прилавки книжных магазинов план попасть не мог, потому как имел маркировку «бесплатно»); формальной причиной запрета было наличие в опубликованной стенограмме выступлений «врагов народа» — Раскольников и Халатова (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 319. Л. 65). Г. Тиханов убедительно пишет о том, что оформление нового эстетического канона посредством публикации текстов «должно было скрыть глубокие расколы и борьбу между непримиримо различными национальными взглядами в многонациональном и многокультурном советском обществе; оно также было направлено на стирание различий между социальными слоями: рабочие, крестьяне и интеллигенция теперь подвергались воздействию одного и того же канона, проецирующего одну и ту же шкалу ценностей» [Tihanov 2019: 79; перевод наш].

²⁶ См. подготовительные материалы к плану с приложением стенограммы обсуждения от 29 сентября 1928 г.: РГАЛИ. Ф. 611. Оп. 1. Ед. хр. 362–364.

²⁷ К тому моменту Госиздат с 1919 г. выпустил «по русским классикам — 50 авторов, 822 названия, в количестве 18,2 млн. экз., из коих продано 14,4 млн. и имеется на складах 3,8 млн. экз. По иностранным классикам — 74 автора, 328 наименований, в количестве 2,9 млн. экз., из коих продано 2,2 млн. экземпляров и имеется на складах 0,6 млн. экз.» [Пятилетний перспективный план 1928: 41].

1) «Дешевая библиотека классиков»²⁸ (50 %): 1928–1932 гг. — С. Аксаков, Андреев, Байрон, Бальзак, Бомарше, Бунин, Вольтер, Гейне, Герцен, Гете, Гоголь, Гончаров, Гофман, Гюго, Данте, Диккенс, Достоевский, Златовратский, Кольцов, Короленко, Крылов, Куприн, Лермонтов, Лафонтен, Лесков, Мамин-Сибиряк, Мериме, Мольер, Мюссе, Некрасов, Пушкин, Свифт, Л. Толстой, Тургенев, Г. Успенский, Шатобриан, Шекспир, Шенье, Шиллер, Эзоп;

2) большие издания классиков²⁹ (20 %): 1928 г. — Андреев, Гончаров, Пушкин, Тургенев; 1929 г. — Гейне, Гоголь, Гончаров, Грибоедов, Лермонтов, Лесков, Некрасов, Пушкин, Тургенев, Чехов; 1930 г. — Афанасьев, Бальзак, Гоголь, Гончаров, Пушкин, Тургенев, Флобер, Чехов; 1931 г. — Бальзак, Гете, Гончаров, Салтыков (Щедрин), Тургенев, Флобер, Чехов, Шекспир; 1932 г. — Гете, Диккенс, Островский, Тургенев, Шекспир;

3) однотомники³⁰ (15 %): 1928 г. — Блок, Герцен, Гоголь, Г. Успенский, П. Якубович; 1929 г. — Ибсен, Островский, Пушкин; 1930 г. — Герцен, Левитов, Помяловский, Тютчев; 1931 г. — Мамин-Сибиряк, Чехов; 1932 г. — Байрон, Шекспир;

4) «Русские и мировые классики»³¹ (10 %): 1928 г. — Бомарше, Вересаев, Верхарн, Гауптман, Гейне, Гете, Гоголь, Грибоедов, Гюго, Ибсен, Кольцов, Короленко, Мицкевич, Мольер, Руставелли, Стендаль, А. Толстой, Тургенев, Флобер, Чехов, Шиллер; 1929 г. — С. Аксаков, Андреев, Гоголь, Гомер, Гончаров, Гофман, Достоевский, Еврипид, Жуковский, Золя, Лессаж, Мериме, персидские лирики, Помяловский, Пушкин, Сологуб, Франс, Шевченко, Шекспир; 1930 г. — Бальзак, Беранже, Боккаччо, Бунин, Гомер, Горький, Державин, Крылов, Лермонтов, Марко Вовчок, Мюссе, Огарев, Сен-Симон, Тургенев, Писемский, Плавт, Пушкин, Теккерей, Фет, Фонвизин, Чехов; 1931 г. — Белый, Гамсун, Диккенс, Достоевский, Карамзин, Лонгфелло, Тирсо де Молина, Островский, Рабле, Радищев, Роллан, Рылеев, Санд, Сервантес, Л. Толстой, Шелли; 1932 г. — Апулей, Брюсов, Лопе де Вега, Вольтер, Гете, Григорович, Дидро, Достоевский, Златовратский, Кальдерон, Ап. Майков, Никитин, Эдгар По, поэты-петрашевцы, Я. Полонский, Расин, Руссо, Салтыков (Щедрин), Л. Толстой, Тургенев, П. Якубович;

5) классическая критика и литературоведение о классиках (5 %): 1928 г. — Н. Бельчиков, Переверзев, Пиксанов, Пушкин; 1929 г. — Брандес, Добролю-

²⁸ Ср.: «Эта серия рассчитана на самого широкого потребителя, чем и объясняется высокий средний тираж — 30 тысяч экземпляров» [Ibid.: 12].

²⁹ Ср.: «Эта серия рассчитана на литературоведов, на преподавателей литературы, на вузы, на библиотеки. Но опытом установлено, что имеется значительный круг читателей и вне названных категорий. Поэтому значительное количество изданий этой серии рассчитано на распространение через подписку» [Ibid.: 11].

³⁰ Ср.: «Не рассчитывая непосредственно на школу и читателя, занимающегося самообразованием, однотомники монтируются не так обильно, как “Русские и мировые классики”» [Ibid.].

³¹ Ср.: «Эта серия рассчитана на новую, ныне формирующуюся, советскую интеллигенцию, имеющую достаточно интереса к художественной литературе, но мало досуга и средств, чтобы приобретать и перечитывать обширные собрания сочинений классиков» [Ibid.: 9].

бов, Лернер, Переверзев, Плеханов, Фриче; 1930 г. — Воровский, М. Гершензон, Огарев, Писарев, Чернышевский; 1931 г. — Берне, Тэн; 1932 г. — Белинский, Михайловский.

Очевидно, что такой расширительный — основанный на репутационных или формальных (например, наличие изданного собрания сочинений³²) принципах — подход к определению списка «классических» авторов противоречил логике развития социалистического культурного проекта, стремившегося к обретению «основного творческого метода».

Включение в план писателей-современников вызвало протест у многих уже на этапе первичного обсуждения. Так, возглавлявший Главрепертком Ф. Ф. Раскольников протестовал против включения в план Сологуба (ср.: «Меня крайне изумляет, что в план издания на 1929 г. включен "Мелкий бес" Федора Сологуба. Признаться, я до сих пор не знал, что Сологуб является признанным классиком. С каких пор этот эпигон буржуазной литературы эпохи упадка произведен Госиздатом в столь высокий ранг?» [Пятилетний перспективный план 1928: 58]), Белого (ср.: «Я не признаю Андрея Белого классиком. В частности, именно "Петербург" густо насыщен мистическим содержанием, и переиздавать эту вещь, по-моему, не следует. [...] перепечатывать его старые, мистические произведения, носящие реакционный характер, нет никакого смысла» [Ibid.: 59]) и Андреева (ср.: «Я за исключение произведения "Дни нашей жизни" Л. Андреева. Это вещь, рисующая студенческий быт 90-х гг., в социальном отношении не глубокая и не интересная» [Ibid.: 62]). Кроме того, Раскольников выступал и против переиздания «отзывающихся гробокопательством произведений»: «Если еще повести Карамзина могут иметь некоторый, хотя и весьма сомнительный, интерес за пределами узкого круга специалистов-историков литературы, то его лирика [...] подлежит безусловному исключению»; и далее: «Я думаю, что от переиздания державинских од можно вполне воздержаться» [Ibid.: 60]. Иную позицию занял В. П. Полонский; он настаивал на необходимости издания Арцыбашева, Бунина, Куприна и Гумилева (!), а также Потебни и Веселовского³³.

³² Очень скоро пролеткритика выступила против такого формального подхода к проблеме «классики». В передовой «Классовая борьба обостряется», опубликованной в первом номере «На литературном посту» за 1929 г., утверждалось: «У нас установился кое-где пизет перед "именами", преклонение перед "авторитетами", не имеющие ничего общего с действительным уважением к подлинным мастерам художественного слова. [...] Не учитывают действительно происшедшего изменения в соотношении литературных сил и выпускают "полные собрания сочинений", превращая в классиков тех, кого обгоняет даже литературная молодежь» [Классовая борьба 1929: 5].

³³ Авторизованную машинопись доклада Полонского см.: РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 1–6. Практически реализовать намеченный план едва

Иными словами, перед теоретиками пролетарского искусства стояла задача сперва отсечь «второстепенных классиков», тем самым сформировав «ядро» «классического» канона, а затем выстроить внутри этого «ядра» такую конфигурацию, которая создавала бы эффект «закономерного», «прогрессивного» движения «литературного процесса». По сути, речь шла о концептуальном осмыслении художественной жизни прошлого, о построении непротиворечивой хронологии, в контексте которой объединились бы история людей и история идей и стилей. Одним из первых предпринял попытку теоретизировать фигуру «классика» Л. Л. Авербах: «Мы знаем, что классики есть вершина того литературного наследства, которое мы получили от прошлого мира, завоеванного нами экономически и политически. Мы знаем, что классики есть та вершина, на которую нам надо подняться и преодолеть, чтобы и[д]ти вперед. [...] Для меня классики — это те, кто значительные идеи, отражающие сущность их эпохи, психологически-глубоко и совершенно художественно преломляют в живых и живущих образах. А если так, то ясно, что наследовать классиков может только тот, кто представляет собою передовую идею своей эпохи. В наше время такими являются пролетарские писатели» [Авербах 1928: 76, 78]³⁴. Построения Авербаха стали отправной точкой для Бернхарда Райха, в апреле 1928 г. выступившего с дискуссионной статьей «О классиках» (опубл.: На литературном посту. 1928. № 8). В ней критик писал: «Для нас “культурное наследие” означает не заимствование отдельных элементов подходящих нам идеологий, а использование культурных ценностей во всей их совокупности для укрепления наших сил с целью в возможно более краткий срок преодолеть это наследие» [Рейх 1928а: 36]. Иначе говоря, «учеба» начинающего писателя не должна была исчерпываться формальными «уроками мастерства». *Начинающему автору следовало ощутить себя частью целокупной*

ли получилось. Летом 1929 г. О. Э. Мандельштам призывал: «Под контроль работу Гиза! Литературные организации, к пересмотру пятилетки, которая должна быть пересмотрена! Классиков мы дадим не дубовому шкафу, а рабочей интеллигенции и (этого нельзя не подчеркнуть с достаточной важностью) школе. Создадим новый тип советского издания классиков, строго-утилитарный, рассчитанный на культурный голод, а не на коллекционерство и пресыщенность» [Мандельштам 1929: 43]. Однако к концу пятилетки ситуация не изменилась. Так, в письме Роллану от 20 января 1933 г. Горький писал: «На рынке нет Пушкина и вообще классиков, наших и европейских, давно готовы к печати полные собрания сочинений Бальзака, Гете, Флопера, Толстого и т. п., а печатать их — не на чем. Вторая пятилетка должна устранить этот дефект, задерживающий интеллектуальный рост масс» (оригинал письма см.: АГ ИМЛИ. ПГ-ин-60-6-163; цит. по: [Горький 2019: 297].

³⁴ Против такой безапелляционной апроприации «классики» выступили многие критики марксистской ориентации; см., например: [Горбачев 1931: 138–149].

*художественной традиции, осознать преемственность своей творческой практики*³⁵. В этом и состоял так называемый «диалектико-материалистический творческий метод», которым призывала овладеть пролеткритика; см.: [Фадеев 1930; Либединский 1931]. Уточненные, но предельно абстрактные определения «классика» и «классического произведения» Райх дает в тексте разрядкой: «Классики — это те, которые на основании мировоззрения, опирающегося на одну из существенных идей данной эпохи, отражают сущность ее» [Рейх 1928а: 38]; «[...] классические произведения — это такие, в которых [авторы] на почве определенных мировоззрений, отражают сущность своей эпохи психологически-глубоко и в относительно окончательной художественной форме преломляют значительные идеи в живых и живущих образах» [Ibid.: 40]. Эти и подобные им псевдотеоретические выкладки, в сущности, являлись способами риторического самоопределения пишущего. Дело в том, что все упомянутые выше тексты, будучи фрагментами письменно зафиксированного процесса коллективного поиска, корреспондировали между собой, а их авторы, соглашаясь или, напротив, вступая в полемику друг с другом, занимали несколько более определенное положение на слабо нюансированной карте литературной жизни конца 1920-х.

Время от времени в литературно-критических кругах звучали весьма резкие несогласия с точкой зрения рапповцев. Пожалуй, едва ли не самым существенным в этом споре был довод В. О. Перцова, сформулированный в статье «Культе предков и современность» (опубл.: Новый Леф. 1928. № 1):

Культе литературных предков, хотя бы он и выражался только в почтении к их так называемому «мастерству формы», представляет собой не что иное как одну из форм неверия в творческие силы пролетариата. Нам свойственны почти мистическое преклонение перед старой культурой и затаенная вера в ее превосходство, что бы там ни говорили...

Культе литературных предков — это есть форма писательской лени, о которой говорил Кюхельбекер, бичуя штампы романтического стиля. У нас страшное желание присоединиться к тому или другому, уже созданному, уже бывшему художественному течению, освященному преданием, сделав к нему приставку «пролетарский» или «социалистический».

Ленивый писатель, который под тем предлогом, что он де перерабатывает «наследство», на самом деле живет на чужой литературный счет, пред-

³⁵ Неслучайно Ермаков, указывая на подлинный смысл лозунга «учебы у классиков», позднее провозглашал: «Учитесь у кого угодно, но учитесь так, чтобы находить у данного писателя то, что поможет созданию диалектико-материалистического творческого метода, — вот основное, что говорим мы пролетарским писателям в вопросе об использовании наследства» (цит. по: [Творческая дискуссия 1930: 174]; позднее текст выступления Ермакова вышел отдельной брошюрой: [Ермаков 1930]).

ставляет собой худший вид тунеядца, ибо за свое безделье он еще пользуется и уважением в счет этого «наследства» [Перцов 1928: 17].

Лефовцы видели в переоценке «классиков» симптомы культурной «ре-ставрации», идеологом которой считали «нарочитого» Горького, о чем Н. Ф. Чужак писал в статье «Опыт уч[е]бы на классике» (опубл.: Новый Леф. 1928. № 7): «[...] эстетика его, которой Горький обучался у дворянских классиков, не позволяет нашему учителю слишком якшаться с злободневной жизнью. События, согласно этой эстетик[е], должны изрядно “отстояться” в “душе” и во “времени” художника, пока последний не пропустит их сквозь “призму” своего “сознания”. [...] Он — упрямейший хранитель сигнатурок тех времен, когда роман писался и по десять, и по двадцать лет, и когда... помещики еще катались в бричках» [Чужак 1928: 10]³⁶. Стремление продемонстрировать тупиковость навязанной «учебы» вылилось в детальный критический разбор идейных и технических погрешностей горьковской прозы. (Особенно курьезно эта статья смотрелась в сочетании с гихловской рекламой горьковского собрания сочинений, обычно располагавшейся на внутренней стороне обложки журнальных номеров.) Рациональная в длительной перспективе атака на Горького на короткой дистанции дала осечку и не привела к ожидавшимся скорым результатам. Развернутая же полемика Чужака с налитпостовцами почти не касалась проблемы «классического», что и определило исход этого локального противостояния. К лефовским взглядам примыкала позиция так называемого «напостовского меньшинства» (С. Родов, А. Безыменский, Г. Горбачев, Л. Тоом, А. Бек, П. Кикодзе и др.), стоявшего на позиции фракционно-группового противостояния руководству ВОАППа и РАППа. Позднее обвиненные в «троцкистской контрабанде» [Малахов 1932: 3–51] и культивации «групповщины», они выступали против навязывания принципа «литературной учебы», указывая, что «[т]акое понимание [...] о приписываемом нам понимании лозунга учебы у классиков, ведет на практике к внедрению в произведения отдельных пролетписателей элементов чуждых и враждебных пролетариату [...]. Такое понимание лозунга учебы прививает следовательно творческой практике пролетарской литературы наихудшие черты буржуазно-дворянского искусства, что впрочем весьма логически увязывается с другими творческими лозунгами налитпостовства» [Против беспринципности 1930: 12].

³⁶ В архивном фонде Чужака сохранился автограф этой статьи; см.: РГАЛИ. Ф. 340. Оп. 1. Ед. хр. 17. Еще один пример язвительного протеста против горьковского «учительства» см.: [Шкловский 1928]. Подробнее о взаимоотношениях Шкловского и Горького см.: [Шкловский 1993; Кудлай 2023; Отяковский, Цыганов 2026].

Непроясненность принципа «литературной учебы» и отсутствие конкретных практических рекомендаций к использованию «классических приемов» нередко побуждали некоторых к заведомо опрометчивым суждениям. Одним из самых показательных в этом отношении стало выступление недавно возвратившегося из длительной поездки по Европе А. А. Жарова на страницах журнала «На литературном посту». Поэт размышлял следующим образом:

Если мы у классиков учимся синтетическому обобщению элементов произведения, то у многих русских и, особенно, западных декадентов есть большой смысл поучиться работе над отдельными элементами, работе над деталями стиха (и прозы, конечно).

Учиться у Гумилева есть чему. Знать даже Апполона (sic!) Григорьева, Каролину Павлову и др., о которых (о, ужас!) упоминал Алтаузен, вовсе не так скверно. Чем больше будем знать, тем лучше. Структуре образа, искусству метафоры, поэтическому лаконизму и многому другому можно учиться у декадентов [Жаров 1928: 69]³⁷.

Другие же избрали более безопасный путь уточнения размытого принципа. «Учеба у классиков», с их точки зрения, не должна была сводиться к усвоению частных «приемов и методов художественной организации», напротив, она предполагала присвоение «содержания литературной практики, ее существа». Однако присвоение это должно было быть оправданным не только с эстетической, но и с идеологической точки зрения: «Но как в области культурного наследия вообще, — писал в 1929 г. А. Михайлов, — мы стоим на той точке зрения, что необходимо использовать элементы старой культуры ради создания новой, так и здесь нужно понимать, что если мы берем элементы предшествующей литературной практики, то именно как элементы, которые в ином сочетании и в соединении с другими элементами дадут качественно отличное — от старого типа или стиля — литературное явление. Поэтому, когда ставится вопрос о том, что конкретно мы должны в литературном наследии использовать, то необходимо не только указание стиля или периода, но и тех моментов, ради которых мы обращаемся к данному стилю» [Михайлов 1929: 16]. Постепенно намечавшийся раскол в среде пролеткритиков обострял вопрос о классовой ограниченности

³⁷ Немногом позже эта точка зрения получит развитие в построениях Д. А. Горбова; ср.: «У классиков (да и не у них одних) нужно учиться прежде всего внутреннему подходу к искусству, как к особому виду общественного бытия. У них нужно учиться воле и уменью итти на поиски Галатеи. У классиков и у других художников, даже у тех, которых мы величаем упадочными, часто очень плохо разбираясь в смысле этого слова, мы найдем не одну формулу, раскрывающую этот внутренний процесс претворения действительности, как материала, в действительность эстетическую, идеальную» [Горбов 1929: 27].

творческой практики «классика». Михайлов занял по этому вопросу идеологически выдержанную позицию: «[...] классик неразрывно связан с выдвинувшей его общественной группой, он является наиболее совершенным ее выразителем в идеологическом отношении, и в его творчестве эта идеология оформляется с наибольшим формальным мастерством в пределах стиля, присущего художественной практике данной общественной группы» [Ibid.: 18]. Если следовать предложенной логике, то «классик» — лишь наиболее последовательный выразитель эстетических установок определенной эпохи, а это в свою очередь означало, что «[п]роблема литературного наследия и учебы есть *проблема критического усвоения определенных стилей*, и классики берутся лишь как наиболее яркие его представители» [Ibid.: 19; курсив наш]. Многообразие стилей в историко-литературной перспективе предполагало синхронное усвоение пролетарскими писателями разных черт «классики». Из этого следовало, что «дело не сводится к вопросу об одном стиле, как это обычно формулируют [...]». Мы можем и должны говорить о типе и с т и л я х пролетарской литературы как выражениях различных этапов ее развития. При этом, конечно, надо понимать стиль не только как совокупность формальных и идеологических качеств художественных произведений [...], а как специфическую форму диалектического развития художественного процесса» [Ibid.: 19–20].

К концу 1920-х внимание занятых переделом властных «преференций» рапповцев к вопросу освоения «культурного наследия» почти иссякло³⁸, а споры в критике приобрели настолько абстрактный, отрешенный от писательской деятельности характер, что Горький, подытоживая в статье «О литературе» (опубл.: На литературном посту. 1931. № 3) почти десятилетний период развития советской литературы, пошел на осознанное упрощение проблемы «учебы у классиков»: «[...] учиться надобно не только у классика, но даже у врага, если он умный. Учиться не значит подражать в чем-то, а значит осваивать приемы мастерства» (цит. по: [Горький 1953: 261]. Организационные рамки советской писательской индустрии после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»³⁹

³⁸ Следствием этого стало, например, то, что в номерах журнала «На литературном посту» за 1931 г. первое содержательное развернутое обращение к проблеме «классики» относится лишь к ноябрю (см.: [За дружескую совместную работу 1931: 5–6]), тогда как со страниц в последующих номерах эта проблема вновь исчезает. А в №№ 1, 2, 17, 27, 28 и 34 даже не встречаются слова «классика» и «классическое». Несколько более оживленное, но по-прежнему бессодержательное обсуждение проходило в 1931 г. на страницах журнала «РАПП» (с ноября 1931 г. — «Пролетарская литература»).

³⁹ Оpubл.: Партийное строительство. 1932. № 9.

от 23 апреля 1932 г. изменились. Горизонтальную децентрализованную институциональную структуру, представлявшую собою сеть из множества сообществ разной степени оформленности, подвергли критике и уличили в «культивировании кружковой замкнутости», тем самым недвусмысленно указав на идеологическую узость пролетарского культурного проекта. Провозглашенный же в постановлении принцип объединения писателей строился на более широком критериальном аппарате, который отчасти позволял преодолеть некогда принципиальное разделение писательского сообщества на «пролетаров» и «попутчиков», — отныне они должны были на равных основаниях объединиться в сообщество писателей, «поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве». Институциональная граница между полем власти и полем литературы превратилась в мембрану, — ликвидация РАПП позволила в короткие сроки провести рестратификацию писательского сообщества, усилив горизонтальные связи между ними, но в то же самое время и личную ответственность каждого непосредственно перед прямым распорядителем. Отныне вопросы репутации и влияния решались не только институционально, но и персонально.

Сокращенные названия архивов

АГ ИМЛИ — Архив А. М. Горького Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва, Россия).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Россия).

Библиография

Авербах 1927

Авербах Л., Творческие пути пролетарской литературы, *На литературном посту*, 10, 1927, 5–16.

——— 1928

Авербах Л., *Культурная революция и вопросы современной литературы*, Москва, Ленинград, 1928.

——— 1931

Авербах Л., За художественное качество, *На литературном посту*, 6, 1931, 1–9.

Аксельрод-Ортодокс 1931

Аксельрод-Ортодокс Л., Пролетарское искусство и классики, *Новый мир*, 3, 1931, 147–165.

Альтман 1931

Альтман И., Из биографии «живого человека»: К вопросу о творческом методе пролетарской литературы, *Литература и искусство*, 1, 1931, 8–22; 2–3, 1931, 7–26.

Арватов 1925

Арватов Б., Пролет-писатели и так наз. «попутчики», *Жизнь искусства*, 37, 1925, 2–3.

Байдильдин 1929

Байдильдин А., Казакская литература в «Литературной энциклопедии», *На литературном посту*, 14, 1929, 69–72.

Бакшаева, Цыганов 2026

Бакшаева Н. Ю., Цыганов Д. М., Пушкин и мужики revisited: К социологии пушкинской народности и истории массового чтения классики в 1920-е годы, *Временник Пушкинской комиссии*, 40, С.-Петербург, 2026, 236–264.

Беккер 1928

Беккер М., Хорошо ли «Хорошо», *На литературном посту*, 2, 1928, 21–25.

Виппер 1923

Виппер Б., Искусство без качества, *Среди коллекционеров*, 1–2, 1923, 7–14.

Воронский 1923

Воронский А., О хлесткой фразе и классиках (К вопросу о наших литературных разногласиях), *Прожектор*, 12, 1923, 14–22.

Горбачев 1931

Горбачев Г., *Полемика*, Москва, Ленинград, 1931.

Горбов 1929

Горбов Д., *Поиски Галатеи: Статьи о литературе*, Москва, 1929.

Горький 1930–1931

Горький М., Беседы о ремесле, *Литературная учеба*, 6, 1930, 21–32; 7, 1931, 9–21; 9, 1931, 3–27.

——— 1953

Горький М., *Собрание сочинений*, 1–30, Москва, 25, 1953.

——— 2019

Горький М., *Полное собрание сочинений. Письма*, 1–24, Москва, 21, 2019.

Гроссман-Рощин 1927

Гроссман-Рощин И., Тезисы об упадочности в художественной литературе, *На литературном посту*, 1, 1927, 4–8.

Дискуссия 1931

Дискуссия о перестройке писателей-попутчиков, *На литературном посту*, 26, 1931, 7–48.

Евгеньев-Максимов 1925

Евгеньев-Максимов В., *Очерк истории новейшей русской литературы: Этюды и характеристики*, Москва, Ленинград, 1925.

Ермилов 1928

Ермилов В., Еще о творческих путях пролетарской литературы, *На литературном посту*, 6, 1928, 14–21.

——— 1930

Ермилов В., *Наши творческие разногласия: Доклад и заключительное слово по докладу на 3-ей Ленинградской областной конференции пролетарских писателей*, Москва, 1930.

Жаров 1928

Жаров А., О поэзии, *На литературном посту*, 20–21, 1928, 67–70.

Жирмунский 1930

Жирмунский В., Как не надо писать стихи, *Литературная учеба*, 4, 1930, 96–110.

Жолковский 2009

Жолковский А. К., Сбросить или бросить, *Новое литературное обозрение*, 2/96, 2009, 191–211.

За дружескую совместную работу 1931

За дружескую совместную работу с Комсомолом: От фракции секретариатов РАПП и ВОАПП, *На литературном посту*, 30–31, 1931, 1–11.

Зелинский 1928

Зелинский К., Писатель сопролетарский или попутчик, *Читатель и писатель*, 49, 1928, 2.

Классики 1927

Классики — попутчики — пролетписатели, *На литературном посту*, 5–6, 1927, 2–5.

Классовая борьба 1929

Классовая борьба обостряется, *На литературном посту*, 1, 1929, 1–6.

Коган 1927

Коган П., *Наши литературные споры: К истории критики октябрьской эпохи*, Москва, 1927.

Кор 1931

Кор Б., Не попутчик, а союзник или враг, *На литературном посту*, 2, 1931, 30–40.

Корниенко 2010

Корниенко Н. В., «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики, Москва, 2010.

Кудлай 2023

Кудлай О. С., А. М. Горький и В. Б. Шкловский: К истории личных и творческих отношений в Германии, А. М. Горький в Германии: Писатель и его окружение, Москва, 2023, 205–221.

Лелевич 1923

Лелевич Г., Партийная политика в искусстве, *На посту*, 4, 1923, 29–48.

——— 1924

Лелевич Г., Голос из ямы, *Журналист*, 13, 1924, 21–22.

——— 1927

Лелевич Г., Проблема большевика в художественной литературе, *Жизнь искусства*, 22, 1927, 8.

Либединский 1931

Либединский Ю., Овладесть диалектико-материалистическим методом, *Стройка*, 29–30, 1931, 7–9.

Ломов 1929

Ломов И., Пятилетний план беспартийного культурничества, *Молодая гвардия*, 13, 1929, 64–68.

Луначарский 1927

Луначарский А., Еще о классиках, *На литературном посту*, 5–6, 1927, 54–56.

——— 1933

Луначарский А., Мысли о мастере, *Литературная газета*, 27 (255), 1933, 3.

——— 1967

Луначарский А., Собрание сочинений, 1–8, Москва, 7, 1967.

Магуайр 2004

Магуайр Р., *Красная новь: Советская литература в 1920-х гг.*, С.-Петербург, 2004.

Майзель 1931

Майзель М., *Краткий очерк современной русской литературы*, Москва, Ленинград, 1931.

Малахов 1932

Малахов С., *Против троцкизма и меньшевизма в литературоведении*, Москва, Ленинград, 1932.

Мандельштам 1929

Мандельштам О., О переводах, *На литературном посту*, 13, 1929, 42–45.

Машинский 1967

Машинский С., Классическое наследство и литературная наука, *Правда*, 135 (17817), 1967, 2.

Маяковский 1927

Маяковский В., *Как делать стихи?* Москва, 1927.

Мейлах 1967

Мейлах Б., Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы (1917–1919), *Русская литература*, 3, 1967, 27–42.

Михайлов 1929

Михайлов А., О литературном наследии и учебе у «классиков», *На литературном посту*, 17, 1929, 12–21.

Московская 2021

Московская Д. С., Пролетарская литература как проект, *Новое литературное обозрение*, 5/171, 2021, 80–93.

Наши современные писатели 1927

Наши современные писатели о классиках: [Ответы на анкеты], *На литературном посту*, 5–6, 1927, 57–63.

Нерадов 1928

Нерадов Г., Переоценка классиков, *Читатель и писатель*, 3, 1928, 2.

Новоселецкий 1928

Новоселецкий Ф., К вопросу о «живом человеке» в художественной литературе, *На литературном посту*, 2, 1928, 58–60.

О'Коннор 1992

О'Коннор Т. Э., Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры, Москва, 1992.

Оксенов 1926

Оксенов И., Что такое «попутчик»? *Жизнь искусства*, 29, 1926, 3.

Ольминский 1927

Ольминский М., Как они работали, *На литературном посту*, 5–6, 1927, 46–53.

——— 1929

Ольминский М., Щедрин и Ленин: Наброски, *На литературном посту*, 14, 1929, 18–23.

Ольховый 1929a

Ольховый Б., О попутничестве и попутчиках, *Печать и революция*, 5, 1929, 3–18; 6, 1929, 3–22.

——— 1929b

Ольховый Б., Еще раз о литературном попутничестве, *Печать и революция*, 8, 1929, 12–28.

Отяковский, Цыганов 2026

Отяковский В. С., Цыганов Д. М. «Специальность его темна...»: Ремесло Виктора Шкловского, *Шкловский В. Б., Собрание сочинений*, 3: *Ремесло*, Москва, 2026, 7–20.

Павленко 1931

Павленко П., Вырасти в пролетарского художника, *ЛОКАФ*, 10, 1931, 131–135.

Перцов 1928

Перцов В., Культ предков и современность, *Новый Леф*, 1, 1928, 7–20.

Против беспринципности 1930

Против беспринципности и политиканства: Стенограмма выступления тов. Киршона на ленинградской конференции пролетписателей, *На литературном посту*, 11, 1930, 4–16.

Пятилетний перспективный план 1928

Пятилетний перспективный план издания классиков, 1928–1932, [Москва], 1928.

Рейх 1928a

Рейх Б., О классиках, *На литературном посту*, 8, 1928, 35–41.

——— 1928b

Рейх Б., Живой человек в трактовке классиков, *На литературном посту*, 10, 1928, 20–25.

Родов 1923

Родов С., Под обстрелом, *На посту*, 2–3, 1923, 13–42.

Саянов 1927

Саянов В., «Долой классиков», *На литературном посту*, 9, 1927, 10–13.

——— 1929

Саянов В., *От Классиков к Современности: Критические статьи*, [Ленинград], 1929.

Селивановский 1928

Селивановский А., За единство национальных отрядов пролетарской литературы, *На литературном посту*, 5, 1928, 33–38.

——— 1931

Селивановский А., Попутничество и союзничество, *ЛОКАФ*, 9, 1931, 99–115.

Словохотов 1927

Словохотов Л., *О классиках русской литературы*, Саратов, 1927.

Соколов 1924

Соколов А., Нужно ли в пролетарских журналах печатать попутчиков? *Октябрь*, 4, 1924, 177–179.

Сосновский 1923

Сосновский Л., Первый пролетарский поэт Демьян Бедный, *На посту*, 1, 1923, 119–132.

Творческая дискуссия 1930

Творческая дискуссия в РАППе: Сборник стенограмм и материалов III Областной конференции ЛАПП, 15–21 мая 1930 г., [Ленинград], 1930.

Фадеев 1930

Фадеев А., За художника материалиста-диалектика: [Речь на Ленинградской конференции пролетарских писателей в мае 1930 г.], *Октябрь*, 7, 1930, 187–194.

——— 1934

Фадеев А., За хорошее качество, за мастерство! *Литературный критик*, 4, 1934, 39–47.

Цыганов 2022a

Цыганов Д. М., Интеллектуальная история литературы сталинизма: Библиографический обзор, *Летняя школа по русской литературе*, 1/18, 2022, 107–126.

——— 2022b

Цыганов Д. М., «Надо, чтоб каждый в Союзе читал...»: Читатель как институция советской культуры, *Slověne*, 11/2, 2022, 368–389.

——— 2022c

Цыганов Д. М., От самокритики к самоуничтожению: Реорганизация советского эстетического канона в эпоху позднего сталинизма, *Новое литературное обозрение*, 4/177, 2022, 135–148.

——— 2024

Цыганов Д. М., «Классика» и «классическое» в советской науке о литературе: Формалисты и компаративисты (Заметки к теме), *Codex manuscriptus*, 5, Москва, 2024, 199–221.

Что читают 1927

Что читают, *На литературном посту*, 8, 1927, 65–70.

Чужак 1928

Чужак Н., Опыт учебы на классике, *Новый Леф*, 7, 1928, 9–19.

Шкловский 1924

Шкловский В., Светила, вращающиеся вокруг спутников, или Попутчики и их тени, *Журналист*, 13, 1924, 20–21.

——— 1928

Шкловский В., Горький как рецензент, *Новый Леф*, 9, 1928, 42–44.

——— 1929

Шкловский В., *Техника писательского ремесла*, Москва, 1929.

——— 1990

Шкловский В., *Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933)*, Москва, 1990.

——— 1993

Шкловский В., Письма М. Горькому (1917–1923 гг.), Галушкин А. Ю., примеч. и подг., *De visu*, 1/2, 1993, 28–46.

Штейнман 1929

Штейнман З., Об условном и живом человеке, рабочей демократии и некоем «третьем», *Стройка*, 4, 1929, 226–254.

Эльсберг 1928

Эльсберг Ж., Ранний Горький, *На литературном посту*, 17, 1928, 45–55.

O'Connor 1983

O'Connor T. E. *The Politics of Soviet Culture Anatolii Lunacharskii*, Ann Arbor, Michigan, 1983.

Tihanov 2019

Tihanov G., *The Birth and the Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond*, Stanford, CA, 2019.

References

Bakshayeva N. Yu., Tsyganov D. M., Pushkin and the Muzhiks Revisited. Towards the sociology of the Pushkin's Narodnost and the History of the Mass Reading of Classics in the 1920s, *Vremennik Pushkinskoi komissii*, 40, St. Petersburg, 2026, 236–264.

Kornienko N. V., “*Nepovskaia ottepel*”: *Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki*, Moscow, 2010.

Kudlay O. S., A. M. Gorky and V. B. Shklovsky: about the Story of their Personal and Creative Relationships in Germany, *A. M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space*, Moscow, 2023, 205–221.

Maguire R., *Red Virgin Soil: Soviet Literature in the 1920's*, St. Petersburg, 2004.

Meilakh B., Sud'ba klassicheskogo naslediiia v pervye posleoktiabr'skie gody (1917–1919), *Russkaia literatura*, 3, 1967, 27–42.

Moskovskaya D. S., Proletarian Literature as a Project, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5/171, 2021, 80–93.

O'Connor T. E., *Anatolii Lunacharskii i sovetskaia politika v oblasti kul'tury*, Moscow, 1992.

Otyakovsky V. S., Tsyganov D. M. “Spetsial'nost' ego temna...”: *Remeslo Viktora Shklovskogo, Shklovskii V. B., Sobranie sochinenii*, 3: *Remeslo*, Moscow, 2026, 7–20.

Tsyganov D. M., An Intellectual History of the Literature of Stalinism Bibliographical Review, *Letniaia shkola po russkoi literature*, 1/18, 2022, 107–126.

Tsyganov D. M., "In the Union, Everyone Should Read": Reader as an Institution of the Soviet Culture, *Slověne*, 11/2, 2022, 368–389.

Tsyganov D. M., From Self-Criticism to Self-Destruction: The Reorganization of the Canon of Soviet Aesthetics During the Period of Late Stalinism, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4/177, 2022, 135–148.

Tsyganov D. M., The "Classic" and "Classical" in Soviet Science of Literature: Formalists and Comparativists, *Codex manuscriptus*, 5, Москва, 2024, 199–221.

Zholkovsky A. K., Sbroisit' ili brosit', *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2/96, 2009, 191–211.

Дмитрий Михайлович Цыганов,

научный сотрудник

Отдела рукописей

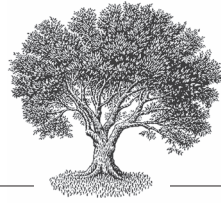
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1

Россия / Russia

tzyganoff.mitia@yandex.ru

Received July 3, 2025

Глагол *бросать*: лексическая семантика и аспектуальные свойства*

**Владимир Александрович
Плунгян**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия;
Московский государственный универ-
ситет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

**Анастасия Дмитриевна
Подгорная**

Институт языкознания РАН,
Москва, Россия;
Московский государственный универ-
ситет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

The Verb *brosat'* 'throw': Lexical Semantics and Aspectual Properties

Vladimir A. Plungian

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Anastasia D. Podgornaia

Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260 (<https://rscf.ru/project/23-18-00260/>). Авторы благодарят Р. Петровскую, Д. А. Рыжову и О. А. Остапчук за помощь с интерпретацией чешских, сербских, украинских и польских данных и анонимного рецензента за важные уточнения.

Цитирование: Плунгян В. А., Подгорная А. Д. Глагол *бросать*: лексическая семантика и аспектуальные свойства // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 227–252.

Citation: Plungian V. A., Podgornaia A. D. (2026) The Verb *brosat'* 'throw': Lexical Semantics and Aspectual Properties. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 227–252.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.09

Резюме

В статье анализируются (на корпусном материале) лексические и грамматические особенности русского глагола *бросать* и его перфективного коррелята *бросить* с учетом данных других славянских языков. В русском языке эта пара глаголов представляет один из немногих примеров так называемой двухосновной перфективации, при которой префиксальные перфективные корреляты могут образовываться от разных основ в зависимости от значения префиксального производного: ср. однократные *набросить* или *забросить* vs. многократные (предполагают множественность бросков за счет множественности объекта) *набросать* или *забросать*. Этимология корня *брос-* остается непроясненной. Одна из трактовок связывает ее исходное значение с известным по диалектам *бросать лен* 'обрабатывать лен, отбивая головки'. В литературном языке глагол *бросать* фиксируется относительно поздно: он становится частотным с XVII в., быстро приобретая функцию доминантного элемента поля бросания и разветвленную полисемию, основанную на различных метафорах физического движения (в том числе компонентов избавления от объекта и перемещения объекта в другое место). В других славянских языках также выделяются разнообразные доминантные глаголы бросания (белор. *kídaць*, польск. *rzucać*, чешск. *házet*, серб. *bacati*, болг. *хвърлям* и др.), но все они этимологически не родственны *бросать*. Доминантность и разнородность когнатов в этом семантическом поле оказывается вообще характерна для славянских языков, что связано с тенденцией к быстрому обновлению глаголов бросания за счет лексем смежных семантических зон, в первую очередь 'ударить' и 'попасть'.

Ключевые слова

глаголы бросания, перфективация, русский язык, семантический переход, славянские языки

Abstract

The article analyzes lexical and grammatical features of the verb *brosat* 'throw' and its perfective counterpart *brosit* in comparison with other Slavic languages, drawing on corpus data. In Russian, this pair of verbs exemplifies "two-stem" perfectivation pattern, whereby prefixal perfectives derive from different stems depending on the meaning of the prefixal element: cf. *nabrosit/zabrosit* (a single event) vs. *nabrosat/zabrosat* (a repeated action affecting multiple objects). The etymology of the stem *bros-* remains unclear, with one hypothesis tracing it back to the dialectal phrase *brosat' lěn* 'ripple flax'. The verb *brosat* enters literary Russian relatively late, becoming frequent only from the 17th century. It quickly rose to acquire the function of a dominant verb for the domain of throwing and developed a wide polysemy network through metaphorization of the physical action (including such semantic components as 'the object is no longer in contact with the thrower' and 'the object changes its location'). Other Slavic languages also have their own dominant verbs (Belarusian *kidać*, Polish *rzucać*, Czech *házet*, Serbian *bacati*, Bulgarian *hвърлям*, etc.), none cognate with *brosat*. The existence of a basic lexeme and diversity of verbs of throwing proves to be typical of Slavic and stems from the regular lexicalization of verbs of throwing from adjacent lexical domains, particularly 'striking' and 'hitting (the target)'.

Keywords

perfectivation, Russian language, semantic shift, Slavic languages, verbs of throwing

Введение

Центральным объектом данной статьи является русский глагол *бросать* (и его перфективный коррелят *бросить*). Особенности пары *бросать/бросить* выявляются в сравнении как с другими глаголами сходной семантики и аспектального поведения в русском языке, так и на фоне соответствующих глаголов других славянских языков. Обсуждая их, мы опираемся на данные как существующих словарей, так и подкорпусов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), включая параллельные¹. В разделе 1 мы обсудим особенности семантики *бросать*, в том числе и на фоне лексем бросания в других славянских языках, а в разделе 2 остановимся подробно на этимологических источниках базовых глаголов бросания.

1. Глагол *бросать* в русском языке

1.1. Аспектальные особенности

Пара *бросать* и *бросить* заслуживает внимания прежде всего в отношении аспектальных свойств, которые во многом являются необычными. Начнем с ее словообразовательно исходного элемента — глагола *бросить*. Будучи непроектируемым, этот глагол перфективный, что для русской глагольной системы является редким: как известно, непроектируемые глаголы («симплексы») в русском и других славянских языках в основном имперфективны, но имеются немногие исключения. К ним как раз и относится *бросить*, который входит в один ряд с другими немногочисленными бесприставочными перфективами тематического *и*-спряжения: *реши́ть*, *купи́ть*, *ступи́ть*, *хвати́ть*, *прости́ть*, *кончи́ть*, *лиши́ть* и некоторые другие (часть из них в истории русского языка были двувидовыми, как, например, *кончи́ть* [ср. Авилова 1964]; глаголы той же морфологической структуры *рани́ть*, *жени́ть*, *крести́ть* остаются двувидовыми и в современном языке). Но не менее необычна и пара *бросить/бросать*, которая является ярким примером такого редкого явления в морфологии русского видообразования, как «двухосновная перфективация» (термин из [Плунгян 2015]; см. об этом явлении также [Svenonius 2004; Feldstein 2005; Летучий 2020]), при которой приставочные перфективы могут

¹ По состоянию на март 2025 г. их объем составлял (в миллионах словоупотреблений): белорусский — 10, болгарский — 5,2, польский — 6,4, сербский — 1,9, словенский — 2, украинский — 9,4, чешский — 4,4.

образовываться от двух разных глагольных основ, в основном в зависимости от семантики перфективирующего префикса. Как известно, в стандартной ситуации все перфективирующие префиксы присоединяются к единой основе непроизводного глагола-симплекса, которая не имеет морфологических вариантов, ср., например, *лить* > *вылить*, *перелить*, *разлить*, *залить* и т. п. Есть, однако, очень небольшое количество глаголов (менее 10), у которых перфективные производные возможны от разных основ; характерным примером являются такие ряды приставочных перфективов, как *выстрелить*, *застрелить* vs. *расстрелять*, *настрелять* или *откусить*, *перекусить* (*пополам*) vs. *искусать*, *перекусать* (*всех*), *закусать* (*до смерти*) и т. п. Легко видеть, что *бросать* относится к этому же типу, ср. *выбросить*, *отбросить*, *забросить* (*далеко*), *набросить* (*платок на плечи*) vs. *разбросать*, *набросать* (*вещи в угол*), *забросать* (*камнями*) и т. п. Важное отличие *бросать* состоит в том, что обе его основы могут свободно функционировать в современном языке как самостоятельные симплексы, тогда как в большинстве других случаев двухосновной перфективации по крайней мере одна из основ является в современном языке либо связанной, т. е. не употребляется без префиксов (как *=стрелить*, *=ронить*, *=кусить*, *=глотить*, *=менить*), либо малоупотребительной (как *ломить*).

Выбор основы при префиксации регулируется различными факторами [см. Плунгян 2015: 214–215; Летучий 2020: 56–57]. Для рассматриваемой группы релевантны следующие тенденции (хотя они не носят абсолютного характера): приставки, выражающие делимитативность или многократные значения (в том числе дистрибутивные), сочетаются с основами несовершенного вида (далее — НСВ); в остальных случаях обычно выбирается основа совершенного вида (далее — СВ). Если одна приставка сочетается с разными основами, дериват НСВ обозначает внутрисобытийную множественность (ситуация состоит из повторяющихся квантов, т. е. действий бросания, ломания и т. д.): ср. примеры выше, а также *разломить* (*пополам*) vs. *разломать* (*на мелкие части*), *захватить* (*в плен*) — *захватать* (*грязными руками*), *решить* (*задачу*) — *прорешать* (*все задачи*) и др., хотя можно указать и такие пары, как *сломить* и *сломать*, где выбор основы не связан с глагольной множественностью и является полностью идиоматичным.

Однако выбор основы при перфективации в паре *бросать/бросить* полностью соответствует основному правилу. Покажем это на корпусном материале. Данные о количестве употреблений приставочных глаголов от обеих основ в основном корпусе НКРЯ приведены в таблице ниже².

² Поиск производился по лемме. Ошибки разбора (к примеру, форма *сброшу* помечена как возможная форма *сбросать*) были исключены при просмотре 1-грамм.

Таблица 1

Приставочные дериваты СВ с корнем *брос-* в НКРЯ

Приставка	Глагол СВ от СВ	Кол-во	Глагол СВ от НСВ	Кол-во
в-	вбросить	171	вбросать	0
вз-	взбросить	94	взбросать	0
вы-	выбросить	10 708	выбросать	9
до-	добросить	67	добросать	1
за-	забросить	5886	забросать	770
на-	набросить	1658	набросать	2232
о-	обросить ³	18	обросать	0
от-	отбросить	7118	отбросать	3
пере-	перебросить	1835	перебросать	23
по-	побросить	0	побросать	1199
под-	подбросить	2551	подбросать	0
при-	прибросить	2	прибросать	1
про-	пробросить	26	пробросать	2
раз-	разбросить	34	разбросать	5853
с-	сбросить	10 374	сбросать	23

Дериваты *бросать* обладают в современном русском меньшей продуктивностью, чем дериваты *бросить*. Употребительны глаголы *побросать* (вещи в чемодан) с делимитативной или дистрибутивной приставкой *по-* (при невозможности **побросить*) и *разбросать* (по полу бумаги), где *раз-*, обозначая движение в разные стороны, чаще всего также предполагает дистрибутивную интерпретацию — множественность действий с разными объектами: при более редкой ситуации одновременно-го движения в разные стороны нескольких объектов (*разбросить руки*) или экспансии одного протяженного объекта (*разбросить сеть, шубу*) возможна и основа СВ, хотя в современном языке такие употребления воспринимаются как несколько архаичные. Большое количество вхождений глагола *набросать* определяется частотностью его непространственного производного значения ‘излагать, изображать, описывать и т. п. бегло, в общих чертах, в предварительной форме’ [БАС, 11: 37], в основе своей также выражающего действие, состоящее из множества квантов, ср. *набросать (портрет несколькими штрихами)*. Разводятся по значению также глаголы с приставкой *за-*: *забросать* (экран

³ Устаревшая лексема со значением ‘оставить кого-л./что-л.’, ср.: Горько ведь будет, когда **обросят** меня и никто не придет ни с добрым словом, ни с добрым делом!.. (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая; 1875–1881).

бутылками, докладчика вопросами) отличается от *забросить* (*мяч в ворота, учебу*) в том числе диатезой — в качестве прямого объекта при нем выражается конечная точка, а брошенный объект кодируется творительным падежом.

Среди других дериватов фиксируются *перебросать* (*мешки в грузовик*), где *пере-* маркирует как траекторию, так и исчерпанность объекта (дистрибутивная интерпретация), и редкое *сбросать*, см. (1), в меньшем количестве — *добросать* (*сено* в значении 'закончить бросать'), *отбросать* (*поклоны* в текстах XIX в. и современной стилизации), *прибросать* (в сочетании с *эскиз памятника = набросать*) и *пробросать* (*карточки в руках*). Непродуктивность дериватов глагола НСВ с приставками, вносящими пространственное значение, определяет то, что глаголы, образованные от *бросить*, предпочитают и при предполагаемой множественности бросков в рамках одной ситуации *подбросить* (*в печь поленья*), *сбросить* (*с крыши снег*), *выбросить* (*из мешков кирпичи*): пространственный компонент здесь доминирует.

- (1) **Сбросали** налимов в мешок, инструмент в баржу спрятали и бегом в гору, на яр (Виктор Астафьев. Последний поклон; 1968–1991).

Таким образом, производящей основой является прежде всего *бросить*, а семантическое противопоставление между приставочными дериватами от *бросать* и *бросить* основано на множественности квантов-бросков, в большинстве случаев являющейся следствием множественности объектов⁴. Похожую ситуацию мы находим и в других славянских языках (за исключением словенского, см. подраздел 2.3): базовые глаголы бросания представлены парой однокоренных бесприставочных глаголов, тогда как приставочные дериваты глагола НСВ применяются (в основном) для обозначения ситуаций с несколькими бросками. К примеру, в чешском такую пару составляют глаголы *hodit* СВ и *házet* НСВ (см. подраздел 2.5), образующие ряды производных: *nahodit*—*naházet*, *odhodit*—*odházet*, *vyhodit*—*vyházet* и др.; ср., например, в (2) *vyházíme* букв. 'выбросаем' при периферийности русск. *выбросать*.

- (2) чешский: **Vyházíme** písek z koše, a hned zas poletíme nahoru (Milan Korejs, 1967).

'Надо **выбросить** из корзины песок, и мы снова полетим вверх'
(Николай Носов. Приключения Незнайки и его друзей; 1953–1954).

⁴ Выражение внешнесобытийной множественности также доступно для дериватов *бросать*, притом итерации в данном случае подвергается множественная ситуация, ср.: *трижды разбросать удобрение, снова перебросать мешки в грузовик, несколько раз забросать камнями кого-либо, но несколько раз забросить*/**забросать мяч в корзину*.

1.2. Лексические особенности

Глагол *бросать* в русском языке относительно поздний, он стал употребительным в старорусский период (ср., например, с *кидати*, *метати*, встречающимися в древнерусских текстах) и имеет не вполне ясную этимологию. По одному вхождению *бросить* и *бросать* фиксируются в исторических подкорпусах НКРЯ в текстах XVI в.⁵, частотным *бросать* и его перфективный коррелят становятся с начала XVII в. В XVII–XVIII вв. они уже могут считаться основными глаголами в поле бросания и развивают широкую полисемию за пределами семантики физического движения. Подробное описание структуры значений можно найти, например, в [Левонтина 2014: 360–363]. Остановимся здесь на нескольких моментах.

Выделяемые значения производны от значения бросания, что подтверждает материал других славянских языков, типологических баз данных [CLICS; DatSemShift] и прозрачность семантических переходов, основанных на двух компонентах ситуации бросания: потери контакта с объектом или попадания объекта в конечную точку, см. [Кустова 2004: 152–168]. Значения второй группы реализуются, например, в сочетании с существительными ‘взгляд’ (*бросить взгляд на кого/что-л.*, ср. укр. *кинути погляд*, болг. *хвърля поглед*, серб. *baciti pogled*, словен. *vréči pogled*), ‘тень’ (3), ‘реплика’ и др.

- (3) украинский: *щоб кинути тінь на обличчя* (Микола Білорус; 2005)
 болгарский: *за да хвърли сянка върху лицето си* (Лиляна Минкова; 1989)
 сербский: *da bi na taj način bacio senku na lice* (Milan Čolić; 1985)
 словенский: *da bi tu metal senco na obraz* (Janez Gradišnik; 1971)
 {Как тот ни натягивал утиный козырек кепки на глаза,} ‘чтобы **бросить тень** на лицо...’
 (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Значения *бросить*, основанные на потере контакта с объектом, характеризуются разной степенью отличия от ситуации бросания, от движения без замаха и (почти) без перемещения объекта, как в (4), до оставления определенного места, человека или физического объекта без его перемещения, например: *бросить дом, машину, гостей*. В области этих значений славянские языки демонстрируют различия — к примеру, в чешском и сербском в контекстах первого типа глаголы бросания маргинальны, ср. переводы в (4), в контекстах второго типа такие лексемы не употребляются [см. Рыжова 2024; Подгорная 2024].

⁵ Глагол *бросать* находится в представленной в старорусском корпусе Казанской истории (1564–1565), *бросить* — в Повести о Бове королевиче (вероятно, середина XVI в.); впрочем, по спискам, датируемым XVII в., что не исключает более позднего возникновения этих употреблений.

- (4) чешский: *Prodavačka položila nůž* (Jarmila Wagsteinová; 1946)
 сербский: *Prodavačica ostavi nož* (1948)
 'Продавщица **бросила** нож,' {которым резала ветчину, и, кивнув Павке головой, пошла через зал...} (Николай Островский. Как закалялась сталь (Ч. 1); 1930–1934).

Другим значением этой группы является прекращение деятельности, также демонстрирующее вариативность в кодировании в славянских языках, ср. русск. *бросить курить*, белор. *кінуць курыти*, укр. *кинути курыти*, польск. *rzucić palenie* и серб. *ostaviti duvan*, чешск. *přestat kouřit*. В русских говорах *бросить* обладает большей сочетаемостью, чем в литературном варианте, обозначая неволевые действия: *дошъ скоро бросить итьти* (Рогнединский р-н, Брянская обл.) [СБГ, 2: 13], *что-то у меня часы бросили ходить* (Чагодощенский р-н Вологодской обл.) [СРГК, 1: 119].

Таким образом, широкий набор значений *бросить* в современном языке возводится к прототипической ситуации бросания как физического движения и в целом основан на регулярных механизмах полисемии. Вопрос о происхождении самого этого прототипического значения гораздо более сложен, и этимологические исследования (на которые можно было бы опираться при решении этого вопроса) не дают однозначных результатов. Как кажется, все предлагаемые этимологии русского *бросать* достаточно спорны. У него нет когнатов среди глаголов с семантикой бросания в других славянских языках (при всей разнородности славянской лексики бросания) [Черных, 1: 113], ср. белор. *кідаць*, польск. *rzysać*, чешск. *házet*, серб. *baciti* и др., хотя многие из приведенных основ имеются и в русском, либо в качестве нецентральных элементов поля бросания (как *кидать*), либо в другом значении (как *годить*, но ср., впрочем, контексты типа *угодить мячом в голову*). Предлагаемые славянские когнаты для *бросать* немногочисленны и спорны, в словарях приводятся болг. *бръша* 'тереть', словен. *brsati* 'задевать'; рассматривается также сближение с рефлексам **brъkati* [см. Черных, 1: 112–113; ЭССЯ, 3: 55–56; Аникин, 4: 248–249].

По предположению П. Я. Черных [Черных, 1: 112–113] (в целом поддержанному и в [Аникин, 4: 249]), *бросать* — обобщившийся льноводческий термин, имевший значение 'отбрасывать, отрывая' на северо-западе Московской Руси. Словари фиксируют употребление *бросать* и однокоренных глаголов (а также существительных для обозначения соответствующих приспособлений: *бросалка*, *бросальница* и др.) для описания разных этапов обработки льна, см. [СРГК, 1: 118–119; АОС, 2: 133; НОС: 74 и др.]: отделения головок с семенами, при котором стебли протаскивают через зубья, и отделения кострицы, при котором стебли кладут

поперек двух досок и продвигают к себе, ударяя между досками доской-«языком» и тем самым разламывая стебли. Близкое семантике бросания значение проявляется в употреблении *бросить ягоды* ‘собрать’, *бросить белку* ‘снять шкурку’ [СООН: 6], *лист бросать* ‘собирать листья для корма скоту’ [СРГК, 1: 119; АОС, 2: 133]. В тех же значениях употребляются не известные в литературном языке *броснуть*, *бруснуть*, *броснить*, *бросновать* и др. [СРГК, 1: 120; АОС, 2: 136, 141; НОС: 75]. Колексификация значений ‘бросать’ и ‘рвать’ у когнатных лексем фиксируется, например, в случае русского *кидать* и сербского *kidati* (см. подраздел 2.2).

Для более надежных выводов об этимологии *бросать* необходима, однако, более глубокая типологическая разработка семантического поля бросания с анализом типичных моделей полисемии, источников и семантических дериватов. Этот вопрос на материале славянских языков рассмотрен в следующем разделе.

2. Базовые глаголы бросания в славянских языках

2.1. Типологические наблюдения о системах глаголов бросания

Под бросанием мы будем понимать ситуацию, которая состоит из нескольких фаз: вначале агент держит объект в руке, затем производит движение рукой, выпуская объект, который движется по воздуху, пока не достигнет конечной точки. Ряд закономерностей устройства систем глаголов со значением бросания изложен в [Ивтушок 2016]. Данная работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий выделение на основе межъязыкового сравнения обобщенных ситуаций — фреймов, которые могут лексически обособляться в языках мира [Рахилина, Резникова 2013] (см. применение данного подхода в [Майсак, Рахилина 2007; Рахилина et al. 2020 и др.]). Фреймами в поле бросания являются ситуации, предполагающие бросание с силой (ср. *швырнуть что-л. в кого/что-л.*), вниз или вверх, с целью попасть в определенную конечную точку (ср. *метнуть, запустить чем-л. в кого/что-л.*) или избавиться от объекта. Во всех выделенных ситуациях, относящихся к полю бросания, в русском доступен глагол *бросать*, а также его перфективный коррелят *бросить* и их приставочные дериваты — за счет такого широкого употребления его можно назвать доминантным глаголом в терминах [Рахилина, Резникова 2013: 16], по сути гиперонимом для других глаголов поля, таких как *швырять*, *метать*.

В поле бросания в других славянских языках также выделяются пары доминантных глаголов⁶: *кидаць—кінуць* в белорусском, *кидати—*

⁶ В [Ивтушок 2016] тенденция к доминантности отмечена как типологическая черта организации поля бросания. В выборке автора из восьми языков, однако, явно преобладают языки, входящие в европейский ареал, — тогда как, например,

кинути в украинском, *rzucać—rzucić* в польском, *číškać—čísnýć* в верхнелужицком, *chytaś—chyśiś* в нижнелужицком, *hodit—házet* в чешском и *hodit—hádzať* в словацком, *baciti—bacati* в сербском и хорватском, *хвърля—хвърлям* в болгарском, *фрли—фрла* в македонском, *vreči* и *metati* в словенском. Несколько переводов с этими глаголами приведены в (5):

- (5) польский: **Rzuciwszy** plecak na kolana baby z bańką, Paweł nachylił się... (Wacław Rogowicz; 1954).
 чешский: Pavel **hodil** brašnu tetce na kolena, nahnul se z okna... (Jarmila Wagsteinová; 1946).
 сербский: **Bacivši** torbu na koljena žene koja je držala kantu, Pavle se nagne preko prozora... (1948).
 болгарский: **Хвърлил** чантата на коленете на стринката с гума. Павел се наведе... (Людмил Стоянов; 1944).
 словенский: Pavel **je vrgel** torbo tetki z ročko na kolena, se nagnil dol... (Vladimir Levstik; 1945).
 'Бросив сумку на колени тетки с бидоном, Павел нагнулся вниз...'
 (Николай Островский. Как закалялась сталь; 1930–1934).

Можно заметить, что указанные глаголы не родственны *бросать* и происходят из разных источников. Далее мы аргументируем их ядерность в поле бросания в современных славянских языках и по возможности проследим этимологически родственные им лексемы и повторяющиеся семантические переходы⁷.

2.2. *Кидать* и его когнаты

На статус доминантного в поле бросания в русском претендует еще один глагол — *кидать* (и, соответственно, *кинуть*). Данные лексемы в прямых употреблениях, по [Апресян 1995: 222, 224, 231], представляют один из редких примеров полной синонимии с совпадением как семантической, так и морфосинтаксической сочетаемости, а также развивают сходные переносные значения. Действительно, *бросать* и *кидать* и их видовые пары обладают сходными «портретами» в основном подкорпусе НКРЯ (об этой функции см. [Савчук et al. 2024: 27–31]), и их коэффициент близости, высчитываемый на основании дистрибуции, около 0.89. К примеру, обе пары употребительны с прямыми дополнениями

для тамильского [Смирнитская 2020] и удмуртского [Подгорная 2022] выделить такие лексемы не удастся. Для проверки типологической значимости отмеченной тенденции требуется исследование на более широком материале.

⁷ Мы опираемся на данные крупных литературных вариантов. Цельное описание устройства системы глаголов бросания в славянских языках выходит за рамки данной статьи, однако в некоторых случаях обсуждаются глаголы, употребляющиеся в отдельных фреймах.

камень, окурок, бомба, якорь, взгляд, тень, при них встречаются в роли косвенного дополнения лексемы *собака, пес* (например, *бросать/кидать собаке кость*), *камень* (при управлении *бросать/кидать камнем/каменьями куда-л.*) и предложные группы *на пол* и *в жар, в дрожь*. Существенно, однако, что *бросать* намного более частотен, чем *кидать*: *бросить* и *бросать* являются распространенными словами, мера частотности *ipm* (англ. *item per million*) для них составляет примерно 173 и 63 соответственно, в то время как *кинуть* и *кидать* скорее имеют низкую частотность (*c ipm* 17 и 11 соответственно).

Как показано выше, *бросать* в рассматриваемом значении является довольно поздней (2-я половина XVI – XVII в.) инновацией, притом собственно русской: в других восточнославянских на статус доминантных глаголов бросания претендуют только лексемы, этимологически родственные *кидать* — *кідаць* и *кінуць* в белорусском, *кидати* и *кинути* в украинском, ср. переводы из параллельных подкорпусов НКРЯ (6). По-видимому, за счет стремительной экспансии *бросать* в русском глагол *кидать* стал играть роль второго доминантного: по данным панхронического подкорпуса НКРЯ, он встречается в текстах начиная с середины XI в., и на протяжении последних трех веков его частотность стабильна, хотя и невелика.

(6) белорусский: *Падняў хваёвую шышку пад плотам і кінуў яе, цэлячыся ў белую блузку* (1936–1954).

украинский: *Підняв соснову шишку, що лежала під парканом, кинув її, націлюючись у білу блузку* (Виктор Петровський; 1974).

‘Поднял лежащую у забора сосновую шишку, **бросил** ее, целясь в белую блузку’

(Николай Островский. Как закалялась сталь; 1930–1934).

В глаголе *кидать* представлена общеславянская основа **kydati* [ЭССЯ, 9: 252–254], рефлексy которой находят в других славянских языках на периферии или вне поля бросания. В нескольких языках он закрепился в узком значении ‘убирать, вычищать что-л.’: чешском (*kydat hnoj* ‘выбрасывать навоз’ [SSJC]), словацком (*kydať hnoj, kydať z maštale* ‘вычищать хлев’ [ELSJ]), словенском (*kidati sneg s ceste* ‘расчищать дорогу от снега’, метонимически *kidati hlev* ‘чистить хлев’ [SSKJ]), сербском, хорватском, лужицких. Описываемые ситуации задают узкий набор возможных объектов и предполагают наличие инструмента (ср. *бросать снег лопатой*), а не движение руки, при этом присутствуют некоторые компоненты ситуации бросания, а именно фаза перемещения объекта из исходной точки в конечную без контроля со стороны агенса. В лужицких языках в.-луж. *kidaś* и н.-луж. *kidaś* ‘сыпать, лить’ [NHS; NDS] демон-

стрируют узкую сочетаемость с недискретными объектами — сыпучими веществами и жидкостями. Интересен переход, демонстрируемый сербскими и хорватскими рефлексам *kidati* (*kidnuti*), которые развили значение 'рвать' [Skok, 2: 77], ср. для сербского *kidajući latice cveta* 'обрывая у цветка лепестки', *oni kidaju ulare* 'они рвут уздечки' [НКРЯ]. Подобные ситуации часто предполагают, что агенс, отделив часть от объекта, выпускает ее из рук, отбрасывает в сторону, однако, как показывают примеры вроде (7), употребление *kidati* не ограничено такими контекстами, что свидетельствует о переходе глагола в поле каузации разрушения⁸.

- (7) сербский: *Zadihana, Margarita je **kidala** i gnječila čekićem žice*
(Milan Čolić; 1985).

'Тяжело дыша, Маргарита **рвала** и мяла молотком струны'
(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Таким образом, рефлекс основы **kydati* имеют ядерный или близкий к нему статус в поле бросания в восточнославянских языках, в то время как во многих западно- и южнославянских они характеризуются узкой семантикой или вышли из употребления, как в польском, где *kinąć* фиксируется только в исторических словарях [SSP, 3: 279; SP XVI].

2.3. Общеславянские основы **vьrgti*/**vьrgati* и **metati*

Лексической архаичностью в рассматриваемом поле отличается словенский язык, сохраняющий в качестве доминантного рефлекс праславянского **vьrgti* [Аникин, 6: 269]. Имперфективной парой для глагола *vreči* в контекстах, описывающих многократные действия, служит другая общеславянская основа со значением бросания — *metati* (**metati* [ЭССЯ, 18: 112–115]), ср. (5) и (8):

- (8) словенский: *Na pragu vidiva, da fantje **mečejo** kamne v grmovje*
(Jelka Ciglencečki; 2010).

'По дороге мы видим, как мальчишки **бросают** в кусты камни'
(Михаил Шишкин*. Венерин волос; 2004).

⁸ Еще одно значение — 'убегать, удирать' — у *kidati*, см. (i), считается возникшим как арготизм под влиянием романи: в [Uhlík 1954: 20] в качестве источника приводится глагол *kidav* (форма 1 л. наст. вр.) 'я беру, я убегаю' (цит. по [Fałowski 2013: 102]), в [Sonnemann 2022: 205] указано сочетание *kidel drom* 'уходить, отправляться в путь', букв. «берет дорогу» с формой 3 л. наст. вр. того же глагола [по Boretzky, Igla 1994: 142].

сербский: *Ako mislite da nije tako, iz ovih stopa **kidajte** natrag, na obalu*
(Nikola Nikolić, 1969).

'Если вы думаете, что это не так, то скорее бегите назад, на берег'
(Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев; 1927).

* М. В. Шишкин признан Минюстом РФ иностранным агентом на территории Российской Федерации.

В SSKJ для двух глаголов даются почти идентичные толкования и пары примеров, демонстрирующие их употребление в широком круге контекстов — как прицельного бросания, так и легкого движения и избавления от объекта: *vreči/metati žogo visoko v zrak* ‘бросить/бросать мяч высоко в воздух’, *vreči poleno / metati polena na ogenj* ‘бросить полена / бросать полена в огонь’, *vreči kovanec v avtomat* ‘бросить монетку в [торговый] автомат’ / *metati denar v hranilnik* ‘бросать деньги в копилку’, *vojaki so vrgli orožje iz rok* ‘солдаты бросили оружие из рук’ / *vojaki so začeli metati orožje iz rok* ‘солдаты начали бросать оружие из рук’ и др.

В других славянских языках данные основы либо занимают более периферийное положение, либо не принадлежат полю бросания. Глагол *метать* (*метнуть*) в русском языке толкуется в словарях через доминантные ‘бросать, кидать’ [БАС, 10: 119], однако покрывает более ограниченное множество ситуаций, связанных с прицельным бросанием (в мишень, например: *метать дротики в мишень, снежки друг в друга*, или в заданном направлении *метнуть копьё как можно дальше*), на что указывает в том числе переинтерпретация сочетаний *метать полена в огонь, монетки в копилку* как обозначающих действие с целью попасть в конечную точку⁹. Глагол *метати* (*метнути*) в украинском языке демонстрирует ту же специализацию, что и когнатный русский глагол, ср. толкование ‘резко, быстро бросать, как правило, в цель или на расстояние’ [ТСУМ: 516]. Те же контексты свойственны польской основе — *miotąć (miotnąć)* [SJP]: *w pełnym pędzie miotnęła oszczepem* ‘на полном ходу бросила копьё’ [НКРЯ]. В чешском *metat (metnout)* признается книжным и устаревшим [SSJČ]. В сербском языке глагол *metati (metnuti)* употребителен в значении ‘класть, ставить’ [PCJ: 689; Skok, 2: 410–414]: *je metnuo preda se debeli rukopis* ‘положил перед собой толстую рукопись’ [НКРЯ], предполагающем переход данного глагола в поле контролируемого перемещения¹⁰, а также ‘надевать’, например: *je metnuo prsten na srednji prst* ‘надел перстень на средний палец’ [НКРЯ], ср. сходные контексты с глаголами бросания в других славянских языках: русск. *накинуть куртку*, чешск. *hodit na sebe šaty* ‘быстро одеться (букв. «бросить на себя одежду»)» [SSJČ].

Корень **vrg-* в современном русском языке сохранился только в связанном виде в приставочных глаголах, не обозначающих ситуацию бросания: *ввергнуть в отчаяние, подвергнуть наказанию* и др. Глаголы

⁹ Употребление особых лексем во фрейме «бросание в цель» отмечено и в других языках, в том числе чешск. *trefovat (se)* (см. подраздел 2.5), фр. *lancer, bombarder* [Ивтушок 2016: 75].

¹⁰ Известным примером семантического сдвига ‘бросить’ > ‘положить’ является латинский глагол *mittere* ‘бросить’, когнаты которого в романских языках имеют значение ‘положить’: например, итал. *mettere*, фр. *mettre* [см. Adams 1974].

вергнути, вреши/вреди 'бросить, кинуть' и *вергати* 'бросать, кидать' [СлРЯ XI–XVII, 2: 83; 3: 111] находятся в текстах панхронического подкорпуса НКРЯ до XVI в.¹¹ В [СлРЯ XVIII] они уже не фиксируются, но для их приставочных дериватов еще указываются прямые значения: например, *отвергнуть* 'отбросить в сторону, прочь', *подвергнуть* 'подкинуть, подбросить'. Современные словари приводят для них только переносные употребления, ср. *отвергнуть* 'решительно отклонять, не принимать что-л.' [БАС, 14: 347].

Среди современных восточнославянских языков бесприставочный *вергати* (*вергнути*) фиксируется в словарях украинского, при этом в редких прямых употреблениях он имеет значение 'бросать что-л. с силой, швырять' [ТСУМ: 117]: *наче дровами вергав на всі боки* 'точно поленьями швырял во все стороны' [НКРЯ]. Однако для фрейма «бросание с силой» *вергати*, представленный двумя примерами в значении бросания в украинско-русском параллельном подкорпусе НКРЯ, далеко не централен, уступая таким глаголам, как *шпурляти—шпурнути* (36 и 64 вхождения) (9), *жбурляти—жбурнути* (28 и 54 вхождения), *швиргати—швиргоннути* (2 и 32 вхождения).

(9) украинский: Він **шпурнув** свій браунінг і вибив обидві шибки у вікні (Микола Білорус; 2005).

‘Он **швырнул** свой браунинг и выбил оба стекла в окне’
(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Континуанты основы **vbrg-* описываются как синонимичные доминантным глаголам бросания в сербском *vrġnuti, vrġći* 'бацити; бросить' [PCJ: 160], чешском *vrhat (vrhnout)* '(prudce) házet; (быстро) бросать' [SSJČ], словацком *vrhať (vrhnúť)* 'prudko hádzať; быстро бросать' [SSJ], нижнелужицком *wjergaś (wjergnuś)* [NDS] и верхнелужицком *wjerhać (wjerhnyć)* 'бросить' [NHS; ВЛРС: 347].

Однако все эти глаголы имеют периферийный статус. В сербском указанные лексемы можно признать устаревшими: они крайне редки и незнакомы носителям, в отличие от доминантных глаголов *bacit* и *bacat* (см. о них в подразделе 2.4).

В корпусе нижнелужицкого языка [DTK] *wjergaś* и *wjergnuś* представлены 156 и 6 вхождениями соответственно при 3048 примерах с доминантными *chyśiš* и 1873 с *chytaś*, которые встречаются, например, в контекстах: *su chyśili lasso a stśělali z pśužynu* 'бросали лассо и стреляли из лука', *chyśiš kus papjery do wognja* 'бросить кусок бумаги в огонь', *chyśijo swoju wukurjonu cigaretu pśec* 'бросает прочь выкуренную

¹¹ Эти глаголы могли сохраниться в диалектах: например, *вергати* 'бросать, кидать' отмечен в брянских говорах [СБГ, 2: 44].

сигарету'. Подобное соотношение фиксируется и для верхнелужицких глаголов: *ćisnyć* (280 вхождений) — *ćiskać* (86 вхождений) при *wjerhać* (7 вхождений) — *wjerhnyć* (1 вхождение) [НТК]. Лужицкие доминантные глаголы бросания имеют различные источники. Нижнелужицкий использует основу, в других славянских имеющую значение 'хватать', например чешск. *chytit*, или 'бросить', как в сербском *hititi*, *hitnuti* 'бросить' (*kao dva kamena hitnuta iz praćke* 'как два камня, брошенные из пращи' [НКРЯ]) [см. Фасмер, Трубачев, 4: 239; ЭССЯ, 8: 161]. Верхнелужицкие глаголы находят инославянские соответствия в лексемах со значением 'жать, давить', чешск. *tisknout*, польск. *ciskać*, русск. *тискать*, *тиснуть* и др. [Фасмер, Трубачев, 4: 62; Boryś 2005: 84]. В польском *ciskać*—*cisnąć* также употребляются с XV в. как глаголы бросания, маркируя фрейм «бросание с силой»:

- (10) польский: *Korowiow cisnął historię choroby do kominka* (Irena Lewandowska, Witold Dąbrowski; 1969).

'Коровьев **швырнул** историю болезни в камин'

(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Закрепление **vъrg-* за пределами поля бросания свойственно польскому, где *wierzgać* (*wierzgnać*) сохраняется в единственном значении 'лягать (например, о лошади)' (т. е. 'выбрасывать копыта назад'¹²) [SJP; Boryś 2005: 696]. В разнообразных ситуациях бросания в польском языке употребляются глаголы *rzucić* и *rzucać*, ср. соответствия из русско-польского подкорпуса НКРЯ: (11), *rzucił na żarzące się węgielki kilka szpilek sosnowych* 'бросил на тлеющие угольки горстку сосновых иголок', *rzucił im nóż pod nogi* 'бросил им нож под ноги'. В качестве этимологически родственных им лексем указывается *врутити/врютити* 'бросить' [СлРЯ XI–XVII, 3: 112], а также *рутити/рютити се* 'броситься' [СлРЯ XI–XVII, 22: 261] и чешск. *řítit se* 'срываться, мчаться' [Фасмер, Трубачев, 1: 362; Boryś 2005: 536; Аникин, 9: 48–49].

- (11) польский: *Podniósł leżącą przy płocie sosnową szyszkę i rzucił ją mierząc w tę bluzkę* (Wacław Rogowicz; 1954).

'Поднял лежащую у забора сосновую шишку, **бросил** ее, целясь в белую блузку'

(Николай Островский. Как закалялась сталь; 1930–1934).

Рефлексы **vъrg-* имеют менее маргинальный статус в чешском и словацком языках. Рассмотрим подробнее ситуацию в чешском. Глагол

¹² Использование глаголов бросания для описания движения части тела, чаще всего резкого, встречается в славянских языках, ср. чешск. *hodit rukou* 'махнуть рукой' [SSJČ], словен. *vreči roke kvišku* 'выбросить руку вверх' [SSKJ].

vrhnout закреплён в спортивной терминологии в значении ‘бросок без отведения руки за голову’, ср. название спорта *vrh koulí* ‘толкание ядра’ vs. *hod oštěpem* ‘метание копья’, однако за её пределами разница между глаголами плохо осознаётся носителями (о трудности их различения в том числе в спортивных контекстах см. заметку [Hausenblas 1950]), и *hodit* заменяет *vrhnout* во всех контекстах бросания (см. о нём в подразделе 2.5). Притом глаголы *vrhnout*—*vrhat*, как и их приставочные дериваты, более частотны, чем *hodit*—*házet*, в ряде переносных употреблений, например *vrhnout pohled* ‘бросить взгляд’, *vrhnout světlo/stín* ‘пролить свет, отбросить тень’ [Подгорная 2024: 159–160], а также в автокаузативном деривате *vrhnout se* ‘броситься куда-л.’: из 362 вхождений *vrhnout* в НКРЯ нам удалось найти только 5 контекстов, в которых *vrhnout* употребляется в прямом значении (для *vrhat* — 4 из 23), например (12).

(12) чешский: *Udělalí poslední pokus. Vrhli po něm laso...* (Alena Morávková; 1969).

‘Сделали ещё одну попытку добыть кота. Был брошен аркан...’
(Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита; 1929–1940).

Таким образом, два общеславянских корня **vrg-* и **met-* центральны в поле бросания в словенском языке. В других славянских, где они фиксируются, их употребление более ограничено: они закреплены за одним фреймом (русс. *метать* в фрейме «бросание в цель», укр. *вергати* в «бросание с силой»), в переносных значениях (дериваты с корнем *-верг-* в русском, в определенной степени *vrhnout/vrhat* в чешском) или перешли в другое поле (польск. *wierzgać* ‘лягать’).

2.4. Смежность с зоной удара

Среди диахронических источников глаголов бросания в славянских языках можно выделить несколько смежных зон, в первую очередь это зона резкого контакта, или удара.

Как глагол бросания с широкой сочетаемостью в сербском и хорватском языках употребляются *bacati*—*baciti*, см. примеры из русско-сербского параллельного корпуса НКРЯ: *deca su sa zemlje prstima podizala suve grančice, kamačke, prljavštinu i bacala ih na Jušku* ‘дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку’, *digne stolicu i baci je daleko preko ograde broda* ‘приподнял стул и выбросил его далеко за борт’, *baci lopatu na zemlju* ‘бросил лопату на землю’¹³. Данный корень знаком другим славянским языкам и возводится к основе, обозначающей звук удара [Skok, 1: 84–85; Аникин, 2: 300], ср. русск. *бацнуть*

¹³ Подробнее о сербском *bacati* в сравнении с русским *бросать* см.: [Рыжова 2024].

‘с силой, шумом ударить, стукнуть’ [БАС, 1: 424], чешск. *bacit* ‘ударять’, например *já myslél, že tě pravačkou **bacíš*** ‘думал, что ты меня ударишь с правой’ [НКРЯ]. Отметим, что идеофоническое происхождение предполагается и для доминантных глаголов *хвърлям* (*хвърля*) в болгарском и *фрла* (*фрли*) в македонском [ЭССЯ, 8: 135], ср. для болгарского: *хвърлиха* *няколко копия подире ми* ‘несколько копий были брошены мне вслед’, *хвърлил на таблата голяма тежка кесия* ‘бросил на поднос большой увесистый кошелек’, не *хвърляйте* *угарки по пода* ‘окурки на пол не бросать’ [НКРЯ]. Как родственные им указываются чешский глагол *chrlít* ‘извергать, выбрасывать’ (*sopka **chrlí** lávu* ‘вулкан извергает лаву’ [SSJČ]) и польский *frygać* (*frygnąć*) ‘швырять’, сопоставляемый с *хвъргам* — болгарским диалектным вариантом *хвърлям* [Boryś 2005: 150], например *zbierał kamienie i **frygał** do ogrodów* ‘он подбирал камни и швырял их в сады’ [НКРЯ].

Колексификация значений ‘ударить’ и ‘бросить’, как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте, в славянских языках свойственна глаголам, обозначающим бросание с силой. Так, к примеру, в русском значение ‘бросать’ указывается для целого ряда идеофонических глаголов, например *брякнуть*, *бухнуть*, *грохнуть*, *шваркнуть*, *шмякнуть* (13)–(14) в БТС.

- (13) Она *шмякнула* о стол кружкой, вода плеснула через край (Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей; 1973).
- (14) — Братцы! — сорвал с кудрявой головы шапочку и *шмякнул* ее оземь (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая; 1934–1939).

Похожая ситуация наблюдается, например, в сербском, где фиксируется глагол *tresnuti* ‘резко ударить, бросить кого/что-л.’ [РСЈ: 1310], польском с *gruchnąć* ‘ударить или бросить что-л. с силой’ [SJP] и чешском, где есть *praštit*, *bacit* ‘ударить’, *švihnout* ‘хлестнуть’, которые также совмещают обозначение ситуации удара и бросания с силой, ср. *někdo mě **praštil** plochou dlaní do zad* ‘кто-то хлопнул меня [ладонью] по спине’, ***praštili** láhvi do visací lampy* ‘запустили бутылкой в [висячую] лампу’ [НКРЯ]. Кроме того, для глагола *mrštit* в чешском значение ‘швырнуть’ является основным, а ‘ударить’ — устаревшим [SSJČ; Machek 1957: 380]. Это свидетельствует о том, что глаголы из поля удара могут закрепляться в поле бросания¹⁴. Переход ‘ударить’ > ‘бросить’ определяется смежностью данных полей: удар объекта о поверхность представляет

¹⁴ В языках других семей такая колексификация зафиксирована в трех случаях в базе данных CLICS. Возможен, по-видимому, и переход от глагола бросания к глаголу удара, ср., например, *кидать* в значении ‘ударить’ (*я тебе кину по морды*) в новгородских русских говорах [СРНГ, 13: 199].

собой финальную фазу ситуации бросания (о метонимии, связанной со структурой ситуации, как факторе глагольной колексификации см. [Рахилина, Рыжова 2025]). Такая колексификация может в первую очередь задействовать фрейм «бросание с силой» за счет того, что данная ситуация скорее сопровождается характерным звуком удара и приводит к деформации объекта.

2.5. Смежность с зоной попадания

Другой случай представляют доминантные глаголы *hodit*–*házet* в чешском и *hodit*–*hádzať* в словацком, ср. примеры для чешского: ***hodili*** *Barankinovi na záda dvě šišky* 'бросили две шишки в спину Баранкину', ***hodí*** *první list do ohně* 'бросает в огонь первый лист', ***hodil*** *tobolku drožkáři* 'кинул извозчику кошелек', ***hodil*** *před sebe meč, až zařinčel* 'бросил перед собой жалобно звякнувший меч' [НКРЯ]. Значение 'бросить' у *hodit* в чешском развилось из 'попасть в кого-л. / в определенное место при бросании копья и т. д.', засвидетельствованного в древнечешских текстах [Machek 1957: 173; ESSČ]¹⁵.

Бликие значения фиксируются у этимологически родственных глаголов еще в нескольких случаях. В вологодских русских говорах у *годити* (на, во что-л.) указываются значения 'метить, целиться' и 'стрелять или бросать в цель' [СРНГ, 6: 269]. Похожее толкование дается для сербского *gađati* 'бросать что-л. в какую-л. цель, мишень; целиться и стрелять в мишень или какую-л. другую цель, мишень' [РСЈ: 171]. Тем самым оба глагола описывают недоспецифицированное по способу действие¹⁶ с целью попасть в определенную конечную точку, ср. примеры из параллельного подкорпуса НКРЯ (15)–(16). Для польского *godzić* указывается значение 'попасть чем-л. в кого-л.' [SJP], однако этот глагол, по-видимому, употребляется и в контекстах бросания в цель (*porzucił w nas **godzić** kamieniami* 'они начнут кидать в нас камнями' [НКРЯ]).

(15) сербский: *A Cigančad što su se ispela po granama **gađaju** ga iz potaje suhim šišarkama.*

'Цыганята вскарабкались на деревья и швыряли в него оттуда шишками'

(И. Макаровская, Г. Языкова; 1957)

(Иво Андрич. Путь Алии Джерзелеза; 1920).

¹⁵ Глагол *hodit* представляет общеславянский корень **god-*, который во многих языках имеет значение 'годиться, подходить, соответствовать' [ЭССЯ, 6: 188–189], в том числе в чешском: *hodit se*, а также *hodný* 'хороший, послушный, достойный' [ЧРС, 1: 213–214].

¹⁶ Колексификация значений 'бросать' и 'стрелять' встречается во многих языках мира, как показывают данные CLICS, см.: <https://clics.clld.org/edges/1456-1172>.

(16) сербский: *Mnogo je puta pucao sa tih istih dvadeset drama olova, a svi oni koje je gađao i dan-danji zadravi i živi hleb jedu i sunce ih greje.*

‘Много раз он стрелял этими двадцатью драхмами свинца, а все, в кого он целился, и по сей день живы и здоровы, едят свой хлеб и греются на солнце’ (Н. Варапова; 1957)

(Иво Андрич. Рассказ о слоне визирия; 1947).

Отметим, что глаголы *godumi*, *gađati*, *godzić* НСВ. Глаголы СВ с этой основой в сербском являются приставочными дериватами: *pogoditi*, *zgoditi* ‘попасть’ [Skok, 1: 583; PCJ: 413, 929]. В русском употребляется глагол *угодить* в одном из значений, помеченном как разговорное, — ‘попасть куда-л., удариться обо что-л.’ (*угодить* камнем в стекло) [БТС]. Он находит соответствие в чешском *uhodit*, также имевшем значение ‘попасть’ [ESSČ] и употребляющемся преимущественно как глагол удара, например *uhodil pěstí do stolu* ‘ударил кулаком по столу’ [НКРЯ], ср. также польск. *ugodzić* ‘попасть чем-л. в кого-л. и ранить или убить’ [SJP].

Таким образом, в поле бросания, а точнее во фрейме «бросание в цель», употребляются глаголы НСВ, в то время как основы СВ обозначают попадание. Возможно, что именно глагол НСВ *házet* и в чешском первым начал использоваться в поле бросания, ср. др.-чешск. *házěti sě* ‘бросать, целясь в кого/что-л.’ [ESSČ], проложив путь для *hodit*. Переход ‘попасть’ > ‘бросить’, зафиксированный в истории чешского языка, предполагает стирание компонента контакта объекта с конечной точкой, рассматриваемой как цель, ср. *hodil, ale netrefil (se)* ‘бросил, но не попал’¹⁷, а затем, по-видимому, и прицельности броска, ср. естественность чешского глагола в ситуации *hodit novinami na stůl* ‘бросить газету на стол’ [SSJČ], где в общем случае стол не является мишенью, в которую агент целится.

Интересно, что выражение значения ‘попасть’ в чешском взяло на себя средневерхненемецкое заимствование — *treft (se)* [Machek 1957: 650] (ср. польск. *trafić*, серб. *strefiti*, *potrefiti* с тем же значением). Его пара НСВ *trefovat (se)* используется во фрейме «бросание в цель» (*trefovat se míčem do stromu* ‘бросать мячом в дерево’ [SSJČ]) и так же, как *godumi* и *gađati*, не специфицирует способ, обозначая в том числе стрельбу и удар.

2.6. Обобщение

Обзор позволил выделить несколько путей лексикализации и дальнейшего развития ядерных глаголов в поле бросания в славянских языках.

¹⁷ Например: *mladík, jenž hodil bombu, ale následníka trůnu netrefil* ‘молодой человек, который бросил бомбу, но не попал в наследника трона’ (<https://www.iliteratura.cz/clanek/34063-jergovic-miljenko-moric-alkalaj>).

По-видимому, характерной особенностью поля бросания является неустойчивость доминантного глагола. Даже в случае близкородственных языков такой статус может принадлежать некогнатным лексемам (русск. *бросать*, белорус. *кідаць*; н.-луж. *chytaś*, в.-луж. *ćiskać*), притом глаголы, этимологически родственные доминантным в одних языках, могут фиксироваться в других в одном фрейме в поле бросания (словен. *metati* и русск. *метать*, чешск. *házet* и серб. *gađati* 'бросать в цель'; в.-луж. *ćiskać* и польск. *ciskać* 'бросить с силой') или ему не принадлежать, выйдя из употребления или имея другое значение (серб. *kidati* 'рвать', польск. *wierzgać* 'лягать'). В этом отношении группа глаголов бросания отличается от некоторых других лексических групп глаголов, рассмотренных в рамках фреймового подхода, например: глаголы вращения в русском и польском языках представляют собой пары родственных лексем, которые имеют нетривиальные различия в употреблении [Рахилина, Прокофьева 2004]; много общих основ сохраняют глаголы со значением 'тянуть' и 'толкать' и смежных зон в славянских языках [Sherstyuk, Reznikova 2022], глаголы движения в воде в болгарском, македонском, сербском и хорватском языках восходят к одному праславянскому корню, тому же, что *плыть* и *плавать* в русском языке [Ганенков 2007]. Тем самым закрепление *бросать* и *бросить* в качестве доминантных в истории русского, сопровождаемое уходом из языка бесприставочных глаголов с корнем *-верг-* и меньшей употребительностью *метать* и *кидать* и их перфективных коррелятов, вписывается в общую тенденцию к обновлению данного поля.

Относительно источников доминантных глаголов мы отметили сохранение общеславянской основы с семантикой бросания (словен. *vreči*, *metati*; белор. *кінуць*, укр. *кидати*), переход глаголов из смежных зон, по крайней мере удара (серб., хорв. *baciti*), попадания (чешск. *hodit*, словац. *hodiť*), значения 'давить, жать' (в.-луж. *ciskać*). Ни один из отмеченных переходов, однако, не повторяет сценария, предполагаемого для русских доминантных глаголов.

Заключение

Бросать в русском языке — поздняя (устойчивые употребления с XVII в.) и изолированная единица в семантическом поле глаголов каузации движения, не имеющая общепринятой этимологии и находящая себе мало когнатов в других славянских языках. Она отличается яркой аномалией аспектуального поведения, свойственной ограниченному кругу глаголов в современном языке, — коррелятом СВ является бесприставочная единица *бросить*, при этом приставочная перфективация возможна от обоих элементов пары («двухосновная»). Выбор основы в целом

коррелирует с наличием/отсутствием семантики многократности. Такое соотношение, видимо, является архаичным и фиксируется во многих других славянских языках, где также выделяются доминантные глаголы бросания, имеющие широкое употребление и не родственные русским глаголам. Более подробное межславянское сравнение глаголов бросания в отношении аспектуального поведения, моделей полисемии и места недоминантных лексем в структуре поля является задачей будущих исследований.

Библиография

Источники

Аникин, 1–13–

Аникин А. Е., *Русский этимологический словарь*, 1–13–, Москва, 2007–2019– (<https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=anikin>).

БАС, 1–28–

Большой академический словарь русского языка, 1–28–, Москва, С.-Петербург, 2004–2024– (<https://iling.spb.ru/dictionaries/344>).

БТС

Большой толковый словарь русского языка, Кузнецов С. А., общ. ред., 2000 (<https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>).

ВЛРС

Верхнелужицко-русский словарь, Трофимович К. К., сост., Михалек Ф., Фёлькель П., ред., Москва, Бауцен, 1974.

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

НОС

Новгородский областной словарь, Левичкин А. Н., Мызников С. А., изд. подгот., С.-Петербург, 2010.

РСЈ

Речник српскога језика, Николић М., ред., Нови Сад, 2011.

СБГ, 1–5–

Словарь брянских говоров, Козырев В. А., Чагишева В. И., науч. ред., 1–5–, Ленинград, 1976–1984–.

СООН

Словарь областного олонекского наречия, Куликовский Г., сост., С.-Петербург, 1898.

СРГК, 1–6

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, Герд А. С., гл. ред., 1–, С.-Петербург, 1994–2005.

СРНГ, 1–52–

Словарь русских народных говоров, Ленинград, С.-Петербург, 1965–2019– (<https://iling.spb.ru/dictionaries/345>).

СлРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, С.-Петербург, 1975–2015– (<https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>).

СлРЯ XVIII

Словарь русского языка XVIII в., 1–23–, Ленинград, С.-Петербург, Москва, 1984–2024– (<https://iling.spb.ru/dictionaries/347>).

ТСУМ

Лумачний словник української мови, Калашник В. С., ред., Харків, 2005.

Фасмер, Трубачев, 1–4

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, Трубачев О. Н., пер. с нем. и доп., изд. 2-е, 1–4, С.-Петербург, 1996.

Черных, 1–2

Черных П. Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, 1–2, Москва, 1999.

ЧРС, 1–2

Чешско-русский словарь, Копецкий Л. В., Филипец Й., Лешка О., ред., 1–2, Москва, Прага, 1976.

ЭССЯ, 1–39–

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, Трубачев О. Н., отв. ред., 1–39–, Москва, 1974–2014–.

Boryś, 2005

Boryś W., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków, 2005.

ESSČ

Elektronický slovník staré češtiny, Praha, 2006– (<https://vokabular.ujc.cas.cz>).

CLICS

List J.-M., Rzymiski Ch., Tresoldi T., Greenhill S., Forkel R., *The Database of Cross-Linguistic Colexifications*, 2019– (<https://clics.clld.org>).

DatSemShift

Zalizniak A., Gruntov I., Durneva S., Kaprielova V., Kondratyeva V., Mikhailova T., Orlova M., Rousseau M., Rykov E., Smirnitskaya A., *The Database of Semantic Shifts in the languages of the world*, Moscow, 2000– (<https://datsemshift.ru>).

DTK

Dolnoserbski tekstowy korpus, Bautzen, 2019– (<https://dolnoserbski.de/korpus>).

ELSJ

Elektronický lexikón slovenského jazyka (= *Krátky slovník slovenského jazyka*, 1987), Kačala J., ved. red. (<http://www.slex.sk/>).

Machek, 1957

Machek V., *Etymologický slovník jazyka českého*, 2., oprav. a dop. vyd., Praha, 1957.

NDS

Nimsko-dolnoserbski słownik, Bautzen, 2001– (<https://dolnoserbski.de>).

NHS

Němsko-hornjoserbski słownik, Bautzen, 1989–1991 (<https://obersorbisch.de/dow>).

HTK

Hornjoserbski tekstowy korpus, Bautzen, 2019– (<https://obersorbisch.de/korpus>).

SJP

Słownik języka polskiego, Bralczyk J., red., Warszawa, 2005 (<https://sjp.pwn.pl/>).

Skok, 1–3

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, akad. Deanović M., Jónké L., ured., V. Putanec, surađivao u predradnjama i priredio za tisak, 1–3, Zagreb, 1971–1973.

SSJČ

Slovník spisovného jazyka českého, Havránek B., hl. red., 2. vyd., 1989 (<https://ssjc.ujc.cas.cz>).

SSKJ

Slovar slovenskega knjižnega jezika, 2 izd., 2014 (<https://fran.si>).

SSP, 1–11

Słownik staropolski, Wrocław, Kraków, Warszawa, 1953–2002 (<https://pjs.ijp.pan.pl/sstp.html>).

SP XVI

Słownik polszczyzny XVI wieku, Warszawa, 1966–1994 (<https://spxvi.edu.pl>).

Литература

Авилова 1964

Авилова Н. С., Образование видовой корреляции у глаголов, имеющих двувидовое значение, *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века*, Виноградов В. В., Шведова Н. Ю., ред., Москва, 1964, 34–44.

Апресян 1995

Апресян Ю. Д., *Избранные труды. Том I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, Москва, 1995.

Ганенков 2007

Ганенков Д. С., Глаголы перемещения в воде: южнославянские языки, *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, Майсак Т. А., Рахилина Е. В., ред., Москва, 2007.

Ивтушок 2016

Ивтушок Е. И., К типологии глаголов со значением «бросать», *Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов*, 3, Кретов А. А., ред., Воронеж, 2016, 72–77.

Кустова 2004

Кустова Г. И., *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*, Москва, 2016.

Левонтина 2014

Левонтина И. Б., Бросать, *Активный словарь русского языка. Т. 1: А–Б*, Апресян Ю. Д., отв. ред., Москва, 2014, 360–363.

Летучий 2020

Летучий А. Б., Проблема выбора вида основы при префиксации: некоторые соображения, *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 79/3, 2020, 49–62.

Майсак, Рахилина 2007

Майсак Т. А., Рахилина Е. В., ред., *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, Москва, 2007.

Плунгян 2015

Плунгян В. А., Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика, *Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития: Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов*, Китадзэ М., ред., Киото, 2015, 208–212.

Подгорная 2022

Подгорная А. Д., Лексемы со значением бросания в татышлинском удмуртском в свете типологии, *Малые языки в большой лингвистике*, 4, Хомченкова И. А., ред., Москва, 2022, 193–204.

——— 2024

Подгорная А. Д., Семантические переходы в близкородственных языках: глаголы бросания в русском и чешском, *Семантические переходы в языках мира. Материалы к*

- форуму 2024 года. 21–23 ноября 2024 г., Михайлова Т. А., отв. ред., Москва, 2024, 157–164.
- Рахилина, Прокофьева 2004
Рахилина Е. В., Прокофьева И. А., Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения, *Вопросы языкознания*, 1, 2004, 60–78.
- Рахилина, Резникова 2013
Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Фреймовый подход к лексической типологии, *Вопросы языкознания*, 2, 2013, 3–31.
- Рахилина et al. 2020
Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А., ред., *Типология глаголов падения* (= *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 16/1), 2020.
- Рахилина, Рыжова 2025
Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., О принципах глагольной колексификации, *Вопросы языкознания*, 2, 2025, 7–25.
- Рыжова 2024
Рыжова Д. А., Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне, *Славяноведение*, 2, 2024, 92–104.
- Савчук et al. 2024
Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В., Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития, *Вопросы языкознания*, 2, 2024, 7–34.
- Смирнитская 2020
Смирнитская А. А., Лексикализация семантических полей 'бросание' и 'падение' в тамильском языке, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 16/1, 2020, 859–897.
- Adams 1974
Adams J. N., On the Semantic Field 'Put-Throw' in Latin, *The Classical Quarterly*, 24/1, 1974, 142–160.
- Boretzky, Igla 1994
Boretzky N., Igla B., *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten*, Wiesbaden, 1994.
- Fałowski 2013
Fałowski P., Words of Romani origin in the Czech and Croatian languages, *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 130, 2013, 95–115.
- Feldstein 2005
Feldstein R. F., On the aspectual derivation of "Dual Simplexes", *Восток–Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ↔ Текст»*, Апресян Ю. Д., Иомдин Л. Л., ред., Москва, 2005, 122–131.
- Sherstyuk, Reznikova 2022
Sherstyuk A., Reznikova T., Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing, *Jezikoslovni Zapiski*, 28/1, 2022, 55–67.
- Svenonius 2004
Svenonius P., Slavic prefixes and morphology: An introduction, *Nordlyd*, 32/2, 2004, 177–204.
- Sonnemann 2022
Sonnemann A.-M., *Language Families in Contact: The Mutual Impact of Slavic and Romani*, Berlin, Boston, 2022.

Uhlik 1954

Uhlik R., Ciganizmi u šatrovačkom argou i u sličnim govorima, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu*, 9, 1954, 5–31.

References

- Adams J. N., On the Semantic Field 'Put-Throw' in Latin, *The Classical Quarterly*, 24/1, 1974, 142–160.
- Avilova N. S., Obrazovanie vidovoi korreliatsii u glagolov, imeiushchikh dvuvidovoe znachenie, *Ocherki po istoricheskoi grammatike russkogo literaturnogo iazyka XIX veka: Glagol, narechie, predlogi, soiuzy v russkom literaturnom iazyke XIX veka*, Vinogradov V. V., Shvedova N. Yu., eds., Moscow, 1964, 34–44.
- Apresyan Yu. D., *Izbrannye trudy. Tom I: Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka*, Moscow, 1995.
- Boretzky N., Iglä B., *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch. Mit einer Grammatik der Dialektvarianten*, Wiesbaden, 1994.
- Falowski P., Words of Romani origin in the Czech and Croatian languages, *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 130, 2013, 95–115.
- Feldstein R. F., On the aspectual derivation of "Dual Simplexes", *Vostok–Zapad: Vtoraia mezhdunarodnaia konferentsiia po modeli «Smysl ↔ Tekst»*, Apresian Yu. D., Iomdin L. L., eds., Moskva, 2005, 122–131.
- Ganenkova D. S., Glagoly peremeshcheniia v vode: iuzhnoslavianskie iazyki, *Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaia tipologiia*, Maisak T. A., Rakhilina E. V., eds., Moscow, 2007.
- Ivtushok E. I., K tipologii glagolov so znacheniem 'brosat', *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii: Sbornik nauchnykh trudov*, Kretov A. A., red., Voronezh, 2016, 3, 72–77.
- Kustova G. I., *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia*, Moscow, 2016.
- Levontina I. B., Brosat', *Aktivnyi slovar' russkogo iazyka. T. 1: A–B*, Apresian Yu. D., ed., Moscow, 2014, 360–363.
- Letuchiy A. B., A Problem of Selecting a Verb Stem for Prefixation: Some Considerations, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*, 79/3, 2020, 49–62.
- Maisak T. A., Rakhilina E. V., eds., *Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaia tipologiia*, Moscow, 2007.
- Plungian V. A., Dvukhosnovnaia perfektivatsiia v russkom iazyke: morfologiia i semantika, *Aspektual'naia semanticheskaia zona: Tipologiia sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiia: Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*, Kitajo M., ed., Kyoto, 2015, 208–212.
- Podgornaia A. D., Leksemy so znacheniem brosanii v tatyshlinskom udmurtskom v svete tipologii, *Malye iazyki v bol'shoi lingvistike*, 4, Khomchenko I. A., ed., Moscow, 2022, 193–204.
- Podgornaia A. D., Semanticheskie perekhody v blizkorodstvennykh iazykakh: glagoly brosanii v russkom i cheshskom, *Semanticheskie perekhody v iazykakh mira. Materialy k forumu 2024 goda. 21–23 noiabria 2024 g.*, Mikhailova T. A., ed., Moscow, 2024, 157–164.
- Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A., Lexical typology of cognate languages: Russian and Polish verbs of rotation, *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 2004, 60–78.
- Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Frame-based approach to lexical typology, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2013, 3–31.
- Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A., eds., *Tipologiia glagolov padeniia* (= Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii, 16/1), 2020.
- Rakhilina E. V., Ryzhova D. A., The principles of verbal colexification, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2025, 7–25.
- Ryzhova D. A., Tipologiia i leksikografiia: russkii glagol brosit' i ego serbskii perevodnoi ekvivalent batsiti na tipologicheskome fone, *Slavianovedenie*, 2, 2024, 92–104.
- Savchuk S. O., Arkhangel'sky T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V., Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects, *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 2024, 7–34.
- Sherstyuk A., Reznikova T., Semantic Continuity in a Cross-Linguistic Perspective: Evidence from Slavic Verbs of Pulling and Pushing, *Jezikoslovni Zapiski*, 28/1, 2022, 55–67.
- Smirnit'skaya A. A., The lexicalization of 'falling' and 'throwing' semantic fields in Tamil, *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 16/1, 2020, 859–897.
- Svenonius P., Slavic prefixes and morphology: An introduction, *Nordlyd*, 32/2, 2004, 177–204.
- Sonnemann A.-M., *Language Families in Contact: The Mutual Impact of Slavic and Romani*, Berlin, Boston, 2022.
- Uhlik R., Ciganizmi u šatrovačkom argou i u sličnim govorima, *Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu*, 9, 1954, 5–31.

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук,
профессор, академик РАН
главный научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;
профессор
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов
Россия / Russia
plungian@iling-ran.ru

Анастасия Дмитриевна Подгорная
младший научный сотрудник
Института языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1с1
Россия / Russia;
сотрудник по гранту
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1,
МГУ имени М. В. Ломоносова
1-й корпус гуманитарных факультетов
Россия / Russia
podganastas@gmail.com

Received August 18, 2025

Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою?*

Дмитрий Сергеевич Крылов

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Михаил Алексеевич Соколов

Независимый исследователь,
Таллин, Эстония

Re-reading the Birchbark Letter 141 from Novgorod: Where Did Griška and Kosta Go?

Dmitry S. Krylov

Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russia

Mikhail A. Sokolov

Independent scholar,
Tallinn, Estonia

Резюме

В статье рассматриваются три аномальные словоформы в тексте берестяной грамоты № 141: *оу Ладонги*, *Гришки* и *на Мовозери*. Первая считалась антропонимом со странной фонетикой и неясной этимологией; вторая была единственным в древнерусском языке XI–XIV вв. примером родительного падежа принадлежности у одиночного антропонима *а*-склонения; *Мовозеро* же не отыскивалось на географической карте. Авторы демонстрируют, что буква *П* в первой словоформе должна быть исключена из текста грамоты, что дает прочтение *оу Ладонги* ‘в [городе] Ладоге’. Синтаксический фантом исчезает,

* Авторы сердечно благодарят А. А. Гиппиуса за ценные критические замечания.

Цитирование: Крылов Д. С., Соколов М. А. Перечитывая новгородскую берестяную грамоту № 141: куда отправились Гришка с Костою? // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 253–265.

Citation: Krylov D. S., Sokolov M. A. Re-reading the Birchbark Letter 141 from Novgorod: Where Did Griška and Kosta Go? *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 253–265.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.10

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

если допустить, что перед нами притяжательное прилагательное *Гришкине* с пропущенным последним слогом. В третьем же случае текст необходимо иначе разделить на слова: *намо в озери*. Первая и третья поправки позволяют более детально реконструировать прагматику текста: рыбаки Гришка и Коста оставляют вещи на хранение в Ладоге и отправляются на Ладожское озеро, а грамоту посылают в Новгород к родственникам, которые в случае гибели рыбаков смогут получить означенное в документе имущество. Если эта реконструкция верна, то глагол *възмете* в конце грамоты можно интерпретировать только как форму 2 л. мн. ч., устраняя грамматическую амбивалентность.

Ключевые слова

Древненовгородский диалект, древнерусский язык, берестяные грамоты, ошибки письма, выражение притяжательности, исторический синтаксис восточнославянских языков, историческая ономастика русского языка, историческая топонимика русского языка, Ладога

Abstract

The article discusses three abnormal word forms in the text of the birchbark letter No. 141: *u Ladopgi*, *Griški* and *na Movozeri*. The first word was previously considered an anthroponym with unusual phonetics and unclear etymology. The second word was the only example in 11th–14th-century Old Russian of a possessive genitive of an isolated *a*-declined anthroponym. The limnonym *Movozero*, in its turn, was not found on any geographical maps. The authors demonstrate that the letter П in the first word is written by mistake (syllable omission before the subsequent *položile*), which gives the reading *u Ladogi* ‘in Ladoga [city]’. The syntactic phantom disappears if we assume that *Griški* is the possessive adjective *Griški<ne>*, again, with the last syllable omitted by mistake. In the third case, one should divide the text into words differently: *namo v ozeri*. The first and third corrections allow for a more detailed reconstruction of the text’s pragmatics: the fish merchants Griška and Kosta leave their belongings for storage in Ladoga city and go to Ladoga Lake, sending the letter to their Novgorodian relatives who, in the event of merchants’ death, will be able to receive the property specified in the document. If this reconstruction is correct, we can eliminate the grammatical ambivalence of the final verb *vъzmete*, which should be interpreted as a form of praes. 2 pl.

Keywords

Old Novgorod dialect, Old Russian language, birchbark letters, misspellings, expression of possessiveness, historical syntax of the East Slavic languages, Russian historical onomastics, Russian historical toponymy, Ladoga

Введение

Новгородская берестяная грамота № 141 была найдена на усадьбе Б Неревского раскопа в слоях последней трети XIII в. Внестратиграфически она датируется последним двадцатилетием XIII в. [Зализняк 2000: 338]. В монографии А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» [ДНД₁:

404–405; ДНД₂: 493–494] текст интерпретируется как документ об отдаче вещей на хранение (*съблюденію*) перед отъездом на Мовозеро, ср. такую же интерпретацию со ссылкой на Псковскую судную грамоту в [Черепнин 1969: 361–362]. Грамоту понимали также как описание ломбардной операции, заклада [НГБ 1958: 17–19; Кафенгауз 1960: 173; Fassin 1995: 162; Янин 1998: 171, 350; Малькова 2012: 34].

Определенные дискуссии в исследовательской литературе шли об идентификации словоформы *са подите* [Жуковская 1959: 52–53, Янин 1986: 229] и грамматического статуса *присл{л}авъши* [Мещерский 1995: 137], но в [Зализняк 1986: 193] и [ДНД₁: 405] эти проблемы были убедительно решены А. А. Зализняком.

Актуальная версия текста и перевода грамоты представлена в обоих изданиях ДНД следующим образом:

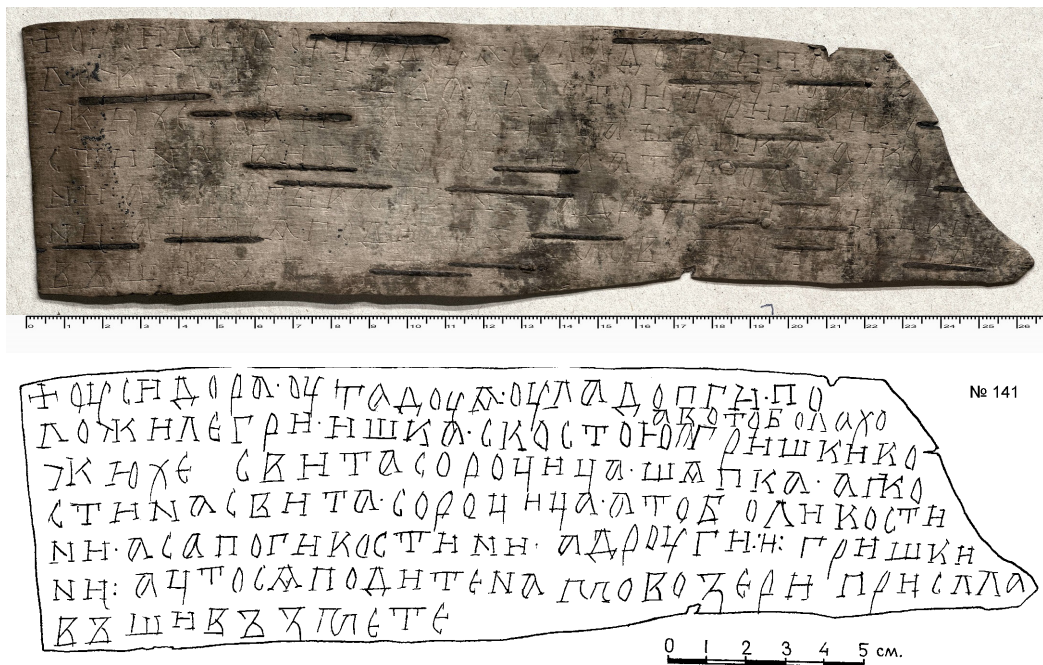
+ оу сидора · оу тадоуа · оу ладопги · по
 ложи́ле гри·{и}шка · с костою ^{а во тоболаху} а гришки ко
 жухе · свита сороцица · шапка · а ко
 стина свита · сороцица · а тоболи кости
 ни · а сапоги костини · а други:и : гришки·
 ни : а цто са подите на мовозери присл{л}авъ
 въши възмете

‘У Сидора, Тадуа и Ладопги (другой вариант: у Сидора-Тадуа, по прозвищу Ладопга) положил Гришка с Костой в сумках [вещи]: Гришкины — шуба, свита, рубашка, шапка, Костины — свита, рубашка; а [сами] сумки Костины; да [еще] сапоги Костины, а другие Гришкины. А если что случится на Мовозере, приславши [за вещами], возьмет [их] (или: возьмете)’ [ДНД₂: 493].

Как мы покажем в настоящей статье, в тексте грамоты, предложенном в издании, «поселились» сразу два ономастических фантома, заслонявших от исследователей отраженную в тексте ситуацию. «Изнанав» эти привидения из текста, можно определить с переводом последнего слова грамоты, а также несколько иначе определить грамматический статус слова *Гришки* во второй строке.

1. Фантом антропонимический

Уже после выхода в свет ДНД₂ возникла дискуссия об этимологии слова *Ладопга*. А. А. Зализняк [ДНД₂: 494, 616] считал ее антропонимом и осторожно сравнивал с диалектным *лодьба* ‘разновидность сига’ (ср. прозвище *Ладога* в грамоте № 50, которое Зализняк вслед за В. И. Далем связывал со словом *лодога~лудога~ладога* ‘сиг’ прибалтийско-финского происхождения). Но конкретная цепочка фонетических и словообразовательных изменений, позволяющая связать эти слова, не вполне ясна.

Фотография и прорись берестяной грамоты № 141.
Источник: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/141/>

А. Л. Шилов предложил три другие финно-угорские этимологии, каждая из которых подразумевает пропуск гласного между *n* и *g*:

На прибалтийско-финской почве компонент *Ладо-* можно сопоставить с *latu*, *ladu* 'лыжня' и многими другими лексемами. Компонент же *-nga* (искаженный при написании грамоты?) заманчиво сопоставить с частотными в древних прибалтийско-финских именах *poika*, *poiku*, *poiga*, *poig*, *poeg* 'сын'. Впрочем, этот компонент может восходить и к прибалт.-фин. *pohja* 'угол, край залива', тогда имя — *nomina regionalia*. Не исключено и саамское происхождение антропонима, ср. саам. *ladd-* с целым рядом значений, в том числе — 'финский'; ср. также саамские имена *Ladda(sh)* и *Puke* [Шилов 2010: 44].

На тот факт, что последовательность *-ng-* противоречит прибалтийско-финской фонотактике, обращал внимание Я. Саарикиви. Поэтому и финский исследователь предположил, что написание является опiskой («misspelling»). Сопоставляя антропоним с финскими именами *Latukka* и *Latikka*, он, однако, справедливо отмечает, что «in this case the Russian word final *-ga* (pro *-ka*), would be somewhat unexpected» [Saarikivi 2007: 233–234].

Соседство графем, передающих глухую и звонкую шумные согласные, могло возникнуть в результате падения редуцированных (ср. примеры типа **ньсдѣ** 1029/980 [1180–1200], **сдѣ** 68 [1240–1260], **татѣх** 213 [1240–1260]) или в результате непозиционного смещения глухих и звонких (ср. **посдави** 908 [1075–1100] вм. *постави*). Но даже если предположить, что в поздне-др.-рус. записи сомнительная словоформа должна была выглядеть как **Ладопка* или **Ладобга*, никаких следов такого имени в источниках также не удается найти.

Обратим внимание и на палеографическую странность этого места: отсутствие засечек у **п** в слове **ладопги**. Практически все буквы **А**, **Г**, **И**, **К**, **Л**, **Н**, **П**, **Т**, **Ѧ** в грамоте имеют ярко выраженные нижние засечки (которых суммарно оказывается около ста)¹. Исключения составляют три буквы **Т** (в первом слове **костини**, в словах **тоболи** и **цѣо**). Единичные буквы, низ которых приходится на берестяную «чечевичку», — не в счет. Это говорит о том, что буква **п** в **ладопги** была недописана, о чем также косвенно свидетельствует ее слегка укороченная правая ножка.

Объяснить совокупность этих фактов можно единственным образом: перед нами исправление начатой по ошибке буквы **п** путем приписки справа правильной **г**². Перед нами хорошо знакомый Род.=Дат.=Местн. п. ед. ч. слова *Ладоба*, где конечный слог *-gi* (из ранне-др.-новг. *-gъ*) перед последующим **положиле** был изначально пропущен. Другое возможное объяснение этой ошибки могло бы состоять в том, что, выводя засечку от **г**, писец неосознанно продлил ее почти до низа строки, как если бы он писал **п**: такой тип ошибки — смещение букв, начинающихся с одинаковых штрихов, — тоже распространен, но пропуски слогов встречаются значительно чаще³.

Каков же в грамоте референт у имени *Ладоба*? Указания на некоторые примеры, где слово *Ладоба* употреблено в качестве личного имени [ДНД₂: 616], остаются в силе, так что и в нашей грамоте *Ладоба* может выступать как антропоним. Однако теперь появляется конкурирующая версия, состоящая в том, что перед нами название города⁴. Следо-

¹ Прорись грамоты многих засечек не отражает. Необходимо обращаться к фотографиям на сайте «Древнерусские берестяные грамоты»: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/141/> (02.02.2025).

² Ср., например, написание *моуж{а}* в грамоте № 509 [Зализняк 1986: 111].

³ По предварительным подсчетам, всего в берестяных грамотах 93 пропуска прикрытых слогов, из них 39 исправлены автором; написаний одной буквы вместо другой, начинающейся с тех же штрихов, — 27, из них 9 исправлены.

⁴ По НПК [3: 958, 960] известна также река Ладога (по-видимому, тождественная современной Ладожке). Однако прагматический контекст грамоты практически исключает возможность того, что в ней имеется в виду маленькая речка, на которой стоит одноименный город. Как название Ладожского озера, судя по материалу НКРЯ, *Ладога* впервые упоминается лишь в 1711 г. Следовательно,

вательно, *оу ладо{п}ги* можно перевести также как ‘в [городе] Ладогѣ’⁵ либо ‘у [города] Ладогѣ’. Второй вариант менее предпочтителен в свете прагматики текста: от документа об отдаче вещей на хранение ожидается более точная локализация хранителей, ведь адресаты грамоты должны быть способны этих хранителей найти.

2. Фантом географический

Почти полное единодушие исследователей наблюдается в вычленении топонима *Мовозеро* в конце грамоты (*а цто са подите на мовозери присла{л}а|выши възмете*, где *са подите* = <*са подыеть*> ‘случится’). Только Р. Факкани, пересказывая содержание грамоты, ставит после слова «Мовозеро» знак вопроса: «In partenza da Novgorod (per il Movozero?), Griška e Kosta lasciano in deposito presso (l'usuraio?) Sidor diversi loro capi di vestiario» [Faccani 1995: 162]. Нельзя исключать, что издательское словodelение было обусловлено визуальным обликом этой последовательности букв, как бы ограниченной с двух сторон «пробелами».

Но лимноним *Мовозеро*, так же как и антропоним *Ладонга*, не известен из других источников и также не имеет этимологии, что заставляет задуматься о возможных альтернативах этому чтению.

И такая альтернатива действительно существует: словodelение *а цто са подите намо в озери* устраняет спорный топоним и дает вполне удовлетворительный смысл: ‘а если что случится с нами в озере, [вы], прислав [за вещами], возьмете [их]’. Такому словodelению идеально соответствует управление глагола *подыатиса* дательным падежом (ср. примеры в [СлРЯ XI–XVII, 15: 258]).

Соединение двух поправок позволило А. А. Гиппиусу (личное сообщение) предложить следующую реконструкцию отраженной в грамоте ситуации. Упоминаемое в конце грамоты озеро есть не что иное, как Ладожское озеро, куда отправляются на ловлю рыбаки Гришка и Коста, оставляя одежду на хранение у Сидора-Тадую (или у Сидора и Тадую) в городе Ладогѣ.

3. О рыбаках и рыбаках: к уточнению прагматики документа

Принять эту прагматическую реконструкцию необходимо с одной оговоркой: сомнительно, чтобы простым городским рыбакам в конце

если *Ладоба* выступает в грамоте как топоним, то иметься в виду может только город.

⁵ В этом случае в написании *оу* можно видеть просто отражение билабиального [w], а в *Ладоби* — местный падеж. Нельзя, однако, исключать, что перед нами правильное употребление предлога *у* с родительным падежом для обозначения положения внутри замкнутого пространства [СлРЯ XI–XVII, 30: 303, 3-е значение].

XIII в. было экономически целесообразно преодолевать больше двухсот километров в один конец даже с учетом того, что в Ладожском озере в самом деле водились первосортные лососевые рыбы, не заходившие в Волхов [Куза 1961: 56]. Отмеченное А. Д. Горским «чрезвычайно скрупулезное, даже можно сказать, мелочное распределение рыболовных угодий и времени рыбной ловли в этих угодиях между различными владельцами» на Руси в XIV–XV вв. [Горский 1960: 82], безусловно, не оставляло в Ладожском озере места для каких-то «частных предпринимателей» из Новгорода. Зато, как пронциательно замечали А. В. Куза и А. А. Медынцева [Куза, Медынцева 1974: 228], писцовые и лавочные книги Новгорода 1580-х гг. регистрируют в городе свыше 150 *рыбников* и лишь одного *рыбного ловца* [Пронштейн 1957: 250]⁶. Как нам представляется, именно *рыбниками* и были Гришка и Коста.

Может возникнуть вопрос: зачем рыбникам, отправлявшимся к Ладожскому озеру, понадобилось переодеваться? Ответ на него мы, как кажется, находим в монографии А. В. Кузы [Куза 2016: 176], где приведена цитата из грамоты белозерского князя Михаила Андреевича 1435–1447 гг. игумену Кирилло-Белозерского монастыря Трифону, в которой монастырским людям дозволяется *торговать лете в лодках, а зиме на возех*, а также *в озере у неводов сущом и рыбою* [АСЭИ, 2: 48; выделено нами. — Д. К., М. С.]. Думается, что торговля *в озере у неводов* вынуждала рыбников оставлять неподалеку сухое и чистое городское платье.

Связь нескольких поколений владельцев неревской усадьбы Б, где найдена наша грамота, с крупными рыбными (вероятно, сиговыми) угодьями демонстрируется грамотами № 147 (1220–1230-е гг.), где некий подвойский убеждает своего господина, Филиппа, что, хотя для сига еще не сезон, почестье ему будет хорошее, и № 144 (1310–1330-е гг.), в которой «муж добр Есиф Давыдович» [Буров 1975] приказывает некоему Косарику взять у Тимофея порцию в 50 сига.

⁶ В *рыбниках* позволяет видеть рыбаков лишь один поздний южновеликорусский контекст из СлРЯ XI–XVII [22: 270] (Отписка Лебедянского воеводы 1629 г. [АМГ, 1: 261]): *Ловятъ рыбу [...] насильствомъ и **рыбниковъ**, которые ловятъ удами, съ твоего государева жалованья, съ моей откупной рьки, сбиваютъ* [выделено нами. — Д. К., М. С.]. Прочие относительно ранние словоупотребления из СлРЯ XI–XVII и НКРЯ однозначно указывают на то, что *рыбники* — либо рыботорговцы, либо сборщики рыбного оброка в пользу бояр или князей, либо — еще вероятнее — лица, совмещающие эти функции.

Цифры, приводимые А. В. Кузой и А. А. Медынцевой на основании таблиц А. П. Пронштейна, надо все же несколько скорректировать: *рыбных ловцов* последний насчитал трех в писцовой книге Мещерского и двух — в лавочных книгах 1583 г. Единственный же *ловец* в писцовой книге Аксакова в действительности может быть охотником, а не рыболовом. Число рыбников тоже можно уточнить: с учетом *просольных* и *свежих* их, по подсчетам А. П. Пронштейна, должно быть в сумме 174. Но общая картина, конечно, от этого не меняется: в Новгороде XVI в. рыбников было, хотя и не на два порядка, но на порядок больше, чем рыбаков.

Что стоит за несколько неопределенным и явно эвфемистическим⁷ выражением *<что сѧ подѣють намѣ въ озерѣ>*, к возможности какого происшествия готовятся Гришка и Коста? Можно, конечно, поискать ответ на этот вопрос в Новгородской первой летописи, фиксирующей под 1228, 1284, 1313 и 1317 гг. в Приладожье военные столкновения новгородцев с *лъмью и нѣмцами*, что свидетельствует о «геополитической нестабильности» в регионе. Однако исходя из презумпции банальности бытового текста, разумнее предполагать такую причину несчастных случаев, которая за своей обыденностью на страницы летописи не попадала. Такой причиной могли быть бури на Ладожском озере, которые, как известно, стали одной из причин начала строительства Ладожского канала в 1719 г.⁸ Так что, может быть, именно разгул стихии и имеется в виду в нашем документе.

Стоит отметить в этой связи интересные данные одной новгородской писцовой книги конца XVI в., иногда указывающей причины запустения городских дворов. Лишь однажды в книге прямо сказано, что человек «утонул на Ладоском озери» [Майков 1911: 15], тогда как убийство «немцами» в Ладоге засвидетельствовано дважды [ibid.: 15, 16] (характерно, что в обоих случаях жертвой «немцев» становятся именно *рыбники*). Еще чаще (по нашим подсчетам, 11 раз) говорится, что рыбник «сошел» или «сбежал» *безвѣстно*. Но та же формулировка более трехсот раз применяется и к представителям других профессий. Поэтому как-то прямо экстраполировать эту скупую статистику на конец XIII в. вряд ли возможно.

Предложенные поправки не только избавляют нас от постулирования в коротком тексте сразу двух уникальных для истории русского языка имен собственных, но и позволяют предложить более конкретный прагматический контекст создания документа.

Теперь можно сделать выбор между вариантами прочтения заключительной словоформы *възметѣ*, которые предлагает А. А. Зализняк на усмотрение читателя (см. перевод выше): *възмет<ъ>* и *възмет<е>*. Если принять первый вариант, то ни в тексте, ни в реконструируемой вокруг текста прагматической ситуации попросту не находится лица, чье действие могло бы быть выражено презенсом 3 л. ед. ч.: гипотетический Сидор-Тадуй не может «взять» обозначенные вещи, так как уже имеет

⁷ Ср. употребление глагола *подеяться* в записанном в XX в. «Вопле дочери об отце»: *Што сделалось у нас теперь, подеялось, | Ново чудушко у нас да обчудилосе, | Ново диво объявилосе, | Велико несчасье случилосе!* [Русские плачи: 111].

⁸ В указе от 18 ноября 1718 г. «О заклеивании всех судов староманерных, и о строении вновь эверсов и прочих судов по образцу» Петр I сетовал: «Всем ведомо есть, какой великой убыток по вся годы чинится на Ладожском озере от худых судов, и что одним сим летом с тысячу судов пропало, а с начала строения сего места более 10000» [ПСЗРИ, 5: 593].

их на руках, да и находится он в Ладогe, а не в Новгороде, куда была отправлена грамота. Второй же вариант прагматической реконструкции соответствует идеально: грамота, которую пишут Гришка и Коста в присутствии хранителя (или хранителей) своего имущества, направляется в Новгород их родственникам, которые смогут приехать и получить вещи от хранителей в случае гибели рыбников на основании этого документа. Таким образом, документ делится на «актовую» часть, где Гришка и Коста упоминаются в третьем лице, и их «инструкцию» к родственникам, в которой авторы говорят о себе в первом лице.

4. Фантом синтаксический

Тот факт, что автор был склонен не только к редупликации букв (*гри{и}шка, присл{л}авъши*), но и к пропуску конечных слогов (**Ладо п... → Ладо{n}gi положили*), дает основание высказать еще одну поправку — грамматическую.

Словоформа *гришки* в конце второй строки рассматривалась А. А. Зализняком как единственный среди берестяных грамот надежный пример употребления родительного падежа принадлежности у существительного вне особых условий [ДНД₂: 158–159]. Такими особыми условиями являются, с одной стороны, случаи, когда посессор выражен отчеством или субстантивированным прилагательным типа *тысячський* (для них в языке притяжательные дериваты отсутствовали), с другой — случаи, когда посессор выражен словосочетанием (здесь употребление родительного падежа принадлежности допустимо, чтобы избежать нагромождения притяжательных прилагательных) [Ibid.]. При этом словосочетание, как показала С. Я. Макарова [1954: 16–17], в таких случаях следует понимать расширительно, т. е. включать в это понятие также ряд однородных существительных⁹.

Но надо отметить, что гипокористические личные имена *а*-склонения типа *Гришка* являются той категорией существительных, у которых «адъективный» способ выражения притяжательности вытесняется «генетивным» медленнее всего [Борковский, Кузнецов 1963: 425; Булаховский 1958: 321], отчетливо преобладая даже в современном узусе [Кустова 2018: 63–65]. В Древнерусском и Эпиграфическом корпусах НКРЯ среди непереводаемых текстов случаев употребления родительного падежа принадлежности для этой категории существительных (не

⁹ Во всех таких примерах XI–XIV вв. (и у С. Я. Макаровой, и в НКРЯ) эти два существительных на самом деле представляют собой пару святых, где эллиптически пропускается прилагательное *святую* Род. п. д. в. ч., вызывавшее постановку всего словосочетания в Род. п. (например, *ѣркы [святую] Бориса и Гльба*).

осложненных определением, не являющихся приложением и не имеющих при себе однородных членов) не находится ни одного.

Между тем ничто не мешает предположить, что и здесь мы имеем дело с пропуском конечного слога в нормальном посессиве *Гришкине* или *Гришкини*¹⁰. Еще раз заметим, что пропуск слога сам по себе является чрезвычайно распространенным явлением (см. примеч. 3), и предполагать здесь именно его предпочтительнее, чем видеть в *гришки* не засвидетельствованный для древнерусского языка XI–XIV вв. грамматический феномен.

Текст и перевод грамоты с учетом предложенных поправок¹¹:

+ оу сидора · оу тадоуа · оу ладо{п}ги · по~~ѣ~~
 ложе ле гри·{и}шка · с костою · а во тобола~~х~~ а гришки<не> ко~~ѣ~~
 жюхе · свита сороцица · шапка · а ко~~ѣ~~
 стина свита · сороцица · а тоболи кости~~ѣ~~
 ни · а сапоги костини · а други:и : гришки~~ѣ~~
 ни : а цто са подите намо в озери присл{л}а~~ѣ~~
 вѣши вѣзмете

‘У Сидора и Тадуя (или: у Сидора-Тадуя) в Ладогe положили Гришка с Костой в сумках [следующее]: Гришкины — шуба, свита, рубашка, шапка, Костины — свита, рубашка; а [сами] сумки Костины; да [еще] сапоги Костины, а другие Гришкины. А если что случится с нами в озере, [вы,] приславши [за вещами], возьмете [их]’.

Библиография

Источники

АМГ

Акты Московского государства, 1–3, С.-Петербург, 1890–1901.

АСЭИ

Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси, 1–3, Москва, 1952–1964.

Борковский, Кузнецов 1963

Борковский В. И., Кузнецов П. С., *Историческая грамматика русского языка*, Москва, 1963.

Булаховский 1958

Булаховский Л. А., *Исторический комментарий к русскому литературному языку*, 5-е изд., Киев, 1958.

¹⁰ *Гришкине* — если определение было согласовано с первым членом однородного ряда *кожюхе, свита, сороцица, шапка*. *Гришкини* — если оно согласовывалось во множественном числе с совокупностью перечисленных объектов. Судя по дальнейшему *Костина свита, сороцица*, автор грамоты предпочитал первую конструкцию.

¹¹ В фигурных скобках — лишние буквы, в угловых — недостающие.

- Буров 1975
Буров В. А., «Муж добръ Есифъ Давыдович», *Советская археология*, 1975, 4, 267–273.
- Горский 1960
Горский А. Д., *Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.*, Москва, 1960.
- ДНД₁
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва, 1995.
- ДНД₂
Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., Москва, 2004.
- Жуковская 1959
Жуковская Л. П., *Новгородские берестяные грамоты*, Москва, 1959.
- Зализняк 1986
Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 8: из раскопок 1977–1983 гг.*, Москва, 1986, 89–219.
- Зализняк 2000
Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте, 10: из раскопок 1990–1996 гг.*, Москва, 2000, 134–429.
- Кафенгауз 1960
Кафенгауз Б. Б., Заметки о новгородских берестяных грамотах, *История СССР*, 1960, 1, 168–174.
- Куза 1961
Куза А. В., Рыболовство в древнем Новгороде по берестяным грамотам, *Археологический сборник*, Москва, 1961, 55–62.
- 2016
Куза А. В., *Рыбный промысел в Древней Руси*, С.-Петербург, 2016.
- Куза, Медынцева 1974
Куза А. В., Медынцева А. А., Заметки о берестяных грамотах, *Нумизматика и эпиграфика*, 11, 1974, 215–230.
- Кустова 2018
Кустова Г. И., Прилагательные, *Материалы к корпусной грамматике русского языка, 3: Части речи и лексико-грамматические классы*, С.-Петербург, 2018, 40–107.
- НГБ 1958
Арциховский А. В., Борковский В. И., *Новгородские грамоты на бересте, 4: из раскопок 1955 г.*, Москва, 1958.
- НПК, 1–6
Новгородские писцовые книги, 1–6, С.-Петербург, 1895–1910.
- Майков 1911
Майков В. В., *Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в.*, С.-Петербург, 1911.
- Макарова 1954
Макарова С. Я., Родительный падеж принадлежности в русском языке XI–XVII вв., *Труды Института языкознания*, 1954, 3, 7–31.
- Малькова 2012
Малькова Т. Н., Учетно-финансовая практика Великого Новгорода XI–XIV вв. по текстам берестяных грамот, *Общество. Среда. Развитие*, 2012, 3, 31–35.
- Мещерский 1995
Мещерский Н. А., К изучению языка и стиля новгородских берестяных грамот, *Idem, Избранные статьи*, С.-Петербург, 1995, 108–147.

Пронштейн 1957

Пронштейн А. П., *Великий Новгород в XVI веке: Очерк социально-экономической и политической истории русского города*, Харьков, 1957.

ПСЗРИ, 1–45

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг., 1–45, С.-Петербург, 1830.

Русские плачи

Виноградов Г. С., ред., примеч., *Русские плачи (причитания)*, Ленинград, 1937.

СлРЯ XI–XVII, 1–32–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–32–, Москва, 1975–2023–.

Черепнин 1969

Черепнин Л. В., *Новгородские берестяные грамоты как исторический источник*, Москва, 1969.

Шилов 2010

Шилов А. Л., Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот, *Вопросы ономастики*, 2010, 8/1, 33–54.

Янин 1986

Янин В. Л., Поправки и замечания к чтениям берестяных грамот, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, 8: из раскопок 1984–1989 гг., Москва, 1986, 220–251.

— 1998

Янин В. Л., *Я послал тебе бересту...*, 3-е изд., Москва, 1998.

Faccani 1995

Faccani R., *Iscrizioni novgorodiane su corteccia di betulla*, Udine, 1995.

Saarikivi 2007

Saarikivi J., Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents, J. Nuorluoto, ed., *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Вопросы этнического, языкового и культурного формирования Русского Севера. Beiträge zur ethnischen, sprachlichen und kulturellen Entwicklung des russischen Nordens* (= Slavica Helsingiensia, 32), Helsinki, 2007, 196–246.

References

Artsikhovskiy A. V., Borkovsky V. I., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 4: iz raskopok 1955 g., Moscow, 1958.

Borkovsky V. I., Kuznetsov P. S., *Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka*, Moscow, 1963.

Bulakhovsky L. A., *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu iazyku*, 5th ed., Kyiv, 1958.

Burov V. A., "Muzh dobr" Esif" Davydovich", *Sovetskaja arkhologiya*, 4, 1975, 267–273.

Cherepnin L. V., *Novgorodskie berestianye gramoty kak istoricheskii istochnik*, Moscow, 1969.

Gorsky A. D., *Ocherki ekonomicheskogo polozheniia krest'ian Severo-Vostochnoi Rusi XIV–XV vv.*, Moscow, 1960.

Kafengauz B. B., Zametki o novgorodskikh berestianykh gramotakh, *Istoriia SSSR*, 1, 1960, 1, 168–174.

Kuza A. V., Rybolovstvo v drevnem Novgorode po berestianym gramotam, *Arkheologicheskii sbornik*, Moscow, 1961, 55–62.

Kuza A. V., *Rybnyi promysel v Drevnei Rusi*, St. Petersburg, 2016.

Kuza A. V., Medyntseva A. A., Zametki o berestianykh gramotakh, *Numizmatika i epigrafika*, 11, 1974, 215–230.

Kustova G. I., Prilagatel'nye, *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka*, 3: Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy, St. Petersburg, 2018, 40–107.

Makarov S. Ya., Roditel'nyi padezh prinadlezhnosti v russkom iazyke XI–XVII vv., *Trudy Instituta iazykoznaniia*, 3, 1954, 7–31.

Malkova T. N., Uchetno-finansovaya praktika Velikogo Novgoroda XI–XIV vv. po tekstam berestianykh gramot, *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 3, 2012, 31–35.

Meshchersky N. A., K izucheniiu iazyka i stilii novgorodskikh berestianykh gramot, Idem, *Izbrannye stat'i*, St. Petersburg, 1995, 108–147.

Pronshtein A. P., *Velikii Novgorod v XVI veke: Ocherk sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii russkogo goroda*, Kharkiv, 1957.

Shilov A. L., Etnonimy i neslavianskie antroponimy berestianskykh gramot, *Voprosy onomastiki*, 8/1, 2010, 33–54.

Yanin V. L., Popravki i zamechaniia k chteniiam berestianskykh gramot, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: *iz raskopok 1984–1989 gg.*, Moscow, 1986, 220–251.

Yanin V. L., *Ia poslal tebe berestu...*, 3rd ed., Moscow, 1998.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, Moscow, 1995.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, Ianin V. L., Zalizniak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 8: *iz raskopok 1977–1983 gg.*, Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., Paleografiia berestianskykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie, Ianin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: *iz raskopok 1990–1996 gg.*, Moscow, 2000, 134–429.

Zhukovskaya L. P., *Novgorodskie berestiane gramoty*, Moscow, 1959.

Дмитрий Сергеевич Крылов,

аспирант, младший научный сотрудник

Института русского языка имени В. В. Виноградова

Российской академии наук

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Россия / Russia

krydmi@mail.ru

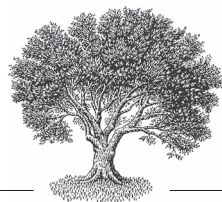
Михаил Алексеевич Соколов,

независимый исследователь

Эстония / Estonia

m.a.sokolov@list.ru

Received June 25, 2025

«Пречестный отец
архимандрит Феофан,
благословения
вашего святого
нижайший раб со
усердием прошу...»:
частное письмо
первой трети XVIII в.
из археологических
раскопок Якутского
острога*

‘Reverend Father
Archimandrite Feofan,
I, Your Humble Servant,
Humbly Ask for Your
Holy Blessing...’:
A Private Letter from
the First Third of the
18th Century
Discovered during
Archaeological
Excavations of the
Yakutsk Fortress

Иван Викторович Фролов

НПО «Северная археология — 1»,
Нефтеюганск, Россия;
Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

Ivan V. Frolov

Scientific and Production Association
“Northern Archeology — 1”,
Nefteyugansk, Russia;
Surgut State University,
Surgut, Russia

Цитирование: Фролов И. В., Горшков И. Д., Кузькокова О. Е. «Пречестный отец архимандрит Феофан, благословения вашего святого нижайший раб со усердием прошу...»: частное письмо первой трети XVIII в. из археологических раскопок Якутского острога // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 266–289.

Citation: Frolov I. V., Gorshkov I. D., Kuz'kokova O. E. (2026) 'Reverend Father Archimandrite Feofan, I, Your Humble Servant, Humbly Ask for Your Holy Blessing...': A Private Letter from the First Third of the 18th Century Discovered during Archaeological Excavations of the Yakutsk Fortress. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 266–289.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.11

Илья Дмитриевич Горшков

НПО «Северная археология — 1»,
Нефтеюганск, Россия;
Сургутский государственный
педагогический университет,
Сургут, Россия

Il'ya D. Gorshkov

Scientific and Production Association
“Northern Archeology — 1”,
Nefteyugansk, Russia;
Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia

Ольга Евгеньевна Кузькокова

НПО «Северная археология — 1»,
Нефтеюганск, Россия

Olga E. Kuz'kokova

Scientific and Production Association
“Northern Archeology — 1”,
Nefteyugansk, Russia

Резюме

Статья вводит в научный оборот документ эпистолярного жанра начала XVIII в. — письмо жителя Олекминского острога (предположительно, Федора Габышева) настоятелю Спасского монастыря в Якутске архимандриту Феофану с жалобой на притесняющего соседа — священника Андрея Ядрихинского. Уникальность документа определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, это редкий случай находки во время археологических раскопок текста на бумажном носителе. Во-вторых, документ извлечен из слоя многолетней мерзлоты. Во-третьих, письмо имеет явные признаки вторичного использования: бумага была пропитана жиром, многократно сложена и завернута в ткань. В статье рассматриваются обстоятельства и контекст находки, последовательно характеризуются этапы работы над документом: расправление бумаги, удаление жира, выявление текста и его мультиспектральная визуализация, прочтение текста методом «визуального расслоения» с использованием возможностей графического редактора Adobe Photoshop 2022. Рассматривается методика работы на каждом этапе. Обосновывается значение письма для изучения русской палеографии (в частности, скорописи) первой половины XVIII в. Была составлена также палеографическая таблица, воспроизводящая основные варианты написания прописных и строчных букв данного письма. Текст публикуется с сохранением авторской орфографии. На основе сопоставления письма с содержанием иных якутских документов первой половины XVIII в. высказываются предположения о датировке письма, его авторе, адресате, иных персонажах, а также обстоятельствах его бытования.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Авторы выражают глубокую благодарность реставратору Центра реставрации и консервации фондов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) Марии Николаевне Старостиной, старшему эксперту Экспертно-криминалистического центра МВД России по Республике Саха (Якутия), майору полиции Дине Владимировне Омеляненко, архитектору ООО НПО «Северная археология-1» Елене Николаевне Петровой, дизайнеру БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет» Анне Викторовне Проценко.

Ключевые слова

Якутск, Олекминск, острог, археологические раскопки, культурный слой, письмо, русская скоропись, палеография, XVIII в., метод многоспектральной визуализации, палимпсест, архимандрит, Феофан, священник, Андрей Ядрихинский

Abstract

The article introduces into scholarly circulation a document of the epistolary genre from the early 18th century: a letter from a resident of the Olyokma fortress (presumably, Fyodor Gabyshev) to Archimandrite Theophanes, the abbot of the Spassky Monastery in Yakutsk, complaining about his oppressive neighbor, the priest Andrey Yadrikhinsky. The uniqueness of the document is determined by three circumstances. Firstly, it is a rare case of finding a text on paper during archaeological excavations. Secondly, the document was extracted from a layer of permafrost. Thirdly, the letter has clear signs of secondary use: the paper was soaked in grease, folded multiple times, and wrapped in cloth. The article discusses the circumstances and context of the discovery, and describes the stages of working on the document: straightening the paper, removing grease, revealing the text, multispectral visualization of the text, and reading the text using the “visual stratification” method using the capabilities of the Adobe Photoshop 2022 graphics editor. The article discusses the methodology of work at each stage. It substantiates the importance of the letter for studying Russian paleography, in particular, the cursive writing of the first half of the 18th century. A paleographic table is compiled, reproducing the main variants of writing capital and lowercase letters in this letter. The text of the letter is published in author’s spelling. Based on a comparison of the letter’s text with the content of other Yakut documents from the first half of the 18th century, the article suggests the letter’s dating, its author, addressee, and other characters, as well as the circumstances surrounding its existence.

Keywords

Yakutsk, Olekminsk, fortress, archaeological excavations, cultural layer, writing, Russian cursive, paleography, 18th century, multispectral imaging method, palimpsest, Archimandrite, Theophanes, priest, Andrey Yadrikhinsky

Введение

Случаи обнаружения в ходе археологических раскопок письменных документов Средневековья и Нового времени на бумаге крайне редки.

Одна из первых таких находок сделана участником Енисейского Гидрографического отряда археологом Н. К. Ауэрбахом в 1921 г. Во время раскопок русского зимовья в устье р. Промысловой на восточном берегу Енисейского залива был обнаружен сундук с одеждой. В нем, помимо прочего, находилась истлевшая женская верхняя безрукавка, в складках которой был найден часослов в полотняном переплете и два слипшихся листа бумаги, содержащие молитву, в кармане — отрывок, содержащий, по-видимому, долговую запись [Ауэрбах 1928: 135].

В 1940 г. на о. Фаддея Северный и на берегу залива Симса топографы Восточно-Таймырской гидрографической экспедиции открыли два памятника, оставленные русскими полярными землепроходцами XVII в., позднее названные «Таймырской находкой». Среди артефактов оказался фрагмент бумаги с признаками вторичного использования: он находился внутри деревянных ножен и служил, видимо, для укрепления лезвия ножа. Фрагмент был изготовлен на тряпичной основе и содержал надписи на обеих сторонах. По мнению исследователей, он мог относиться к жалованной грамоте либо приходно-расходной книге, предположительно, XVII в. [Окладникова 2024: 34–44].

С 2017 г. специалистами Центра подводных исследований РГО совместно с Всероссийским художественным научно-реставрационным центром имени академика И. Э. Грабаря ведется работа по реставрации текстовых находок на бумажной основе, поднятых с затонувшего судна «Архангел Рафаил», погибшего в 1724 г. в Финском заливе. Среди них несколько страниц Библии Лютера, «Псалтырь» 1692 г., книга «Историческое описание всей тайны вечной жизни...» Филиппа Николаи [Мымрина 2023: 107].

Несколько находок бумажных документов археологами связаны с изучением погребений священников. Во время раскопок Всесвятского кладбища в Самаре в 2013 г. было обнаружено 5 захоронений священников, относящихся ко второй пол. XIX в. В них были найдены 4 Евангелия, изданных в Московской и Санкт-Петербургской Синодальных типографиях, в хорошем состоянии (сохранились кожаные и бархатные обложки деревянных переплетных крышек [Бакалова 2025: 71–75]).

В 2024 г. Северной археологической экспедицией ИА РАН в Кондопоге при исследовании участка некрополя на месте сгоревшей Успенской церкви найдено захоронение священнослужителя, на грудь которого было уложено Евангелие [Решетова, Никитина 2025: 417–430].

По информации, полученной от руководителя археологических раскопок городища «Албазинская крепость» А. Н. Черкасова, на раскопе V в полевом сезоне 2025 г. было найдено погребение священника. Его гроб находился в деревянном саркофаге-срубе. Погребенный был в священническом облачении, слева от тела находился напрестольный крест, на груди располагалось Евангелие. Погребение, предварительно датированное второй половиной XIX в., было извлечено монолитом для дальнейшей расчистки и исследования.

Полагаем, что с совершенствованием методов полевой консервации и реставрации количество находок бумажных документов будет расти.

В 2025 г. в ходе раскопок на территории Якутского острога был найден уникальный бумажный документ начала XVIII в. Находка сделана

в культурном слое заполнения постройки № 12 второго строительного яруса, откуда происходят ранее найденные здесь берестяные грамоты [Фролов 2024: 151–155; Визгалов, Фролов, Горшков 2024: 16–33; Визгалов, Фролов 2024: 299–304].

Изучение постройки № 12 началось в 2024 г. и завершилось в 2025 г. В раскопе она фиксировалась в виде пяти нижних венцов сруба квадратной в плане формы размером в осях 6,4х6,3 м. Сруб собран в углах «в обло» с остатком, заглублен в материк на 1,5–1,7. Вход в постройку фиксируется с восточной стороны, в виде остатков конструкции дверного проема, состоящего из порога, вырубленного в нижнем бревне, и фрагментов косяков. При расчистке постройки на уровне окладного венца обнаружен пол, выполненный из корабельных бортовых досок, уложенных в направлении запад-восток по лагам, расположенным вдоль западной и восточной стен. Предположительно, постройка имела наземную часть, которая не сохранилась до наших дней. В пользу данной гипотезы свидетельствуют остатки тетивы лестницы, обнаруженные в западной части постройки, а также остатки печи, найденные при разборе заполнения сруба.

Заполнение постройки условно можно разделить на три части.

Верхняя часть заполнения представлена большим количеством хвои, деревянных обломков разного размера и формы. Предположительно, это остатки утепления чердака наземной части постройки (не сохранилась).

Средняя часть заполнения имеет сложный состав, в котором хорошо выделяется развал печи с остатками кирпичей, очажных камней и остатков глиняной обмазки. Конструкция печи не прослеживается. Это можно объяснить ее разрушением и провалом остатков в подземную часть постройки. По всей видимости, печь имела сводчатую топочную камеру и глинобитное основание. Среди находок присутствует фрагмент печной обмазки с частью отпечатка в виде хорошо читаемой короны. Возможно, это имитация изразцов методом набойки. Аналогичные выпуклые глиняные изображения, служившие украшением печей, найдены, в частности, при раскопках на Манежной площади в Москве в 1993 г. [Трофимов, Ендовицкий 2024: 312–314].

В средней части заполнения постройки найдено большое количество оконной слюды, в том числе с остатками металлического переплета. Интерес также представляют находки керамических масляных светильников, которые ранее не фиксировались в материалах раскопок Якутска.

Нижняя часть заполнения сильно гумусирована и содержит большое количество плохо перегнивших органических остатков (рыба, кожа, мех и т. д.). Среди находок преобладают остатки бондарных

изделий, рыболовные снасти и предметы, которые предварительно отнесены к охотничье-промысловым изделиям и выделке шкур.

Предположительно, постройка № 12 имела наземную часть, которая обрушилась внутрь части, углубленной в материк. Находка бумажного документа, как и находка берестяных грамот, связана со средней частью заполнения постройки.

Документ на бумаге (находка № 1483 согласно полевой описи находок) был обнаружен в квадрате Л/102 на глубине 2,4 м от современной поверхности.

В том же пласте заполнения постройки № 12 в радиусе 1 м было найдено еще 95 предметов. 46 из них — изделия из дерева: колья, нагели, фрагменты инструментов, деревянной посуды и бондарных изделий, а также 4 фрагмента футляров для подвесных печатей и деревянный диск, предположительно являющийся игровой фишкой. 6 предметов — осколки стеклянных сосудов, в том числе развал штофа.

В непосредственной близости от находки № 1483 располагалась большая травяная циновка, фрагмент перстня с малахитовой вставкой. Кроме того, найдены фрагмент венчика сосуда китайского фарфора и

Рис. 1. Фрагмент ткани, в которую был завернут лист бумаги

Рис. 2. Письмо архимандриту Феофану. Первоначальный вид

мундштука голландской белоглиняной курительной трубки, которые можно отнести к началу — второй четверти XVIII в. При этом необходимо отметить, что большая часть находок фрагментов голландских курительных трубок и китайского фарфора найдены выше — на глубине 1,8–2,2 м от современной поверхности.

Также в числе сопутствующих находок отметим керамические черепки, железный гвоздь, фрагменты железного переплета оконницы, фрагменты кожаной обуви, ткани, веревок из растительного волокна и конского волоса. Эти находки свидетельствуют об активном хозяйственном использовании постройки в период ее бытования.

Описание предмета. Предмет найден как плотный кусок ткани. Фрагмент ткани в расправленном состоянии имеет размеры 6х12 см. На фрагменте хорошо видно, что он был сложен пополам: в месте нахождения бумажного комка нити растянулись, оставив на ткани хорошо читаемую выпуклость (*Рис. 1*).

При раскрытии ткани внутри был обнаружен трудно отделимый комок темно-желтого цвета, обильно пропитанный животный жиром. Первоначальный визуальный осмотр не позволил идентифицировать его материал. В процессе расправления комка выяснилось, что он представляет собой лист бумаги с текстом (*Рис. 2*).

Первичное расправление бумажного листа осуществлялось стальным и пластиковым шпателями на тефлоновом коврик. Участки бумаги смачивались теплой дистиллированной водой, под воздействием тепла жир размягчался, что облегчало разглаживание листа и удаление скоплений жира. Жир с инструмента был собран в пакет-гриппер с целью последующего биохимического анализа его состава.

Работа по расправлению страницы была продолжена в реставрационной мастерской Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). Предварительно увлажнив страницу во влажной камере, ее разделяли и разглаживали стальными скальпелями. Жир убирался механически, а также — после пробы чернил на текучесть — ватными палочками, смоченными в этиловом спирте (*Рис. 3*).

Рис. 3. Расправление бумаги в лабораторных условиях.
В процессе работы

Полное удаление загрязнений на данном этапе не представлялось возможным, убирали только скопления жира, мешающие расправлению. В процессе выяснилось, что бумажный лист содержит текст.

Рис. 4. Лицевая сторона письма после расправления.
Результаты сканирования, зафиксированные на световом столе

Однако прочитывать его не позволяли жир и загрязнения, а удалить их, не повредив чернила, также было невозможно (Рис. 4, 5).

Читаемость текста значительно улучшилась, уже на этом этапе удавалось прочесть отдельные слова и фразы, например обращение «Пречестный от(е)цъ архимандрит Феофан...». Вместе с тем жировое загрязнение и множественные складки бумаги делали практически невозможным полное выявление текста.

Ввиду большого риска утраты документа в процессе расправления, дальнейшее исследование произведено методом многоспектральной визуализации. Данный метод позволяет обнаружить скрытые тексты или символы, которые могли быть написаны чернилами с различной степенью флуоресценции или поглощения света.

Мультиспектральные камеры способны одновременно записывать изображение объекта на нескольких участках спектра, позволяя создать многомерное представление материала. Это позволяет выявить различия между чернилами и подложкой, даже если визуально они почти неразличимы. В криминалистике эта техника активно

Рис. 5. Обратная сторона письма после расправления.
Результаты сканирования, зафиксированные на световом столе

используется для выявления подделок денежных знаков, документов и ценных бумаг.

Работа проводилась на базе Экспертно-криминалистического центра МВД России по Республике Саха (Якутия). В исследовании использован видеоспектральный компаратор экспертного уровня с интегрированной рабочей станцией Foster-Freeman VSC 400 (оператор Д. В. Омеляненко).

Прибор оснащен 3.2 МПикс CMOS камерой со спектральной чувствительностью в диапазоне от 360 до 1100 нм, охватывает ультрафиолетовую, видимую и инфракрасную области спектра. Это обеспечивает высокий уровень отношения сигнал/шум. Линзы из специальных сортов оптического стекла, с подавлением искажений и аберраций, с автоматическими выдержкой и диафрагмой, автофокусировкой и контрастом обеспечивают высокое качество изображения.

Органические примеси в виде жира сделали текст в ультрафиолетовых спектрах нечитаемым. Положительный результат получен исключительно в инфракрасном спектре в диапазоне 850 и 1000 нм,

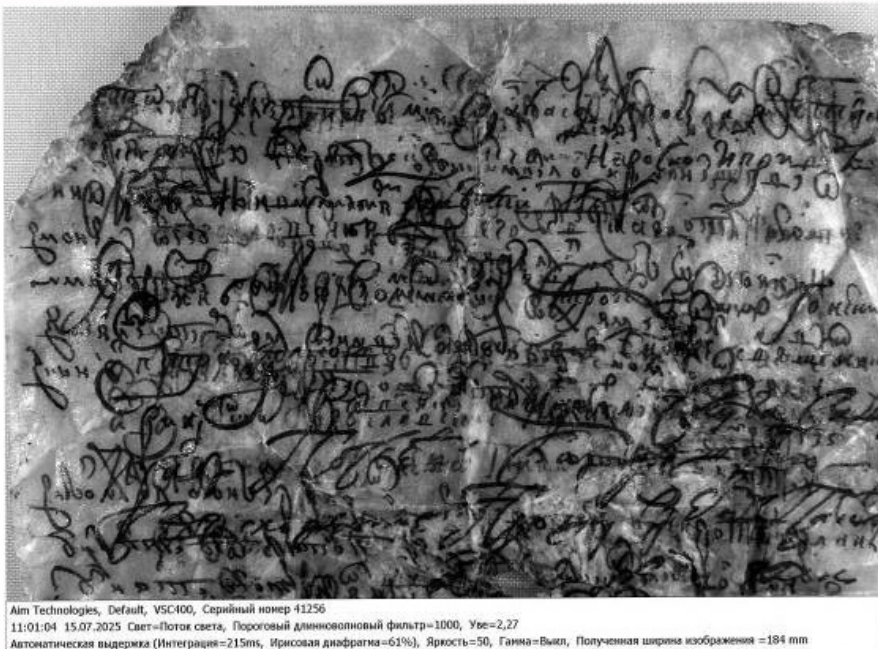
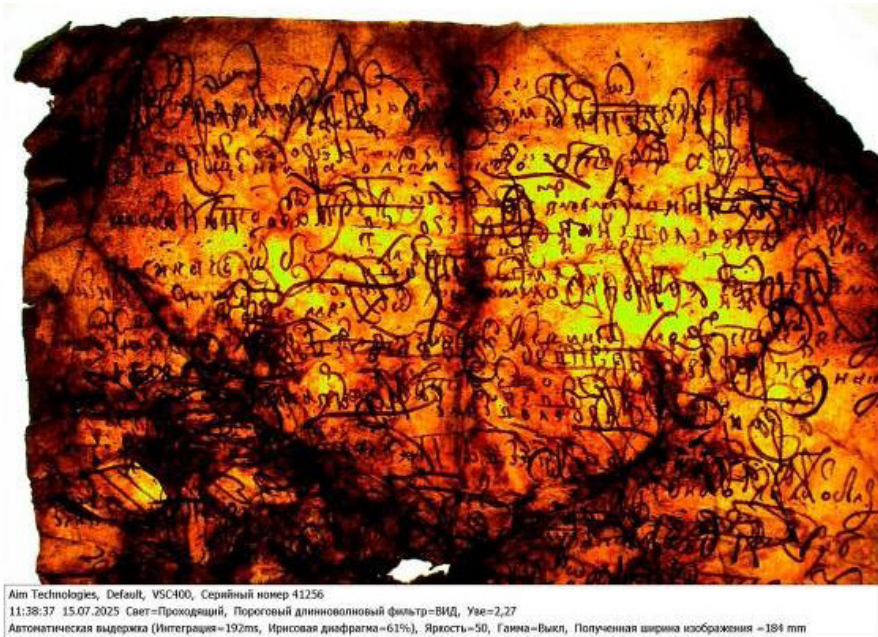

Рис. 6. Результаты применения метода мультиспектральной визуализации текста

что сделало возможным полноценную работу с текстом документа (Рис. 6).

Вместе с тем многоспектральная съемка привела к тому, что в получившейся цифровой копии документа строки текста на второй странице лицевой стороны и на первой странице оборотной стороны просвечивают. Это выглядит как наложение строк указанных страниц друг на друга в зеркальном отражении. Такой текст условно может быть назван «палимпсестом», хотя «чужой» текст не «наложен» здесь сверху, а «подложен» снизу, и это произошло в результате цифровой визуализации.

Для прочтения письма необходимо было вначале визуально «разделить» строки. Публикаций о методике чтения текстов, имеющих наложения строк, в научной литературе обнаружить не удалось. С подобной ситуацией столкнулись на практике А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк и В. Ю. Коваль при изучении московской берестяной чернильной грамоты № 3. Исследователи отметили как существенную трудность «то обстоятельство, что грамота была перегнута пополам, и чернила верхней и нижней половин частично отпечатались друг на друге» [Гиппиус, Зализняк, Коваль 2011: 453]. Однако метод, примененный исследователями для прочтения текста, описан не был. Сформулирован лишь общий принцип: при прочтении «в каждой точке необходимо отличать собственный текст данного места от наложившегося “чужого” текста» [ibid.].

Этот принцип был положен в основу метода, примененного нами.

Мы обозначили его как «визуальное расслоение текста» и применили его к цифровой копии документа — файлу в формате JPEG разрешением 1000 dpi. Файл обрабатывался в графическом редакторе Adobe Photoshop 2022, наложенные слои текста разбирались побуквенно.

Суть метода заключается в реконструировании текста путем последовательного удаления зеркальных отражений букв, являющихся «чужими» для собственного текста страницы.

Чтобы определить, какая буква является «чужой», а какая относится к собственному тексту данной страницы, принимались во внимание три признака. Во-первых, внешний вид буквы (выглядит буква как свое зеркальное отражение или нет). Во-вторых, наклон буквы (соответствует или нет наклон буквы наклону других букв строки собственного текста данной страницы). В-третьих, оттенок чернил (соответствует ли оттенок чернил буквы оттенку соседних букв строки собственного текста данной страницы).

«Чужие» буквы удалялись при помощи инструментов «лаasso», «штамп», «заплатка». Они позволяют удалять буквы, не стирая при этом фон.

Результат применения метода на фрагменте текста представлен на рисунках 7–10.

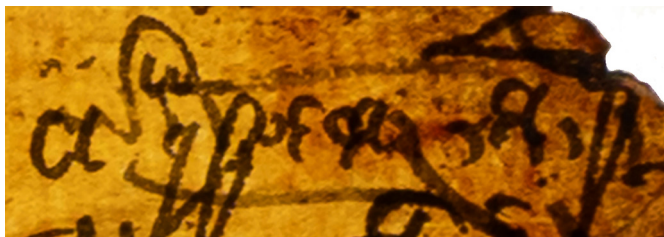

Рис. 7. Исходный вариант: «Андрея Ядр(ихинского)» (лицевая сторона, вторая страница) с наложением зеркального отражения «скудости» (оборотная сторона, первая страница)

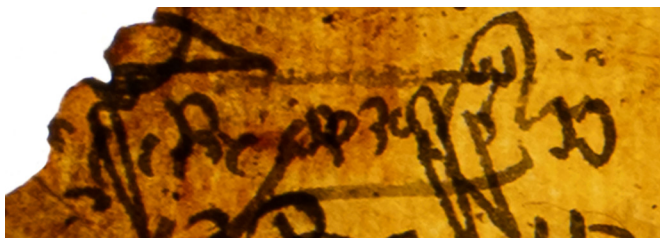

Рис. 8. Исходный вариант: «скудости» (оборотная сторона, первая страница) с наложением зеркального отражения «Андрея Ядр(ихинского)» (лицевая сторона, вторая страница)

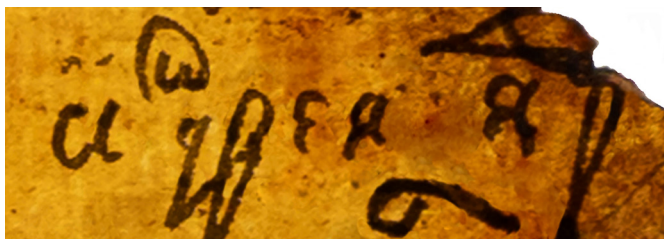

Рис. 9. Выбеленный вариант: «Андрея Ядр(ихинского)» (лицевая сторона, вторая страница)

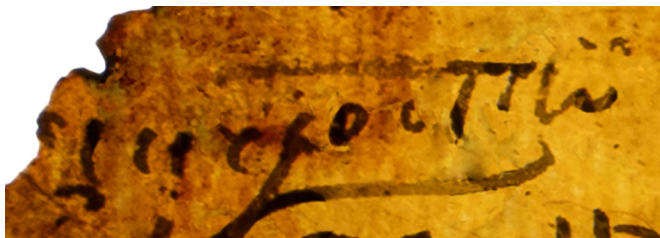

Рис. 10. Выбеленный вариант: «скудости» (оборотная сторона, первая страница)

Зеркально отраженные на второй странице оборотной стороны буквы первой страницы лицевой стороны прочтению не мешали, так как текста, на который они могли бы наложиться, на второй странице оборотной стороны нет. Но они были также удалены для придания тексту и его бумажному носителю первоначального вида.

Результаты исследования

Лист бумаги прямоугольной формы со сторонами 30х19 см. Понтюзо располагаются горизонтально, вержеры — вертикально. Размер листа и расположение вержеров и понтюзо соответствуют формату «в лист». Филигрань либо контрамарка, которые в этом случае должны находиться посередине листа, на бумаге не выявлены. Лист сложен пополам, сгиб делит его на страницы: две страницы на лицевой и две страницы на оборотной стороне листа. Текст расположен на первой и второй страницах лицевой стороны листа и на первой странице оборотной стороны листа. Вторая страница оборотной стороны листа без текста (Рис. 11, 12).

Рис. 11. Лицевая сторона письма архимандриту Феофану после применения метода «визуального расслоения» текста

Рис. 12. Обратная сторона письма архимандриту Феофану
после применения метода «визуального расслоения» текста

На вторичное использование бумаги указывает то, что лист был плотно и многократно сложен с заминанием внутрь углов (смят, скомкан), пропитан жиром и обернут тканью. Предполагаем четыре версии вторичного использования промасленного листа бумаги: для хранения ружейного пороха; в оконных заполнениях вместо слюды и стекла, наравне с брюшиной и пузырем; в качестве временной пробки для какой-либо емкости; как самодельный пыж.

Следы сгибов остались хорошо видны после расправления листа, что вместе с утратами и пятнами жира осложнило прочтение и интерпретацию текста.

Текст письма состоит из 44 строк. Метод «визуального расслоения текста» применен к 25 наложенным друг на друга строкам текста (13 строк на второй странице лицевой стороны и 12 строк на первой странице оборотной стороны), что составило 57 % от общего числа строк в тексте.

Выскажем предположение о том, насколько велика доля слов, оставшихся непрочитанными из-за утрат бумажного листа. Они приходится

на нижнюю часть листа и затрагивают 6 строк первой и 8 строк второй страниц лицевой стороны. Основное содержание изложено на 40 строках, из которых 26 сохранились полностью. Заключительные 5 строк с указанием даты, одиночным словом «паче», пометками «в руки», «(со) слов» и «(О)лекма» при подсчете строк не учитывались.

Всего в 26 полностью сохранившихся строках насчитывается 169 слов (в среднем 6 слов на строке). Из-за утрат бумажного листа прочитанными не полностью остались 14 строк. Учитывая среднее число слов в строке, можно предположить, что всего в них должно было содержаться 84 слова, из них уверенно было прочитано 71 слово. Можно предположить, что не прочитанными остались 13 слов письма (7,7 % от общего числа слов). Доля прочитанного текста составляет более 90 %. Это позволяет утверждать, что смысл письма восстановлен достоверно.

Несмотря на фрагментарность и краткость текста, мы наблюдаем практически полный набор букв кириллического алфавита. Исключение составляет только буква «Ф» (ферт). Почти все буквы представлены не только в строчном, но и в заглавном варианте. Это оказалось возможным благодаря индивидуальным особенностям орфографии составителя текста: каждую новую строку он начинает с прописной буквы, независимо от ее положения в слове, а слова — в предложении. Даже в случаях переноса эта особенность сохраняется. Текст написан стандартной канцелярской скорописью конца XVII — середины XVIII в. (Рис. 13).

Публикуемый текст письма архимандриту Феофану разбит на абзацы по смыслу. Границы строк показаны знаком /. Выносные буквы вставлены в строку. Не поддающиеся прочтению буквы и цифры показаны знаком *, буквы, сокращенные под титлом, даны в круглых скобках. Части слов, восстанавливаемые авторами по смыслу (конъектуры) показаны знаком < >. Вышедшие из употребления буквы заменены современными. Утраты текста обозначены многоточием в квадратных скобках. Знаки препинания поставлены по смыслу, исходя из современных правил пунктуации.

Лицевая сторона, первая страница

Пречестный от(е)ць архимандрит Феофан, /
 бл(а)гословения В(а)шего св(я)таго низаишии / раб со усердиемъ прошу.
 И бл(а)годарствую за в(а)шу св(я)тую <милость> за пока/зани<ое> бл(а)госло-
 вение и за получ<е>ние чрез дьячка / Афона<си>я Сукнева писмян* в и д. /
 И во оном по в(а)шему бл(а)гословию присланные / денги десят рубле<в>
 <п>ринял. /
 И п [...] бл(а)гословения отправлено / и от м [...] горелки четыре ведра. / И [...] <о>н же <С>укнев в меру в(ы)шеозна / ченн [...] от насъ с Олекмы по / озн [...] И про<ш>у В [...] /

Рис. 13. Палеографическая таблица. Основные варианты написания прописных и строчных букв в письме архимандриту Феофану

Лицевая сторона, вторая страница

Пом(и)луи насъ и сох<ра>ни от гонителя, а имя<нно> / от священника Олекминского острогу Андрея Ядр<ихин>/ского, что он прежде сего всячески напалса. А н(ы)н<е> / наипаче обидит меня, вышед из двора своего с сыномъ / своим и двумя холо<па>ми, с луками со стрелами, / челядинцов моих такожде и свиней моих стреляеть, / учереди неладом. И в тои ево стрелбе есть знакъ / и стрела взята.

Да вторичне, в четвертый ден д<о> рыбного ловли отбыль / ниже Олекминского острогу по тры версты, где / у него попа пост[...] стан, и у того стану / зарезал корову мою <сте>лную <холо>п ево. И на холоп<а> / в чем показано. Ножъ [...]

<нож>нями, которой ножъ / ино с ножнями носил пр [...] <хо>ло<п> ево. / И в том прошу втори [...] **м своимъ / слезно. Пом(и)луи от т [...] обиды и нападк<ов>. /

А ч<т>о оная горелка [...] еси сам скуден и такожде / и запасом. Поне<же> [...] <с>о мною такова случая, /

Оборотная сторона, первая страница

<чт>о я скуден велми запасом. И посылал я о тако<вои> / скудости въ Якуцкъ с ч<е>л<овеком> нарочно и привезли / мне невеликим двести пуд. /

А жизнь моя в Олекминском остроге великое гонение / от Петра Колесова, совобчаая с ним же священнико<м> / Ядрихинским во всяких случаях. Слуга вашъ / и рабъ по все дн<и> сынъ Г<а>б<ы>шевъ.

Благослове<ния> прошу. Земн<ой> поклон.

В руки.

72[...] году

<с>ентября дня 16.

паче

<со> слов.

<О>лекма.

Оборотная сторона, вторая страница — без текста.

Выводы и обсуждение результатов

В первой половине XVIII в. в Якутске имя «Феофан» и сан архимандрита носил настоятель мужского Спасского монастыря [Калугин 2016: 151, 154]. Полагаем, что именно он и являлся адресатом письма.

Письмо составлено жителем Олекминского острога, основанного в 1635 г. Петром Бекетовым на левом берегу реки Лены выше устья реки Олекмы [Сафронов 2010: 26] (рис. 14).

Описание Олекминского острога за 1737 г. приведено в труде Г. А. Попова, к сожалению, не указавшего первоисточник:

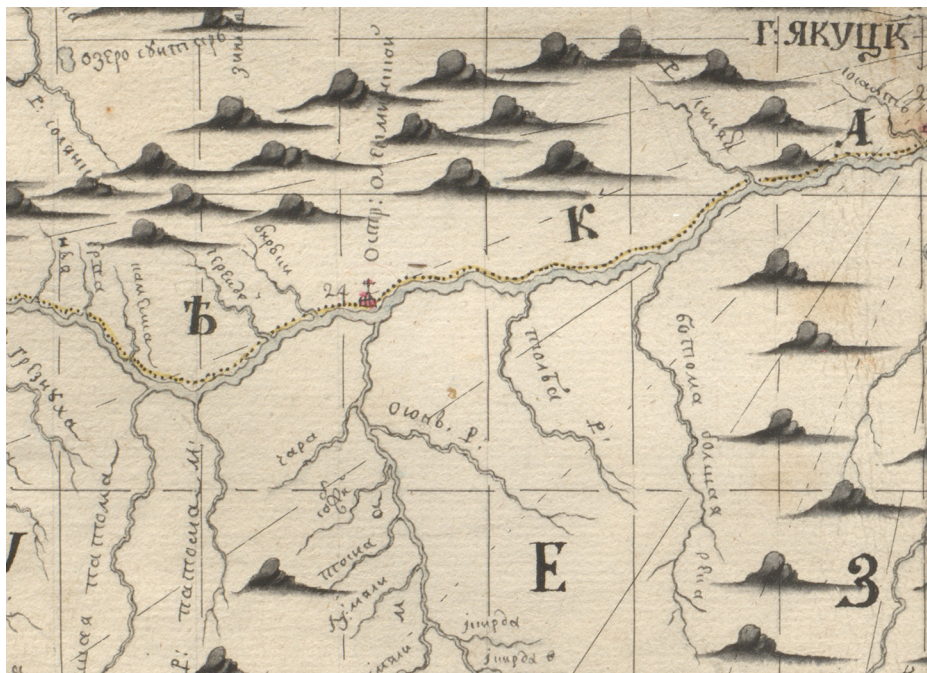

Рис. 14. Олекминский острог на фрагменте: Карта Якутского уезда, Иркутской провинции. Сост. с карты П. Скобельцына и др. карт геодезии поручик И. Шехонский. Иркутск. 1749 г. РГВИА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 521/3. Л. 1

Олекминский острог... в том остроге строения острожного и башен не имеетца... Церковь Спасская, двор Е[я] Императорского] Величества с анбаром, в коих содержится казна... двор священника Ядрихинского... двор бывшего служилого человека Чеботнягина, таможня... двор бывшего дворянина Аммосова, юрта бывшего служилого человека Егора Пермякова, юрта бывшего служилого человека Фед. Габышева, в нем имеетца пивная продажа... двор якутских служилых людей Петра и Михаила Габышевых, юрта новокрещеннова Ф. Тимофеева [Попов 2009: 53].

Мы полагаем, что упомянутый в письме архимандриту Феофану «священник Андрей Ядрихинский» и «священник Ядрихинский» из приведенного выше описания Олекминского острога — это одно и то же лицо.

Также с осторожностью допускаем, что автором письма мог быть кто-то из упомянутых троих служилых людей по фамилии «Габышев». Имени автора в письме нет, фамилия написана неразборчиво. С большой вероятностью читаются буквы «Г», «б» и «шев».

Примечательно, что один из упомянутых служилых людей, записанный как «Фед. (Федот, Федор?) Габышев», держал в 1737 г. «пивную продажу». Этот факт как будто согласуется с родом занятий автора письма, отправлявшего четыре ведра водки в Спасский Якутский монастырь. По-видимому, автор письма занимался поставками в монастырь продуктов питания. Монастырь же, как следует из текста, расплачивался с ним и доставлял сырье («запас», как сказано в письме). Наши предположения можно дополнить сведениями исследователя якутских фамилий С. И. Вахрина. Ссылаясь на Переписную книгу Якутского уезда, он указывает, что разночинец Олекминского острога Федор Габышев скончался в 1741 г. [Вахрин 2024: 277]. Информации о втором обидчике автора письма, Петре Колесове, а также о дьячке Афанасии Сукневе обнаружить не удалось.

Вопросы об адресате и датировке письма тесно связаны. Архимандрит Феофан управлял Спасским монастырем дважды: первый раз в 1714–1719 гг. и второй раз в 1720–1734 гг. [Калугин 2016: 151, 154]. Следовательно, письмо составлено не ранее 1714 г. и не позднее 1734 г.

Выскажем предположения о более точной датировке документа. В завершении письма стоит дата, записанная арабскими цифрами (читаются только две): «72 году». Стояла и третья цифра, следующая за «2», но из-за повреждения бумаги от нее сохранились только отдельные штрихи, не позволяющие ее восстановить. Перед цифрой «7» следов какой-либо написанной цифры нет.

Для обоснования нашей интерпретации этой записи обратимся к иным текстам, которые содержат записи дат, происходят из Якутска и датированы первой четвертью XVIII в.: это берестяные грамоты Якутского острога, найденные во время археологических раскопок 2024 г. [Визгалов, Фролов, Горшков 2024: 16–33; Визгалов, Фролов, Горшков 2026: 25–33], а также запись о постройке каменного здания воеводской канцелярии. Вместе с письмом архимандриту Феофану их можно рассматривать как единый комплекс письменных источников.

В берестяных грамотах и в надписи о постройке канцелярии даты указаны в новом летоисчислении, но записаны по старой традиции — кириллическими буквами. Наиболее поздняя дата, фигурирующая в берестяных грамотах, — 1715 г. Записана она как «ΨЕI» (715), с пропуском первой буквы «А», обозначающей 1 тысячу. Как показывают тексты берестяных грамот, к этому времени традиция записывать годы кириллическими буквами в Якутске еще сохранялась, несмотря на указ Петра I от 1710 г., утверждавший арабские цифры вместо букв. Но летоисчисление здесь вели уже по-новому, от Рождества Христова, согласно указу 1699 г. Поскольку дата в письме архимандриту Феофану записана

арабскими цифрами, а не «буквенной цифирью», полагаем, что ее следует читать как «172...» и рассматривать как обозначение одного из годов в промежутке между 1720 и 1729 гг. Считаем, что письмо относится ко времени второго периода правления архимандрита Феофана в Спасском монастыре 1720–1734 гг.

При анализе содержания письма дополнительную трудность вызвало сокращение «в и д». Аналогичных в опубликованных документах обнаружить не удалось. С осторожностью предлагаем свой вариант интерпретации. Согласно данным, приведенным в статье А. Р. Артемьева, в 1721–1724 гг. архимандрит Феофан ездил по делам в Тобольск. На время своего отсутствия он назначил управляющим Якутского Спасского монастыря монаха Игнатия Козыревского. В 1724 г. по возвращении архимандрита Феофана в Якутск временный управляющий И. Козыревский был обвинен в многочисленных преступлениях и арестован [Артемьев 2005: 87]. Предполагаем, что сокращение «в и д» можно интерпретировать как «временно исправляющий должность» и объяснить как указание на монаха Игнатия Козыревского.

Приписка «<со> слов» в конце письма позволяет предположить, что собственно текст написан не самим автором жалобы.

В подписи, начиная со слов «Слуга ваш и раб», почерк становится более небрежным. Буквы становятся заметно крупнее и пишутся с увеличенным наклоном вправо. На третьей странице, в четвертой строчке сверху в слове «гонение», буква «г» написана два раза — первый раз как строчная и второй раз поверх нее, с нажимом и как прописная. В тексте оставлены неисправленными стилистические погрешности, например, «рыбного ловли». Некоторые слова пропущены, как, например, «милость»: «И бл(а)годарствую за в(а)шу св(я)тую <милость> за показанное благословение». Возможно, это свидетельство спешки, в которой составлялось письмо.

Можно констатировать, что письмо дошло до Якутска и оказалось в распоряжении воеводской канцелярии. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что разбирательство по жалобе на священника Андрея Ядрихинского состоялось. Смущает тот факт, что письмо найдено не среди документов архива воеводской канцелярии, а в утилизированном виде, многократно использованное не по назначению.

Библиография

Артемьев 2005

Артемьев А. Р., Из истории крещения Камчатки. К трехсотлетию первой православной миссии, *Вестник ДВО РАН*, 4, 2005, 85–94.

Ауэрбах 1928

Ауэрбах Н. К., Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива, *Северная Азия*, 23–24/5–6, 1928, 125–146.

Бакалова 2025

Бакалова Е. Ю., Погребения священнослужителей на Всесвятском некрополе Нового времени в Самаре (по материалам раскопок 2013 года), *XXIII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, 14–18 апреля 2025 г.*, Оренбург, 2025, 71–74.

Вахрин 2024

Вахрин С. И., *Тайны Якутских фамилий*, Якутск, 2024.

Визгалов, Фролов 2024

Визгалов Г. П., Фролов И. В., Охранные раскопки на территории Якутского острога XVII–XVIII вв.: история и перспективы, *Город, пригодный для жизни: материалы VII Международной научно-практической конференции. Красноярск, 20–22 ноября 2024 г.*, Красноярск, 2024, 299–304.

Визгалов, Фролов, Горшков 2024

Визгалов Г. П., Фролов И. В., Горшков И. Д., Предварительные результаты изучения берестяных грамот из археологических раскопок Якутского острога в 2024 г., *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 49/4, 2024, 16–33.

——— 2025

Визгалов Г. П., Фролов И. В., Горшков И. Д., Новые находки берестяных грамот в г. Якутске в 2025 г., *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 54/1, 2025, 25–33.

Гиппиус, Зализняк, Коваль 2011

Гиппиус А. А., Зализняк А. А., Коваль В. Ю., Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле, *Московский Кремль XV столетия. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники*, Москва, 2011, 452–455.

Калугин 2016

Калугин В. А., Настоятели Якутского Спасского мужского монастыря, *Сборник трудов Якутской духовной семинарии*, 3, 2016, 151–160.

Мырмина 2023

Мырмина Е. В., Специфика реставрации объектов подводной археологии на бумажной основе, *Археология Евразийских степей*, 4, 2023, 106–116.

Окладникова 2024

Окладникова Е. А., Открывая заново «Таймырскую находку», *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 49/4, 2024, 34–44.

Попов 2009

Попов Г. А., *Сочинения. Том IV. Прошлое Якутии. Сборник документов и материалов по истории Якутской СССР*, Якутск, 2009.

Решетова, Никитина 2025

Решетова И. К., Никитина А. В., Первый священник последней церкви? К вопросу об археологическом контексте захоронения духовных лиц на примере погребения священника Успенской церкви в Кондопоге, *Краткие сообщения института археологии*, 281, 2025, 417–430.

Сафронов 2010

Сафронов Ф. Г., *История Северо-Восточной Азии: XVII — начало XX в.*, Новосибирск, 2010.

Трофимов, Ендовицкий 2024

Трофимов В. В., Ендовицкий А. С., Технология выполнения рельефных изображений на глинобитной печи, *Культура русских в археологических исследованиях*, Братск, Омск, 2024, 311–316.

Фролов 2024

Фролов И. В., Проблема локализации сооружений Якутского острога кон. XVII – XVIII в. в современном городском ландшафте по предварительным результатам раскопок 2024 г., *Освоение Арктики: три века поисков и открытий: Сборник тезисов научно-практической конференции с международным участием 26–28 сентября 2024 г., Якутск, 2024, 151–155.*

Фролов, Горшков 2025

Фролов И. В., Горшков И. Д., Древнерусская традиция использования бересты для письменности в материалах археологических исследований нового времени на территории Сибири и Дальнего Востока, *На северных рубежах Азии: сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения Н. Н. Дикова: Международный археологический симпозиум (Магадан, 29 сентября – 2 октября 2025 г.)*, Новосибирск, 2025, 214–216.

References

- Artemiev A. R., Iz istorii kreshcheniia Kamchatki. K trekhstolietiiu pervoi pravoslavnoi missii, *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 4, 2005, 85–94.
- Auerbakh N. K., Zimov'e v bukhte Promyslovoi Eniseiskogo zaliva, *Severnaia Azia*, 23–24/5–6, 1928, 125–146.
- Bakalova E. Yu., Pogrebeniia sviashchennosluzhitelei na Vsesviatskom nekropole Novogo vremeni v Samare (po materialam raskopok 2013 goda), *XXIII Ural'skoe arkhelogicheskoe soveshchaniie: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii. Orenburg, 14–18 aprelia 2025 g.*, Orenburg, 2025, 71–74.
- Frolov I. V., Problema lokalizatsii sooruzhenii Iakutskogo ostroga kon. XVII – XVIII v. v sovremennom gorodskom landshafte po predvaritel'nykh rezul'tatam raskopok 2024 g., *Osvoenie Arktiki: tri veka poiskov i otkrytii: Sbornik tezisev nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 26–28 sentiabria 2024 g.*, Yakutsk, 2024, 151–155.
- Frolov I. V., Gorshkov I. D., Drevnerusskaia traditsiia ispol'zovaniia beresty dlia pis'mennosti v materialakh arkhelogicheskikh issledovanii novogo vremeni na territorii Sibiri i Dal'nego Vostoka, *Na severnykh rubezhakh Azii: sbornik statei, posviashchennykh 100-letiiu so dnia rozhdeniia N. N. Dikova: Mezhdunarodnyi arkhelogicheskii simpozium (Magadan, 29 sentiabria – 2 oktiabria 2025 g.)*, Novosibirsk, 2025, 214–216.
- Gippius A. A., Zaliznyak A. A., Koval V. Yu., Berestianaia gramota iz raskopok v Moskovskom Kremle, *Moskovskii Krem' XV stoletii. T. 1: Drevnie sviatyni i istoricheskie pamiatniki*, Moskva, 2011, 452–455.
- Kalugin V. A., Nastoiateli Iakutskogo Spasskogo muzhskogo monastiria, *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 3, 2016, 151–160.
- Mymrina E. V., Specifics of Conservation of Underwater Archeology Paper Objects, *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei*, 4, 2023, 106–116.
- Okladnikova E. A., Rediscovering the "Taimyr Find", *North-Eastern Journal of Humanities*, 49/4, 2024, 34–44.
- Popov G. A., *Sochineniia. Tom IV. Proshloe Iakutii. Sbornik dokumentov i materialov po istorii Iakutskoi SSSR*, Yakutsk, 2009.
- Reshetova I. K., Nikitina A. V., The First Priest of the Last Church? The Issue of the Archaeological Context of Cleric Burials Revisited Using the Case Study of the Assumption Church Cleric Burial in Kondopoga, *Kratkiye Soobshcheniia Instituta Arkheologii*, 281, 2025, 417–430.
- Safronov F. G., *Istoriia Severo-Vostochnoi Azii: XVII – nachalo XX v.*, Novosibirsk, 2010.
- Trofimov V. V., Endovitsky A. S., Technology for Making Relief Images on an Clay Furnace, *Culture of Russians in Archaeological Researches*, 1, Bratsk, Omsk, 2024, 311–316.
- Vakhrin S. I., *Tainy Iakutskikh familii*, Yakutsk, 2024.
- Vizgalov G. P., Frolov I. V., Okhrannnye raskopki na territorii Iakutskogo ostroga XVII–XVIII vv.: istoriia i perspektivy, *Gorod, prigodnyi dlia zhizni: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnoyarsk, 20–22 noiabria 2024 g.*, Krasnoyarsk, 2024, 299–304.
- Vizgalov G. P., Frolov I. V., Gorshkov I. D., Preliminary Results of the Study of Birch Bark Letters from Archeological Excavations of the Yakut Fortress in 2024, *North-Eastern Journal of Humanities*, 49/4, 2024, 16–33.
- Vizgalov G. P., Frolov I. V., Gorshkov I. D., New Discoveries of Birch Bark Letters in Yakutsk in 2025, *North-Eastern Journal of Humanities*, 54/1, 2025, 25–33.

Иван Викторович Фролов, руководитель обособленного подразделения
ООО НПО «Северная археология — 1»
628305, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нефтеюганск,
проезд 5П, стр. 9
аспирант кафедры истории России
Сургутского государственного университета
628412, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Сургут, пр. Ленина,
д. 1
Россия / Russia
arqueolog@mail.ru

Илья Дмитриевич Горшков, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарного образования
Сургутского педагогического государственного университета
628417, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Сургут, ул. 50 лет
ВЛКСМ, д. 10/2
научный сотрудник обособленного подразделения
ООО «НПО «Северная археология — 1»
628305, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нефтеюганск,
проезд 5П, стр. 9
Россия / Russia
gorshkovid@rambler.ru

Ольга Евгеньевна Кузькокова,
лаборант
ООО «НПО «Северная археология — 1»
628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ —
Югра, г. Нефтеюганск, проезд 5П, строение 9
kuzkokova.o@gmail.com

Received November 24, 2025

Возвращение Сумарокова

[Рец.: Сумароков А. П. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1: Торжественные оды, похвальные слова, надписи и другие панегирические произведения. 1739–1776. Ред. Н. Ю. Алексеева, Н. Д. Кочеткова, С. И. Николаев. Москва; С.-Петербург, 2026]

The Return of Sumarokov

[Rev. of: A. P. Sumarokov. Complete Works: in 8 volumes. Vol. 1: Solemn Odes, Eulogies, Inscriptions, and Other Panegyric Works. 1739–1776. Ed. by N. Yu. Alekseeva, N. D. Kochetkova, S. I. Nikolaev. Moscow; St. Petersburg, 2026]

Екатерина Игоревна Кислова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Ekaterina I. Kislova

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

В статье обосновывается необходимость нового академического «Полного собрания сочинений» А. П. Сумарокова: до настоящего времени его творчество не было представлено полно и с учетом современной текстологии. Единственное полное собрание XVIII в. (Н. И. Новикова) и выборочные издания XIX–XX вв. оставляли пробелы, особенно в прозе, драматургии и переписке. Цифровизация сделала доступнее прижизненные публикации, однако интернет-ресурсы часто ненадежны и лишены критического аппарата. Новый проект Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН под редакцией Н. Ю. Алексеевой, Н. Д. Кочетковой и С. И. Николаева впервые предлагает издание всех известных сочинений Сумарокова, включая прозу и документы. В первом томе представлены панегирические и окказиональные тексты разных жанров. Его можно оценить как образцовое современное академическое издание, восстанавливающее историческую справедливость по отношению к ключевой фигуре русской литературы XVIII в.

Цитирование: Кислова Е. И. Возвращение Сумарокова // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 290–298.
Citation: Kislova E. I. (2026) The Returning of Sumarokov. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 290–298.
DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.12

Ключевые слова

Сумароков, Полное собрание сочинений, ода, панегирическая поэзия, русский XVIII век

Abstract

The article substantiates the need for a new academic “Complete Works” of A. P. Sumarokov: to date, his oeuvre has never been presented in its entirety or in accordance with modern principles of textual scholarship. The only complete edition published in the eighteenth century, edited by N. I. Novikov, as well as the selective editions of the nineteenth and twentieth centuries, left significant gaps, particularly in prose, drama, and correspondence. Digitalization made lifetime publications more accessible; however, online resources are often unreliable and lack a critical apparatus. The new project of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, edited by N. Yu. Alekseeva, N. D. Kochetkova, and S. I. Nikolaev, is the first to offer a modern edition of all known works by Sumarokov, including his prose and documentary materials. The first volume presents panegyric and occasional texts in a variety of genres. It may be regarded as an exemplary modern scholarly edition that restores historical justice to a key figure in eighteenth-century Russian literature.

Keywords

Sumarokov, Complete Works, Ode, panegyric and occasional texts, Russian 18th Century

Нет необходимости отдельно представлять А. П. Сумарокова читателям: его имя всегда возникает рядом с В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым среди важнейших деятелей русской литературы XVIII в. Поэт, драматург, публицист, издатель, переводчик — без упоминаний о нем невозможна ни одна серьезная филологическая работа, посвященная этому периоду.

И тем не менее его «издательская» история оказалась удивительно скудной: полное собрание сочинений А. П. Сумарокова до сегодняшнего дня было опубликовано только в XVIII в. Н. И. Новиковым ([Сумароков 1781–1782], переиздание [Сумароков 1787]). В XIX в. Сумароков не пользовался популярностью, хотя отдельные его произведения — главным образом басни и переложения псалмов — регулярно появлялись в тематических сборниках или хрестоматиях (например: [Собрание 1827; Пантеон 1845; Галахов 1861; Русские поэты 1872; Русская поэзия 1893] и др.).

В XX в. проектам создания академического собрания сочинений раз за разом препятствовали исторические события: предварительную работу члена-корреспондента Императорской Академии наук И. А. Шляпкина, начатую в 1908 г., остановила революция, Г. А. Гуковский и Л. Б. Модзалевский после Великой Отечественной войны также не успели воплотить свои замыслы по изданию собрания сочинений Сумарокова. До наступления эпохи цифровизации библиотечных фондов массовому читателю приходилось довольствоваться изданием стихотворений А. П. Сумарокова, подготовленным А. С. Орловым в большой серии «Библиотеки поэта» [Сумароков 1935], либо изданием стихотворений под редакцией П. Н. Беркова в малой серии «Библиотеки поэта» [Сумароков 1953]; были доступны также «Избранные сочинения», опубликованные П. Н. Берковым в

большой серии «Библиотеки поэта» [Сумароков 1957]. И хотя в последнем издании жанровое многообразие произведений Сумарокова было представлено гораздо полнее (в него вошли три трагедии, сонеты, героиды, эпитафии, «хоры» из маскарада «Торжествующая Минерва»), фактически в обоих случаях речь шла только о поэтических произведениях.

Лишь в самом конце XX в. Ю. В. Стенник издал комментированное издание драматических произведений [Сумароков 1990]. В 2013 г. Т. Е. Абрамзон репринтно опубликовала «Любовную гадательную книжку», сопроводив ее подробными очерками об обстоятельствах жизни и работы Сумарокова в начале 1770-х гг. и представив развернутый анализ текста [Абрамзон 2013]. Короткий список современных изданий Сумарокова был пополнен в 2009 г. публикацией его торжественных од и любовных элегий под редакцией Р. Вроона [Сумароков 2009], включившей, кроме репринтного воспроизведения самих произведений, комментарии и статьи Р. Вроона, М. Левита, К. А. Осповата, В. М. Живова, М. Л. Гаспарова и А. Б. Каменского. В 2017 г. к 300-летию Сумарокова вышел том его «Избранных сочинений в стихах» под редакцией Т. Абрамзон и М. Амелина [Сумароков 2017], однако комментарий к произведениям в этом издании крайне невелик по объему.

После оцифровки, предпринятой в рамках создания Национальной электронной библиотеки, прижизненные публикации Сумарокова и новиковское издание его сочинений парадоксальным образом стали более доступны читателям, чем лучшие образцы современной филологической мысли.

В последние годы отсутствие академического собрания сочинений до некоторой степени могут компенсировать ресурсы в Интернете. Наиболее качественный ресурс такого типа — «Русская виртуальная библиотека» (rvb.ru) — воспроизводит издание [Сумароков 1957] как наиболее авторитетное. Другие популярные сайты, на которых более полно представлены произведения А. П. Сумарокова (lib.ru, подборка текстов в Википедии, сайт анонимных энтузиастов <https://sumarokov.lit-info.ru/> и др.), не могут служить заменой качественному филологическому изданию: они пестрят опечатками, в них нередко отсутствует даже минимальный комментарий, но главное — они часто воспроизводят тексты некритически, опираясь одновременно и на новиковские издания XVIII в. (сохраняя иногда даже архаичную графику), и на издания в сериях «Библиотеки поэта» (в которых одни и те же произведения представлены в разных версиях из-за ориентации редакторов на разные издания XVIII в.).

И конечно, для фигуры такого масштаба, как А. П. Сумароков, отсутствие качественно подготовленного издания собрания сочинений — колоссальная историческая несправедливость.

Предпринятый в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН проект — фактически первая попытка представить литературное творчество Сумарокова как единое целое, задействовав современный подход к критике текста и опираясь на более чем столетнее научное осмысление его произведений. Поэтому так отраднo, что его возглавили лучшие специалисты по русскому XVIII веку: редактором тома выступила Н. Ю. Алексеева, в редакционную коллегия вошли Н. Д. Кочеткова и С. И. Николаев, а в подготовке текстов и комментариев к ним участвовали также М. Левит и Е. М. Матвеев. Для каждого, кто знаком с этими

именами, очевидно, что задуманное издание станет в каком-то смысле образцом того, как нужно (и можно) работать с произведениями этой эпохи.

В издание должны войти все известные сочинения А. П. Сумарокова — не только стихотворные и драматические¹, относительно известные читателям, но и прозаические (Т. 7: Разговоры, сны, сочинения в прозе). Планируется опубликовать его богатую переписку и сохранившиеся документы (Т. 8: Письма Сумарокова и письма к нему разных лиц. Документы).

В качестве образца для подготовки подобного проекта его создатели выбрали как классические издания собраний сочинений, осуществленные в XX в. ([Ломоносов 1959]), так и лучшие образцы филологической мысли XIX в. ([Ломоносов 1891–1902] под редакцией М. И. Сухомлинова и «гrotовское» собрание сочинений Г. Р. Державина [Державин 1864–1883]²). Эти собрания сочинений предполагают хронологический принцип размещения произведений, однако в случае с А. П. Сумароковым воплотить его в полной мере невозможно, так как для большого количества произведений дата создания неизвестна: рукописный архив Сумарокова не сохранился, но им пользовался Н. И. Новиков, положивший его в основу своего издания. Поэтому для всех томов, кроме первого, выбран жанрово-хронологический принцип: каждый том будет посвящен группе тематически связанных жанров, а уже внутри расположение произведений будет по возможности подчинено хронологии.

Первый том объединяет произведения по тематике: в него вошли произведения разных жанров, «объединенных своей направленностью — похвалой разных лиц и событий» [Алексеева 2026б: 387], т. е. имеющие панегирический и окказиональный характер. Поэтому здесь опубликованы торжественные оды, похвальные слова, надписи и другие произведения («дифирамбы», мадригалы, элегии, идиллии, стансы, баллады, эпистолы и письма, эпитафии, а также хоры к маскараду «Торжествующая Минерва»). Такой подход позволил включить в издание не только оды, но и прозаические письма, похвальные слова и драматические произведения окказионального характера, например «Прибежище Добродетели» (первый русский балет, либретто которого было написано русским автором), «Новые лавры, пролог для представления в императорском театре при торжествовании тезоименитства ея императорского величества по преславной победе, одержанной российским войском 1759 года, августа в 1 день при Франкфурте» и даже «Описание огненного представления в первый вечер нового года 1760» — стихотворный и прозаический текст, описывающий и одновременно толкующий новогодний фейерверк.

С одной стороны, такое соединение текстов может показаться читателю непривычным: мы воспитаны на «Библиотеке поэта», в которой тематический

¹ Т. 1: Торжественные оды, похвальные слова, надписи и другие панегирические произведения; Т. 2: Духовные стихотворения и переложения. 1743–1774; Т. 3: Оды, стансы, песни, элегии, эклоги, эпистолы и другие стихотворения. 1735–1774; Т. 4: Трагедии, оперы, драма, драматические переводы. 1747–1774; Т. 5: Комедии; Т. 6: Притчи, сатиры, эпиграммы и сатирические стихотворения.

² Не могу удержаться от замечания, что Державин тоже до сих пор лишен современного академического издания собрания сочинений, и хочется верить, что после Сумарокова придет и его час.

принцип главенствовал: оды, эпистолы, трагедии и уж тем более прозаические тексты не могли быть объединены в один раздел. С другой стороны, не могу не согласиться с подходом редакторов: разные панегирические и окказиональные жанры в XVIII в. были теснейшим образом переплетены друг с другом, они не только соседствовали хронологически, когда возникали по одному и тому же поводу, но и перекликались между собой, создавая богатейшее поле взаимосвязанных смыслов и отсылок. С этой точки зрения публикация подряд произведений, имевших единый повод к созданию, представляется удачайшим решением сложной задачи, стоявшей перед составителями. Впервые у нас появляется возможность увидеть А. П. Сумарокова не только как «одописца», который обычно рассматривается в противопоставлении М. В. Ломоносову, но и как интереснейшего панегириста, работавшего в таких разных жанрах, как ода, «дифирамв», придворный балет или описание фейерверка. По сути, на примере Сумарокова мы можем увидеть все поле подобной литературы — единого «панегирического целого», важнейшего компонента придворной русской культуры XVIII в. Этот принцип позволяет разглядеть внутри творчества Сумарокова целые тематические и сюжетные блоки, которые, как кажется, до выхода этого тома оставались лишь намечены исследователями, — например, осмысление им событий Семилетней и Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. или сюжетов, связанных с коронационными торжествами 1763 г. (хоры, элегии, оды, надписи, «дифирамвы» — некоторые произведения создавались почти одновременно).

Как кажется, подобный подход способен, наконец, поколебать и восприятие оды как основного панегирического жанра. С одной стороны, теперь мы можем мысленно снова поместить оду в более широкий контекст придворной панегирической культуры. С другой стороны, и сама ода обретает большую жанровую определенность, ее жанровые признаки становятся более очевидны (теоретические основы такого подхода к изучению од описаны Н. Ю. Алексеевой в ее фундаментальной монографии [Алексеева 2005]).

Несмотря на то что новиковское издание открывается томом переложений псалмов, ориентация первого тома нового собрания сочинений на оду обусловлена не только традицией, но и значением этого жанра в творчестве Сумарокова: хотя современники рассматривали его в первую очередь как автора трагедий, именно оды он писал на протяжении всей жизни и создал их больше, чем любой другой значимый автор [Алексеева 2026б: 389]. Поэтому логичным представляется и включение в первый том «Дополнений», среди которых не только различные непанегирические эксперименты Сумарокова в этом жанре («Оды вздорные», перевод оды Ж.-Б. Руссо «Fortune, De qui la main coronne» и др). Публикуемые произведения сопровождаются кратким очерком истории развития оды в творчестве Сумарокова [Алексеева 2026б].

С одами связана еще одна проблема, которую пришлось решать издателям. Большая часть произведений других жанров публиковалась при жизни Сумарокова отдельными изданиями и в журналах, и, как можно думать, их публикации отражают авторское видение текста достаточно надежно. Однако именно оды Сумароков неоднократно редактировал, поэтому почти все важнейшие произведения этого жанра имеют различные редакции: сперва они выходили отдельными изданиями или публиковались в журналах; в 1769 г. Сумароков включил их в

сборник «Разные стихотворения», а в 1774 г. серьезно переработал для сборника «Оды торжественные». В связи с этим статус вариантов, представленных в новиковском издании, долгое время не был надежно определен, в результате не было единообразия и в выборе основного варианта текста редакторами XX в. Однако, как вполне убедительно доказывается в [Алексеева 2026a], Новиков печатал тексты торжественных од по несохранившимся рукописям, которые Сумароков, вероятно, готовил для будущего собрания сочинений. Таким образом, именно эти варианты признаны составителями рецензируемого издания последней авторской редакцией. Конечно, такое решение дискуссионно, однако оно подробно аргументировано и объяснено читателям, а другим редакциям и вариантам опубликованных в томе произведений посвящен отдельный раздел (с. 335–364).

Решение публиковать произведения Сумарокова, модернизировав графику и орфографию и по возможности сохранив морфологические особенности, также может вызвать критику: в современной практике академические издания все чаще обращаются к репринтному воспроизведению прижизненных публикаций, стремясь сохранить малейшие графико-орфографические особенности текстов (см., например, [Пушкин 2007–2016; Сумароков 2009]). Однако в случае с произведениями XVIII в. это действительно не всегда целесообразно: неустойчивость знаков пунктуации и отдельных написаний в это время была слишком велика, а любому желающему сейчас доступны оцифрованные страницы изданий XVIII в.

Важнейшей частью публикации стали подготовленные исследователями комментарии, которые иногда читаются как остросюжетный роман; они не только содержат традиционные пояснения к текстам, но и раскрывают историю создания произведений и их издания. В комментариях нередко содержатся дополнительные материалы, которые позволяют оценить реценцию Сумарокова современниками. Например, к «Оде ея императорскому величеству всемилоштивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, в 25 день ноября 1743» приведены подробные цитаты из «Письма, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» В. К. Тредиаковского, в которых содержится ее критический разбор, а «Ода на победы государя императора Петра Великого» сопровождается цитатой из воспоминаний И. И. Дмитриева о том, как он в детстве выучил эту оду наизусть со слов матери. Важно, что в комментариях мы можем легко найти и контексты, в которых существовали эти произведения: например, «Перевод Руссовой оды “На Фортуну”» сопровождается и текстом оригинала, и двумя другими его переводами — Ломоносова и Тредиаковского (с. 682–697). Некоторые комментарии содержат интереснейшие наблюдения, по сути, микроисследования приемов, рифм, художественных образов, жанровых особенностей, истории создания отдельных произведений (например, примечание о рифме «Екатерина — крина» на с. 509–510 или комментарий к «Другому хору ко “Превратному свету”» на с. 528–534 или к «Письму к девицам г. Нелидовой и г. Барщевой» на с. 648–652). В комментариях представлены и биографические подробности, связанные с процессом создания конкретных произведений, что позволяет отказаться от публикации отдельной биографии Сумарокова (вероятно, это решение обусловлено и объемом тома).

Удобный поиск нужного произведения или персоны призваны обеспечить указатели: «Алфавитный указатель произведений» (с. 709–717) и «Указатель имен» (с. 718–732). Единственное неудобство связано с отсутствием библиографического указателя: ссылки на статьи и книги рассыпаны в примечаниях и текстах комментариев и их не всегда удобно искать. Впрочем, точные выходные данные любой работы сейчас легко найти в Сети.

Вышедший из печати первый том «Полного собрания сочинений» Сумарокова — прекрасный образец современного подхода к изданию произведений великих авторов XVIII в. Хочется поздравить редакторский коллектив с прекрасным результатом кропотливой и сложной работы.

Библиография

Абрамзон 2013

Абрамзон Т. Е., «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина», Москва, 2013.

Алексеева 2005

Алексеева Н. Ю., *Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

— 2026a

Алексеева Н. Ю., Издание «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова, подготовленное Н. И. Новиковым, как источник текста, *Сумароков А. П., Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1: Торжественные оды, похвальные слова, надписи и другие панегирические произведения. 1739–1776*, Алексеева Н. Ю., Кочеткова Н. Д., Николаев С. И., ред., Москва; С.-Петербург, 2026, 367–386.

— 2026b

Алексеева Н. Ю., Панегирическая поэзия А. П. Сумарокова, *Сумароков А. П., Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1: Торжественные оды, похвальные слова, надписи и другие панегирические произведения. 1739–1776*, Алексеева Н. Ю., Кочеткова Н. Д., Николаев С. И., ред., Москва, С.-Петербург, 2026, 387–410.

Галахов 1861

Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. Т. 1: [От Петра I до Карамзина], Галахов А., сост., С.-Петербург, 1861.

Державин 1864–1883

Сочинения Державина, Грот Я., примеч. и предисл., 1–9, Санкт-Петербург, 1864–1883.

Ломоносов 1959

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи, 1732–1764 гг.*, Блок Г. П., Макеева В. Н., подгот. к печати; Блок Г. П. и др., примеч.; Андреев А. И., Блок Г. П., Виноградов В. В., ред., Москва; Ленинград, 1959.

— 1891–1902

Сочинения М. В. Ломоносова: в 8 т., 1–4, Сухомлинов М. И., ред., С.-Петербург, 1891–1902.

Пантеон 1845

Пантеон русских баснописцев, С.-Петербург, 1845.

Пушкин 2007–2016

Пушкин А. С., *Сочинения: Комментированное издание*, Бетеа Д. М., ред., Москва, 2007–2016, 1–3.

Русская поэзия 1893

Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов, частью в полном составе, частью в извлечениях, с важнейшими критико-биографическими статьями, библиографическими примечаниями и портретами. Вып. 2: Сумароков Александр, Майков Василий, Костров [Ермил], Петров Василий, Венгеров С. А., ред. С.-Петербург, 1893.

Русские поэты 1872

Русские поэты конца прошлого и начала нынешнего столетий и их лирические стихотворения, написанные в духе псалмов, составляющих Псалтирь: Сборник биографий и лирических стихотворений русских поэтов, С.-Петербург, 1872.

Собрание 1827

Собрание российских стихотворений. В пользу юношества, воспитываемого в учебном округе Императорского Виленского университета, Вильно, 1827.

Сумароков 1781–1782

Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе, Покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете: [в 10 ч.], Москва, 1781–1782.

— 1787

Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе, Покойного действительного статского советника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Имп. Московском университете: [в 10 ч.], Москва, 1787.

— 1935

Сумароков А. П., *Стихотворения*, Орлов А. С., ред., Ленинград, 1935.

— 1953

Сумароков А. П., *Стихотворения*, Берков П. Н., вступ. ст., подгот. текста и примеч., Ленинград, 1953.

— 1957

Сумароков А. П., *Избранные произведения*, Берков П. Н., вступ. ст., подгот. текста и примеч., Ленинград, 1957.

— 1990

Сумароков А. П., *Драматические произведения*, Стенник Ю. В., сост., вступ. ст. и примеч., Ленинград, 1990.

— 2009

Сумароков А. П., *Оды торжественныя. Елегии любовныя*, Вроон Р., ред., Москва, 2009.

— 2017

Сумароков А. П., *Избранные сочинения в стихах*, Абрамзон Т., Амелин М., ред., Москва, 2017.

References

Abramzon T. E., "Liubovnaia gadatel'naia knizhka" A. P. Sumarokova v kontekste kul'tury XVIII veka, ili Literaturnaia bezdelka ot "severnogo Rasina", Moscow, 2013.

Alekseeva N. Yu., Izdanie "Polnogo sobraniia vsekh sochinenii" Sumarokova, podgotovlennoe

N. I. Novikovym, kak istochnik teksta, A. P. Sumarokov, *Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t. 1: Torzhestvennye ody, pokhval'nye slova, nadpisi i drugie panegiricheskie proizvedeniia. 1739–1776*, Alekseeva N. Yu., Kochetkova N. D., Nikolaev S. I., eds., Moscow, St. Petersburg, 2026, 367–386.

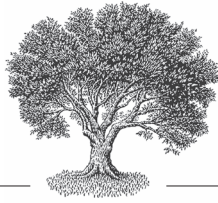
Alekseeva N. Yu., Panegiricheskaia poeziia A. P. Sumarokova, A. P. Sumarokov, *Polnoe sobranie sochinenii: v 8 t. 1: Torzhestvennye ody, pokhval'nye slova, nadvpisi i drugie panegiricheskie proizvedeniia. 1739–*

1776, Alekseeva N. Yu., Kochetkova N. D., Nikolaev S. I., eds., Moscow, St. Petersburg, 2026, 387–410.

Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*, St. Petersburg, 2005.

Екатерина Игоревна Кислова, кандидат филологических наук,
доцент Школы филологических наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
Россия / Russia
ekislova@hse.ru

Received May 15, 2026

**Традиции русско-
белорусско-польского
пограничья:
новые данные**

[Рец.: О. В. Белова, А. Б. Мороз,
М. В. Ясинская. Слово устное и
письменное в языке
этнокультурного пограничья. М.:
Институт славяноведения РАН,
2023. 440 с.]

**Traditions of the Russian-
Belarusian-Polish
Borderland: New Data**

[Rev. of: O. V. Belova, A. B. Moroz,
M. V. Yasinskaya. Oral and written
word in the language of the
ethnocultural borderland.
Moscow: Institute of Slavic
Studies, Russian Academy of
Sciences, 2023. 440 p.]

Дарья Юрьевна Ващенко

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

Daria Yu. Vashchenko

Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

Вышедшая в Институте славяноведения монография представляет результаты многолетнего обследования русско-польско-белорусского пограничья. Привлекается значительный объем материала, как современного полевого, так и архивного, зафиксированного в XIX в. Круг обсуждаемых в книге тем включает в себя языковую и этнокультурную стереотипию, взаимодействие устной и письменной традиции, генезис существенных для региона обрядов, пути реализации и трансформации коллективной памяти.

Ключевые слова

приграничье, народная традиция, стереотипы, обрядность, религия

Цитирование: Ващенко Д. Ю. Традиции русско-белорусско-польского пограничья: новые данные // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 299–304.

Citation: Vashchenko D. Yu. (2026) Traditions of the Russian-Belarusian-Polish Borderland: New Data. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 299–304.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.13

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Abstract

The monograph published by the Institute of Slavic Studies presents the results of a long-term study of the Russian-Polish-Belarusian borderland. The study uses a significant amount of material, both contemporary field and archival, recorded in the 19th century. The range of topics discussed in the book includes linguistic and ethnocultural stereotypes, interaction of oral and written traditions, genesis of the rituals essential for the region, and the ways of implementing and transforming collective memory.

Keywords

borderland, vernacular tradition, stereotypes, rituals, religion

Вышедшая в 2023 г. коллективная монография содержит результаты многолетних полевых исследований, которые проводилась ее авторами в пограничных областях сразу трех стран: России (Смоленская область), Белоруссии и Польши (главным образом в Подляшье). Обследованный регион чрезвычайно интересен в силу ряда факторов — это многонациональность, многоконфессиональность и, наконец, значительные перемены, которые претерпевала эта область в ходе событий XX в. Все это, в свою очередь, накладывало отпечаток на народную традицию. В связи с этим в этнолингвистически ориентированных исследованиях, к которым относится данная коллективная монография, крайне важным представляется не только описание народной традиции региона, но и учет взаимных стереотипов, которые существуют у различных этносов в отношении друг друга. Кроме того, при интерпретации любых зафиксированных здесь фактов ключевым является рассмотрение явлений в динамике. Эти аспекты тщательно продуманы в книге, где даже на уровне представления материала сочетаются три типа источников: оригинальные полевые записи авторов, которые впервые вводятся в научный оборот; данные опубликованных источников; этнографические материалы из Государственного архива Смоленской области, относящиеся к концу XIX — началу XX в.

Монография состоит из четырех разделов, причем у первого раздела один автор (О. В. Белова), у второго и третьего — два (О. В. Белова и А. Б. Мороз), а у четвертого — три (О. В. Белова, А. Б. Мороз, М. В. Ясинская). Книга выстроена по принципу «наведения фокуса читательского внимания», от общего к частному. В первых ее разделах рассматриваются теоретические вопросы, важные для понимания этнокультурных процессов в регионе, фиксируются общие тенденции в заявленной проблематике, однако уже в последующих главах чем далее, тем более проявляет себя анализ конкретного полевого материала.

В первом разделе, «Язык пограничья как средство коммуникации и стереотипизации», рассматривается ключевое для обследованной области понятие стереотипии. Раздел полностью создан О. В. Беловой и состоит из трех частей. В первой («Человек в системе языковых и этнокультурных стереотипов») этнические и конфессиональные стереотипы анализируются на материале текстов традиционной народной культуры. Предметом исследовательского интереса здесь служат фрагменты народной фразеологии и паремиологии, в которых представлен образ иноязыковых и иноэтничных соседей (в данном случае евреев).

Стереотипизация «чужого» в языке народной культуры находит свое выражение прежде всего во внутренней форме соответствующих календарных терминов, в устойчивых сравнениях, где предметный код также активизирует определенные стереотипы в отношении «чужих», в зафиксированных свидетельствах о характере профессионального взаимодействия евреев и не-евреев. На материале нарративов о различных обрядах подробно разбираются стереотипные трактовки «чужой» обрядности, способы взаимодействия в обряде представителей разных этносов — причем речь идет уже не только о евреях, но также о цыганах, украинцах, белорусах. Отдельную ценность представляет глава «Трансформация стереотипов: перераспределение признаков», в которой демонстрируется трансформация образа «чужого» за последние годы: автор показывает, как в погребально-поминальных практиках происходит подмена общего знания личным опытом и возникает определенное сближение «своего» и «чужого».

Следующая глава, «Этнолингвистический аспект восприятия “чужого” языка в народной культуре славян», создана на основе полевых записей из региона, сделанных авторами монографии за последние годы, причем материал этот двоякого характера: в подборку вошли как легенды о возникновении языков, так и нарративы о контактах с соседними этносами, о восприятии их речи. Здесь рассматриваются основные народные представления о различных языках, о разных наречиях одного языка, о нечеловеческом и о магическом языке.

Третья глава («Освоение пространства языка: между “своим” и “чужим”») посвящена нарративам, записанным непосредственно от евреев региона. Здесь же представлен анализ этих нарративов, отражающих различные аспекты «наивной лингвистики», в частности, представление мифа о Вавилонской башне, положившей начало языковой разобщенности; трактовка характера языкового родства между немецким языком, идишем и ивритом; в целом оценка идиша и иврита как языковых идиомов; иерархия языков, которыми владеют либо владели информанты и их окружение (как в конкретных языковых ситуациях прошлого и настоящего, так и в сознании самих информантов); освоение славянами идиша vs. евреями — славянских языков; коммуникация евреев с некровными родственниками славянского происхождения; воспоминания евреев об утраченных языковых компетенциях в родном языке. Все эти материалы впервые вводят в научный оборот большие фрагменты полевых записей, а также дают возможность оценить их в системе современных научных представлений.

Второй раздел монографии («Сакральный язык — литургический язык. Письменное и устное бытование») посвящен взаимодействию между устной и письменной речью в регионе, что особенно важно с учетом поликонфессиональности этих территорий. В нем предметом анализа стало восприятие жителями письменных текстов, часто имеющих сакральный характер, а также случаи фиксации в записях непрофессиональных лингвистов элементов живой речи. Авторами раздела являются А. Б. Мороз (первая и вторая главы) и О. В. Белова (третья и четвертая). Первая глава («Паралитургическая рукописная традиция в современном фольклоре конфессионального пограничья») представляет анализ оригинального рукописного памятника, обнаруженного автором во время экспедиции в польское Подлясье: нескольких тетрадей, в которых житель села Яков Богацевич записал тексты Псалтири и паралитургических песнопений. Подробно

рассматриваются состав собрания песнопений, их текстологические и жанровые особенности; анализируются векторы влияния церковнославянского и польского языков на русский и украинский язык представленных текстов.

Во второй главе, основанной уже на полевых записях, интерпретируется специфическая рецепция современными верующими церковнославянского языка. Приведенные фрагменты текстов охватывают как русско-украинско-белорусское пограничье, так и русский Север. Отдельно описываются способы обозначения информантами языка, на котором ведется богослужение; трактовки его сакрального статуса; пути трансформации в текстах церковнославянизмов при устной передаче молитв; ситуации, в которых подобные тексты могут использоваться.

В третьей главе на базе записанных нарративов автор рассматривает восприятие в иноэтничном и иноконфессиональном окружении чужих сакральных текстов. Важными здесь являются отношение к Талмуду и в целом к еврейским книгам; к молитвам на чужих языках; функционирование сакральных текстов у представителей иных конфессий. Отдельно и подробно исследуется еврейская лексика в славянских фольклорных текстах: сюда включены как заимствования в терминологии традиционной духовной культуры, так и фрагменты формульного характера в обрядовых текстах.

Четвертая глава основана на архивных материалах конца XIX в. из фондов И. И. Орловского¹ (Государственный архив Смоленской области — ГАСО, ф. 391). В фокусе исследовательского внимания находятся локальные диалектные словари, составленные по его просьбе местными приходскими священниками, анализируется их состав, способ представления лексического материала, разного характера пометы, в том числе включение в тексты элементов «чужого языка».

В третьем разделе («Вербальный и акциональный код обрядового текста»), авторами которого также являются О. В. Белова и А. Б. Мороз, исследователи переходят от слова письменного к слову устному и разбирают значимые фрагменты записей народных традиций региона.

Первая глава посвящена западнорусскому / белорусскому обряду «свеча»: несмотря на его хорошую изученность именно на полевом материале, в анализе здесь учитываются новые, собственные полевые данные авторов монографии, а также материалы фондов ГАСО и Архива Литературного музея Смоленского государственного университета, минимально привлекавшиеся ранее. Описывается время и место исполнения обряда, главный обрядовый предмет, специфика его антропоморфизма, важные для обряда объекты (зерно и хлеб); существенные акциональные элементы обряда — перенесение свечи и последующая трапеза; социальная стратификация участников обряда; произносимые при этом тексты; динамика традиции; мотивация исполнения обряда; вторичное использование основного обрядового предмета. Отдельно и подробно анализируется география распространения обряда. На основании архивных записей и собственных полевых материалов авторы существенно верифицируют географию распространения обряда. Далее рассмотрены его семантика и генезис: авторы приходят к выводу, что его возникновение обусловлено самой средой, где сосуществовали различные конфессии, причем значительным здесь является влияние католической

¹ И. И. Орловский (1869–1909) — смоленский священник и краевед.

традиции. Глава содержит обширное приложение, в котором впервые вводятся в научный оборот архивные материалы начала XX в., а также расшифровки оригинальных полевых материалов, сделанных уже в XXI в. (в 2010-е гг.).

В следующей главе, которая написана О. В. Беловой, рассматриваются два специфических смоленских термина: наименование праздника *ушестье* и обозначение участниц ритуала *авдотки*. Автор анализирует историю появления этих терминов сперва в региональной периодике середины — конца XIX в. и затем в этнографических и лексикографических изданиях. Отдельную исследовательскую ценность представляют контексты употребления терминов, как собственно лингвистический, так и экстралингвистический, а также возможная трансформация фонетического облика и варианты смыслового наполнения.

Следующая глава посвящена поверьям о трансформации воды в Ильин день, когда она становится непригодной для купания: рассматриваются существа, которые могут портить воду, совершаемые ими конкретные действия. Здесь же делаются предположения о генезисе поверья и связи его с легендой о принесении оленя в жертву в престольный праздник. В четвертой главе раздела дается интерпретация некоторым локальным демононимам (*лизун, ханун, мат*), зафиксированным создателями монографии в ходе полевых обследований на Смоленщине, а также в смоленских архивах, и картографируются точечные ареалы распространения терминов.

Четвертый раздел коллективной монографии («Письменное слово и коллективная память», авторы — О. В. Белова, А. Б. Мороз, М. В. Ясинская) как бы замыкает в кольцо основные темы монографии — письменность, многоконфессиональность, локальную память. При этом в аналитическом плане этот раздел является наиболее «конкретным» во всей книге, поскольку посвящен анализу одного типа языкового материала в отдельном регионе.

В первой главе анализируется мемориальная эпиграфика польско-белорусского пограничья, как в контексте локальной истории, так и в аспекте частных, семейных сюжетов, связанных с обстоятельствами смерти конкретного лица. Во второй главе рассматриваются эпитафии, а именно — надписи на надгробных памятниках польского Подляшья. В этом разделе акцент сделан на собственно лингвистическом аспекте: анализируется структура эпитафии, специфика ее графического варьирования (например, нередко даже в пределах одного слова могут смешиваться латиница и кириллица). Авторы фиксируют и анализируют случаи языковой архаизации в текстах надгробных надписей.

Следующая глава опять-таки посвящена эпитафиям: на этот раз авторы исследуют аббревиатуры и формулы в надгробных надписях Подляшья; в разделе приводятся фотографии надгробий из региона, сделанные авторами.

Наконец, четвертый раздел посвящен специфике варьирования антропонимов и топонимов в эпиграфике Подляшья. Исследователи в данном случае стремятся проследить векторы влияния на тексты эпитафий литературных языков: русского, украинского и белорусского, а также польского языка, имеющего в регионе статус государственного.

Книга чрезвычайно богата по охвату представленного материала. Подобная многослойность делает высказываемые положения максимально верифицируемыми и при этом позволяет рассматривать явления в динамике, что особенно

важно с учетом специфики региона. Поликонфессиональность региона делает необходимым параллельное рассмотрение устной и письменной традиций обследованной авторами территории: исследовательскому коллективу важно продемонстрировать взаимовлияние и взаимопроникновение устного и письменного слова. Не менее существенным здесь является широкий пространственный контекст: привлекаемые к сопоставлению данные из иных регионов, прежде всего российских, позволяют четче выявить специфику отдельных культурно-языковых феноменов. Само понятие границы, определяющее тематику монографии и отбор материала, является здесь многоплановым. Речь идет о целой совокупности демаркационных линий, лишь частично пересекающихся: границах государственных, этнокультурных, языковых и конфессиональных. Тем самым описываемая в монографии традиция является приграничной и в некоторой степени транграничной.

Главной движущей силой развития общего сюжета книги становится тема памяти. Изменения приводили к утрате частью жителей региона своей идентичности. После исчезновения еврейского этноса с мест традиционного поселения соседи продолжают хранить память о нем, причем происходит частичное переосмысление прежних стереотипов; трансформации претерпевают также обрядовые практики. Не менее значимыми для авторов являются способы фиксации жителями региона памяти языковой и конфессиональной. В данном смысле абсолютно логичным представляется раздел про эпитафии в качестве завершающего, поскольку данные тексты являются квинтэссенцией памяти и вместе с тем в них сконцентрирована языковая вариативность региона. Еще одним ключевым для монографии мотивом, взаимосвязанным с темой памяти, является дихотомия устного и письменного слова, вынесенная в заглавие книги.

Монография представляет интерес для широкого круга специалистов. Она может быть полезна историкам, этнографам, этнолингвистам и социолингвистам, культурологам, социологам и в целом всем, кто интересуется славяно-неславянскими контактами и регионом как таковым. Высказанные в монографии наблюдения ввиду пластичности и многоплановости исследуемого материала имеют большую объяснительную ценность. Сама методология исследования, намеченная в конкретных разделах и главах, может быть экстраполирована на материал других регионов Восточной и Центральной Европы, где также имели место контакты славянских этносов с неславянскими: это касается, в частности, славяно-немецкого и славяно-венгерского пограничья, славянских анклавов в Австрии и Венгрии, и других областей Славии со смешанным населением.

Дарья Юрьевна Ващенко, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН,
119334, Москва, Ленинский просп., д. 32-А
Россия / Russia
daranis@mail.ru

Received September 14, 2025

Периодическое издание

SLOVĚNE - СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 15. № 1

Институт славяноведения РАН,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
2026

Подписано в печать 27 • VIII • 2026 г. Формат 70×100/16.
Объем 19,2 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119334, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.